UNE ✦ SACRA

Древняя Греция

Илиада

✦ ✦ ✦

Гомер

Н. И. Гнедич (1829)

Сведения

Автор	Гомер
Дата	VIII век до н. э.
Язык оригинала	Древнегреческий
Версия	Н. И. Гнедич (1829)
Издание	1
Перевод	Николай Иванович Гнедич
Источник	Викитека — Гомер, Илиада, пер. Н. И. Гнедича (1829)
Лицензия	CC BY-NC-SA 4.0 · оригинал: Public domain

О тексте:

Эпическая поэма, приписываемая Гомеру и созданная около VIII века до н. э. В 24 песнях она повествует о гневе Ахилла на десятом году Троянской войны: о его ссоре с Агамемноном, гибели Патрокла, поединке с Гектором и выкупе тела троянского героя Приамом. Это основополагающее произведение греческой литературы и один из главных источников сведений о богах и героях классической мифологии.

Исполнявшаяся сказителями на протяжении столетий до того, как была зафиксирована письменно, она служила для греков главным школьным учебником и авторитетным источником во всем — от религии до военного дела; Александр Македонский, по свидетельству Плутарха, спал со списком поэмы под подушкой. Существовал ли Гомер и принадлежат ли обе поэмы одному автору (так называемый «гомеровский вопрос»), остается предметом споров. Ее темы — слава и смерть, гнев и сострадание — пронизывают всю западную литературу.

Источник: https://ru.wikisource.org/wiki/Илиада_(Гомер;_Гнедич)

Условия использования этой версии см. в указанном выше источнике. Оформление этого файла принадлежит Une Sacra (CC BY-NC-SA 4.0); текст сохраняет лицензию, указанную выше.

Электронное издание подготовлено 26 ноября 2026 г. библиотекой Une Sacra, открытой библиотекой священных текстов. · UneSacra.com

Содержание

Песнь I

Песнь II

Песнь III

Песнь IV

Песнь V

Песнь VI

Песнь VII

Песнь VIII

Песнь IX

Песнь X

Песнь XI

Песнь XII

Песнь XIII

Песнь XIV

Песнь XV

Песнь XVI

Песнь XVII

Песнь XVIII

Песнь XIX

Песнь XX

Песнь XXI

Песнь XXII

Песнь XXIII

Песнь XXIV

ПЕСНЬ I

✦

1-7 Гнев, богиня, воспой Ахиллеса, Пелеева сына,
Грозный, который ахеянам тысячи бедствий соделал:
Многие души могучие славных героев низринул
В мрачный Аид и самих распростер их в корысть плотоядным
Птицам окрестным и псам (совершалася Зевсова воля), —
С оного дня, как, воздвигшие спор, воспылали враждою
Пастырь народов Атрид и герой Ахиллес благородный.

8-11 Кто ж от богов бессмертных подвиг их к враждебному спору?
Сын громовержца и Леты — Феб, царем прогневленный,
Язву на воинство злую навел; погибали народы
В казнь, что Атрид обесчестил жреца непорочного Хриса.

12-17 Старец, он приходил к кораблям быстролетным ахейским
Пленную дочь искупить и, принесши бесчисленный выкуп
И держа в руках, на жезле золотом, Аполлонов
Красный венец, умолял убедительно всех он ахеян,
Паче ж Атридов могучих, строителей рати ахейской:
«Чада Атрея и пышнопоножные мужи ахейцы!

18-21 О! да помогут вам боги, имущие домы в Олимпе,
Град Приамов разрушить и счастливо в дом возвратиться;
Вы ж свободите мне милую дочь и выкуп примите,
Чествуя Зевсова сына, далеко разящего Феба».

22-24 Все изъявили согласие криком всеобщим ахейцы
Честь жрецу оказать и принять блистательный выкуп;
Только царя Агамемнона было то не любо сердцу;

25-27 Гордо жреца отослал и прирек ему грозное слово:
«Старец, чтоб я никогда тебя не видал пред судами!
Здесь и теперь ты не медли и впредь не дерзай показаться!

28-31 Или тебя не избавит ни скиптр, ни венец Аполлона.
Деве свободы не дам я; она обветшает в неволе,
В Аргосе, в нашем дому, от тебя, от отчизны далече —
Ткальный стан обходя или ложе со мной разделяя.

32-34 Прочь удались и меня ты не гневай, да здрав возвратишься!»
Рек он; и старец трепещет и, слову царя покоряся,
Идет, безмолвный, по брегу немолчношумящей пучины.

35-42 Там, от судов удалившися, старец взмолился печальный
Фебу царю, лепокудрыя Леты могущему сыну:
«Бог сребролукий, внемли мне: о ты, что, хранящий, обходишь
Хрису, священную Киллу и мощно царишь в Тенедосе,
Сминфей! если когда я храм твой священный украсил,
Если когда пред тобой возжигал я тучные бедра
Коз и тельцов, — услышь и исполни одно мне желанье:
Слезы мои отомсти аргивянам стрелами твоими!»

43-45 Так вопиял он, моляся; и внял Аполлон сребролукий:
Быстро с Олимпа вершин устремился, пышущий гневом,
Лук за плечами неся и колчан, отовсюду закрытый;

46-48 Громко крылатые стрелы, биясь за плечами, звучали
В шествии гневного бога: он шествовал, ночи подобный.
Сев наконец пред судами, пернатую быструю мечет;

49-51 Звон поразительный издал серебряный лук стреловержца.
В самом начале на месков напал он и псов празднобродных;
После постиг и народ, смертоносными прыща стрелами;

52-54 Частые трупов костры непрестанно пылали по стану.
Девять дней на воинство божие стрелы летали;
В день же десятый Пелид на собрание созвал ахеян.

55-60 В мысли ему то вложила богиня державная Гера:
Скорбью терзалась она, погибающих видя ахеян.
Быстро сходился народ, и, когда воедино собрался,
Первый, на сонме восстав, говорил Ахиллес быстроногий:
«Должно, Атрид, нам, как вижу, обратно исплававши море,
В домы свои возвратиться, когда лишь от смерти спасемся.

61-64 Вдруг и война, и погибельный мор истребляет ахеян.
Но испытаем, Атрид, и вопросим жреца, иль пророка,
Или гадателя снов (и сны от Зевеса бывают):
Пусть нам поведают, чем раздражен Аполлон небожитель?

65-67 Он за обет несвершенный, за жертву ль стотельчую гневен?
Или от агнцев и избранных коз благовонного тука
Требует бог, чтоб ахеян избавить от пагубной язвы?»

68-72 Так произнесши, воссел Ахиллес; и мгновенно от сонма
Калхас восстал Фесторид, верховный птицегадатель.
Мудрый, ведал он все, что минуло, что есть и что будет,

И ахеян суда по морям предводил к Илиону
Даром предвиденья, свыше ему вдохновенным от Феба.

73-75 Он, благомыслия полный, речь говорил и вещал им:
«Царь Ахиллес! возвестить повелел ты, любимец Зевеса,
Праведный гнев Аполлона, далеко разящего бога?

76-79 Я возвещу; но и ты согласись, поклянись мне, что верно
Сам ты меня защитить и словами готов и руками.
Я опасаюсь, прогневаю мужа, который верховный
Царь аргивян и которому все покорны ахейцы.

80-83 Слишком могуществен царь, на мужа подвластного гневный:
Вспыхнувший гнев он на первую пору хотя и смиряет,
Но сокрытую злобу, доколе ее не исполнит,
В сердце хранит. Рассуди ж и ответствуй, заступник ли ты мне?»

84-91 Быстро ему отвечая, вещал Ахиллес благородный:
«Верь и дерзай, возвести нам оракул, какой бы он ни был!
Фебом клянусь я, Зевса любимцем, которому, Калхас,
Молишься ты, открывая данаям вещания бога:
Нет, пред судами никто, покуда живу я и вижу,
Рук на тебя дерзновенных, клянуся, никто не подымет
В стане ахеян; хотя бы назвал самого ты Атрида,
Властию ныне верховной гордящегось в рати ахейской».

92-95 Рек он; и сердцем дерзнул, и вещал им пророк непорочный:
«Нет, не за должный обет, не за жертву стотельчую гневен
Феб, но за Хриса жреца: обесчестил его Агамемнон,
Дщери не выдал ему и моленье и выкуп отринул.

96-100 Феб за него покарал, и бедами еще покарает,
И от пагубной язвы разящей руки не удержит
Прежде, доколе к отцу не отпустят, без платы, свободной
Дщери его черноокой и в Хрису святой не представят
Жертвы стотельчей; тогда лишь мы бога на милость преклоним».

101-104 Слово скончавши, воссел Фесторид; и от сонма воздвигся
Мощный герой, пространно-властительный царь Агамемнон,
Гневом волнуем; ужасной в груди его мрачное сердце
Злобой наполнилось; очи его засветились, как пламень.

105-107 Калхасу первому, смотря свирепо, вещал Агамемнон:
«Бед предвещатель, приятного ты никогда не сказал мне!
Радостно, верно, тебе человекам беды лишь пророчить;

108-115 Доброго слова еще ни измолвил ты нам, ни исполнил.
Се, и теперь ты для нас как глагол проповедуешь бога,
Будто народу беды дальномечущий Феб устрояет,
Мстя, что блестящих даров за свободу принять Хрисеиды
Я не хотел; но в душе я желал черноокую деву
В дом мой ввести; предпочел бы ее и самой Клитемнестре,
Девою взятой в супруги; ее Хрисеида не хуже
Прелестью вида, приятством своим, и умом, и делами!

116-119 Но соглашаюсь, ее возвращаю, коль требует польза:
Лучше хочу я спасение видеть, чем гибель народа.
Вы ж мне в сей день замените награду, да в стане аргивском
Я без награды один не останусь: позорно б то было;

120-122 Вы же то видите все — от меня отходит награда».
Первый ему отвечал Пелейон, Ахиллес быстроногий:
«Славою гордый Атрид, беспредельно корыстолюбивый!

123-125 Где для тебя обрести добродушным ахеям награду?
Мы не имеем нигде сохраняемых общих сокровищ:
Что в городах разоренных мы добыли, все разделили;

126-129 Снова ж, что было дано, отбирать у народа — позорно!
Лучше свою возврати, в угождение богу. Но после
Втрое и вчетверо мы, аргивяне, тебе то заплатим,
Если дарует Зевс крепкостенную Трою разрушить».

130-132 Быстро, к нему обратяся, вещал Агамемнон могучий:
«Сколько ни доблестен ты, Ахиллес, бессмертным подобный,
Хитро не умствуй: меня ни провесть, ни склонить не успеешь.

133-136 Хочешь, чтоб сам обладал ты наградой, а я чтоб, лишенный,
Молча сидел? и советуешь мне ты, чтоб деву я выдал?..
Пусть же меня удовольствуют новою мздою ахейцы,
Столько ж приятною сердцу, достоинством равною первой.

137-139 Если ж откажут, предстану я сам и из кущи исторгну
Или твою, иль Аяксову мзду, или мзду Одиссея;
Сам я исторгну, и горе тому, пред кого я предстану!

140-143 Но об этом беседовать можем еще мы и после.
Ныне черный корабль на священное море ниспустим,
Сильных гребцов изберем, на корабль гекатомбу поставим
И сведем Хрисеиду, румяноланитую деву.

144-146 В нем да воссядет начальником муж от ахеян советных,
Идоменей, Одиссей Лаэртид иль Аякс Теламонид
Или ты сам, Пелейон, из мужей в ополченье страшнейший!

147-149 Шествуй и к нам Аполлона умилостивь жертвой священной!»
Грозно взглянув на него, отвечал Ахиллес быстроногий:
«Царь, облеченный бесстыдством, коварный душою мздолюбец!

150-154 Кто из ахеян захочет твои повеления слушать?
Кто иль поход совершит, иль с враждебными храбро сразится?
Я за себя ли пришел, чтоб троян, укротителей коней,
Здесь воевать? Предо мною ни в чем не виновны трояне:
Муж их ни коней моих, ни тельцов никогда не похитил;

155-157 В счастливой Фтии моей, многолюдной, плодами обильной,
Нив никогда не топтал; беспредельные нас разделяют
Горы, покрытые лесом, и шумные волны морские.

158-162 Нет, за тебя мы пришли, веселим мы тебя, на троянах
Чести ища Менелаю, тебе, человек псообразный!
Ты же, бесстыдный, считаешь ничем то и все презираешь,
Ты угрожаешь и мне, что мою ты награду похитишь,
Подвигов тягостных мзду, драгоценнейший дар мне ахеян?..

163-168 Но с тобой никогда не имею награды я равной,
Если троянский цветущий ахеяне град разгромляют.
Нет, несмотря, что тягчайшее бремя томительной брани
Руки мои подымают, всегда, как раздел наступает,
Дар богатейший тебе, а я и с малым, приятным
В стан не ропща возвращаюсь, когда истомлен ратоборством.

169-171 Ныне во Фтию иду: для меня несравненно приятней
В дом возвратиться на быстрых судах; посрамленный тобою,
Я не намерен тебе умножать здесь добыч и сокровищ».

172-174 Быстро воскликнул к нему повелитель мужей Агамемнон:
«Что же, беги, если бегства ты жаждешь! Тебя не прошу я
Ради меня оставаться; останутся здесь и другие;

175-177 Честь мне окажут они, а особенно Зевс промыслитель.
Ты ненавистнейший мне меж царями, питомцами Зевса!
Только тебе и приятны вражда, да раздоры, да битвы.

178-180 Храбростью ты знаменит; но она дарование бога.
В дом возвратясь, с кораблями беги и с дружиной своею;
Властвуй своими фессальцами! Я о тебе не забочусь;

181-187 Гнев твой вменяю в ничто; а, напротив, грожу тебе так я:
Требует бог Аполлон, чтобы я возвратил Хрисеиду;
Я возвращу, — и в моем корабле и с моею дружиной
Деву пошлю; но к тебе я приду, и из кущи твоей Брисеиду
Сам увлеку я, награду твою, чтобы ясно ты понял,
Сколько я властию выше тебя, и чтоб каждый страшился
Равным себя мне считать и дерзко верстаться со мною!»

188-191 Рек он, — и горько Пелиду то стало: могучее сердце
В персях героя власатых меж двух волновалося мыслей:
Или, немедля исторгнувши меч из влагалища острый,
Встречных рассыпать ему и убить властелина Атрида;

192-198 Или свирепство смирить, обуздав огорченную душу.
В миг, как подобными думами разум и душу волнуя,
Страшный свой меч из ножон извлекал он, — явилась Афина,
С неба слетев; ниспослала ее златотронная Гера,
Сердцем любя и храня обоих брагоносцев; Афина,
Став за хребтом, ухватила за русые кудри Пелида,
Только ему лишь явленная, прочим незримая в сонме.

199-202 Он ужаснулся и, вспять обратяся, познал несомненно
Дочь громовержцеву: страшным огнем ее очи горели.
К ней обращенный лицом, устремил он крылатые речи:
«Что ты, о дщерь Эгиоха, сюда низошла от Олимпа?

203-205 Или желала ты видеть царя Агамемнона буйство?
Но реку я тебе, и реченное скоро свершится:
Скоро сей смертный своею гордынею душу погубит!»

206-208 Сыну Пелея рекла светлоокая дщерь Эгиоха:
«Бурный твой гнев укротить я, когда ты бессмертным покорен,
С неба сошла; ниспослала меня златотронная Гера;

209-211 Вас обоих равномерно и любит она, и спасает.
Кончи раздор, Пелейон, и, довольствуя гневное сердце,
Злыми словами язви, но рукою меча не касайся.

212-214 Я предрекаю, и оное скоро исполнено будет:
Скоро трикраты тебе знаменитыми столько ж дарами
Здесь за обиду заплатят: смирися и нам повинуйся».

215-218 К ней обращаяся вновь, говорил Ахиллес быстроногий:
«Должно, о Зевсова дщерь, соблюдать повеления ваши.
Как мой ни пламенен гнев, но покорность полезнее будет:
Кто бессмертным покорен, тому и бессмертные внемлют».

219-222 Рек, и на сребряном черене стиснул могучую руку
И огромный свой меч в ножны опустил, покоряся
Слову Паллады; Зевсова дочь вознеслася к Олимпу,
В дом Эгиоха отца, небожителей к светлому сонму.

223-225 Но Пелид быстроногий суровыми снова словами
К сыну Атрея вещал и отнюдь не обуздывал гнева:
«Грузный вином, со взорами песьими, с сердцем еленя!

226-228 Ты никогда ни в сраженье открыто стать перед войском,
Ни пойти на засаду с храбрейшими рати мужами
Сердцем твоим не дерзнул: для тебя то кажется смертью.

229-232 Лучше и легче стократ по широкому стану ахеян
Грабить дары у того, кто тебе прекословить посмеет.
Царь пожиратель народа! Зане над презренными царь ты, —
Или, Атрид, ты нанес бы обиду, последнюю в жизни!

233-242 Но тебе говорю, и великою клятвой клянуся,
Скипетром сим я клянуся, который ни листьев, ни ветвей
Вновь не испустит, однажды оставив свой корень на холмах,
Вновь не прозябнет, — на нем изощренная медь обнажила
Листья и кору, — и ныне который ахейские мужи
Носят в руках судии, уставов Зевесовых стражи, —
Скиптр сей тебе пред ахейцами будет великою клятвой:

Время придет, как данаев сыны пожелают Пелида
Все до последнего; ты ж, и крушася, бессилен им будешь
Помощь подать, как толпы их от Гектора мужеубийцы

243-246 Свергнутся в прах; и душой ты своей истерзаешься, бешен
Сам на себя, что ахейца храбрейшего так обесславил».
Так произнес, и на землю стремительно скипетр он бросил,
Вкруг золотыми гвоздями блестящий, и сел меж царями.

247-249 Против Атрид Агамемнон свирепствовал сидя; и Нестор
Сладкоречивый восстал, громогласный вития пилосский:
Речи из уст его вещих, сладчайшие меда, лилися.

250-252 Два поколенья уже современных ему человеков
Скрылись, которые некогда с ним возрастали и жили
В Пилосе пышном; над третьим уж племенем царствовал старец.

253-258 Он, благомыслия полный, советует им и вещает:
«Боги! великая скорбь на ахейскую землю приходит!
О! возликует Приам и Приамовы гордые чада,
Все обитатели Трои безмерно восхитятся духом,
Если услышат, что вы воздвигаете горькую распрю, —
Вы, меж данаями первые в сонмах и первые в битвах!

259-261 Но покоритесь, могучие! оба меня вы моложе,
Я уже древле видал знаменитейших вас брагоносцев;
С ними в беседы вступал, и они не гнушалися мною.

262-265 Нет, подобных мужей не видал я и видеть не буду,
Воев, каков Пирифой и Дриас, предводитель народов,
Грозный Эксадий, Кеней, Полифем, небожителям равный,

И рожденный Эгеем Тесей, бессмертным подобный!

266-268 Се человеки могучие, слава сынов земнородных!
Были могучи они, с могучими в битвы вступали,
С лютыми чадами гор, и сражали их боем ужасным.

269-272 Был я, однако, и с оными в дружестве, бросивши Пилос,
Дальную Апии землю: меня они вызвали сами.
Там я, по силам моим, подвизался; но с ними стязаться
Кто бы дерзнул от живущих теперь человеков наземных?

273-276 Но и они мой совет принимали и слушали речи.
Будьте и вы послушны: слушать советы полезно.
Ты, Агамемнон, как ни могущ, не лишай Ахиллеса
Девы: ему как награду ее даровали ахейцы.

277-279 Ты, Ахиллес, воздержись горделиво с царем препираться:
Чести подобной доныне еще не стяжал ни единый
Царь скиптроносец, которого Зевс возвеличивал славой.

280-284 Мужеством ты знаменит, родила тебя матерь-богиня;
Но сильнейший здесь он, повелитель народов несчетных.
Сердце смири, Агамемнон: я, старец, тебя умоляю,
Гнев отложи на Пелида героя, который сильнейший
Всем нам, ахейцам, оплот в истребительной брани троянской».

285-289 Быстро ему отвечал повелитель мужей, Агамемнон:
«Так, справедливо ты все и разумно, о старец, вещаешь;
Но человек сей, ты видишь, хочет здесь всех перевысить,
Хочет начальствовать всеми, господствовать в рати над всеми,
Хочет указывать всем; но не я покориться намерен.

290-294 Или, что храбрым его сотворили бессмертные боги,
Тем позволяют ему говорить мне в лицо оскорбленья?»
Гневно его перервав, отвечал Ахиллес благородный:
«Робким, ничтожным меня справедливо бы все называли,
Если б во всем, что ни скажешь, тебе угождал я, безмолвный.

295-299 Требуй того от других, напыщенный властительством; мне же
Ты не приказывай: слушать тебя не намерен я боле!
Слово иное скажу, и его сохрани ты на сердце:
В битву с оружьем в руках никогда за плененную деву
Я не вступлю, ни с тобой и ни с кем; отымайте, что дали!

300-303 Что ж до корыстей других, в корабле моем черном хранимых,
Противу воли моей ничего ты из них не похитишь!
Или, приди и отведай, пускай и другие увидят:
Черная кровь из тебя вкруг копья моего заструится!»

304-307 Так воеводы жестоко друг с другом словами сражаясь,
Встали от мест и разрушили сонм пред судами ахеян.
Царь Ахиллес к мирмидонским своим кораблям быстролетным
Гневный отшел, и при нем Менетид с мирмидонской дружиной.

308-311 Царь Агамемнон легкий корабль ниспустил на пучину,
Двадцать избрал гребцов, поставил на нем гекатомбу,
Дар Аполлону, и сам Хрисеиду, прекрасную деву,
Взвел на корабль: повелителем стал Одиссей многоумный;

312-314 Быстро они, устремяся, по влажным путям полетели.
Тою порою Атрид повелел очищаться ахейцам:
Все очищались они и нечистое в море метали.

315-317 После, избрав совершенные Фебу царю гекатомбы,
Коз и тельцов сожигали у брега бесплодного моря;
Туков воня до небес восходила с клубящимся дымом.

318-322 Так аргивяне трудилися в стане; но царь Агамемнон
Злобы еще не смирял и угроз не забыл Ахиллесу:
Он, призвав пред лицо Талфибия и с ним Эврибата,
Верных клевретов и вестников, так заповедовал, гневный:
«Шествуйте, верные вестники, в сень Ахиллеса Пелида;

323-325 За руки взяв, пред меня Брисеиду немедля представьте:
Если же он не отдаст, возвратитеся — сам я исторгну:
С силой к нему я приду, и преслушному горестней будет».

326-330 Так произнес и послал, заповедавши грозное слово.
Мужи пошли неохотно по берегу шумной пучины;
И, приближася к кущам и быстрым судам мирмидонов,
Там обретают его, перед кущей своею сидящим
В думе; пришедших увидя, не радость Пелид обнаружил.

331-334 Оба смутились они и в почтительном страхе к владыке
Стали, ни вести сказать, ни его вопросить не дерзая.
Сердцем своим то проник и вещал им Пелид благородный:
«Здравствуйте, мужи глашатаи, вестники бога и смертных!

335-337 Ближе предстаньте; ни в чем вы не винны, но царь Агамемнон!
Он вас послал за наградой моей, за младой Брисеидой.
Друг, благородный Патрокл, изведи и отдай Брисеиду;

338-342 Пусть похищают; но сами они же свидетели будут
И пред сонмом богов, и пред племенем всех человеков.
И пред царем сим неистовым, — ежели некогда снова
Нужда настанет во мне, чтоб спасти от позорнейшей смерти
Рать остальную... свирепствует, верно, он, ум погубивши;

343-345 Свесть настоящего с будущим он не умея, не видит,
Как при судах обеспечить спасение рати ахейской!»
Рек, и Менетиев сын покорился любезному другу.

346-354 За руку вывел из сени прекрасноланитую деву,
Отдал послам; и они удаляются к сеням ахейским;
С ними отходит печальная дева. Тогда, прослезяся,
Бросил друзей Ахиллес, и далеко от всех, одинокий,
Сел у пучины седой, и, взирая на понт темноводный,
Руки в слезах простирал, умоляя любезную матерь:
«Матерь! Когда ты меня породила на свет кратковечным,
Славы не должен ли был присудить мне высокогремящий
Зевс Эгиох? Но меня никакой не сподобил он чести!

355-358 Гордый могуществом царь, Агамемнон, меня обесчестил:
Подвигов бранных награду похитил и властвует ею!»
Так он в слезах вопиял; и услышала вопль его матерь,
В безднах сидящая моря, в обители старца Нерея.

359-363 Быстро из пенного моря, как легкое облако, вышла,
Села близ милого сына, струящего горькие слезы;
Нежно ласкала рукой, называла и так говорила:

«Что ты, о сын мой, рыдаешь? Какая печаль посетила
Сердце твое? не скрывайся, поведай, да оба мы знаем».

364-366 Ей, тяжело застонав, отвечал Ахиллес быстроногий:
«Знаешь, о матерь: почто тебе, знающей все, возвещать мне?
Мы на священные Фивы, на град Этионов ходили;

367-369 Град разгромили, и все, что ни взяли, представили стану;
Все меж собою, как должно, ахеян сыны разделили:
Сыну Атрееву Хрисову дочь леповидную дали.

370-375 Вскоре Хрис, престарелый священник царя Аполлона,
К черным предстал кораблям аргивян меднобронных, желая
Пленную дочь искупить; и, принесши бесчисленный выкуп
И держа в руках, на жезле золотом, Аполлонов
Красный венец, умолял убедительно всех он ахеян,
Паче ж Атридов могучих, строителей рати ахейской.

376-379 Все изъявили согласие криком всеобщим ахейцы
Честь жрецу оказать и принять блистательный выкуп;
Но Атриду царю, одному, не угодно то было:
Гордо жреца он отринул, суровые речи вещая.

380-385 Жрец огорчился и вспять отошел; но ему сребролукий
Скоро молящемусь внял, Аполлону любезен был старец:
Внял и стрелу истребленья послал на данаев; народы
Гибли, толпа на толпе, и бессмертного стрелы летали
С края на край по широкому стану. Тогда прорицатель,
Калхас премудрый, поведал священные Феба глаголы.

386-388 Первый советовал я укротить раздраженного бога.
Гневом вспылал Агамемнон и, с места, свирепый, воспрянув,
Начал словами грозить, и угрозы его совершились!

389-392 В Хрису священника дщерь быстроокие чада ахеян
В легком везут корабле и дары примирения богу.
Но недавно ко мне приходили послы и из кущи
Брисову дщерь увели, драгоценнейший дар мне ахеян!

393-395 Матерь! когда ты сильна, заступися за храброго сына!
Ныне ж взойди на Олимп и моли всемогущего Зевса,
Ежели сердцу его угождала ты словом иль делом.

396-400 Часто я в доме родителя, в дни еще юности, слышал,
Часто хвалилася ты, что от Зевса, сгустителя облак,
Ты из бессмертных одна отвратила презренные козни,
В день, как отца оковать олимпийские боги дерзнули,
Гера и царь Посейдаон и с ними Афина Паллада.

401-405 Ты, о богиня, представ, уничтожила ковы на Зевса;
Ты на Олимп многохолмный призвала сторукого в помощь,
Коему имя в богах Бриарей, Эгеон — в человеках:
Страшный титан, и отца своего превышающий силой,
Он близ Кронида воссел, и огромный, и славою гордый.

406-410 Боги его ужаснулись и все отступили от Зевса.
Зевсу напомни о том и моли, обнимая колена,
Пусть он, отец, возжелает в боях поборать за пергамлян,
Но аргивян, утесняя до самых судов и до моря,
Смертью разить, да своим аргивяне царем насладятся;

411-414 Сам же сей царь многовластный, надменный Атрид, да познает,
Сколь он преступен, ахейца храбрейшего так обесчестив».
Сыну в ответ говорила Фетида, лиющая слезы:
«Сын мой! Почто я тебя воспитала, рожденного к бедствам!

415-417 Даруй, Зевес, чтобы ты пред судами без слез и печалей
Мог оставаться. Краток твой век, и предел его близок!
Ныне ты вместе — и всех кратковечней, и всех злополучней!

418-420 В злую годину, о сын мой, тебя я в дому породила!
Но вознесусь на Олимп многоснежный; метателю молний
Все я поведаю, Зевсу: быть может, вонмет он моленью.

421-424 Ты же теперь оставайся при быстрых судах мирмидонских,
Гнев на ахеян питай и от битв удержись совершенно.
Зевс громовержец вчера к отдаленным водам Океана
С сонмом бессмертных на пир к эфиопам отшел непорочным;

425-427 Но в двенадцатый день возвратится снова к Олимпу;
И тогда я пойду к медноздданному Зевсову дому,
И к ногам припаду, и царя умолить уповаю».

428-431 Слово скончала и скрылась, оставя печального сына,
В сердце питавшего скорбь о красноопоясанной деве,
Силой Атрида отъятой. Меж тем Одиссей велемудрый
Хрисы веселой достиг с гекатомбой священною Фебу.

432-435 С шумом легкий корабль вбежал в глубодонную пристань,
Все паруса опустили, сложили на черное судно,
Мачту к гнезду притянули, поспешно спустив на канатах,
И корабль в пристанище дружно пригнали на веслах.

436-439 Там они котвы бросают, причалы к пристанищу вяжут,
И с дружиною сами сходят на берег пучины,
И низводят тельцов, гекатомбу царю Аполлону,
И вослед Хрисеида на отчую землю нисходит.

440-445 Деву тогда к алтарю повел Одиссей благородный,
Старцу в объятия отдал и словом приветствовал мудрым:
«Феба служитель! Меня посылает Атрид Агамемнон
Дочерь тебе возвратить, и Фебу царю гекатомбу
Здесь за данаев принесть, да преклоним на милость владыку,
В гневе на племя данаев пославшего тяжкие бедства».

446-449 Рек, и вручил Хрисеиду, и старец с веселием обнял
Милую дочь. Между тем гекатомбную славную жертву
Вкруг алтаря велелепного стройно становят ахейцы,
Руки водой омывают и соль и ячмень подымают.

450-452 Громко Хрис возмолился, горе воздевающий руки:
«Феб сребролукий, внемли мне! о ты, что хранящий обходишь
Хрису, священную Киллу и мощно царишь в Тенедосе!

453-456 Ты благосклонно и прежде, когда я молился, услышал
И прославил меня, поразивши бедами ахеян;
Так же и ныне услышь и исполни моление старца:
Ныне погибельный мор отврати от народов ахейских».

457-461 Так он взывал, — и услышал его Аполлон сребролукий.
Кончив молитву, ячменем и солью осыпали жертвы,
Выи им подняли вверх, закололи, тела освежили,

Бедра немедля отсекли, обрезанным туком покрыли
Вдвое кругом и на них положили останки сырые.

462-466 Жрец на дровах сожигал их, багряным вином окропляя;
Юноши окрест его в руках пятизубцы держали.
Бедра сожегши они и вкусивши утроб от закланных,
Все остальное дробят на куски, прободают рожнами,
Жарят на них осторожно и, все уготовя, снимают.

467-471 Кончив заботу сию, ахеяне пир учредили;
Все пировали, никто не нуждался на пиршестве общем;
И когда питием и пищею глад утолили,
Юноши, паки вином наполнивши доверху чаши,
Кубками всех обносили, от правой страны начиная.

472-474 Целый ахеяне день ублажали пением бога;
Громкий пеан Аполлону ахейские отроки пели,
Славя его, стреловержца, и он веселился, внимая.

475-478 Солнце едва закатилось и сумрак на землю спустился,
Сну предалися пловцы у причал мореходного судна.
Но лишь явилась Заря розоперстая, вестница утра,
В путь поднялися обратный к широкому стану ахейцы.

479-482 С места попутный им ветер послал Аполлон сребролукий.
Мачту поставили, парусы белые все распустили;
Средний немедленно ветер надул, и, поплывшему судну,
Страшно вкруг киля его зашумели пурпурные волны;

483-487 Быстро оно по волнам, бразды оставляя, летело.
После, как скоро достигли ахейского ратного стана,
Черное судно они извлекли на покатую сушу
И, высоко, на песке, подкативши огромные бревна,
Сами рассеялись вдруг по своим кораблям и по кущам.

488-492 Он между тем враждовал, при судах оставаяся черных,
Зевсов питомец, Пелид Ахиллес, быстроногий ристатель.
Не был уже ни в советах, мужей украшающих славой,
Не был ни в грозных боях; сокрушающий сердце печалью,
Праздный сидел; но душою алкал он и брани и боя.

493-497 С оной поры наконец двенадцать денниц совершилось,
И на светлый Олимп возвратилися вечные боги
Все совокупно; предшествовал Зевс. Не забыла Фетида
Сына молений; рано возникла из пенного моря,
С ранним туманом взошла на великое небо, к Олимпу;

498-504 Там, одного восседящего, молний метателя Зевса
Видит на самой вершине горы многоверхой, Олимпа;
Близко пред ним восседает и, быстро обнявши колена
Левой рукою, а правой подбрадия тихо касаясь,
Так говорит, умоляя отца и владыку бессмертных:
«Если когда я, отец наш, тебе от бессмертных угодна
Словом была или делом, исполни одно мне моленье!

505-507 Сына отмсти мне, о Зевс! кратковечнее всех он данаев;
Но его Агамемнон, властитель мужей, обесславил:
Сам у него и похитил награду, и властвует ею.

508-510 Но отомсти его ты, промыслитель небесный, Кронион!
Ратям троянским даруй одоленье, доколе ахейцы
Сына почтить не предстанут и чести его не возвысят».

511-516 Так говорила; но, ей не ответствуя, тучегонитель
Долго безмолвный сидел; а она, как объяла колена,
Так и держала, припавши, и снова его умоляла:
«Дай непреложный обет, и священное мание сделай,
Или отвергни: ты страха не знаешь; реки, да уверюсь,
Всех ли презреннейшей я меж бессмертных богинь остаюся».

517-519 Ей, воздохнувши глубоко, ответствовал тучегонитель:
«Скорбное дело, ненависть ты на меня возбуждаешь
Геры надменной: озлобит меня оскорбительной речью;

520-524 Гера и так непрестанно, пред сонмом бессмертных, со мною
Спорит и вопит, что я за троян побораю во брани.
Но удалися теперь, да тебя на Олимпе не узрит
Гера; о прочем заботы приемлю я сам и исполню:
Зри, да уверена будешь, — тебе я главой помаваю.

525-527 Се от лица моего для бессмертных богов величайший
Слова залог: невозвратно то слово, вовек непреложно,
И не свершиться не может, когда я главой помаваю».

528-532 Рек, и во знаменье черными Зевс помавает бровями:
Быстро власы благовонные вверх поднялись у Кронида
Окрест бессмертной главы, и потрясся Олимп многохолмный...
Так совещались они и расстались. Быстро Фетида
Ринулась в бездну морскую с блистательных высей Олимпа;

533-535 Зевс возвратился в чертог, и боги с престолов восстали
В встречу отцу своему; не дерзнул ни один от бессмертных
Сидя грядущего ждать, но во стретенье все поднялися.

536-538 Там Олимпиец на троне воссел; но владычица Гера
Все познала, увидя, как с ним полагала советы
Старца пучинного дочь, среброногая матерь Пелида.

539-543 Быстро, с язвительной речью, она обратилась на Зевса:
«Кто из бессмертных с тобою, коварный, строил советы?
Знаю, приятно тебе от меня завсегда сокровенно
Тайные думы держать; никогда ты собственной волей
Мне не решился поведать ни слова из помыслов тайных!»

544-546 Ей отвечал повелитель, отец и бессмертных и смертных:
«Гера, не все ты ласкайся мои решения ведать;
Тягостны будут тебе, хотя ты мне и супруга!

547-550 Что невозбранно познать, никогда никто не познает
Прежде тебя, ни от сонма земных, ни от сонма небесных.
Если ж один, без богов, восхощу я советы замыслить,
Ты ни меня вопрошай, ни сама не изведывай оных».

551-554 К Зевсу воскликнула вновь волоокая Гера богиня:
«Тучегонитель! какие ты речи, жестокий, вещаешь?
Я никогда ни тебя вопрошать, ни сама что изведать
Век не желала; спокойно всегда замышляешь, что хочешь.

555-557 Я и теперь об одном трепещу, да тебя не преклонит
Старца пучинного дочь, среброногая матерь Пелида:
Рано воссела с тобой и колена твои обнимала;

558-561 Ей помавал ты, как я примечаю, желая Пелида
Честь отомстить и толпы аргивян истребить пред судами».
Гере паки ответствовал тучегонитель Кронион:
«Дивная! все примечаешь ты, вечно меня соглядаешь!

562-564 Но произвесть ничего не успеешь; более только
Сердце мое отвратишь, и тебе то ужаснее будет!
Если соделалось так, — без сомнения, мне то угодно!

565-567 Ты же безмолвно сиди и глаголам моим повинуйся!
Или тебе не помогут ни все божества на Олимпе,
Если, восстав, наложу на тебя необорные руки».

568-570 Рек; устрашилась его волоокая Гера богиня
И безмолвно сидела, свое победившая сердце.
Смутно по Зевсову дому вздыхали небесные боги.

571-574 Тут олимпийский художник, Гефест, беседовать начал,
Матери милой усердствуя, Гере лилейнораменной:
«Горестны будут такие дела, наконец нестерпимы,
Ежели вы и за смертных с подобной враждуете злобой!

575-579 Ежели в сонме богов воздвигаете смуту! Исчезнет
Радость от пиршества светлого, ежели зло торжествует!
Матерь, тебя убеждаю, хотя и сама ты премудра,
Зевсу царю окажи покорность, да паки бессмертный
Гневом не грянет и нам не смутит безмятежного пира.

580-583 Если восхощет отец, Олимпиец, громами блестящий,
Всех от престолов низвергнет: могуществом всех он превыше!
Матерь, потщися могучего сладкими тронуть словами,

И немедленно к нам Олимпиец милостив будет».

584-586 Так произнес и, поднявшись, блистательный кубок двудонный
Матери милой подносит и снова так ей вещает:
«Милая мать, претерпи и снеси, как ни горестно сердцу!

587-589 Сыну толико драгая, не дай на себе ты увидеть
Зевса ударов; бессилен я буду, хотя и крушася,
Помощь подать: тяжело Олимпийцу противиться Зевсу!

590-593 Он уже древле меня, побужденного сердцем на помощь,
Ринул, за ногу схватив, и низвергнул с небесного прага:
Несся стремглав я весь день и с закатом блестящего солнца
Пал на божественный Лемнос, едва сохранивший дыханье.

594-596 Там синтийские мужи меня дружелюбно прияли».
Рек; улыбнулась богиня, лилейнораменная Гера,
И с улыбкой от сына блистательный кубок приняла.

597-600 Он и другим небожителям, с правой страны начиная,
Сладостный нектар подносит, черпая кубком из чаши.
Смех несказанный воздвигли блаженные жители неба,
Видя, как с кубком Гефест по чертогу вокруг суетится.

601-604 Так во весь день до зашествия солнца блаженные боги
Все пировали, сердца услаждая на пиршестве общем
Звуками лиры прекрасной, бряцавшей в руках Аполлона,
Пением Муз, отвечавших бряцанию сладостным гласом.

605-608 Но когда закатился свет блистательный солнца,
Боги, желая почить, уклонилися каждый в обитель,
Где небожителю каждому дом на холмистом Олимпе
Мудрый Гефест хромоногий по замыслам творческим создал.

609-611 Зевс к одру своему отошел, олимпийский блистатель,
Где и всегда почивал, как сон посещал его сладкий;
Там он, восшедши, почил, и при нем златотронная Гера.

Une Sacra · издание 1 · unesacra.com · CC BY-NC-SA 4.0

ПЕСНЬ II

✦

1-4 Все, и бессмертные боги, и коннодоспешные мужи,
Спали всю ночь; но Крониона сладостный сон не покоил.
Он волновался заботными думами, как Ахиллеса
Честь отомстить и ахеян толпы истребить пред судами.

5-8 Сердцу его наконец показалася лучшею дума:
Сон послать обманчивый мощному сыну Атрея.
Зевс призывает его и крылатые речи вещает:
«Мчися, обманчивый Сон, к кораблям быстролетным ахеян;

9-15 Вниди под сень и явись Агамемнону, сыну Атрея;
Все ты ему возвести непременно, как я завещаю:
В бой вести самому повели кудреглавых данаев
Все ополчения; ныне, вещай, завоюет троянский
Град многолюдный: уже на Олимпе имущие домы
Боги не мнят разномысленно; всех наконец согласила
Гера своею мольбой; и над Троею носится гибель».

16-19 Рек он, — и Сон отлетел, повелению Зевса покорный.
Быстрым полетом достиг кораблей мореходных аргивских,
К кущам Атридов потек и обрел Агамемнона: в куще
Царь почивал, и над ним амброзический сон разливался.

20-23 Стал над главой он царевой, Нелееву сыну подобный,
Нестору, более всех Агамемноном чтимому старцу;
Образ его восприяв, божественный Сон провещает:

«Спишь, Агамемнон, спишь, сын Атрея, смирителя коней!

Ночи во сне провождать подобает ли мужу совета,
Коему вверено столько народа и столько заботы!
Быстро внимай, что реку я: тебе я Крониона вестник;

Он и с высоких небес о тебе, милосердый, печется.
В бой вести тебе он велит кудреглавых данаев
Все ополчения; ныне, он рек, завоюешь троянский
Град многолюдный: уже на Олимпе имущие домы
Боги не мнят разномысленно; всех наконец согласила
Гера мольбой; и над Троею носится гибель от Зевса.

Помни глаголы мои, сохраняй на душе и страшися
Их позабыть, как тебя оставит сон благотворный».
Так говоря, отлетел и оставил Атреева сына,
Сердце предавшего думам, которым не сужено сбыться.

Думал, что в тот же он день завоюет Приамову Трою.
Муж неразумный! не ведал он дел, устрояемых Зевсом:
Снова решился отец удручить и бедами и стоном
Трои сынов и данаев на новых побоищах страшных.

Вспрянул Атрид, и божественный голос еще разливался
Вкруг его слуха; воссел он и мягким оделся хитоном,
Новым, прекрасным, и сверху набросил широкую ризу;

К белым ногам привязал прекрасного вида плесницы,
Сверху рамен перекинул блистательный меч среброгвоздный;
В руки же взявши отцовский, вовеки не гибнущий, скипетр,
С ним отошел к кораблям медянодоспешных данаев.

48-51 Вестница утра, Заря, на великий Олимп восходила,
Зевсу царю и другим небожителям свет возвещая;
И Атрид повелел провозвестникам звонкоголосым
Всех к собранию кликать ахейских сынов кудреглавых.

52-54 Вестники подняли клич, — и ахейцы стекалися быстро.
Прежде же он посадил на совет благодумных старейшин,
Их пригласив к кораблю скиптроносного старца Нелида.

55-58 Там Агамемнон, собравшимся, мудрый совет им устроил:
«Други! объятому сном, в тишине амброзической ночи,
Дивный явился мне Сон, благородному сыну Нелея
Образом, ростом и свойством Нестору чудно подобный!

59-62 Стал над моей он главой и вещал мне ясные речи:
— Спишь, Агамемнон, спишь, сын Атрея, смирителя коней!
Ночи во сне провождать подобает ли мужу совета,
Коему вверено столько народа и столько заботы!

63-69 Быстро внимай, что реку я: тебе я Крониона вестник.
Он с высоких небес о тебе, милосердый, печется;
В бой вести тебе он велит кудреглавых данаев
Все ополчения: ныне, вещал, завоюешь троянский
Град многолюдный; уже на Олимпе имущие домы
Боги не мнят разномысленно: всех наконец согласила
Гера мольбой, и над Троею носится гибель от Зевса.

70-72 Слово мое сохрани ты на сердце. — И так произнесши,
Он отлетел, и меня оставил сон благотворный.
Други! помыслите, как ополчить кудреглавых данаев?

73-75 Прежде я сам, как и следует, их испытаю словами;
Я повелю им от Трои бежать на судах многовеслых,
Вы же один одного от сего отклоняйте советом».

76-79 Так произнес и воссел Атрейон, — и восстал между ними
Нестор почтенный, песчаного Пилоса царь седовласый;
Он, благомысленный, так говорил пред собраньем старейшин:
«Други! вожди и правители мудрые храбрых данаев!

80-82 Если б подобный сон возвещал нам другой от ахеян,
Ложью почли б мы его и с презрением верно б отвергли;
Видел же тот, кто слывет знаменитейшим в рати ахейской;

83-86 Действуйте, други, помыслите, как ополчить нам ахеян».
Так произнесши, первый из сонма старейшин он вышел.
Все поднялись, покорились Атриду, владыке народов,
Все скиптроносцы ахеян; народы же реяли к сонму.

87-94 Словно как пчелы, из горных пещер вылетая роями,
Мчатся густые, всечасно за купою новая купа;
В образе гроздий они над цветами весенними вьются
Или то здесь, несчетной толпою, то там пролетают, —
Так аргивян племена, от своих кораблей и от кущей,
Вкруг по безмерному брегу, несчетные, к сонму тянулись
Быстро толпа за толпой; и меж ними, пылая, летела
Осса, их возбуждавшая, вестница Зевса; собрались;

95-98 Бурно собор волновался; земля застонала под тьмами
Седших народов; воздвигнулся шум, и меж оными девять
Гласом гремящих глашатаев, говор мятежный смиряя,

Звучно вопили, да внемлют царям, Зевеса питомцам.

99-102 И едва лишь народ на местах учрежденных уселся,
Говор унявши, как пастырь народа восстал Агамемнон,
С царственным скиптром в руках, олимпийца Гефеста созданьем:
Скиптр сей Гефест даровал молненосному Зевсу Крониду;

103-105 Зевс передал возвестителю Гермесу, аргоубийце;
Гермес вручил укротителю коней Пелопсу герою;
Конник Пелопс передал властелину народов Атрею;

106-108 Сей, умирая, стадами богатому предал Фиесту,
И Фиест, наконец, Агамемнону в роды оставил,
С властью над тьмой островов и над Аргосом, царством пространным.

109-111 Царь, опираясь на скиптр сей, вещал к восседящим ахеям:
«Други, герои данайские, храбрые слуги Арея!
Зевс громовержец меня уловил в неизбежную гибель!

112-115 Пагубный, прежде обетом и знаменьем сам предназначил
Мне возвратиться рушителем Трои высокотвердынной;
Ныне же злое прельщение он совершил и велит мне
В Аргос бесславным бежать, погубившему столько народа!

116-118 Так, без сомнения, богу, всемощному Зевсу, угодно:
Многих уже он градов сокрушил высокие главы
И еще сокрушит: беспредельно могущество Зевса.

119-122 Так, — но коликий позор об нас и потомкам услышать!
Мы, и толикая рать, и народ таковой, как данаи,
Тщетные битвы вели и бесплодной войной воевали

С меньшею ратью врагов и трудам конца не узрели.

123-125 Ибо когда б возжелали ахейцы и граждане Трои,
Клятвою мир утвердивши, народ обоюдно исчислить,
И трояне собрались бы, все, сколько есть их во граде;

126-128 Мы же, ахейский народ, разделяся тогда на десятки,
Взяли б на каждый из них от троянских мужей виночерпца, —
Многим десяткам у нас недостало б мужей виночерпцев!

129-133 Столько, еще повторяю, числом превосходят ахейцы
В граде живущих троян. Но у них многочисленны други,
Храбрые, многих градов копьеборные мужи; они-то
Сильно меня отражают и мне не дают, как ни жажду,
Града разрушить враждебного, пышно устроенной Трои.

134-138 Девять прошло круговратных годов великого Зевса;
Древо у нас в кораблях изгнивает, канаты истлели;
Дома и наши супруги, и наши любезные дети,
Сетуя, нас ожидают; а мы безнадежно здесь медлим,
Делу не видя конца, для которого шли к Илиону.

139-141 Други, внемлите и, что повелю я вам, все повинуйтесь:
Должно бежать! возвратимся в драгое отечество наше;
Нам не разрушить Трои, с широкими стогнами града!»

142-146 Так говорил, — и ахеян сердца взволновал Агамемнон
Всех в многолюдной толпе, и не слышавших речи советной.
Встал, всколебался народ, как огромные волны морские,
Если и Нот их и Эвр, на водах Икарийского понта,
Вздуют, ударивши оба из облаков Зевса владыки;

147-152 Или, как Зефир обширную ниву жестоко волнует,
Вдруг налетев, и над нею бушующий клонит колосья;
Так их собрание все взволновалося; с криком ужасным
Бросились все к кораблям; под стопами их прах, подымаясь,
Облаком в воздухе стал; вопиют, убеждают друг друга
Быстро суда захватить и спускать на широкое море;

153-157 Рвы очищают; уже до небес подымалися крики
Жаждущих в домы; уже кораблей вырывали подпоры.
Так бы, судьбе вопреки, возвращение в домы свершилось
Рати ахейской, но Гера тогда провещала к Афине:
«Что это, дщерь необорная тучегонителя Зевса!

158-162 Или обратно в домы, в любезную землю отчизны
Рать аргивян побежит по хребтам беспредельного моря?
Или на славу Приаму, на радость гордым троянам
Бросят Елену Аргивскую, ради которой под Троей
Столько данаев погибло, далёко от родины милой?

163-165 Мчися стремительно к воинству меднодоспешных данаев!
Сладкою речью твоей убеждай ты каждого мужа
В море для бегства не влечь кораблей обоюдувесельных».

166-168 Так изрекла; покорилась Афина владычице Гере:
Бурно помчалась, с вершины Олимпа высокого бросясь;
Быстро достигла широких судов аргивян меднобронных;

169-171 Там обрела Одиссея, советами равного Зевсу:
Думен стоял и один доброснастного черного судна
Он не касался: печаль в нем и сердце и душу пронзала.

172-175 Став близ него, прорекла светлоокая дщерь Эгиоха:
«Сын благородный Лаэрта, герой, Одиссей многоумный!
Как? со срамом обратно, в любезную землю отчизны
Вы ли отсель побежите, в суда многоместные реясь?

176-178 Вы ли на славу Приаму, на радость троянам Елену
Бросите, Аргоса дочь, за которую столько ахеян
Здесь перед Троей погибло, далёко от родины милой?

179-181 Шествуй немедля к народу ахейскому; ревностно действуй;
Сладостью речи твоей убеждай ты каждого мужа
В море для бегства не влечь кораблей обоюдувесельных».

182-184 Так провещала; и голос гремящий познал он богини:
Ринулся, сбросив и верхнюю ризу; но оную поднял
Следом спешивший за ним Эврибат, итакийский глашатай.

185-187 Сам Одиссей Лаэртид, на пути Агамемнона встретив,
Взял от владыки отцовский вовеки не гибнущий скипетр;
С оным скиптром пошел к кораблям аргивян меднобронных;

188-190 Там, властелина или знаменитого мужа встречая,
К каждому он подходил и удерживал кроткою речью:
«Муж знаменитый! тебе ли, как робкому, страху вдаваться?

191-193 Сядь, успокойся и сам, успокой и других меж народа;
Ясно еще ты не знаешь намерений думы царевой;
Ныне испытывал он, и немедля накажет ахеян;

194-196 В сонме не все мы слышали, что говорил Агамемнон;
Если он гневен, жестоко, быть может, поступит с народом.
Тягостен гнев царя, питомца Крониона Зевса;

197-202 Честь скиптроносца от Зевса, и любит его промыслитель».
Если ж кого-либо шумного он находил меж народа,
Скиптром его поражал и обуздывал грозною речью:
«Смолкни, несчастный, воссядь и других совещания слушай,
Боле почтенных, как ты! Невоинственный муж и бессильный,
Значащим ты никогда не бывал ни в боях, ни в советах.

203-206 Всем не господствовать, всем здесь не царствовать нам, аргивянам!
Нет в многовластии блага; да будет единый властитель,
Царь нам да будет единый, которому Зевс прозорливый
Скиптр даровал и законы: да царствует он над другими».

207-210 Так он, господствуя, рать подчинял; и на площадь собраний
Бросился паки народ, от своих кораблей и от кущей,
С воплем: подобно как волны немолчношумящего моря,
В брег разбиваясь огромный, гремят; и ответствует понт им.

211-215 Все успокоились, тихо в местах учрежденных сидели;
Только Терсит меж безмолвными каркал один, празднословный;
В мыслях вращая всегда непристойные, дерзкие речи,
Вечно искал он царей оскорблять, презирая пристойность,
Все позволяя себе, что казалось смешно для народа.

216-219 Муж безобразнейший, он меж данаев пришел к Илиону;
Был косоглаз, хромоног; совершенно горбатые сзади
Плечи на персях сходились; глава у него подымалась
Вверх острием, и была лишь редким усеяна пухом.

220-223 Враг Одиссея и злейший еще ненавистник Пелида,
Их он всегда порицал; но теперь скиптроносца Атрида
С криком пронзительным он поносил; на него аргивяне
Гневались страшно; уже восставал негодующих ропот;

224-228 Он же, усиля свой крик, порицал Агамемнона, буйный:
«Что, Агамемнон, ты сетуешь, чем ты еще недоволен?
Кущи твои преисполнены меди, и множество пленниц
В кущах твоих, которых тебе аргивяне избранных
Первому в рати даем, когда города разоряем.

229-231 Жаждешь ли злата еще, чтоб его кто-нибудь из троянских
Конников славных принес для тебя, в искупление сына,
Коего в узах я бы привел, как другой аргивянин?

232-234 Хочешь ли новой жены, чтоб любовию с ней наслаждаться,
В сень одному заключившися? Нет, недостойное дело,
Бывши главою народа, в беды вовлекать нас, ахеян!

235-238 Слабое, робкое племя, ахеянки мы, не ахейцы!
В домы свои отплывем; а его мы оставим под Троей,
Здесь насыщаться чужими наградами; пусть он узнает,
Служим ли помощью в брани и мы для него иль не служим.

239-241 Он Ахиллеса, его несравненно храбрейшего мужа,
Днесь обесчестил: похитил награду и властвует ею!
Мало в душе Ахиллесовой злобы; он слишком беспечен;

242-244 Или, Атрид, ты нанес бы обиду, последнюю в жизни!»
Так говорил, оскорбляя Атрида, владыку народов,
Буйный Терсит; но незапно к нему Одиссей устремился.

245-247 Гневно воззрел на него и воскликнул голосом грозным:
«Смолкни, безумноречивый, хотя громогласный, вития!
Смолкни, Терсит, и не смей ты один скиптроносцев порочить.

248-250 Смертного боле презренного, нежели ты, я уверен,
Нет меж ахеян, с сынами Атрея под Трою пришедших.
Имени наших царей не вращай ты в устах, велереча!

251-253 Их не дерзай порицать, ни речей уловлять о возврате!
Знает ли кто достоверно, чем окончится дело?
Счастливо или несчастливо мы возвратимся, ахейцы?

254-256 Ты, безрассудный, Атрида, вождя и владыку народов,
Сидя, злословишь, что слишком ему аргивяне герои
Много дают, и обиды царю произносишь на сонме!

257-264 Но тебе говорю я, и слово исполнено будет:
Если еще я тебя безрассудным, как ныне, увижу,
Пусть Одиссея глава на плечах могучих не будет,
Пусть я от оного дня не зовуся отцом Телемаха,
Если, схвативши тебя, не сорву я твоих одеяний,

Хлены с рамен и хитона, и даже что стыд покрывает,
И, навзрыд вопиющим, тебя к кораблям не пошлю я
Вон из народного сонма, позорно избитого мною».

265-269 Рек — и скиптром его по хребту и плечам он ударил.
Сжался Терсит, из очей его брызнули крупные слезы;
Вдруг по хребту полоса, под тяжестью скиптра златого,
Вздулась багровая; сел он, от страха дрожа; и, от боли
Вид безобразный наморщив, слезы отер на ланитах.

270-273 Все, как ни были смутны, от сердца над ним рассмеялись;
Так говорили иные, взирая один на другого:
«Истинно, множество славных дел Одиссей совершает,
К благу всегда и совет начиная, и брань учреждая.

274-277 Ныне ж герой Лаэртид совершил знаменитейший подвиг:
Ныне ругателя буйного он обуздал велеречье!
Верно, вперед не отважит его дерзновенное сердце
Зевсу любезных царей оскорблять поносительной речью!»

278-282 Так говорила толпа. Но восстал Одиссей градоборец,
С скиптром в руках; и при нем светлоокая дева, Паллада,
В образе вестника став, повелела умолкнуть народам,
Чтоб и в ближних рядах, и в далеких данайские мужи
Слышали речи его и постигнули разум совета.

283-288 Он, благомыслия полный, витийствовал так перед сонмом:
«Царь Агамемнон! Тебе, скиптроносцу, готовят ахейцы
Вечный позор перед племенем ясноглаголивых смертных,

Слово исполнить тебе не радеют, которое дали,
Ратью сюда за тобою летя из цветущей Эллады, —
Слово, лишь Трою разрушив великую, вспять возвратиться.

289-291 Ныне ж ахейцы, как слабые дети, как жены-вдовицы,
Плачутся друг перед другом и жаждут лишь в дом возвратиться.
Тягостна брань, и унылому радостно в дом возвратиться.

292-294 Путник, и месяц один находяся вдали от супруги,
Сетует близ корабля, снаряженного в путь, но который
Держат и зимние вьюги, и волны мятежного моря.

295-298 Нам же девятый уже исполняется год круговратный,
Здесь пребывающим. Нет, не могу я роптать, что ахейцы
Сетуют сердцем, томясь при судах. Но, ахейские мужи,
Стыд нам — и медлить так долго, и праздно в дома возвратиться!

299-302 Нет, потерпите, о други, помедлим еще, да узнаем,
Верить ли нам пророчеству Калхаса или не верить.
Твердо мы оное помним; свидетели все аргивяне,
Коих еще не постигнули смерть наносящие Парки.

303-307 Прошлого, третьего ль дня корабли аргивян во Авлиду
Сонмом слетались, несущие гибель Приаму и Трое;
Мы, окружая поток, на святых алтарях гекатомбы
Вечным богам совершали, под явором стоя прекрасным,
Где из-под корня древесного била блестящая влага.

308-310 Там явилося чудо! Дракон, и кровавый и пестрый,
Страшный для взора, самим Олимпийцем на свет извлеченный,
Вдруг из подножья алтарного выполз и взвился на явор.

311-314 Там, на стебле высочайшем, в гнезде, под листами таяся,
Восемь птенцов воробьиных сидели, бесперые дети,
И девятая мать, недавно родившая пташек...
Всех дракон их пожрал, испускающих жалкие крики.

315-319 Матерь кругом их летала, тоскуя о детях любезных;
Вверх он извившись, схватил за крыло и стенящую матерь.
Но едва поглотил он и юных пернатых, и птицу,
Чудо на нем совершает бессмертный, его показавший:
В камень его превращает сын хитроумного Крона;

320-323 Мы, безмолвные стоя, дивились тому, что творилось:
Страшное чудо богов при священных явилося жертвах.
Калхас исполнился духа и так, боговещий, пророчил:
— Что вы умолкнули все, кудреглавые чада Эллады?

324-328 Знаменьем сим проявил нам событие Зевс промыслитель,
Позднее, поздний конец, но которого слава бессмертна!
Сколько пернатых птенцов поглотил дракон сей кровавый
(Восемь их было в гнезде и девятая матерь пернатых),
Столько, ахейцы, годов воевать мы под Троею будем;

329-332 Но в десятый разрушим обширную стогнами Трою. —
Так нам предсказывал Калхас, и все совершается ныне.
Бодрствуйте ж, други, останемся все, брапоносцы данаи,
Здесь, пока не разрушим Приамовой Трои великой!»

333-335 Рек, — и ахеяне подняли крик; корабли и окрестность
С страшным отгрянули гулом веселые крики ахеян,
Речь возносящих хвалой Одиссея, подобного богу.

336-338 Вскоре вещать меж ахейцами Нестор божественный начал:
«Боги! в собрании мы разглагольствуем праздно, как дети
Слабые, коим и думы о бранных делах незнакомы.

339-341 Что и моления наши, и клятвы священные будут?
Или в огонь и советы пойдут и заботы ахеян,
Вин возлиянья и рук сочетанья на верность союзов?

342-345 Мы лишь словами стязаемся праздными; помощи ж делу
Мы изыскать не могли, долговременно здесь оставаясь.
Светлый Атрид, и теперь, как и прежде, душою ты твердый,
Властвуй, ахейских сынов предводи на кровавые битвы.

346-349 Если ж из оных один или два помышляют не с нами,
Их ты оставь исчезать, — не исполнятся помыслы робких:
Нет, не воротимся в Аргос, доколе мы въявь не познаем,
Зевса, эгиды носителя, ложен обет иль не ложен.

350-353 Я утверждаю, успех знаменал всемогущий Кронион,
В самый тот день, когда на суда быстролетные сели
Рати ахеян, троянам грозя и бедою и смертью:
Он одесную блистал, благовествуя рати ахейской.

354-356 Нет, да никто из ахеян не думает в дом возвратиться
Прежде, покуда троянской жены на одре не обымет
И не отмстит за печаль и за тайные слезы Елены.

357-359 Если ж кто-либо сильно желает лишь в дом возвратиться,
Пусть корабля своего многовеслого он прикоснется:
Прежде других, малодушный, найдет себе смерть и погибель.

360-362 Царь, предлагай ты совет, но внимай и другого совету.
Мысль не презренная будет, какую тебе предложу я.
Воев, Атрид, раздели ты на их племена и колена;

363-366 Пусть помогает колено колену и племени племя.
Если решиться на то и исполнить преклонишь ахеян,
Скоро узнаешь, какой у тебя из вождей иль народов
Робок иль мужествен: всяк за себя ратоборствовать будет;

367-370 Вместе узнаешь, по воле ль бессмертных не рушишь ты града
Или по слабости войск и неведенью ратного дела».
Сыну Нелея немедля ответствовал царь Агамемнон:
«Всех ты ахейских мужей побеждаешь, старец, советом!

371-374 Если б, о Зевс отец, Аполлон и Афина Паллада,
Десять таких у меня из ахеян советников было,
Скоро пред нами поникнул бы град крепкостенный Приама,
Наших героев руками плененный и в прах обращенный!

375-378 Но Кронид громовержец мне лишь беды посылает;
В тщетную распрю меня, во вражду злополучную вводит.
Я с Ахиллесом Пелидом стязался за пленную деву
Спором враждебным; и я раздражаться, на горе мне, начал.

379-381 Если же некогда мы съединимся с героем, уверен,
Гибели грозной от Трои ничто ни на миг не отклонит!
Ныне спешите обедать, а после начнем нападенье.

382-384 Каждый потщися и дрот изострить свой, и щит уготовить;
Каждый кормом обильным коней напитай подъяремных,
Вкруг осмотри колесницу, о брани одной помышляя.

385-387 Будем целый мы день состязаться в ужасном убийстве;
Отдыха ратным рядам ни на миг никакого не будет,
Разве уж ночь наступившая воинов ярость разнимет.

388-390 По́том зальется ремень на груди не единого воя,
Щит всеобъемный держащий; рука на копье изнеможет;
По́том покроется конь под своей колесницей блестящей.

391-393 Если ж кого я увижу, хотящего вне ратоборства
Возле судов крутоносых остаться, нигде уже после
В стане ахейском ему не укрыться от псов и пернатых!»

394-397 Рек, — и ахейцы вскричали ужасно; подобно как волны
Воют при бреге высоком, прибитые Нотом порывным
К встречной скале, от которой волна никогда не отходит,
Каждым вздымаяся ветром, отсель и оттоль находящим.

398-401 Встав, устремился народ, меж судами рассеялся быстро,
Вкруг задымилися кущи, спешили обедать ахейцы.
Жертвовал каждый из них своему от богов вечносущих,
Смерти избавить моля и спасти от ударов Арея.

402-405 Он же тельца пятилетнего, пастырь мужей Агамемнон,
Тучного в жертву заклал всемогущему Зевсу Крониду.
Созвал старейшин отличных, почтеннейших в рати ахейской:
Первого Нестора старца и критского Идоменея.

406-409 После Аяксов двоих и Тидеева славного сына,
И за ним Одиссея, советами равного Зевсу.
Но Атрид Менелай добровольно пришел и незваный,
Зная любезного брата и как он в душе озабочен.

410-412 Стали они вкруг тельца и ячмень освященный подъяли;
В сонме их, громко моляся, воззвал Агамемнон державный:
«Славный, великий Зевс, чернооблачный житель эфира!

413-415 Дай, чтобы солнце не скрылось и мрак не спустился на землю
Прежде, чем в прах я не свергну Приамовых пышных чертогов,
Черных от дыма, и врат не сожгу их огнем неугасным;

416-418 Прежде, чем Гектора лат на груди у него не расторгну,
Медью пробив; и кругом его многие други трояне
Ниц не полягут во прахе, зубами грызущие землю!»

419-424 Так он взывал; но к молитве его не склонился Кронион:
Жертвы приял, но труд беспредельный Атриду готовил.
Кончив молитву, ячменем и солью осыпали жертву,
Выю загнули тельцу и заклали и тук обнажили,
Бедра немедля отсекли, обрезанным туком покрыли
Вдвое кругом, и на них распростерли части сырые.

425-429 Всё сожигали они на сухих, безлиственных ветвях,
Но утробы, пронзив, над пылавшим огнем обращали.
Бедра сожегши они и вкусивши утробы от жертвы,
Всё остальное дробят на куски, прободают рожнами,
Жарят на них осторожно и, так уготовя, снимают.

430-434 Кончив заботу сию, немедленно пир учредили;
Все пировали, никто не нуждался на пиршестве общем.
Вскоре ж, когда питием и брашном насытили сердце,
Начал меж оными слово Нестор, конник геренский:
«Царь знаменитый, Атрид, повелитель мужей, Агамемнон!

435-440 Более здесь оставаясь, ни времени тратить, ни медлить
Делом великим не будем, которое бог нам вверяет.
Царь, повели, да глашатаи меднодоспешных данаев
Кликом, нимало не медля, народ к кораблям собирают,
Мы ж, совокупные все, по широкому стану ахеян
Сами пройдем, да скорее возбудим жестокую битву».

441-443 Рек; не отринул совета владыка мужей Агамемнон;
В тот же он миг повелел провозвестникам звонкоголосым
Кликом сзывать на сражение меднодоспешных данаев.

444-449 Вестники подняли клич, — и они собирались поспешно.
Быстро цари, вкруг Атрида стоявшие, Зевса питомцы,
Бросились строить толпы, и в среде их явилась Паллада,
В длани имея эгид, драгоценный, нетленный, бессмертный:
Сто на эгиде бахром развевалися, чистое злато,
Дивно плетенные все, и цена им — стотельчие каждой.

450-452 С оным, бурно носяся, богиня народ обтекала,
В бой возбуждая мужей, и у каждого твердость и силу
В сердце воздвигла, без устали вновь воевать и сражаться.

453-458 Всем во мгновенье война им кровавая сладостней стала,
Чем на судах возвращенье в любезную землю родную.
Словно огонь истребительный, вспыхнув на горных вершинах,
Лес беспредельный палит и далёко заревом светит, —
Так, при движении воинств, от пышной их меди чудесной
Блеск лучезарный кругом восходил по эфиру до неба.

459-466 Их племена, как птиц перелетных несчетные стаи,
Диких гусей, журавлей иль стада лебедей долговыйных
В злачном Азийском лугу, при Каистре широкотекущем,
Вьются туда и сюда и плесканием крыл веселятся,
С криком садятся противу сидящих и луг оглашают, —
Так аргивян племена, от своих кораблей и от кущей,
С шумом неслися на луг Скамандрийский; весь дол под толпами
Страшно кругом застонал под ногами и коней и воев.

467-473 Стали ахеян сыны на лугу Скамандра цветущем,
Тьмы, как листы на древах, как цветы на долинах весною.
Словно как мух неисчетных рои собираясь густые
В сельской пастушеской куще, по ней беспрестанно кружатся
В вешние дни, как млеко изобильно струится в сосуды, —
Так неисчетные против троян брановосцы данаи
В поле стояли и, боем дыша, истребить их горели.

474-479 Их же, как пастыри коз меж бродящих стад необъятных
Скоро своих отлучают от чуждых, смешавшихся в пастве,
Так предводители их, впереди, позади учреждая,
Строили в бой; и меж них возвышался герой Агамемнон,
Зевсу, метателю грома, главой и очами подобный,
Станом — Арею великому, персями — Энносигею.

480-483 Словно как бык среди стада стоит, перед всеми отличный,
Гордый телец, возвышается он меж телиц превосходный:
В день сей таким сотворил Агамемнона Зевс Олимпиец,
Так отличил между многих, возвысил средь сонма героев.

484-487 Ныне поведайте, Музы, живущие в сенях Олимпа:
Вы, божества, — вездесущи и знаете всё в поднебесной;
Мы ничего не знаем, молву мы единую слышим:
Вы мне поведайте, кто и вожди и владыки данаев;

488-490 Всех же бойцов рядовых не могу ни назвать, ни исчислить,
Если бы десять имел языков я и десять гортаней,
Если б имел неслабеющий голос и медные перси;

491-493 Разве, небесные Музы, Кронида великого дщери,
Вы бы напомнили всех, приходивших под Трою ахеян.
Только вождей корабельных и все корабли я исчислю.

494-497 Рать беотийских мужей предводили на бой воеводы:
Аркесилай и Леит, Пенелей, Профоенор и Клоний.
Рать от племен, обитавших в Гирии, в камнистой Авлиде,
Схен населявших, Скол, Этеон лесисто-холмистый;

498-500 Феспии, Греи мужей и широких полей Микалесса;
Окрест Илезия живших и Гармы и окрест Эритры;
Всех обитателей Гил, Элеон, Петеон населявших;

501-503 Также Окалею, град Медеон, устроением пышный,
Копы, Эвтрез и стадам голубиным любезную Фисбу,
Град Коронею и град Галиарт на лугах многотравных;

504-506 Живших в Платее и в Глиссе тучные нивы пахавших;
Всех, населяющих град Гипофивы, прекрасный устройством;
Славный Онхест, Посейдонов алтарь и заветную рощу;

507-510 Арн, виноградом обильный, Мидею, красивую Ниссу,
И народ, наконец, населявший Анфедон предельный.
С ними неслось пятьдесят кораблей, и на каждом из оных
По сту и двадцать воинственных, юных беотян сидело.

511-515 Град Аспледон населявших и град Миниеев Орхомен
Вождь Аскалаф предводил и Иялмен, Ареевы чада;
Их родила Астиоха в отеческом Актора доме,
Дева невинная: некогда терем ее возвышенный
Мощный Арей посетил и таинственно с нею сопрягся.

516-518 С ними тридцать судов прилетели, красивые, рядом.
Вслед ополченья фокеян Схедий предводил и Эпистроф,
Чада Ифита царя, потомки Навбола героя.

519-521 Их племена Кипарисс и утесный Пифос населяли;
Криссы веселые долы, и Давлис, и град Панопею;
Жили кругом Гиампола, кругом Анемории злачной;

522-524 Вдоль по Кефиссу реке, у божественных вод обитали;
Жили в Лилее, при шумном исходе Кефисского тока.
Сорок под их ополченьями черных судов принеслося.

525-530 Оба вождя устрояли ряды ополчений фокейских
И близ беóтян, на левом крыле, ополчалися к бою.
Локров Аякс предводил, Оилеев сын быстроногий:
Меньше он был, не таков, как Аякс Теламонид могучий,
Меньше далеко его; невеликий, в броне полотняной,
Но копьеметец отличный меж эллинов всех и данаев.

531-533 Он предводил племена, населявшие Кинос и Опус,
Вессу, Каллиар, и Скарф, и веселые долы Авгеи;
Тарфы и Фроний, где воды Воагрия быстро катятся.

534-541 Сорок черных судов принеслося за ним к Илиону
С воинством локров мужей, за священною живших Эвбеей.
Но народов эвбейских, дышащих боем абантов,
Чад Эретрии, Халкиды, обильной вином Гистиеи,
Живших в Коринфе приморском и в Диуме, граде высоком,
Стир населявших мужей, и народ, обитавший в Каристе,
Вывел и в бой предводил Элефенор, Ареева отрасль,
Сын Халкодонов, начальник нетрепетных духом абантов.

542-544 Он предводил сих абантов, на тыле власы лишь растивших,
Воинов пылких, горящих ударами ясневых копий
Медные брони врагов разбивать рукопашно на персях.

545-552 Сорок черных судов принеслося за ним к Илиону.
Но мужей, населяющих град велелепный Афины,
Область царя Эрехтея, которого в древние веки
Матерь земля родила, воспитала Паллада Афина,
И в Афины ввела, и в блестящий свой храм водворила,
Где и тельцами и агнцами ныне ее ублажают
Чада Афин, при урочном исходе годов круговратных, —
Сих предводил Петеид Менесфей, в ратоборстве искусный.

553-555 С ним от мужей земнородных никто не равнялся в искусстве
Строить на битвы и быстрых коней, и мужей щитоносцев.
Нестор один то оспаривал, древле родившийся старец.

556-558 С ним пятьдесят кораблей, под дружиною, черных примчалось.
Мощный Аякс Теламонид двенадцать судов саламинских
Вывел и с оными стал, где стояли афинян фаланги.

559-564 В Аргосе живших мужей, населявших Тиринф крепкостенный,
Град Гермиону, Азину, морские пристанища оба,
Грады Трезену, Эйон, Эпидавр, виноградом обильный,
Живших в Масете, в Эгине, ахейских юношей храбрых,
Сих предводителем был Диомед, знаменитый воитель,
Также Сфенел, Капанея великого сын благородный;

565-568 С ними и третий был вождь, Эвриал, небожителю равный,
Храбрый Мекестия сын, потомок царя Талайона.
Вместе же всех предводил Диомед, знаменитый воитель:
Осмьдесят черных судов под дружинами их принеслося.

569-573 Но живущих в Микене, прекрасно устроенном граде,
И в богатом Коринфе, и в пышных устройством Клеонах;
Орнии град населявших, веселую Арефирею,
Град Сикион, где царствовал древле Адраст брановосный,
Чад Гипересии всех, Гоноессы высокоутесной;

574-576 Живших в Пеллене, кругом Эгиона мужей обитавших,
Вдоль по поморью всему, и окрест обширной Гелики, —
Всех их на ста кораблях предводил властелин Агамемнон.

577-580 Рать многочисленней всех, превосходнее всех ратоборцы
С ним принеслися; он сам облекался сияющей медью,
Славою гордый, что он перед сонмом героев блистает
Саном верховным своим и числом предводимых народов.

581-584 Град населявших великий, лежащий меж гор Лакедемон,
Фару, Спарту, стадам голубиным любезную Мессу;
В Брисии живших мужей и в веселых долинах Авгии,
Живших Амиклы в стенах и в Гелосе, граде приморском;

585-587 Град населяющих Лаас и окрест Этила живущих;
Сих Агамемнона брат, Менелай, знаменитый воитель,
Вел шестьдесят кораблей, но отдельно на бой ополчался;

588-590 Ратников сам предводил, на душевную доблесть надежный,
Сам их на бой возбуждал и пылал, как никто из ахеян,
Страшно отмстить за печаль и за стон похищенной Елены.

591-598 В Пилосе живших мужей, обитавших в Арене веселой;
Фриос, Алфейский брод и славные зданием Эпи,
Град Кипариссию, град Амфигению вкруг населявших,
Птелеос, Гелос и Дорион, место, где некогда Музы,
Встретив Фамира Фракийского, песнями славного мужа,
Дара лишили: идя от Эврита, царя эхалиян,
Гордый, хвалиться дерзал, что победу похитит он в песнях,
Если и Музы при нем воспоют, Эгиоховы дщери.

599-602 Гневные Музы его ослепили, похитили сладкий
К песням божественный дар и искусство бряцать на кифаре.
Сих предводил повелитель их Нестор, конник геренский:
С ним девяносто судов принеслися, красивые строем.

603-607 Живших в Аркадии, вдоль под Килленской горою высокой,
Близко могилы Эпита, мужей рукопашных на битвах;
В Феносе живший народ, в Орхомене, стадами богатом,

В Рипе, Стратии мужей обитавших и в бурной Энисπе,
И Тегеи в стенах, и в странах Мантинеи веселой;

608-611 В Стимфале живших мужей и в Парразии нивы пахавших, —
Сими начальствуя, отрасль Анкеева, царь Агапенор
Гнал шестьдесят кораблей; многочисленны в каждом из оных
Мужи сидели аркадские, сильно искусные в битвах.

612-614 Их ополчениям сам повелитель мужей Агамемнон
Дал корабли доброснастные, плыть им по черному понту
К Трое высокой: они небрегли о делах мореходных.

615-619 Вслед вупрасийцы текли и народы священной Элиды,
Жители тех областей, что Гирмина, Мирзин приграничный,
И утес Оленийский, и холм Алезийский вмещают:
Их предводили четыре вождя, и десять за каждым
Быстрых неслось кораблей, с многочисленной ратью эпеян.

620-622 Сих устремляли на бой Амфимах и воинственный Фалπий:
Первый Ктеатова отрасль, второй Акторида Эврита;
Тех предводителем шествовал храбрый Диор Амаринкид;

623-629 Вождь их четвертый был Поликсен, небожителю равный,
Доблестный сын Агасфена, народов царя Авгеида.
Рать из Дулихии, рать с островов Эхинадских священных,
Тех, что за морем широким лежат против брега Элиды,
Мегес Филид предводил, ратоборец, Арею подобный,
Сын любимца богов, конеборца Филея, который
Некогда в край Дулихийский укрылся от гнева отцова.

630-632 Сорок за ним кораблей, под дружиною, черных примчалось.
Царь Одиссей предводил кефалленян, возвышенных духом,
Живших в Итаке мужей и при Нерите трепетолистном;

633-636 Чад Крокилеи, пахавших поля Эгилипы суровой,
В власти имевших Закинф и кругом обитавших в Самосе,
Живших в Эпире мужей, и на бреге противолежащем, —
Сих предводил Одиссей, советами равный Зевесу;

637-640 И двенадцать за ним принеслось кораблей красноносых.
Рать из племен этолийских Фоас предводил Андремонид,
Рать из мужей, обитавших в Олене, Пилене, Плевроне,
И в Калидоне камнистом, и в граде Халкиде приморской.

641-643 Не было больше на свете сынов брапоносных Инея;
Мертв и сам уже был он, и мертв Мелеагр светлокудрый;
И в Этолии царствовать вверено было Фоасу.

644-651 Сорок за ним, под дружиною, черных судов принеслося.
Критян же Идоменей предводил, знаменитый копейщик;
В Кноссе живущих мужей, в укрепленной стенами Гортине,
Ликт населявших, Милет и град белокаменный Ликаст,
Ритий обширный и Фест, многолюдные, славные грады,
И других, населяющих Крита стоградного земли,
Был воеводою Идоменей, знаменитый копейщик,
И Мерион, Эниалию равный, губителю смертных;

652-660 Осмьдесят черных судов принеслося под критской дружиной.
Но Тлиполем Гераклид, как отец, и огромный и мощный,
Гордых родосцев, извел в девяти кораблях из Родоса,

Кои в родосской земле, разделенные на три колена,
Линд, Иялис и Камир белокаменный вкруг населяли:
Сих предводил Тлиполем, копьеборец, гибельный в битвах,
Силы Геракловой сын, рожденный с младой Астиохой,
Взятой героем в Эфире, у вод Селлеиса, когда он
Многие грады рассыпал питомцев Зевсовых юных.

661-663 Сей Тлиполем лишь возрос в благосозданном доме Геракла,
Скоро убил, безрассудный, почтенного дядю отцова,
Старца уже седого, Ликимния, отрасль Арея.

664-666 Быстро сплотил он суда и с великою собранной ратью
Скрылся, бежа по морям, устрашаяся мести грозивших
Всех остальных, — и сынов, и потомков Геракловой силы.

667-670 Прибыл в Родос наконец он, скиталец, беды претерпевший;
Там поселились пришельцы тремя племенами и были
Зевсом любимы, владыкой богов и отцом человеков:
Он им богатства несметные свыше пролил, Олимпиец.

671-674 Вслед их Нирей устремлялся с тремя кораблями из Сима,
Юный Нирей, от Харопа царя и Аглаи рожденный;
Оный Нирей, что с сынами данаев пришел к Илиону,
Смертный, прекраснейший всех, после дивного мужа Пелида;

675-679 Но не мужествен был он, и малую вывел дружину.
Живших в Низире мужей, населяющих Казос и Крапаф,
Град Эврипилов Коос и народ островов Калиднийских
Два предводили вождя: и Фидипп, и воинственный Антиф,
Оба Фессалом рожденные, царственным сыном Геракла.

680-684 Тридцать за ними судов принеслися, красивые строем.
Ныне исчислю мужей, в пеласгическом Аргосе живших,
Алос кругом населявших, и Алоп удел, и Трахину,
Холмную Фтию, Элладу, славную жен красотою,
Всех — мирмидонов, ахеян и эллинов имя носящих;

685-687 Сих пятьдесят кораблей предводил Ахиллес знаменитый.
Но народы сии о гремящей не мыслили брани;
Некому было водить на сражения строев их грозных.

688-693 В стане, при черных судах, возлежал Ахиллес быстроногий,
Гневный за дочь Брисееву, пышноволосую деву,
Деву, которую взял, по жестоких трудах, из Лирнесса,
Самый Лирнесс разгромя и высокие фивские стены,
Где и Эвена сынов, копьеборцев, гибельных в битвах,
Внуков Селепа царя, и Эпистрофа сверг, и Минеса.

694-699 Грустен по ней, возлежал он; но скоро воспрянет, могучий.
В Филаке живших мужей, населявших Пираз цветущий,
Область Деметры любимую, матерь овец Итонею,
Травами тучный Птелей и Антрон, омываемый морем, —
Сих ополчения Протесилай предводил брановоносный
В жизни своей; но его уже черная держит могила.

700-702 В Филаке он и супругу, с душою растерзанной, бросил,
Бросил и дом полуконченный: пал, пораженный дарданцем,
Первый от всех аргивян с корабля соскочивший на берег.

703-709 Рать не была без вождя, но по нем воздыхали дружины;
Их же к сражениям строил Подаркес, Ареева отрасль,
Сын Филакида Ификла, владетеля стад среброрунных,
Брат однокровный героя, бесстрашного Протесилая,
Но летами юнейший; и старше его и сильнее
Протесилай воинственный был; потерявши героя,
Рать не нуждалась в вожде, но о нем воздыхали, о храбром;

710-715 Сорок за ним кораблей, под дружиной, примчалося черных.
В Ферах живущих и вкруг при Бебеидском озере светлом,
Беб населявших, Глафиры и град Ияолк пышнозданный,
Быстрых одиннадцать мчалось судов; предводил же Эвмел их,
Сын Адмета любимый, который рожден им с Алкестой,
Дивной женою, прекраснейшей всех из Пелиевых дщерей.

716-720 Живших в Мефоне, и окрест Фавмакии нивы пахавших,
Чад Мелибеи, и живших в полях Олизона суровых, —
Сих племена Филоктет предводитель, стрелец превосходный,
Вел на семи кораблях; пятьдесят воссидело на каждом
Сильных гребцов и стрелами искусных жестоко сражаться.

721-723 Но лежал предводитель на острове Лемне священном
В тяжких страданиях, где он оставлен сынами ахеян,
Мучимый язвою злой, нанесенною пагубной гидрой.

724-726 Там лежал он, страдалец. Но скоро ахейские мужи,
Скоро при черных судах о царе Филоктете воспомнят.
Рать не была без вождя, но желала вождя Филоктета.

727-732 Медон над нею начальствовал, сын Оилея побочный,
Коего с Реной младою родил Оилей градоборец.
Триккой владевший народ, и Ифомой высокоутесной,
И обитавший в Эхалии, граде владыки Эврита,
Два извели воеводы, Асклепия мудрые чада,
Славные оба данаев врачи, Подалир и Махаон.

733-736 Тридцать за ними судов принеслися, красивые строем.
Живших в Ормении храбрых мужей, у ключа Гипереи,
В власти имевших Астерий и белые главы Титана, —
Сих предводил Эврипил, блистательный сын Эвемонов;

737-744 Сорок за ним кораблей, под дружиною, черных примчалось.
В Аргиссе живших мужей и кругом населявших Гиртону,
Орфу, широкий Элон, белокаменный град Олооссон, —
Сих предводил Полипет, воеватель бесстрашнейший в битвах,
Ветвь Пирифоя, исшедшего в мир от бессмертного Зевса,
Сын, Пирифою рожденный женой Ипподамией славной,
В самый тот день, как герой покарал чудовищ косматых:
Сбил с Пелиона кентавров и гнал до народов эфиков.

745-747 Он предводил не один, но при нем Леонтей бранодушный,
Отрасль Ареева, чадо Кенея, Коронова сына.
Сорок за ними судов, под дружиной, примчалося черных.

748-755 Но из Кифа Гуней с двадцатью и двумя кораблями
Плыл, предводя эниан и воинственных, сильных перребов,
Племя мужей, водворившихся окрест Додоны холодной,
Земли пахавших, по коим шумит Титаресий веселый,

Быстро в Пеней устремляющий пышно катящиесь воды,
Коих нигде не сливает с Пенеем сребристопучинным,
Но всплывает наверх и подобно елею струится:
Он из ужасного Стикса, из вод заклинаний исходит.

756-759 Профоой, сын Тендредонов, начальствовал ратью магнетов.
Окрест Пенея и вкруг Пелиона шумного лесом
Жили они; предводил их в сражение Профоой быстрый:
Сорок за ним кораблей, под дружиною, черных примчалось.

760-762 Се и вожди и властители меднодоспешных данаев.
Кто же из них знаменитейший был, поведай мне, Муза,
Доблестью или конями, из всех за Атридом притекших?

763-765 Коней извел превосходнейших славный Эвмел Феретиад;
Он устремлял кобылиц на бегу, как пернатые, быстрых,
Масти одной, одинаковых лет и хребтом как под меру.

766-770 Сам Аполлон воспитал на зеленых лугах пиерийских
Сих кобылиц, разносящих в сражениях ужас Арея.
Мужем отличнейшим слыл Аякс Теламонид, доколе
Гневом Пелид сокрушался; но он был могучее всех их,
Также и кони, носящие в битвах Пелида героя.

771-774 Но бездействовал он при своих кораблях мореходных,
Пламенный гнев на владыку народов, Атреева сына,
В сердце питая; дружины его на береге моря
Дисков, и сулиц, и стрел забавлялися праздным метаньем.

775-779 Рьяные кони вождей при своих колесницах стояли,
Праздные, лотос один и селину болотную щипля.
Все колесницы и сбруя, заботно покрыты, лежали
В сенях владык; а они, предводителя храброго алча,
Праздные, с края на край по широкому стану бродили.

780-783 Двинулась рать, и как будто огнем вся земля запылала;
Дол застонал, как под яростью бога, метателя грома
Зевса, когда над Тифеем сечет он перунами землю,
Горы в Аримах, в которых, пове́ствуют, ложе Тифея;

784-787 Так застонала глубоко земля под стопами народов,
Вдруг устремившихся: быстро они проходили долиной.
Тою порою троянам, подобная вихрям Ирида,
Вестница Зевса Кронида, явилася с вестию грозной.

788-794 Те ж совещали совет у дверей Приамова дома,
Все на дворе воедино столпясь, и младые и старцы.
Став посреди, провещала посланница Зевса, Ирида,
Голос заявши Полита, Приамова сына, который
Стражем троянским сидел, уповая на быстрые ноги,
В поле, на высшей могиле старца троян Эзиета,
Вкруг соглядая, когда от судов нападут аргивяне.

795-797 В виде его провещала посланница Зевса Ирида:
«Старец почтенный! и ныне ты любишь обильные речи,
Так же, как в мирные дни: неизбежная брань угрожает!

798-801 Часто я, часто бывал на кровавых бранях народов,
Но вовек таковых и толиких я ратей не видел!
Как листы на древах, как пески при морях, неисчетны
Воинства мчатся долиною, ратовать около града.

802-804 Гектор, тебе предлагаю совет мой полезный исполнить:
Много народов союзных в Приамовом граде великом,
Разных своим языком, по земле рассеянных смертных.

805-808 Каждым из оных да властвует муж, повелитель народа;
Он и вождем на боях, и строителем граждан да будет».
Так прорекла; и богиню вещавшую Гектор постигнул:
Сонм распустил, и к оружию бросились граждане Трои.

809-812 Все растворились ворота; из оных зареяли рати,
Конные, пешие; шум и смятение страшное встало.
Есть перед градом троянским великий курган и высокий,
В поле особенный, круглый равно и отсель и оттоле.

813-815 Смертные, с древних времен, нарицают его Ватиеей,
Но бессмертные боги — могилою быстрой Мирины.
Там и троян и союзников их разделилися рати.

816-818 Храбрых троян Приамид, шлемоблещущий Гектор великий,
Всех предводил; превосходные множеством, мужеством духа,
С ним ополчилися мужи, копейщики, бурные в битве.

819-821 Вслед их дарданцам предшествовал сын знаменитый Анхизов,
Мощный Эней; от Анхиза его родила Афродита,
В рощах на холмах Идейских, богиня, почившая с смертным.

822-827 Он предводил не один, но при нем Акамас и Архелох:
Оба сыны Антенора, искусные в битвах различных.
В Зелии живших мужей, при подошве холмистыя Иды,
Граждан богатых, пиющих Эзеповы черные воды,
Племя троянское лучник отличнейший вел Ликаонид,
Пандар, которого Феб одарил сокрушительным луком.

828-834 Но Адрастеи мужей, Питиеи и веси Апеза,
И народ, заселявший Терею, высокую гору,
Сих предводили Адраст и Амфий, в броне полотняной,
Оба сыны перкозийца Меропа, который славнейший
Был предвещатель судьбы и сынам не давал позволенья
К брани убийственной в Трою идти; не послушали дети
Старца родителя: рок увлекал их на черную гибель.

835-839 В Перкоте живших мужей и кругом населявших Практион,
Грады Сестос, Абидос и граждан священной Арисбы
Рати устроивал Азий, мужей повелитель, Гиртакид,
Азий Гиртакид, который на пламенных конях великих
В Трою принесся из дальней Арисбы, от вод Селлеиса.

840-843 Гиппофоой предводил племена копьеборных пеласгов,
Тех, что в Лариссе бугристой, по тучным полям обитали;
Гиппофоой предводил их и Пилей, Ареева отрасль,
Оба сыны пеласгийского Лефа, Тевталова сына.

844-847 Но фракиян предводил Акамас и воинственный Пирос.
Всех, которых страны Геллеспонт бурнотечный объемлет.
Храбрый Эвфем ополчал племена копьеборных киконов,

Сын брaноносца Трезена, любезного Зевсу Кеада.

848-850 Вслед им Пирехм предводил криволуких пеонов, далеко
Живших в странах Амидона, где катится Аксий широкий.
Аксий, водою чистейшей священную землю поящий.

851-855 Вождь Пилемен пафлагонам предшествовал, храброе сердце,
Выведший их из Генет, где стадятся дикие мески,
Племя народов, которые жили в Киторе, Сесаме,
Окрест потока Парфения в славных домах обитали,
Кромну кругом, Эгиал и скалы Эрифин населяли.

856-861 Рать гализонов Годий и Эпистроф вели из Алибы,
Стран отдаленных, откуда исход серебра неоскудный.
Мизам предшествовал Хромий и Энномос, птицегадатель,
Но и гаданием он не спасся от гибели черной:
Лег, низложенный руками Пелеева быстрого сына,
В бурной реке, где троян и других истреблял он, могучий.

862-866 Форкис и храбрый Асканий вели из Аскании дальней
Рати фригиян, и оба, бесстрашные, боем пылали.
Вслед их Антиф и Месфл, воеводы мужей меонийских,
Оба сыны Пилемена, Гигейского озера дети,
Рать предводили меонов, при Тмоле высоком рожденных.

867-869 Настес вел говорящих наречием варварским каров,
Кои Милет занимали, и Ффиров лесистую гору,
И Меандра поток, и Микала вершины крутые;

870-872 Сих предводили на бой Амфимах и воинственный Настес,
Настес и тот Амфимах, Номионова отрасль, который
Даже и в битвы ходил, наряжаяся златом, как дева.

873-875 Жалкий! и златом не мог отвратить он погибели грозной:
Лег, низложенный руками Пелеева быстрого сына,
В бурной реке, и Пелид его злато унес, победитель.

876-877 Рать ликиян Сарпедон и блистательный Главк предводили,
Живших далеко в Линии, при Ксанфе глубокопучинном.

Une Sacra · издание 1 · unesacra.com · CC BY-NC-SA 4.0

ПЕСНЬ III

✦

1-7 Так лишь на битву построились оба народа с вождями,
Трои сыны устремляются, с говором, с криком, как птицы:
Крик таков журавлей раздается под небом высоким,
Если, избегнув и зимних бурь, и дождей бесконечных,
С криком стадами летят через быстрый поток Океана,
Бранью грозя и убийством мужам малорослым, пигмеям,
С яростью страшной на коих с воздушных высот нападают.

8-14 Но подходили в безмолвии, боем дыша, аргивяне,
Духом единым пылая — стоять одному за другого.
Словно туман над вершинами горными Нот разливает,
Пастырям стад нежеланный, но вору способнейший ночи:
Видно сквозь оный не дальше, как падает брошенный камень, —
Так из-под стоп их прах, подымаяся мрачный, крутился
Вслед за идущими; быстро они проходили долину.

15-20 И когда уже сблизились к битве идущие рати,
Вышел вперед от троян Александр, небожителю равный,
С кожею парда на раме, с луком кривым за плечами
И с мечом при бедре; а в руках два копья медножалых
Гордо колебля, он всех вызывал из данаев храбрейших,
Выйти противу него и сразиться жестокою битвой.

21-24 Но лишь увидел его Менелай, любимый Ареем,
Быстро вперед из толпы выступающим поступью гордой, —
Радостью вспыхнул, как лев, на добычу нежданно набредший,
Встретив еленя рогатого или пустынную серну;

25-29 Гладный, неистово он пожирает, хотя отовсюду
Сам окружен и ловцами младыми, и быстрыми псами:
Радостью вспыхнул такой Менелай, Александра героя
Близко узрев пред собой; и, отмстить похитителю мысля,
Быстро Атрид с колесницы с оружием прянул на землю.

30-32 Но лишь увидел его Приамид, Александр боговидный,
Между передних блеснувшего, сердце его задрожало;
Быстро он к сонму друзей отступил, избегающий смерти.

33-37 Словно как путник, увидев дракона в ущелиях горных,
Прядает вспять и от ужаса членами всеми трепещет,
Быстро уходит, и бледность его покрывает ланиты, —
Так убежавши, в толпу погрузился троян горделивых
Образом красный Парис, устрашаясь Атреева сына.

38-40 Гектор, увидев его, поносил укорительной речью:
«Видом лишь храбрый, несчастный Парис, женолюбец, прельститель!
Лучше бы ты не родился или безбрачен погибнул!

41-44 Лучше б сего я желал, и тебе б то отраднее было,
Чем поношеньем служить и позорищем целому свету!
Слышишь, смеются ряды кудреглавых данаев, считавших
Храбрым тебя первоборцем, судя по красивому виду.

45-51 Вид твой красен, но ни силы в душе, ни отважности в сердце!
Бывши таков ты, однако дерзнул в кораблях мореходных
Бурное море исплавать, с толпою клевретов любезных,
В чуждое племя войти и похитить из стран отдаленных
Славу их жен, и сестру и невестку мужей брапоносных,
В горе отцу твоему, и народу, и целому царству,
В радость ахейцам врагам, а себе самому в поношенье!

52-55 Что же с оружьем не встретил царя Менелая? Узнал бы
Ты, брапоносца какого владеешь супругой цветущей.
Были б не в помощь тебе ни кифара, ни дар Афродиты,
Пышные кудри и прелесть, когда бы ты с прахом смесился.

56-59 Слишком робок троянский народ, иль давно б уже был ты
Каменной ризой одет, злополучий толиких виновник!»
Гектору быстро в ответ возразил Александр боговидный:
«Гектор, ты вправе хулить, и твоя мне хула справедлива.

60-63 Сердце в груди у тебя, как секира, всегда непреклонно:
Древо пронзает она под рукой древодела и рьяность
Мужа сугубит, когда обсекает он брус корабельный:
Так в груди у тебя непреклонен дух твой высокий.

64-66 Не осуждай ты любезных даров златой Афродиты.
Нет, ни один не порочен из светлых даров нам бессмертных;
Их они сами дают; произвольно никто не получит.

67-69 Ныне, когда ты желаешь, чтоб я воевал и сражался,
Всем повели успокоиться, Трои сынам и ахейцам;
И посреди их поставьте меня с Менелаем героем;

70-72 Мы за Елену Аргивскую с ним перед вами сразимся.
Кто из двоих победит и окажется явно сильнейшим,
В дом и Елену введет, и сокровища все он получит.

73-75 Вы ж, заключившие дружбу и клятвы святые, владейте
Троей холмистой; ахейцы же в Аргос, конями богатый,
Вспять отплывут и в Ахаию, славную жен красотою».

76-78 Так говорил, и восхитился Гектор услышанной речью;
И, на средину исшед и копье ухватив посредине,
Спнул фаланги троянские; все успокояся стали.

79-82 Но на Гектора луки ахеян сыны натянули.
Многие метили копьями, многие бросили камни.
К ним громогласно воззвал повелитель мужей Агамемнон:
«Стойте, аргивцы друзья! не стреляйте, ахейские мужи!

83-87 Слово намерен вещать шлемоблещущий Гектор великий».
Рек, — и ахеяне прервали бой и немедленно стали
Окрест, умолкнув; и Гектор великий вещал среди воинств:
«Сонмы троян и ахеян красивопоножных! внимайте,
Что предлагает Парис, от которого брань воспылала.

88-91 Он предлагает троянам и всем меднолатным ахейцам
Ратные сбруи свои положить на всеплодную землю;
Сам посреди ополчений с воинственным он Менелаем
Битвой, один на один, за Елену желает сразиться.

92-94 Кто из двоих победит и окажется явно сильнейшим,
В дом и Елену введет, и сокровища все он получит;
Мы ж на взаимную дружбу священные клятвы положим».

95-100 Рек он; ахейцы безмолвные все сохраняли молчанье;
И меж них провещал Менелай, знаменитый воитель:
«Ныне внимайте и мне; жесточайшая горесть пронзает
Сердце мое; помышляю давно я: пора примириться
Трои сынам и ахейцам; довольно вы бед претерпели
Ради вражды между мной и Парисом, виновником оной.

101-104 Кто между нами двумя судьбой обречен на погибель,
Тот да погибнет! а вы, о друзья, примиритесь немедля.
Пусть же представят и белого агнца, и черную овцу
Солнцу принесть и земле; а Крониду пожрем мы другого.

105-108 Пусть призовут и Приама владыку, да клятву положит
Сам (а сыны у него напыщенны, всегда вероломны):
Да преступник какой-либо Зевсовых клятв не разрушит:
Сердце людей молодых легкомысленно, непостоянно;

109-113 Старец, меж ними присущий, вперед и назад прозорливо
Смотрит, обеих сторон соблюдая взаимную пользу».
Так говорил; и наполнились радостью оба народа,
Чая почить наконец от трудов изнурительной брани:
Коней становят в ряды, с колесниц своих прядают сами;

114-117 Быстро снимают доспехи, на землю слагают их близко
Друг против друга: меж воинств осталося узкое поле.
Гектор немедленно к граду глашатаев двух посылает
Агнцев поспешно принесть и вызвать владыку Приама.

118-120 Царь Агамемнон равно повеление дал Талфибию
К сеням ахейским идти и принесть на заклание агнца;
Он поспешил, повинуясь державному сыну Атрея.

121-128 С вестью Ирида явилась к Елене лилейнораменной.
Вестница, образ принявши любезной Елене золовки,
С коей в супружестве был Антенорид царь Геликаон,
Образ младой Лаодики, прекраснейшей дщери Приама,
В терем вошла, где Елена ткань великую ткала,
Светлый, двускладный покров, образуя на оном сраженья,
Подвиги конных троян и медянодоспешных данаев,
В коих они за нее от Ареевых рук пострадали.

129-131 К ней приступив, быстроногая так говорила Ирида:
«Выйди, любезная нимфа, деяния чудные видеть
Конников храбрых троян и медянодоспешных данаев.

132-135 Оба народа недавно, стремимые бурным Ареем,
В поле сходились, пылая взаимно погибельной бранью.
Ныне безмолвны стоят; прекратилася брань; ратоборцы
Все на щиты преклонилися, копья их воткнуты в землю.

136-138 Но герой Александр и Атрид Менелай брановосный
Выйти желают одни за тебя на копьях сразиться,
И супругой любезной тебя наречет победитель».

139-142 Так изрекла и влияла ей в душу сладкие чувства,
Думы о первом супруге, о граде родимом и кровных.
Встала она и, сребристыми тканями вкруг осеняся,
Быстро из дому идет со струящеюсь нежной слезою.

143-145 Следом за ней поспешили прислужницы верные обе,
Эфра, Питеева дочь, и Климена, с блистательным взором.
Скоро они притекли ко вратам возвышавшимся Скейским.

146-153 Там и владыка Приам, и Панфой, и Фимет благородный,
Клитий, божественный Ламп, Гикетаон, Ареева отрасль,
Укалегон, и герой Антенор, прозорливые оба,
Старцы народа сидели на Скейской возвышенной башне,
Старцы, уже не могучие в брани, но мужи совета,
Сильные словом, цикадам подобные, кои по рощам,
Сидя на ветвях дерев, разливают голос их звонкий:
Сонм таковых илионских старейшин собрался на башне.

154-158 Старцы, лишь только узрели идущую к башне Елену,
Тихие между собой говорили крылатые речи:
«Нет, осуждать невозможно, что Трои сыны и ахейцы
Брань за такую жену и беды столь долгие терпят:
Истинно, вечным богиням она красотою подобна!

159-162 Но, и столько прекрасная, пусть возвратится в Элладу;
Пусть удалится от нас и от чад нам любезных погибель!»
Так говорили; Приам же ее призывал дружелюбно:
«Шествуй, дитя мое милое! ближе ко мне ты садися.

163-165 Узришь отсюда и первого мужа, и кровных, и ближних.
Ты предо мною невинна; единые боги виновны:
Боги с плачевной войной на меня устремили ахеян!

166-170 Сядь и поведай мне имя величеством дивного мужа:
Кто сей, пред ратью ахейскою, муж и великий и мощный?
Выше его головой меж ахеями есть и другие,
Но толико прекрасного очи мои не видали,
Ни толико почтенного: мужу царю он подобен!»

171-175 Старцу в женах знаменитая так отвечала Елена:
«Ты и почтен для меня, возлюбленный свекор, и страшен!
Лучше бы горькую смерть предпочесть мне, когда я решилась
Следовать с сыном твоим, как покинула брачный чертог мой,
Братьев, и милую дочь, и веселых подруг мне бесценных!

176-179 Но не сделалось так; и о том я в слезах изнываю!..
Ты вопрошаешь меня, и тебе я скажу, Дарданион:
Муж сей есть пространно державный Атрид Агамемнон,
Славный в Элладе, как мудрый царь и как доблестный воин.

180-182 Деверь он был мне; увы, недостойная, если б он был им!»
Так говорила, — и старец, дивяся Атриду, воскликнул:
«О Агамемнон, счастливым родившийся, смертный блаженный!

183-185 Сколько под властью твоею ахейских сынов брагоносных!
Некогда, быв во фригийской земле, виноградом обильной,
Зрел я великую рать фригиян, колесничников быстрых;

186-190 Зрел я Атрея полки и Мигдона, подобного богу:
Станом стояло их воинство вдоль берегов Сангария;
Там находился и я, и союзником оных считался,
В день, как мужам подобные ратью нашли амазонки:
Но не столько их было, как здесь быстрооких данаев».

191-194 После, узрев Одиссея, Приам вопрошает Елену:
«Ныне скажи и об этом, дитя мое: кто сей данаец?
Менее целой главой, чем великий Атрид Агамемнон,
Но, как сдается мне, он и плечами и персями шире.

195-198 Сбруя его боевая лежит на земле плодоносной;
Сам же, подобно овну, по рядам ратоборным он ходит.
Он мне подобным овну представляется, пышному волной,
В стаде ходящему между овец среброрунных».

199-202 Вновь отвечала Приаму Елена, рожденная Зевсом:
«Муж сей, почтенный Приам, Лаэртид Одиссей многоумный,
Взросший в народе Итаки, питомец земли каменистой,
Муж, преисполненный козней различных и мудрых советов».

203-206 К ней обративши слова, говорил Антенор благоумный:
«Подлинно, речь справедливую ты, о жена, произносишь:
Некогда к нам приходил Одиссей Лаэртид знаменитый,
Присланный, ради тебя, с Менелаем воинственным купно.

207-210 Я их тогда принимал и угащивал дружески в доме;
Свойство узнал обоих и советов их разум изведал.
Если они на собранья троянские вместе являлись, —
Стоя, плечами широкими царь Менелай отличался;

211-215 Сидя же вместе, взрачнее был Одиссей благородный.
Если они пред собранием думы и речи сплетали, —
Царь Менелай всегда говорил, изъясняяся бегло,
Мало вещал, но разительно; не был Атрид многословен,
Ни в речах околичен, хоть был он и младший годами.

216-219 Но когда говорить восставал Одиссей многоумный,
Тихо стоял и в землю смотрел, потупивши очи;
Скиптра в деснице своей ни назад, ни вперед он не двигал,
Но незыбно держал, человеку простому подобный.

220-222 Счел бы его ты разгневанным мужем илѝ скудоумным.
Но когда издавал он голос могучий из персей,
Речи, как снежная вьюга, из уст у него устремлялись!

223-226 Нет, не дерзнул бы никто с Одиссеем стязаться словами;
Мы не дивились тогда Одиссееву прежнему виду».
Третьего видя Аякса, Приам вопрошает Елену:
«Кто еще оный ахеянин, столько могучий, огромный?

227-229 Он и главой и плечами широкими всех перевысил».
Старцу в женах знаменитая вновь отвечала Елена:
«Муж сей — Аякс Теламонид великий, твердыня данаев.

230-233 Там, среди критских дружин, возвышается, богу подобный,
Идоменей, и при нем предводители критян толпятся.
Часто героя сего Менелай угощал дружелюбно
В нашем доме, когда приходил он из славного Крита.

234-238 Вижу и многих других быстрооких данайских героев;
Всех я узнала б легко и поведала б каждого имя.
Двух лишь нигде я не вижу строителей воинств: незримы
Кастор, коней укротитель, с могучим бойцом Полидевком,
Братья, которых со мною родила единая матерь.

239-242 Или они не оставили град Лакедемон веселый?
Или, быть может, и здесь, принеслись в кораблях мореходных,
Но одни не желают вступать в ратоборство с мужами,
Срамом гнушаясь и страшным позором, меня тяготящим!»

243-248 Так говорила; но их уже матерь земля сокрывала
Там, в Лакедемоне, в недрах любезной земли их родимой.
Тою порой через Трою жертвы для клятвы священной,
Агнцев и дар полей, вино, веселящее сердце,
В козьем меху несли провозвестники; нес совокупно
Вестник Идей и блестящую чашу, и кубки златые;

249-252 Он же, и к старцу представ, призывал Дарданида, вещая:
«Сын Лаомедонов, шествуй, тебя приглашают вельможи
Трои сынов конеборных и меднодоспешных данаев
Выйти на ратное поле, да клятвы святые положат.

253-255 Ныне герой Александр и с ним Менелай брановосец
С длинными копьями выйдут одни за Елену сразиться.
Кто победит — и жены и сокровищ властителем будет;

256-258 Мы ж, заключившие дружбу и клятвы священные, будем
Троей владеть, а данаи в Аргос, конями обильный,
Вспять отплывут и в Ахаию, славную жен красотою».

259-261 Так произнес; ужаснулся Приам, но друзьям повелел он
Коней запречь в колесницу; они покорились охотно;
Старец взошел и бразды натянул к управлению коней;

262-266 Подле него Антенор на блистательной стал колеснице;
В поле они через Скейские быстрых направили коней.
И когда достигнули воинств троян и ахеян,
Там, с колесницы прекрасной сошедши на злачную землю,
Между троян и ахеян срединою шествуют старцы.

267-270 В встречу им быстро восстал повелитель мужей Агамемнон,
Мудрый восстал Одиссей; и почтенные вестники оба
Жертвы для клятвы священной представили; в чаше единой
Вина смесили и на руки воду царям возлияли.

271-274 Тут Агамемнон, владыка, десницею нож обнаживши
Острый, висящий всегда при влагалище мечном великом,
Волну отрезал на агнчих главах, и глашатаи оба,
Взяв, разделили ее меж избранных троян и ахеян.

275-277 Царь Агамемнон воззвал, с воздеянием дланей моляся:
«Мощный Зевс, обладающий с Иды, преславный, великий!
Гелиос, видящий все и слышащий все в поднебесной!

278-282 Реки, земля и вы, что в подземной обители души
Оных караете смертных, которые ложно клянутся!
Будьте свидетели вы и храните нам клятвы святые:
Если Парис Приамид поразит Менелая Атрида,
Он и Елену в дому, и сокровища все да удержит;

283-285 Мы ж от троянской земли отплывем на судах мореходных.
Если Париса в бою поразит Менелай светловласый,
Граждане Трои должны возвратить и жену и богатства;

286-290 Пеню должны заплатить аргивянам, какую прилично;
Память об ней да прейдет и до поздних племен человеков.
Если же мне и Приам, и Приама сыны отрекутся
Должную дань заплатить по паденье уже и Париса,
Снова я ратовать буду, пока не истребую дани;

291-294 Здесь я останусь, пока не увижу конца ратоборству».
Рек и гортани овнов пересек он суровою медью
И обоих на земле положил их, в трепете смертном
Жизнь издыхающих: юную силу их медь сокрушила.

295-298 После, вино из чаши блистательной черпая кубком,
Все возливали и громко молились богам вечносущим;
Так не один возглашал меж рядами троян и ахеян:
«Зевс многославный, великий, и все вы, бессмертные боги!

299-301 Первых, которые смеют священную клятву нарушить,
Мозг, как из чаши вино, да по черной земле разольется,
Их вероломных и чад, — и пришельцы их жен да обымут!»

302-305 Так возглашали; моления их не исполнил Кронион.
Старец Приам между тем обратился к народам, вещая:
«Слову внимайте, трояне и храбрые мужи ахейцы:
Я удаляюсь от вас, в Илион возвращаюсь холмистый.

306-309 Мне недостанет сил, чтобы видеть своими очами
Сына любезного бой с Менелаем, питомцем Арея.
Ведает Зевс Эгиох и другие бессмертные боги,
В битве кому из подвижников смертный конец предназначен».

310-312 Рек, — и овнов в колесницу влагает божественный старец;
Всходит и сам и бразды к управленью коней напрягает;
Подле него Антенор на блистательной стал колеснице.

313-317 Старцы, назад обратяся, погнали коней к Илиону.
Гектор тогда Приамид и с ним Одиссей благородный
Прежде измерили место сражения; после, повергнув
Жребии в медный шелом, сотрясали, да ими решится,
Кто в сопротивника первый копье медяное пустит.

318-320 Рати же окрест молились и длани к богам воздевали;
Так не один восклицал меж рядами троян и ахеян:
«Мощный Зевс, обладающий с Иды, преславный, великий!

321-323 Кто между ими погибельных дел сих и распрей виновник,
Дай ты ему, пораженному, в дом погрузиться Аида,
Нам же опять утвердить и священные клятвы, и дружбу!»

324-327 Так возглашают; а Гектор великий два жребия в шлеме,
Взор отвратив, сотрясает, и выпрянул жребий Париса.
Воины быстро уселись рядами, где каждый оставил
Коней своих звуконогих и пестрые ратные сбруи.

328-331 Тою порой вкруг рамен покрывался оружием пышным
Юный герой Александр, супруг лепокудрой Елены.
И сперва наложил он на белые ноги поножи
Пышные, кои серебряной плотно смыкались наглезной;

332-335 Перси кругом защищая, надел медяные латы,
Брата Ликаона славный доспех, и ему соразмерный;
Сверху на рамо набросил ремень и меч среброгвоздный

С медяным клинком; и щит захватил, и огромный и крепкий;

336-338 Шлем на могучую голову ярко блестящий надвинул
С гривою конскою; гребень ужасный над ним волновался;
Тяжкое поднял копье, но которое было споручно.

339-343 Так и Атрид Менелай покрывался оружием, храбрый.
И едва лишь каждый в дружине своей воружился,
Оба они аргивян и троян на средину выходят
С грозно блестящими взорами; ужас смотрящих объемлет
Конников храбрых троян и красивопоножных данаев.

344-347 Близко герои сошлись и на месте измеренном стали,
Копья в руках потрясая, свирепствуя друг против друга.
Первый герой Александр послал длиннотенную пику
И ударил жестоко противника в щит круговидный;

348-351 Но — не проникнуло меди, согнулось копейное жало
В твердом щите. И воздвигся второй с занесенною пикой
Царь Менелай, умоляющий пламенно Зевса владыку:
«Зевс! помоги покарать сотворившего мне оскорбленье!

352-354 В прах моею рукой низложи Приамида Париса;
Пусть ужасается каждый и в поздно рожденных потомках
Злом воздавать за приязнь добродушному гостеприимцу».

355-360 Рек он — и, мощно сотрясши, поверг длиннотенную пику,
И ударил жестоко противника в щит круговидный:
Щит светозарный насквозь пробежала могучая пика,

Броню насквозь, украшением пышную, быстро пронзила
И, на паху подреберном, хитон у Париса рассекла,
Бурная; он, лишь отпрянув, погибели черной избегнул.

361-363 Сын же Атреев, исторгнув стремительно меч среброгвоздный,
Грянул с размаху по бляхе шелома; но меч, над шеломом
В три и четыре куска раздробившися, пал из десницы.

364-366 Царь Менелай возопил, на пространное небо взирая:
«Зевс, ни один из бессмертных, подобно тебе, не злотворен!
Я наконец уповал покарать Александра злодея;

367-370 И в руках у меня сокрушается меч, и напрасно
Вылетел дрот из десницы моей: не могу поразить я!»
Рек — и напал на него, за шлем ухватив коневласый,
Быстро повлек, обратившися к пышнопоножным ахейцам.

371-373 Стиснул Парисову нежную выю ремень хитрошвенный —
Вплоть у него под брадой проходившая подвязь шелома.
Он и довлек бы его, и покрылся бы славой великой;

374-376 Но любимца увидела Зевсова дочь Афродита;
Кожу вола, пораженного силой, она разорвала:
Шлем последовал праздный за мощной рукой Менелая.

377-382 Быстро его Атрейон, закруживши на воздухе, ринул
К пышнопоножным данаям, и подняли верные други.
Сам же он бросился вновь, поразить Александра пылая
Медным копьем; но Киприда его от очей, как богиня,
Вдруг похищает и, облаком темным покрывши, любимца
В ложницу вводит, в чертог, благовония сладкого полный;

383-390 Быстро уходит Елену призвать, и на башне высокой
Ледину дочь, окруженную сонмом троянок, находит,
Тихо рукой потрясает ее благовонную ризу
И говорит, уподобяся старице, древле рожденной,
Пряхе, что в прежние дни для нее в Лакедемоне граде
Волну прекрасно пряла и царевну вседушно любила:
Ей уподобяся, так говорит Афродита богиня:
«В дом возвратися, Елена; тебя Александр призывает.

391-394 Он уже дома, сидит в почивальне, на ложе точеном,
Светел красой и одеждой; не скажешь, что юный супруг твой
С мужем сражался и с боя пришел, но что он к хороводу
Хочет идти иль воссел опочить, хоровод лишь оставив».

395-399 Так говорила, — и душу Елены в груди взволновала:
Но, лишь узрела Елена прекрасную выю Киприды,
Прелести полные перси и страстно блестящие очи,
В ужас пришла, обратилась к богине и так говорила:
«Ах, жестокая! снова меня обольстить ты пылаешь?

400-402 Или меня еще дальше, в какой-либо град многолюдный,
Фригии град иль Меонии радостной хочешь увлечь ты,
Если и там обитает любезный тебе земнородный?

403-405 Ныне, когда Менелай, на бою победив Александра,
Снова в семейство меня возвратить, ненавистную, хочет,
Что ты являешься мне, с злонамеренным в сердце коварством?

406-409 Шествуй к любимцу сама, от путей отрекися бессмертных
И, стопою твоей никогда не касаясь Олимпа,
Вечно при нем изнывай и ласкай властелина, доколе
Будешь им названа или супругою, или рабою!

410-412 Я же к нему не пойду, к беглецу; и позорно бы было
Ложе его украшать; надо мною троянские жены
Все посмеются; довольно и так мне для сердца страданий!»

413-415 Ей, раздраженная Зевсова дочь, отвечала Киприда:
«Смолкни, несчастная! Или, во гневе тебя я оставив,
Так же могу ненавидеть, как прежде безмерно любила.

416-420 Вместе обоих народов, троян и ахеян, свирепство
Я на тебя обращу, и погибнешь ты бедственной смертью!»
Так изрекла, — и трепещет Елена, рожденная Зевсом,
И, закрывшись покровом сребристоблестящим, безмолвно,
Сонму троянок невидимо, шествует вслед за богиней.

421-423 Скоро достигли они Александрова пышного дома;
Обе служебницы бросились быстро к домашним работам.
Тихо на терем высокий жена благородная всходит.

424-429 Там для нее, улыбаясь пленительно, кресло Киприда,
Взяв сама, пред лицом Александровым ставит, богиня.
Села на оном Елена, рожденная Зевсом Кронидом,
Очи назад отвратила и так упрекала супруга:
«С битвы пришел ты? о лучше б, несчастный, навеки погибнул,
Мужем сраженный могучим, моим преждебывшим супругом!

430-432 Прежде не сам ли хвалился, что ты Менелая героя
Силой своей и рукой и копьем превзойдешь в ратоборстве!
Шествуй теперь и Атрида могучего вызови снова;

433-435 Лично с героем сразися. Но я не советую; лучше
Мирно покойся, и впредь с светлокудрым Атреевым сыном
Ратовать ратью, ни битвою биться не смей безрассудно;

436-438 Или, страшись, да его копием укрощен ты не будешь!»
Ей отвечая, Парис устремляет крылатые речи:
«Нет, не печаль мне, супруга, упреками горькими сердце;

439-441 Так, сегодня Атрид победил с ясноокой Афиной;
После и я побежду: покровители боги и с нами.
Ныне почием с тобой и взаимной любви насладимся.

442-445 Пламя такое в груди у меня никогда не горело;
Даже в тот счастливый день, как с тобою из Спарты веселой
Я с похищенной бежал на моих кораблях быстролетных,
И на Кранае с тобой сочетался любовью и ложем.

446-448 Ныне пылаю тобою, желания сладкого полный».
Рек он — и шествует к ложу, за ним и Елена супруга.
Вместе они на блистательноубранном ложе почили.

449-452 Сын же Атреев по воинству рыскал, зверю подобный,
Взоры бросая кругом, не увидит ли где Александра.
Но ни единый из храбрых троян и союзников славных
Мощному сыну Атрея не мог указать Александра.

453-456 Верно, из дружбы к нему, не сокрыл бы никто его зревший:
Всем он и им уже был ненавистен, как черная гибель.
Громко тогда возгласил повелитель мужей Агамемнон:
«Слух преклоните, трояне, дардане и рати союзных!

457-460 Видимо всем торжество Менелая, любимца Арея.
Вы аргивянку Елену, с богатством ее похищенным,
Выдайте нам и немедленно должную дань заплатите,
Память об ней да прейдет и до поздних племен человеков».

461 Так Агамемнон вещал, — и в хвалу восклицали ахейцы.

Une Sacra · издание 1 · unesacra.com · CC BY-NC-SA 4.0

ПЕСНЬ IV

✦

1-4 Боги, у Зевса отца на помосте златом заседая,
Мирно беседу вели; посреди их цветущая Геба
Нектар кругом разливала; и, кубки приемля златые,
Чествуют боги друг друга, с высот на Трою взирая.

5-8 Вдруг Олимпиец Кронион замыслил Геру прогневать
Речью язвительной; он, издеваясь, беседовать начал:
«Две здесь богини, помощницы в бранях царя Менелая:
Гера Аргивская и Тритогения Алалкомена.

9-12 Обе, однако, далеко сидя и с Олимпа взирая,
Тем утешаются; но с Александром везде Афродита,
Помощь ему подает, роковые беды отражает,
И сегодня любимца спасла, трепетавшего смерти.

13-16 Но, очевидно, победа над ним Менелая героя.
Боги, размыслим, чем таковое деяние кончить?
Паки ли грозную брань и печальную распрю воздвигнем
Или возлюбленный мир меж двумя племенами положим?

17-19 Если сие божествам и желательно всем, и приятно,
Будет стоять нерушимою Троя Приама владыки,
И с Еленой Аргивскою в дом Менелай возвратится».

20-23 Так он вещал; негодуя, вздыхали Афина и Гера;
Вместе сидели они и троянам беды умышляли.
Но Афина смолчала; не молвила, гневная, слова
Зевсу отцу, а ее волновала свирепая злоба.

24-28 Гера же гнева в груди не сдержала, воскликнула к Зевсу:
«Сердцем жестокий Кронион! какой ты глагол произносишь?
Хочешь ты сделать и труд мой ничтожным, и пот мой бесплодным,
Коим, трудясь, обливалася? Я истомила и коней,
Рать подымая на гибель Приаму и чадам Приама.

29-33 Волю твори; но не все от бессмертных ее мы одобрим».
Ей негодующий сердцем ответствовал Зевс тучеводец:
«Злобная! старец Приам и Приамовы чада какое
Зло пред тобой сотворили, что ты непрестанно пылаешь
Град Илион истребить, благолепную смертных обитель?

34-36 Если б могла ты, войдя во врата и троянские стены,
Ты бы пожрала живых и Приама, и всех Приамидов,
И троянский народ, и тогда б лишь насытила злобу!

37-42 Делай, что сердцу угодно; да горький сей спор напоследок
Грозной вражды навсегда между мной и тобой не положит.
Слово еще изреку я, а ты впечатлей его в сердце:
Если и я, пылающий гневом, когда возжелаю
Град ниспровергнуть, отчизну любезных тебе человеков, —
Гнева и ты моего не обуздывай, дай мне свободу!

43-47 Град сей тебе я предать соглашаюсь, душой несогласный.
Так, под сияющим солнцем и твердью небесною звездной
Сколько ни зрится градов, населенных сынами земными,
Сердцем моим наиболее чтима священная Троя,
Трои владыка Приам и народ копьеносца Приама.

48-52 Там никогда мой алтарь не лишался ни жертвенных пиршеств,
Ни возлияний, ни дыма: сия бо нам честь подобает».
Вновь провещала к нему волоокая Гера богиня:
«Три для меня наипаче любезны ахейские града:
Аргос, холмистая Спарта и град многолюдный Микена.

53-56 Их истреби ты, когда для тебя ненавистными будут;
Я не вступаюсь за них и отнюдь на тебя не враждую.
Сколько бы в гневе моем ни противилась их истребленью,
Я не успела б и гневная: ты на Олимпе сильнейший.

57-61 Но труды и мои оставаться должны ли бесплодны?
Я божество, как и ты, исхожу от единого рода;
И, богиня старейшая, дщерь хитроумного Крона,
Славой сугубой горжусь, что меня и сестрой и супругой
Ты нарицаешь, — ты, над бессмертными всеми царящий.

62-65 Но оставим вражду и, смиряяся друг перед другом,
Оба взаимно уступим, да следуют нам и другие
Боги бессмертные. Ныне, Кронид, повели ты Афине
Быстро сойти к истребительной брани троян и данаев;

66-68 Пусть искушает она, чтоб славою гордых данаев
Первые Трои сыны оскорбили, разрушивши клятву».
Так говорила, — и внял ей отец и бессмертных и смертных;

69-72 Речи крылатые он устремил к светлоокой Афине:
«Быстро, Афина, лети к ополченью троян и данаев;
Там искушай и успей, чтоб славою гордых данаев
Первые Трои сыны оскорбили, разрушивши клятву».

73-80 Рек — и подвигнул давно пылавшую сердцем Афину:
Бурно помчалась богиня, с Олимпа высокого бросясь.
Словно звезда, какую Кронион Зевс посылает
Знаменьем или пловцам, иль воюющим ратям народов,
Яркую; вкруг из нее неисчетные сыплются искры, —
В виде таком устремляясь на землю, Паллада Афина
Пала в средину полков: изумление обняло зрящих
Конников храбрых троян и медянодоспешных данаев;

81-84 Так говорил не один ратоборец, взглянув на другого:
«Снова войне ненавистной, снова сече кровавой
Быть перед Троей; или полагает мир между нами
Зевс всемогущий, который меж смертными браней решитель».

85-88 Так не один говорил в ополченьях троян и ахеян.
Зевсова ж дочь, Антенорова сына приявшая образ,
Мужа Лаодока храброго, в сонмы троянские входит,
Пандара, богу подобного, ищет, кругом вопрошая;

89-91 Видит его: непорочный и доблестный сын Ликаонов,
Пандар, стоял и при нем густые ряды щитоносцев,
Воев, пришедших за ним от священных потоков Эсепа.

92-94 Став близ него, устремила богиня крылатые речи:
«Будешь ли мне ты послушен, воинственный сын Ликаона?
Смеешь ли быстрой стрелою ударить в царя Менелая?

95-99 В Трое от каждого ты благодарность и славу стяжаешь;
Более ж всех от Приамова сына, царя Александра.
Так, от него ты от первого дар понесешь знаменитый,
Если узрит он, что царь Атрейон, Менелай брапоносный,
Свержен твоею стрелой, на костер подымается грустный.

100-103 Пандар, дерзай! порази Менелая, высокого славой!
Прежде ж обет сотвори луконосцу ликийскому, Фебу,
Агнцев ему первородных принесть знаменитую жертву,
В отческий дом возвратяся, в священные Зелии стены».

104-108 Так говоря, безрассудного сердце Афина подвигла.
Лук обнажил он лоснистый, рога быстроскачущей серны,
Дикой, которую некогда сам он под перси уметил,
С камня готовую прянуть; ее, ожидавший в засаде,
В грудь он стрелой угодил и хребтом опрокинул на камень.

109-111 Роги ее от главы на шестнадцать ладоней вздымались.
Их, обработав искусно, сплотил рогодел знаменитый,
Вылощил ярко весь лук и покрыл его златом поверхность.

112-115 Лук сей блестящий, стрелец натянувши, искусно изладил,
К долу склонив; и щитами его заградила дружина,
В страхе, да слуги Арея в него не ударят, ахейцы,
Прежде чем будет пронзен Менелай, воевода ахеян.

116-122 Пандар же крышу колчанную поднял и выволок стрелу,
Новую стрелу крылатую, черных страданий источник.
Скоро к тугой тетиве приспособил он горькую стрелу,
И, обет сотворя луконосцу ликийскому, Фебу,
Агнцев ему первородных принесть знаменитую жертву,
В отческий дом возвратяся, в священные Зелии стены,
Разом повлек он и уши стрелы, и воловую жилу;

123-126 Жилу привлек до сосца и до лука железо пернатой;
И едва круговидный огромный свой лук изогнул он,
Рог заскрипел, тетива загудела, и прянула стрелка
Остроконечная, жадная в сонмы влететь сопротивных.

127-131 Но тебя, Менелай, не оставили жители неба,
Вечные боги, и первая дщерь светлоокая Зевса:
Став пред тобою, она возбраняет стреле смертоносной
К телу касаться, ее отражает, как нежная матерь
Гонит муху от сына, сном задремавшего сладким.

132-139 Медь направляет богиня туда, где застежки златые
Запон смыкали и где представлялася броня двойная:
Бурно пернатая горькая в сомкнутый запон упала
И насквозь просадила изящно украшенный запон,
Броню насквозь, украшением пышную, быстро пробила,

Навязь медную, тела защиту, стрел сокрушенье,
Часто его защищавшую, самую навязь пронзила
И рассекла, могучая, верхнюю кожу героя;

140-147 Быстро багряная кровь заструилась из раны Атрида.
Так, как слоновая кость, обагренная в пурпур женою,
Карскою или меонской, для пышных нащечников коням,
В доме лежит у владелицы: многие конники страстно
Жаждут обресть; но лежит драгоценная царская утварь,
Должная быть и коню украшеньем, и коннику славой, —
Так у тебя, Менелай, обагрилися пурпурной кровью
Бедра крутые, красивые ноги и самые глезны.

148-150 В ужас пришел Атрид, повелитель мужей Агамемнон,
Брата увидевши кровь, изливавшуюсь током из язвы.
В ужас пришел и сам Менелай, воеватель отважный;

151-157 Но лишь увидел шипы и завязку пернатой вне тела,
Вновь у Атреева сына исполнились мужества перси.
Тяжко стеная и за руку брата держа, Агамемнон
Так между тем говорил, и кругом их стенала дружина:
«Милый мой брат! на погибель тебе договор заключил я,
Выставив против троян одного за данаев сражаться:
Ими пронзен ты; попрали трояне священную клятву!

158-162 Но не будут ничтожными клятва, кровавая жертва,
Вин возлиянье и рук сопряженье на верность обета.
Если теперь совершить Олимпийский Зевес не рассудит,

Поздно, но он совершит, — и трояне великою платой,
Женами их, и детьми, и своими главами заплатят.

163-165 Твердо уверен я в том, убеждаяся духом и сердцем,
Будет некогда день, как погибнет высокая Троя,
Древний погибнет Приам и народ копьеносца Приама.

166-168 Зевс Эгиох, обитатель эфира высокоцарящий,
Сам над главами троян заколеблет ужасным эгидом,
Сим вероломством прогневанный; то неминуемо будет.

169-171 Но меж тем, Менелай, и жестокая будет мне горесть,
Если умрешь ты, о брат мой, и жизни предел здесь окончишь.
Я, отягченный стыдом, отойду в многожаждущий Аргос!

172-175 Скоро тогда по отечестве все затоскуют ахейцы.
В славу Приаму и в радость троянам, здесь мы оставим
Нашу Елену, и кости твои середь поля истлеют,
Легшие в чуждой троянской земле, не свершенному делу.

176-178 Скажет тогда не один беспредельно надменный троянец,
Гордо на гроб наскочив Менелая, покрытого славой:
— Если бы так над всеми свой гнев совершал Агамемнон!

179-182 Он к Илиону ахейскую рать приводил бесполезно;
Он с кораблями пустыми в любезную землю родную
Вспять возвратился, оставивши здесь Менелая героя. —
Так он речет; и тогда расступися, земля, подо мною!»

183-187 Душу ему ободряя, вещал Менелай светловласый:
«Брат, ободрися и в страх не вводи ополчений ахейских;
В место мне не смертельное медь вонзилася; прежде
Пояс мой испещренный ее укротил, а под оным
Запон и навязь, которую медники-мужи ковали».

188-191 Быстро ему отвечал повелитель мужей Агамемнон:
«Было бы истинно так, как вещаешь, возлюбленный брат мой!
Язву же врач знаменитый немедля тебе испытает
И положит врачевств, утоляющих черные боли».

192-194 Рек — и к Талфибию вестнику речь обратил Агамемнон:
«Шествуй, Талфибий, и к нам призови ты Махаона мужа,
Славного рати врача, Асклепия мудрого сына.

195-197 Пусть он осмотрит вождя аргивян, Менелая героя,
Коего ранил стрелою стрелец знаменитый ликийский,
Или троянский, на славу троянам, ахейцам на горесть!»

198-202 Рек — и глашатай немедленно слову царя повинулся:
Быстро пошел сквозь толпы, по великому войску данаев,
Окрест смотря по рядам; и героя Махаона видит:
Пеш он стоял и кругом его храбрых ряды щитоносцев,
Воев, за ним прилетевших из Трики, обильной конями.

203-207 Став близ него, устремляет Талфибий крылатые речи:
«Шествуй, Асклепиев сын; Агамемнон тебя призывает;
Шествуй увидеть вождя аргивян, Менелая героя,
Коего ранил стрелою стрелец знаменитый ликийский,
Или троянский, на славу троянам, ахейцам на горесть!»

208-213 Так говорил он, — и душу Махаона в персях встревожил.
Быстро пошли сквозь толпы по великому войску данаев,
И, когда притекли, где Атрид Менелай светлокудрый
Был поражен, где, собравшись, ахейские все властелины
Кругом стояли, а он посреди их, богу подобный,
Врач из плотного запона стрелу извлечь поспешает;

214-217 Но, когда он повлек, закривились шипы у пернатой.
Быстро тогда разрешив пестроблещущий запон, под оным
Пояс и повязь, которую медники-мужи ковали,
Язвину врач осмотрел, нанесенную горькой стрелою;

218-221 Выжал кровь и, искусный, ее врачевствами осыпал,
Силу которых отцу его Хирон открыл дружелюбный.
Тою порой, как данаи заботились вкруг Менелая,
Быстро троянцев ряды наступали на них щитоносцев;

222-225 Снова данаи оружьем покрылись и вспыхнули боем.
Тут не увидел бы ты Агамемнона, сына Атрея,
Дремлющим, или трепещущим, или на брань неохотным:
Пламенно к брани, мужей прославляющей, он устремился.

226-228 Коней Атрид с колесницею, медью блестящей, оставил;
Их браздодержец могучий держал недалеко, храпящих,
Муж Эвримедон, потомок Пираосов, сын Птолемеев;

229-231 Близко держаться Атрид заповедал, на случай, когда он
Члены трудом истомит, обходящий и строящий многих.
Сам, устремившися пеш, проходил он ряды ратоборцев.

232-234 Где поспешавших на бой находил аргивян быстроконных,
Духа еще им, представ, придавал возбудительной речью:
«Аргоса вои, воспомните ныне кипящую доблесть!

235-237 Нет, небожитель Кронид в вероломствах не будет помощник
Первых, которые, клятвы поправ, нанесли оскорбленье, —
Белое тело их, верно, растерзано вранами будет;

238-242 Мы же супруг их цветущих и всех их детей малолетних
В плен увлечем на судах, как возьмем крепкостенную Трою».
Но, встречая мужей, на печальную битву коснящих,
Сильно на них нападал, порицая жестокою речью:
«Аргоса вои, стрельцы презренные, нет ли стыда вам?

243-246 Что, пораженные страхом, как робкие лани, стоите?
Лани, когда утомятся, по чистому бегая полю,
Купой стоят, и нет в их персях ни духа, ни силы, —
Так, пораженные, вы здесь стоите и медлите к бою.

247-249 Ждете ли вы, чтоб трояне до самых рядов приступили
Наших судов лепокормных, на береге моря седого,
Там чтоб увидеть вам, вас ли рукой покрывает Кронион?»

250-252 Так он, начальствуя, вкруг обходил ратоборные строи.
Скоро приближился к критским, идя сквозь толпу ратоборцев:
Критяне строились в бой вкруг отважного Идоменея;

253-260 Идоменей впереди их подобился вепрю, могучий;
Вождь Мерион у него позади возбуждал ополченья.
Их усмотревши, наполнился радостью царь Агамемнон
И предводителя критян приветствовал ласковой речью:

«Идоменей, тебя среди сонма героев ахейских
Чествую выше я всех, как в боях и деяниях прочих,
Так и на празднествах наших, когда благородным данаям
К пиру почетного чермного чашу вина растворяют;

261-263 Где предводители прочие меднодоспешных данаев
Пьют известною мерой, но кубок тебе непрестанно
Полный стоит, как и мне, да пьешь до желания сердца.

264-267 Шествуй же к брани таков, как и прежде ты быть в ней гордился».
И Атриду ответствовал критских мужей воевода:
«Славный Атрид, неизменно твоим я остануся другом,
Верным всегда, как и прежде тебе обещал я и клялся.

268-270 Но спеши и других возбудить кудреглавых данаев.
Битву скорее начнем; разорвали священные клятвы
Трои сыны! И постигнут их первых беды и погибель;

271-274 Первые, клятвы поправ, вероломно они оскорбили!»
Так он вещал, — и Атрид удалился, радостный сердцем;
Он устремился к Аяксам, идя сквозь толпу ратоборных:
Оба готовились в бой, окруженные тучею пеших.

275-278 Словно как с холма высокого тучу великую пастырь
Видит, над морем идущую, ветром гонимую бурным:
Издали взору его как смола представляяся черной,
Мчится над морем она, предводящая страшную бурю;

279-282 С ужасом пастырь глядит и стада свои гонит в пещеру, —
Вслед таковы за Аяксами юношей, пламенных в битвах,
К брани кровавой с врагом устремлялись фаланги густые,
Черные, грозно кругом и щиты воздымая и копья.

283-285 Видя и сих, наполняется радостью царь Агамемнон
И, к вождям обратяся, крылатую речь устремляет:
«Храбрые мужи, Аяксы, вожди меднолатных данаев!

286-288 Вам я народ возбуждать не даю повелений ненужных:
Сильно вы сами его поощряете к пламенным битвам.
Если б, о Зевс Олимпийский, Афина и Феб луконосец!

289-291 Если б у каждого в персях подобное мужество было,
Скоро пред нами поникнул бы град крепкостенный Приама,
Наших героев руками плененный и в прах обращенный!»

292-294 Так произнесши, оставил он их и к другим устремился.
Встретился Нестор ему, сладкогласный вития пилосский:
Строил свои он дружины и дух распалял их на битву.

295-297 Окрест его Пелагон возвышался, Аластор и Хромий,
Гемон, воинственный царь, и Биант, предводитель народов.
Конных мужей впереди с колесницами Нестор построил;

298-300 Пеших бойцов позади их поставил, и многих и храбрых,
Стену в сражениях бурных; но робких собрал в середину,
С мыслью, чтоб каждый, когда не по воле, по нужде сражался.

301-305 Конникам первым давал наставленья, приказывал им он
Коней рядами держать и нестройной толпой не толпиться.
«Нет, — чтоб никто, на искусство езды и на силу надежный,
Прежде других не пылал впереди с сопостатами биться
Или назад обращаться: себя вы ослабите сами.

306-309 Кто ж в колеснице своей на другую придет колесницу,
Пику вперед уставь: наилучший для конников способ.
Так поступая, и древние стены, и грады громили,
Разум и дух таковой сохраняя в доблестных персях».

310-314 Так им советовал старец, давно испытанный в бранях.
Царь Агамемнон, узрев и его, веселится душою
И, обратяся к нему, устремляет крылатые речи:
«Если бы, старец, доныне еще, как душа твоя в персях,
Ноги служили тебе и остались в свежести силы?

315-319 Но угнетает тебя неизбежная старость; пускай бы
Мужи другие старели, а ты бы блистал между юных!»
И Атриду ответствовал Нестор, конник геренский:
«Так, благородный Атрид, несказанно желал бы и сам я
Быть таковым, как я был, поразивший Эревфалиона.

320-323 Но совокупно всего не дают божества человекам:
Молод я был, а теперь и меня постигнула старость.
Но и таков я пойду между конными; буду бодрить их
Словом моим и советом: вот честь, остающаяся старцам.

324-326 Копья пускай устремляют ахеяне младшие, мужи,
Родшиесь после меня и надежные больше на силу».
Так произнес, — и Атрид удаляется, радостный сердцем;

327-329 Он Менесфея, отличного конника, близко находит
Праздно стоящим, и окрест — афинян, искусных в сраженьях.
Там же, близ Менесфея, стоял Одиссей многоумный;

330-335 Окрест его кефалленов ряды, не бессильных во брани,
Праздно стояли, еще не слыхавшие бранной тревоги:
Ибо едва устремленные к бою сходились фаланги
Конников быстрых троян и ахеян, и стоя дружины
Ждали, когда, наступивши, ахейская башня другая
Прежде ударит в троян и кровавую битву завяжет.

336-338 Так их нашед, возроптал повелитель мужей Агамемнон
И к вождям возгласил, устремляя крылатые речи:
«Сын скиптроносца Петея, питомца Крониона Зевса!

339-342 Также и ты, одаренный коварствами, хитростей полный,
Что, укрываяся здесь, вы стоите, других ожидая?
Вам из ахейских вождей обоим надлежало бы первым
Быть впереди и пылающей брани в лицо устремляться.

343-346 Первые вы от меня и о пиршествах слышите наших,
Если старейшинам пиршество мы учреждаем, ахейцы.
Там приятно для вас насыщаться зажаренным мясом,
Кубками вина сладкие пить до желания сердца;

347-350 Здесь же приятно вам видеть, хотя бы и десять ахейских
Вас упредили фаланг и пред вами сражалися медью».
Гневно воззрев на него, отвечал Одиссей знаменитый:
«Речи какие, Атрид, из уст у тебя излетают?

351-355 Мы, говоришь ты, от битв уклоняемся? Если, ахейцы,
Мы на троян быстроконных воздвигнем свирепство Арея,
Узришь ты, если захочешь и если участие примешь,
Узришь отца Телемахова в битве с рядами передних
Конников храбрых троян; а слова произнес ты пустые!»

356-358 Гневным узрев Одиссея, осклабился царь Агамемнон,
И, к нему обращаяся, начал он новое слово:
«Сын благородный Лаэрта, герой Одиссей многоумный!

359-361 Я ни упреков отнюдь, ни приказов тебе не вещаю.
Слишком я знаю, что сердце твое благородное полно
Добрых намерений; ты одинаково мыслишь со мною.

362-364 Шествуй, о друг! а когда что суровое сказано ныне,
После исправим; но пусть то бессмертные всё уничтожат!»
Так произнесши, оставил вождей и к другим устремился.

365-367 Там он Тидида нашел, Диомеда героя, стоящим
Подле коней и своей составной колесницы блестящей;
С ним стоял и Сфенел, благородная ветвь Капанея.

368-371 Гневно и их порицал повелитель мужей Агамемнон;
Он к Диомеду воззвал, устремляя крылатые речи:
«Мужа бесстрашного сын, укротителя коней Тидея,
Что ты трепещешь? и что озираешь пути боевые?

372-375 Так трепетать не в обычае было Тидея героя;
Он впереди, пред дружиною, первый сражался с врагами.
Так говорили — дела его зревшие; я с брапоносцем
В подвигах не был, не видел; но всех, говорят, превышал он.

376-379 Некогда он, не с войной, но как странник, в микенские стены
Мирный вошел, с Полиником божественным рать собирая.
Брань подымали они на священные фивские стены
И просили микенян дать им союзников славных.

380-383 Те соглашалися дать и решились исполнить прошенье;
Но Зевес отвратил их явлением знамений грозных.
Оба вождя отошли и путем обратным достигли
Брега Асопа густокамышного, тучного злаком.

384-386 Снова оттуда послом аргивяне послали Тидея
В Фивы, куда и пришел он и вместе обрел там кадмеян
Многих, пирующих в царском дому Этеокловой силы.

387-390 Там, невзирая, что странник, Тидей, конеборец могучий,
В страх не пришел, находяся один среди многих кадмеян:
К подвигам их вызывал и на каждом легко сопротивных
Всех победил: таково поборала Тидею Афина.

391-395 Злобой к нему воспылали кадмейцы, гонители коней,
И, на идущего вспять, пятьдесят молодых ратоборцев
Выслали тайно в засаду; и два их вождя предводили:
Меон младый, Гемонид, обитателям неба подобный,
И Автофонов сын, Ликофон, ненасытимый боем.

396-398 Но Тидей и для них жестокий конец уготовил:
Всех поразил их и дал лишь единому в дом возвратиться;
Меона он отпустил, покоряяся знаменьям бога.

399-402 Так был воинствен Тидей этолиец! Но сына родил он,
Доблестью бранною низшего, высшего только витийством».
Рек он; ни слова царю Диомед не ответствовал храбрый,
Внемля с почтеньем укоры почтенного саном владыки;

403-408 Но возразил Агамемнону сын Капанея героя:
«Нет, о Атрид, не неправдуй, тогда как и правду ты знаешь,
Мы справедливо гордимся, что наших отцов мы храбрее:
Воинство в меньшем числе приведя под Арееву стену,
Мы и престольные Фивы разрушили, град семивратный,
Знаменьям веря богов и надеясь на Зевсову помощь.

409-414 Наши ж отцы своим безрассудством себя погубили.
Славы отцов не равняй, Агамемнон, со славою нашей!»
Грозно взглянув на него, возразил Диомед благородный:
«Молча стой, Капанид, моему повинуясь совету:
Я не вменяю в вину, что владыка мужей Агамемнон
Дух возбуждает к сражению пышнопоножных данаев.

415-417 Слава ему, предводителю, если данайские мужи
Мощь одолеют троян а святый Илион завоюют;
Тяжкая горесть ему же, когда одолеют данаев.

418-421 Но устремимся, и сами воспомним кипящую храбрость!»
Рек — и с высот колесницы с оружием прянул на землю.
Страшно медь зазвучала вкруг персей царя Диомеда,

В бой полетевшего; мужа храбрейшего обнял бы ужас.

422-430 Словно ко брегу гремучему быстрые волны морские
Идут, гряда за грядою, клубимые Зефиром ветром;
Прежде средь моря они воздымаются; после, нахлынув,
С громом об берег дробятся ужасным, и выше утесов
Волны понурые плещут и брызжут соленую пену, —
Так непрестанно, толпа за толпою, данаев фаланги
В бой устремляются; каждой из них отдает повеленья
Вождь, а воины идут в молчании; всякий спросил бы:
Столько народа идущего в персях имеет ли голос?

431-436 Вои молчат, почитая начальников: пышно на всех их
Пестрые сбруи сияют, под коими шествуют стройно.
Но трояне, как овцы, богатого мужа в овчарне
Стоя тьмочисленные и млеком наполняя дойницы,
Все непрестанно блеют, отвечая блеянию агнцев, —
Крик такой у троян раздавался по рати великой;

437-443 Крик сей и звук их речей не у всех одинаковы были,
Но различный язык разноземных народов союзных.
Их возбуждает Арей, а данаев Паллада Афина,
Ужас насильственный, Страх и несытая бешенством Распря,
Бога войны, мужегубца Арея сестра и подруга:
Малая в самом начале, она пресмыкается; после
В небо уходит главой, а стопами по долу ступает.

444-449 Распря, на гибель взаимную, сеяла ярость меж ратей,
Рыща кругом по толпам, умирающих стон умножая.
Рати, одна на другую идущие, чуть соступились,
Разом сразилися кожи, сразилися копья и силы
Воинов, медью одеянных; выпуклобляшные разом
Сшиблись щиты со щитами; гром раздался ужасный.

450-454 Вместе смешались победные крики и смертные стоны
Воев губящих и гибнущих; кровью земля заструилась,
Словно когда две реки наводненные, с гор низвергаясь,
Обе в долину единую бурные воды сливают,
Обе из шумных истоков бросаясь в пучинную пропасть;

455-458 Шум их далеко пастырь с утеса нагорного слышит, —
Так от сразившихся воинств и гром разлиялся и ужас.
Первый тогда Антилох поразил у троян брановосца
Храброго, между передних, Фализия ветвь, Эхепола.

459-461 Быстро его поражает он в бляху косматого шлема
И пронзает чело: пробежало глубоко внутрь кости
Медное жало, и тьма Эхеполовы очи покрыла;

462-469 Грянулся он, как великая башня средь бурного боя.
Тело упадшего за ноги царь захватил Элефенор,
Сын Халкодонов, воинственный вождь крепкодушных абантов,
И повлек из-под стрел, поспешая скорее с троянца
Латы совлечь — но не долго его продолжалась забота:

Влекшего труп усмотрев, крепкодушный воитель Агенор
В бок, при наклоне его от ограды щита обнаженный,
Сулицей медной пронзил и могучего крепость разрушил.

470-472 Там он дух испустил, и при нем загорелося дело, —
Яростный бой меж троян и ахеян: как волки, бросались
Вои одни на других; человек с человеком сцеплялся.

473-479 Тут поражен Теламонидом сын Анфемиона юный,
Жизнью цветущий, герой Симоисий, которого матерь,
Некогда с Иды сошедшая вместе с своими родными
Видеть стада, родила на зеленых брегах Симоиса:
Родшийся там, наречен Симоисием, но и родившим
Он не воздал за свое воспитание: краток во цвете
Был его век, Теламонова сына копьем пресеченный.

480-486 Он устремлялся вперед, как его поразил Теламонид
В грудь близ десного сосца; на другую страну через рамо
Вышло копье, и на землю нечистую пал он, как тополь,
Влажного луга питомец, при блате великом возросший,
Ровен и чист, на единой вершине раскинувший ветви,
Тополь, который избрав, колесничник железом блестящим
Ссек, чтоб в колеса его для прекрасной согнуть колесницы;

487-492 В прахе лежит он и сохнет на бреге потока родного, —
Юный таков Симоисий лежал, обнаженный доспехов
Мощным Аяксом. В Аякса же вдруг Приамид пестролатный

Антиф, наметя меж толпища, пикою острой ударил,
Но промахнулся; она Одиссеева доброго друга
Левка ударила в пах, увлекавшего мертвое тело;

493-495 Вырвалось тело из рук, и упал он близ мертвого мертвый.
Гневом герой Одиссей за его, пораженного, вспыхнул;
Выступил дальше передних, колебля сверкающей медью;

496-500 К телу приближася, стал и, кругом оглянувшися, мощно
Ринул блистающий дрот: отступили враги от удара
Мужа могучего; он же копье не напрасное ринул:
Демокоона уметил, побочного сына Приама,
В дом из Абида притекшего, с паств кобылиц легконогих.

501-504 Пикой его Лаэртид, раздраженный за друга, уметил
Прямо в висок: на другую страну сквозь висок просверкнула
Острая пика, — и тьма Приамидовы очи покрыла:
С шумом на дол он упал, и взгремели на падшем доспехи.

505-511 Вспять подались и передних ряды, и божественный Гектор;
Громко вскричали ахеян сыны и, похитивши трупы,
Ринулись прямо, пробились вперед; Аполлон раздражился,
Смотря с Пергамских высот, и воскликнул, троян возбуждая:
«Конники Трои, вперед! не давайте вы бранного поля
Гордым ахейцам; их груди не камень, тела не железо,
Чтобы меди удары, пронзающей тело, ничтожить.

512-516 Днесь и Пелид не воинствует, сын лепокудрой Фетиды:
Он пред судами гнев, сокрушительный сердцу, питает».
Так им из града гремел он, ужасный; но воев ахейских

Зевсова славная дочь, Тритогения, дух возбуждала,
Быстро носясь по толпам, где медлительных видела воев.

517-520 Тут Амаринкова сына, Диора, судьба оковала:
Камнем он был поражен рукометным, жестоко зубристым
В правую голень: его поразил предводитель фракиян,
Пирос герой, Имбразид, к Илиону из Эны притекший.

521-526 Обе на голени жилы и кость раздробил совершенно
Камень бесстыдный, и навзничь, шатаяся, в прах Амаринкид
Грянулся, руки дрожащие к милым друзьям простирая,
Дух предающий; а тут прилетел поразивший фракиец,
Пирос могучий, и пику вонзил средь утробы; на землю
Вылилась внутренность вся, — и мрак осенил ему очи.

527-531 Пироса бурного пикой ударил Фоас этолиец
В перси, выше сосца, и вонзилася в легкое пика.
Быстро примчался Фоас этолиец; могучую пику
Вырвал из персей фракийца и, меч обнажив изощренный,
В чрево его посредине ударил и душу исторгнул;

532-535 Сбруи ж похитить не мог: обступали героя фракийцы,
Мужи высокочубастые, грозно уставивши копья.
Ими, сколь ни был огромен, и крепок, и мужеством славен,
Прогнан Фоас; и назад отступил, поколебанный силой.

536-538 Так по кровавому праху один близ другого простерлись
Копьями грозных фракиян и медноружных эпеян
Два воеводы, и окрест их многие пали другие.

539-542 Делу сему не хулу произнес бы свидетель присущий,
Если б, еще невредимый, не раненный острою медью,
Он среди боя вращался и если б Афины Паллады
Дланию был предводим и от ярости стрел охраняем.

543-544 Много и храбрых троян, и могучих данаев в день оный
Ниц по кровавому праху простерлося друг подле друга.

Une Sacra · издание 1 · unesacra.com · CC BY-NC-SA 4.0

ПЕСНЬ V

✦

1-3 В оное время Афина Тидея великого сыну
Крепость и смелость дала, да отличнейшим он между всеми
Аргоса воями будет и громкую славу стяжает.

4-8 Пламень ему от щита и шелома зажгла неугасный,
Блеском подобный звезде той осенней, которая в небе
Всех светозарнее блещет, омывшись в волнах Океана, —
Пламень подобный зажгла вкруг главы и рамен Диомеда
И устремила в средину, в ужасное брани волненье.

9-11 Был в Илионе Дарес, непорочный священник Гефеста,
Муж и богатый и славный, и было у старца два сына,
Храбрый Фегес и Идей, в разнородных искусные битвах.

12-19 Оба они, отделясь, полетели против Диомеда;
Но они на конях, — Диомед устремляется пеший.
Только лишь стали сближаться, идущие друг против друга,
Первый троянец Фегес устремил длиннотенную пику:
Низко, блестящая жалом, над левым плечом Диомеда
Медь пронеслася, не ранив его; и воздвигнулся с пикой
Он, и его не напрасно копье из руки полетело:
В грудь меж сосцов поразил и противника сбил с колесницы.

20-24 Спрянул Идей, побежал, колесницу прекрасную бросив;
В трепете сердца не смел защитить и убитого брата;
Он бы и сам не избег от грозящего, черного рока,

Но исторгнул Гефест и, покрытого мрачностью ночи,
Спас, да не вовсе отец сокрушится печалью о детях.

25-33 Коней меж тем изловив, Диомед, воеватель могучий,
Вверил дружине, да гонят к судам многоместным. Трояне,
Бодрые в битве дотоле, узрев, что Даресовы чада —
Тот устрашенный бежит, а другой с колесницы низвержен,
Духом смутилися все: и тогда Паллада Афина,
За руку взявши, воскликнула к бурному богу Арею:
«Бурный Арей, истребитель народов, стен сокрушитель,
Кровью покрытый! не бросим ли мы и троян и ахеян
Спорить одних, да Кронид промыслитель им славу присудит?

34-36 Сами ж с полей не сойдем ли, да Зевсова гнева избегнем?»
Так говоря, из сражения вывела бурного бога
И посадила его на возвышенном бреге Скамандра.

37-41 Гордых троян отразили данаи; низверг брагоносца
Каждый их вождь; и первый владыка мужей Агамемнон
Мощного сбил с колесницы вождя гализонов, Годия:
Первому, в бег обращенному, пику ему Агамемнон
В спину меж плеч углубил и сквозь перси широкие выгнал;

42-44 С шумом на землю он пал, и взгремели на падшем доспехи.
Идоменей поразил меонийцем рожденного Бором
Феста, притекшего к брани из Тарны, страны плодоносной.

45-47 Мужа сего Девкалид копьеносец копьем длиннотенным
Вдруг, в колесницу всходившего, в правое рамо ударил:
В прах с колесницы он пал и ужасною тьмой окружился;

48-52 Быстро его обнажили царя Девкалида клевреты.
Там же Скамандрий Строфид, молодой звероловец искусный,
Пал, Менелая Атрида поверженный ясенной пикой,
Славный стрелец; изученный самою богинею Фебой,
Всех он зверей поражал, и холмов и дубравы питомцев;

53-58 Но его не спасла ни стрельбой веселящаясь Феба,
Ни искусство, каким он, стрелец дальнометкий, гордился:
Юношу сильный Атрид Менелай, знаменитый копейщик,
Близко его убегавшего, ясенной пикою острой
В спину меж плеч поразил и сквозь перси кровавую выгнал:
Грянулся в прах он лицом, зазвучала кругом его сбруя.

59-61 Вождь Мерион Ферекла повергнул, Гармонова сына,
Зодчего мужа, которого руки во всяком искусстве
Опытны были; его безмерно любила Паллада;

62-64 Он и Парису герою суда многовеслые строил,
Бедствий начало, навлекшие гибель как всем илионцам,
Так и ему: не постигнул судеб он богов всемогущих.

65-68 Воя сего Мерион, пред собою гоня и настигнув,
Быстро в десное стегно поразил копием, — и глубоко,
Прямо в пузырь, под лобковою костью, проникнуло жало:
С воплем он пал на колена, и падшего смерть осенила.

69-71 Мегес Педея сразил, Антенорова храброго сына.
Сын незаконный он был, но его воспитала Феана
С нежной заботой, как собственных чад, угождая супругу.

72-75 Мегес Филид, на него устремяся, копейщик могучий,
В голову около тыла копьем поразил изощренным.
Медь, меж зубов пролетевши, подсекла язык у Педея:
Грянулся в прах он и медь холодную стиснул зубами.

76-78 Вождь Эврипил Эвемонид сразил Гипсенора героя,
Ветвь Долопиона старца, который, возвышенный духом,
Был у Скамандра священник и чтился как бог от народа.

79-81 Мужа сего Эврипил, блистательный сын Эвемонов,
В бегстве узрев пред собою, догнал на бегу и по раму
Острым мечом поразил и отнес жиловатую руку;

82-84 Там же рука кровавая пала на прах, и троянцу
Очи смежила кровавая Смерть и могучая Участь.
Так воеводы сии подвизались на пламенной битве.

85-88 Но Диомеда вождя не узнал бы ты, где он вращался,
С кем воевал, с племенами троян, с племенами ль ахеян?
Реял по бранному полю, подобный реке наводненной,
Бурному в осень разливу, который мосты рассыпает;

89-91 Бега его укротить ни мостов укрепленных раскаты,
Ни зеленых полей удержать плотины не могут,
Если незапный он хлынет, дождем отягченный Зевеса;

92-94 Вкруг от него рассыпаются юношей красных работы, —
Так от Тидида кругом волновались густые фаланги
Трои сынов и стоять не могли, превосходные силой.

95-100 Скоро героя увидел блистательный сын Ликаонов,
Как он, крутясь по полям, волновал пред собою фаланги;
Скоро на сына Тидеева лук напрягал со стрелою
И, на скакавшего бросив, уметил по правому раму
В бронную лату. Насквозь пролетела крылатая стрелка,
Прямо вонзилась в плечо: оросилася кровию броня.

101-105 Громко воскликнул, гордяся, блистательный сын Ликаонов:
«Други, вперед! ободритесь, трояне, бодатели коней!
Ранен славнейший аргивец; и он, уповаю, не может
Долго бороться с стрелою могучею, ежели точно
Феб сребролукий меня устремил из пределов ликийских!»

106-110 Так он кричал, возносясь; но героя стрела не смирила:
Мало Тидид отступив, впереди колесницы и коней
Стал и к Сфенелу воззвал, Капанееву храброму сыну:
«Друг Капанид, поспеши на мгновенье сойти с колесницы,
Чтоб извлечь у меня из рама горькую стрелу».

111-113 Так он сказал, — и Сфенел с колесницы спрянул на землю;
Стал за хребтом и из рама извлек углубившуюся стрелу;
Брызнула быстро багряная кровь сквозь кольчатую броню;

114-117 И взмолился тогда Диомед, воеватель могучий:
«Слух преклони, необорная дщерь громоносного Зевса!
Если ты мне и отцу поборать благосклонно любила
В брани пылающей, будь мне еще благосклонной, Афина!

118-120 Дай мне того изойти и копейным ударом постигнуть,
Кто, упредивши, меня уязвил и надмен предвещает, —
В жизни недолго мне видеть свет лучезарного солнца!»

121-124 Так восклицал он, молясь, и вняла ему дочь громовержца;
Члены героя соделала легкими, ноги и руки,
И, приближась к нему, провещала крылатые речи:
«Ныне дерзай, Диомед, и без страха с троянами ратуй!

125-127 В перси тебе я послала отеческий дух сей бесстрашный,
Коим, щита потрясатель, Тидей, обладал, конеборец;
Мрак у тебя от очей отвела, окружавший их прежде;

128-132 Ныне ты ясно познаешь и бога, и смертного мужа.
Шествуй, и если бессмертный, тебя искушая, предстанет,
Ты на бессмертных богов, Диомед, не дерзай ополчаться,
Кто ни предстанет; но если Зевесова дочь Афродита
Явится в брани, рази Афродиту острою медью».

133-140 Так говоря, отошла светлоокая дочь громовержца.
Сын же Тидеев, назад обратившися, стал меж передних,
И, как ни пламенно прежде горел он с врагами сражаться,
Ныне трикраты сильнейшим, как лев, распылался он жаром,
Лев, которого пастырь в степи, у овец руноносных,
Ранил легко, чрез ограду скакавшего, но, не сразивши,
Силу лишь в нем пробудил; и уже, отразить не надеясь,
Пастырь под сень укрывается; мечутся сирые овцы;

141-143 Вкруг по овчарне толпятся, одни на других упадают;
Лев распаленный назад, чрез высокую скачет ограду, —
Так распаленный Тидид меж троян ворвался, могучий.

144-147 Там Астиноя поверг и народов царя Гипенора;
Первого в грудь у сосца поразил медножальною пикой,
А другого мечом, по плечу возле выи, огромным
Резко ударив, плечо отделил от хребта и от выи.

148-150 Бросивши сих, на Абаса напал и вождя Полиида,
Двух Эвридама сынов, сновидений гадателя-старца;
Им, отходящим, родитель не мог разгадать сновидений;

151-154 С них Диомед могучий, с поверженных, сорвал корысти.
После пошел он на Ксанфа и Фоона, двух Фенопидов,
Фенопса поздних сынов; разрушаемый старостью скорбной,
Он не имел уже сына, кому бы стяжанья оставить.

155-158 Их Диомед повергнул и сладкую жизнь у несчастных
Братьев похитил; отцу же — и слезы, и мрачные скорби
Старцу оставил: детей, возвратившихся с брани кровавой,
Он не обнял; наследство его разделили чужие.

159-165 Там же двух он сынов захватил Дарданида Приама,
Бывших в одной колеснице, Хромия и с ним Эхемона;
И, как лев на тельцов нападает и вдруг сокрушает
Выю тельцу иль телице, пасущимся в роще зеленой, —
Так обоих Приамидов с коней Диомед, не хотящих,
Сбил беспощадно на прах и сорвал с пораженных доспехи,
Коней же отдал клевретам, да гонят к кормам корабельным.

166-168 Храбрый Эней усмотрел истребителя строев троянских;
Быстро пошел сквозь гремящую брань, сквозь жужжащие копья,
Пандара, богу подобного, смотря кругом, не найдет ли;

169-171 Скоро нашел Ликаонова храброго, славного сына,
Стал перед ним и такие слова говорил, негодуя:
«Пандар! где у тебя и лук и крылатые стрелы?

172-176 Где твоя слава, которой никто из троян не оспорил
И в которой ликиец тебя превзойти не гордился?
Длани к Зевесу воздень и пусти ты пернатую в мужа,
Кто бы он ни был, могучий: погибели много нанес он
Ратям троянским; и многим и сильным сломил он колена!

177-180 Разве не есть ли он бог, на троянский народ раздраженный?
Гневный, быть может, за жертвы? а гнев погибелен бога!»
Быстро Энею ответствовал славный сын Ликаонов:
«Храбрый Эней, благородный советник троян меднолатных!

181-183 Сыну Тидея могучему, кажется, муж сей подобен:
Щит я его узнаю и с забралом шелом дыроокий;
Вижу его и коней, но не бог ли то, верно не знаю.

184-187 Если сей муж, как поведал я, сын бранодушный Тидеев,
Он не без бога свирепствует; верно, при нем покровитель
Бог предстоит, обвив рамена свои облаком темным:
Он от него и стрелу налетавшую быстро отринул.

188-190 Я уже бросил стрелу и уметил Тидеева сына
В рамо десное, пробив совершенно доспешную лату,
И уже уповал, что его я повергнул к Аиду;

191-196 Нет, не повергнул! Есть, без сомнения, бог прогневленный!
Коней со мною здесь нет, для сражения нет колесницы;
В Зелии, в доме отца, у меня их одиннадцать пышных,
Новых, недавно отделанных; к бережи их, покрывала
Окрест висят, и для каждой из них двуяремные кони
Подле стоят, утучняяся полбой и белым ячменем.

197-200 Нет, не напрасно меня Ликаон, воинственный старец,
Так увещал, отходящего к брани, в отеческом доме:
Старец наказывал мне, ополчась на конях, в колеснице
Трои сынов предводить на побоищах бурных сражений.

201-203 Я не послушал отца, а сие бы полезнее было.
Коней хотел пощадить, чтоб у граждан, в стенах заключенных,
В корме они не нуждались, привыкнув питаться роскошно.

204-208 Коней оставил и так устремился я пеш к Илиону,
Твердо надежный на лук, но сей лук для меня не помощник!
В двух воевод знаменитейших бросил я меткие стрелы:
В сына Тидея и в сына Атрея; того и другого
Ранивши, светлую кровь я извлек и озлобил их больше.

209-211 В злую годину, я вижу, и лук, и пернатые стрелы
Снял со столба я в тот день, как решился в веселую Трою
Рати троянские весть, угождая Приамову сыну.

212-216 Если я вспять возвращусь и увижу моими очами
Землю родную, жену и отеческий дом наш высокий, —
Пусть иноземец враждебный тогда же мне голову срубит,

Если я лук сей и стрелы в пылающий пламень не брошу,
В щепы его изломав: бесполезный он был мне сопутник!»

217-220 Пандару быстро Эней, предводитель троян, возражает:
«Так не вещай, Ликаонид любезный! не будет иначе
Прежде, нежели мы человека сего, в колеснице
Противостав, не изведаем оба оружием нашим.

221-223 Шествуй ко мне, взойди на мою колесницу, увидишь,
Троса кони каковы, несказанно искусные полем
Быстро летать и туда и сюда, и в погоне и в бегстве.

224-227 К граду и нас унесут они, бурные, если б и снова
Славу Зевс даровал Диомеду, Тидееву сыну.
Шествуй, любезный; и бич, и блестящие конские вожжи
В руки прийми ты, а я с колесницы сойду, чтоб сразиться.

228-232 Или врага принимай ты, а я озабочусь конями».
Но ему возражает блистательный сын Ликаонов:
«Сам удержи ты бразды и правь своими конями:
Прытче они под возницей привычным помчат колесницу,
Ежели мы побежим пред могучим Тидеевым сыном.

233-236 Или они, оробевши, замнутся и с бранного поля
Нас понесут неохотно, знакомого крика не слыша.
Тою порою нагрянет на нас Диомед дерзновенный,
Нас обоих умертвит и похитит коней знаменитых.

237-240 Ты, Анхизид, удержи и бразды, управляй и конями;
Я же его, налетевшего, пикою острою встречу».
Так сговоряся и оба в блистательной став колеснице,

Вскачь на Тидеева сына пустили коней быстроногих.

241-243 Их усмотревши, Сфенел, знаменитый сын Капанеев,
К сыну Тидея немедля крылатую речь устремляет:
«Храбрый Тидид Диомед, о друг, драгоценнейший сердцу!

244-246 Вижу могучих мужей, налетающих биться с тобою.
Мощь обоих неизмерима: первый — стрелец знаменитый
Пандар, гордящийся быть Ликаона Ликийского сыном;

247-250 Тот же — троянец Эней, добродушного мужа Анхиза
Сын, нарицающий матерью Зевсову дочь Афродиту.
Стань в колесницу, и вспять мы уклонимся; так не свирепствуй,
Между передних бросаясь, да жизни своей не погубишь».

251-254 Грозно взглянув на него, отвечал Диомед нестрашимый:
«Смолкни, о бегстве ни слова! к нему ты меня не преклонишь!
Нет, не в породе моей, чтобы вспять отступать из сражений
Или, робея, скрываться: крепка у меня еще сила!

255-257 Мне даже леность всходить в колесницу; но так, как ты видишь,
Пеш против них я иду; трепетать не велит мне Афина.
Их в колеснице обратно не вынесут быстрые кони;

258-262 Оба от нас не уйдут, хоть один и укрылся бы ныне.
Молвлю тебе я иное, а ты сохрани то на сердце:
Ежели мне Тритогения мудрая славу дарует
Их обоих поразить, быстроногих ты собственных коней
Здесь удержи, затянувши бразды за скобу колесницы;

263-266 Сам, не забудь, Капанид, на Энеевых коней ты бросься
И гони от троян к ополчениям храбрых данаев.
Кони сии от породы, из коей Кронид громовержец
Тросу ценою за сына, за юного дал Ганимеда;

267-270 Кони сии превосходнее всех под авророй и солнцем.
Сей-то породы себе у царя Лаомедона тайно
Добыл Анхиз властелин, из своих кобылиц подославши:
Шесть у Анхиза в дому родилося породы сей коней;

271-273 Он, четырех удержав при себе, воспитал их у яслей;
Двух же Энею отдал, разносящих в сражениях ужас.
Если сих коней похитим, стяжаем великую славу!»

274-277 Тою порой, как на месте герои взаимно вещали,
Близко враги принеслися, гонящие коней их бурных.
Первый к Тидиду воскликнул блистательный сын Ликаонов:
«Пламенный сердцем, воинственный, сын знаменитый Тидея!

278-282 Быстрой моею стрелой не смирен ты, пернатою горькой;
Ныне еще испытаю копьем, не вернее ль умечу».
Рек он — и, мощно сотрясши, послал длиннотенную пику,
И поразил по щиту Диомеда; насквозь совершенно
Острая медь пролетела и звучно ударилась в броню.

283-285 Радуясь, громко воскликнул блистательный сын Ликаонов:
«Ранен ты в пах и насквозь! и теперь, я надеюсь, не долго
Будешь страдать; наконец даровал ты мне светлую славу!»

286-289 Быстро ему, не смутясь, отвечал Диомед благородный:
«Празден удар, ты обманут! но вы, я надеюся, оба
Прежде едва ль отдохнете, доколе один здесь не ляжет
Кровью своею насытить несытого бранью Арея!»

290-293 Так произнес — и поверг; и копье направляет Афина
Пандару в нос близ очей: пролетело сквозь белые зубы,
Гибкий язык сокрушительной медью при корне отсекло
И, острием просверкнувши насквозь, замерло в подбородке.

294-296 Рухнулся он с колесницы, взгремели на падшем доспехи
Пестрые, пышноблестящие; дрогнули тросские кони
Бурные; там у него и душа разрешилась, и крепость.

297-304 Прянул на землю Эней со щитом и с огромною пикой
В страхе, да Пандаров труп у него не похитят ахейцы.
Около мертвого ходя, как лев, могуществом гордый,
Он перед ним и копье уставлял, и щит круговидный,
Каждого, кто б ни приближился, душу исторгнуть грозящий
Криком ужасным. Но камень рукой захватил сын Тидеев,
Страшную тягость, какой бы не подняли два человека
Ныне живущих людей, — но размахивал им и один он;

305-310 Камнем Энея таким поразил по бедру, где крутая
Лядвея ходит в бедре по составу, зовомому чашкой:
Чашку удар раздробил, разорвал и бедерные жилы,
Сорвал и кожу камень жестокий. Герой пораженный
Пал на колено вперед; и, колеблясь, могучей рукою
В дол упирался, и взор его черная ночь осенила.

311-313 Тут неизбежно погиб бы Эней, предводитель народа,
Если б того не увидела Зевсова дочь Афродита,
Матерь, его породившая с пастырем юным, Анхизом.

314-318 Около милого сына обвив она белые руки,
Ризы своей перед ним распростерла блестящие сгибы,
Кроя от вражеских стрел, да какой-либо конник данайский
Медию персей ему не пронзит и души не исторгнет,
Так уносила Киприда любезного сына из боя.

319-328 Тою порою Сфенел Капанид не забыл наставлений,
Данных ему Диомедом, воинственным сыном Тидея:
Коней своих звуконогих вдали от бранной тревоги
Он удержал и, бразды затянув за скобу колесницы,
Бросился быстро на праздных Энея коней пышногривых,
И, отогнав от троян к меднолатным дружинам ахеян,
Другу отдал Деипилу, которого сверстников в сонме
Более всех он любил, по согласию чувств их сердечных,
Гнать повелев к кораблям мореходным; сам же, бесстрашный,
Став в колеснице своей и блестящие вожжи ослабив,

329-333 Вслед за Тидидом царем на конях звуконогих понесся,
Пламенный. Тот же Киприду преследовал медью жестокой,
Знав, что она не от мощных богинь, не от оных бессмертных,
Кои присутствуют в бранях и битвы мужей устрояют,
Так, как Афина или как громящая грады Энио.

334-341 И едва лишь догнал, сквозь густые толпы пролетая,
Прямо уставив копье, Диомед, воеватель бесстрашный,
Острую медь устремил и у кисти ранил ей руку
Нежную: быстро копье сквозь покров благовонный, богине
Тканный самими Харитами, кожу пронзило на длани
Возле перстов; заструилась бессмертная кровь Афродиты,
Влага, какая струится у жителей неба счастливых:
Ибо ни брашн не ядят, ни от гроздий вина не вкушают;

342-346 Тем и бескровны они, и бессмертными их нарицают.
Громко богиня вскричав, из объятий бросила сына;
На руки быстро его Аполлон и приял и избавил,
Облаком черным покрыв, да какой-либо конник ахейский
Медию персей ему не пронзит и души не исторгнет.

347-349 Грозно меж тем на богиню вскричал Диомед воеватель:
«Скройся, Зевесова дочь! удалися от брани и боя.
Или еще не довольно, что слабых ты жен обольщаешь?

350-352 Если же смеешь и в брань ты мешаться, вперед, я надеюсь,
Ты ужаснешься, когда и название брани услышишь!»
Рек, — и она удаляется смутная, с скорбью глубокой.

353-355 Быстро Ирида ее, поддержав, из толпищ выводит
В омраке чувств от страданий; померкло прекрасное тело!
Скоро ошуюю брани богиня находит Арея;

356-360 Там он сидел; но копье и кони бессмертные были
Мраком одеты; упав на колена, любезного брата
Нежно молила она и просила коней златосбруйных:

«Милый мой брат, помоги мне, дай мне коней с колесницей,
Только достигнуть Олимпа, жилища богов безмятежных.

361-363 Страшно я мучуся язвою; муж уязвил меня смертный,
Вождь Диомед, который готов и с Зевесом сразиться!»
Так изрекла, — и Арей отдает ей коней златосбруйных.

364-366 Входит она в колесницу с глубоким крушением сердца;
С нею Ирида взошла и, бразды захвативши в десницу,
Коней стегнула бичом; полетели послушные кони;

367-369 Быстро достигнули высей Олимпа, жилища бессмертных.
Там удержала коней ветроногая вестница Зевса
И, отрешив от ярма, предложила амброзию в пищу.

370-374 Но Киприда стенящая пала к коленам Дионы,
Матери милой, и матерь в объятия дочь заключила,
Нежно ласкала рукой, вопрошала и так говорила:
«Дочь моя милая, кто из бессмертных с тобой дерзновенно
Так поступил, как бы явно какое ты зло сотворила?»

375-378 Ей, восстенав, отвечала владычица смехов Киприда:
«Ранил меня Диомед, предводитель аргосцев надменный,
Ранил за то, что Энея хотела я вынесть из боя,
Милого сына, который всего мне любезнее в мире.

379-382 Ныне уже не троян и ахеян свирепствует битва;
Ныне с богами сражаются гордые мужи данаи!»
Ей богиня почтенная вновь говорила Диона:
«Милая дочь, ободрись, претерпи, как ни горестно сердцу.

383-387 Много уже от людей, на Олимпе живущие боги,
Мы пострадали, взаимно друг другу беды устрояя.
Так пострадал и Арей, как его Эфиальтес и Отос,
Два Алоида огромные, страшною цепью сковали:
Скован, тринадцать он месяцев в медной темнице томился.

388-391 Верно бы там и погибнул Арей, ненасытимый бранью,
Если бы мачеха их, Эрибея прекрасная, тайно
Гермесу не дала вести: Гермес Арея похитил,
Силы лишенного: страшные цепи его одолели.

392-394 Гера подобно страдала, как сын Амфитриона мощный
В перси ее поразил трехконечною горькой стрелою.
Лютая боль безотрадная Геру богиню терзала!

395-397 Сам Айдес, меж богами ужасный, страдал от пернатой.
Тот же погибельный муж, громовержцева отрасль, Айдеса,
Ранив у врат подле мертвых, в страдания горькие ввергнул.

398-400 Он в Эгиохов дом, на Олимп высокий вознесся,
Сердцем печален, болезнью терзаем; стрела роковая
В мощном Айдесовом раме стояла и мучила душу.

401-404 Бога Пеан врачевством, утоляющим боли, осыпав,
Скоро его исцелил, не для смертной рожденного жизни.
Дерзкий, неистовый! он не страшась совершал злодеянья:
Луком богов оскорблял, на Олимпе великом живущих!

405-407 Но на тебя Диомеда воздвигла Паллада Афина.
Муж безрассудный! не ведает сын дерзновенный Тидеев:
Кто на богов ополчается, тот не живет долголетен;

408-411 Дети отцом его, на колени садяся, не кличут
В дом свой пришедшего с подвигов мужеубийственной брани.
Пусть же теперь сей Тидид, невзирая на гордую силу,
Мыслит, да с ним кто иной, и сильнейший тебя, не сразится;

412-415 И Адрастова дочь, добродушная Эгиалея,
Некогда воплем полночным от сна не разбудит домашних,
С грусти по юном супруге, храбрейшем герое ахейском,
Верная сердцем супруга Тидида, смирителя коней».

416-419 Так говоря, на руке ей бессмертную кровь отирала:
Тяжкая боль унялась, и незапно рука исцелела.
Тою порою, зревшие все, и Афина и Гера
Речью язвительной гнев возбуждали Крониона Зевса;

420-423 Первая речь начала светлоокая дева Афина:
«Зевс, наш отец, не прогневаю ль словом тебя я, могучий?
Верно, ахеянку новую ныне Киприда склоняла
Ввериться Трои сынам, беспредельно богине любезным?

424-428 И, быть может, ахеянку в пышной одежде лаская,
Пряжкой златою себе поколола нежную руку?»
Так изрекла; улыбнулся отец и бессмертных и смертных
И, призвав пред лицо, провещал ко златой Афродите:
«Милая дочь! не тебе заповеданы шумные брани.

429-431 Ты занимайся делами приятными сладостных браков;
Те же бурный Арей и Паллада Афина устроят».
Так взаимно бессмертные между собою вещали.

432-435 Тою порой на Энея напал Диомед нестрашимый:
Зная, что сына Анхизова сам Аполлон покрывает,
Он не страшился ни мощного бога; горел непрестанно
Смерти Энея предать и доспех знаменитый похитить.

436-442 Трижды Тидид нападал, умертвить Анхизида пылая;
Трижды блистательный щит Аполлон отражал у Тидида;
Но, лишь в четвертый раз налетел он, ужасный, как демон,
Голосом грозным к нему провещал Аполлон дальновержец:
«Вспомни себя, отступи и не мысли равняться с богами,
Гордый Тидид! никогда меж собою не будет подобно
Племя бессмертных богов и по праху влачащихся смертных!»

443-446 Так провещал, — и назад Диомед отступил недалеко,
Гнева боящийся бога, далеко разящего Феба.
Феб же, Энея похитив из толпищ, его полагает
В собственном храме своем, на вершине святого Пергама.

447-450 Там Анхизиду и Лета, и стрелолюбивая Феба
Сами в великом святилище мощь и красу возвращали.
Тою порой Аполлон сотворил обманчивый призрак —
Образ Энея живой и оружием самым подобный.

451-453 Около призрака Трои сынов и бесстрашных данаев
Сшиблись ряды, разбивая вкруг персей воловые кожи
Пышных кругами щитов и крылатых щитков легкометных.

454-457 К богу Арею тогда провещал Аполлон дальновержец:
«Бурный Арей, мужегубец кровавый, стен разрушитель!
Или сего человека из битв удалить не придешь ты,

Воя Тидида, который готов и с Кронидом сразиться?

458-460 Прежде богиню Киприду копьем поразил он в запястье;
Здесь на меня самого устремился ужасный, как демон!»
Так произнесши, воссел Аполлон на вершинах Пергама;

461-464 Но свирепый Арей троян возбудить устремился,
Вид Акамаса приняв, предводителя быстрого фраков.
Звучно к сынам Приама, питомца Зевеса, взывал он:
«О сыны Приама, хранимого Зевсом владыки!

465-467 Долго ль еще вам убийство троян попускать аргивянам?
Или пока не начнут при вратах Илиона сражаться?
Пал воевода, почтенный для нас, как божественный Гектор!

468-470 Доблестью славный Эней, знаменитая отрасль Анхиза!
Грянем, из бранной тревоги спасем благородного друга!»
Так говоря, возбудил он и силу и мужество в каждом.

471-474 Тут Сарпедон укорять благородного Гектора начал:
«Гектор! где твое мужество, коим ты прежде гордился?
Град, говорил, защитить без народа, без ратей союзных
Можешь один ты с зятьями и братьями; где ж твои братья?

475-477 Здесь ни единого я не могу ни найти, ни приметить.
Все из сражения прячутся, словно как псы перед скимном;
Мы же здесь ратуем, мы, чужеземцы, притекшие в помощь;

478-481 Ратую я, союзник ваш, издалека пришедший.
Так, и ликийские долы, и ксанфские воды — далеки,
Где я оставил супругу любезную, сына-младенца

И сокровища многие, коих убогий алкает.

482-484 Но, невзирая на то, предвожу ликиян, и готов я
С мужем сразиться и сим, ничего не имея в Троаде,
Что бы могли у меня иль унесть, иль увесть аргивяне.

485-488 Ты ж — неподвижен стоишь и других не бодришь ополчений
Храбро стоять, защищая и жен и детей в Илионе.
Гектор, блюдись, да объяты, как всеувлекающей сетью,
Все вы врагов разъяренных не будете плен и добыча!

489-492 Скоро тогда сопостаты разрушат ваш град велелепный!
Ты о делах сих заботиться должен и денно и нощно,
Должен просить воевод, дальноземных союзников ваших,
Бой непрестанно вести, а грозы́ и упреки оставить».

493-496 Так говорил он, — и речь уязвила Гектора сердце:
Быстро герой с колесницы с оружием прянул на землю:
Острые копья колебля, кругом полетел по дружинам,
В бой распаляя сердца; и возжег он жестокую сечу!

497-506 Вспять возвратились трояне и стали в лицо аргивянам;
Те же, сомкнувши ряды, нажидали врагов, не робели.
Так, если ветер плевы рассевает по гумнам священным,
Жателям, веющим хлеб, где Деметра с кудрями златыми
Плод отделяет от плев, возбуждая дыхание ветров,
Гумны кругом под плевою белеются, — так аргивяне
С глав и до ног их белели под прахом, который меж ними

Даже до медных небес воздымали копытами кони
В быстрых, крутых поворотах; ворочали в бой их возницы,
Прямо с могуществом рук на врагов устремляясь; но мраком

507-511 Бурный Арей покрывает всю битву, троянам помощный,
Вкруг по рядам их носясь: поспешил он исполнить заветы
Феба, царя златострельного; Феб заповедал Арею
Души троян возбудить, лишь узрел, что Паллада Афина
Бой оставляет, богиня, защитница воинств ахейских.

512-516 Сам же Энея вождя из святилища пышного храма
Вывел и крепостью перси владыки народов наполнил.
Стал Анхизид меж друзьями величествен; все веселились,
Видя, что он, живой, невредимый, блистающий силой,
Снова предстал, но его вопросить ни о чем не успели;

517-521 Труд их заботил иной, на который стремил Сребролукий,
Смертных губитель Арей и неустально ярая Распря.
Оба Аякса меж тем, Одиссей и Тидид воеводы
Ревностно в бой возбуждали ахейских сынов; но ахейцы
Сами ни силы троян не страшились, ни криков их грозных;

522-526 Ждали недвижные, тучам подобные, кои Кронион
В тихий, безветренный день, на высокие горы надвинув,
Черные ставит незыбно, когда и Борей и другие
Дремлют могучие ветры, которые мрачные тучи
Шумными уст их дыханьями вкруг рассыпают по небу;

527-529 Так ожидали данаи троян, неподвижно, бесстрашно.
Царь Агамемнон летал по рядам, ободряя усердно:
«Будьте мужами, друзья, и возвысьтеся доблестным духом;

530-532 Воина воин стыдися на поприще подвигов ратных!
Воинов, знающих стыд, избавляется боле, чем гибнет;
Но беглецы не находят ни славы себе, ни избавы!»

533-536 Рек — и стремительно ринул копье и переднего мужа
Деикоона уметил, Энеева храброго друга,
Сына Пергасова, в Трое равно, как сыны Дарданида,
Чтимого: ревностен был он всегда между первых сражаться.

537-539 Пикой его поразил по щиту Агамемнон могучий;
Щит копия не сдержал: сквозь него совершенно проникло
И сквозь запон блистательный в нижнее чрево погрузло;

540-542 С шумом на землю он пал, и взгремели на падшем доспехи.
Тут Анхизид ниспровергнул храбрейших мужей из данаев,
Двух Диоклесовых чад, Орсилоха и брата Крефона.

543-545 В Фере, красиво устроенной, жил Диоклес, их родитель,
Благами жизни богатый, ведущий свой род от Алфея,
Коего воды широко текут чрез пилийскую землю.

546-549 Он Орсилоха родил, неисчетных мужей властелина;
Царь Орсилох породил Диоклеса, высокого духом;
И от сего Диоклеса сыны-близнецы родилися,
Вождь Орсилох и Крефон, в разнородных искусные битвах.

550-553 Оба они, возмужалые, в черных судах к Илиону,
Славному конями, с силой ахейских мужей прилетели,
В брани Атрея сынам, Агамемнону и Менелаю,
Чести ища, но кончину печальную оба снискали.

554-560 Словно два мощные льва, на вершинах возросшие горных,
Оба под матерью-львицей вскормленные в лесе дремучем,
Тучных овец и тельцов кругорогих из стад похищая,
Окрест дворы у людей разоряют, доколе и сами
Ловчих мужей от руки под убийственной медью не лягут, —
Так и они, пораженные мощной рукою Энея,
Рухнулись оба на землю, подобные соснам высоким.

561-564 Падших увидя, воссетовал царь Менелай брановосный,
Выступил дальше передних, покрытый сверкающей медью,
Острой колеблющий пикой: Арей распалял ему душу
С помыслом тайным, да будет сражен он руками Энея.

565-567 Но увидел его Антилох, Несторид благородный,
Выступил сам за передних, страшася, да пастырь народов
Зла не потерпит и тяжких трудов их плоды уничтожит.

568-572 Тою порою герои и руки, и острые копья
Друг против друга уже подымали, пылая сразиться;
Но предстал Антилох к воеводе ахеян Атриду,
И остаться Эней не посмел, сколь ни пламенный воин,
Двух брановосцев увидя, один за другого стоящих.

573-575 Те же, убитых поспешно увлекши к дружинам ахейским,
Там их оставили, бедных, друзьям возвративши печальным;
Сами, назад обратившися, между передних сражались.

576-579 Там Пилемена повергли, Арею подобного мужа,
Бранных народов вождя, щитоносных мужей пафлагонян.
Мужа сего Атрейон Менелай, знаменитый копейщик,
Длинным копьем, сопротиву стоящего, в выю уметил;

580-584 Вождь Антилох поразил у него и возницу Мидона,
Отрасль Атимния: коней своих обращавшего бурных,
Камнем его угодил он по локтю; бразды у Мидона,
Костью слоновой блестящие, пали на пыльную землю,
Прянул младой Антилох и мечом в висок его грянул;

585-589 Он, тяжело воздохнувший, на прах с колесницы прекрасной
Рухнулся вниз головой и, упавший на темя и плечи,
Долго в сем виде стоял он, в песок погрузившись глубокий,
Кони покуда, ударив, на прах опрокинули тело:
Их, поражая бичом, Антилох угонял к аргивянам.

590-595 Гектор героев узнал меж рядов и на них устремился
С яростным криком; за ним и троян понеслися фаланги
Сильные; их предводили кровавый Арей и Энио
Грозная, следом ведущая бранный мятеж беспредельный:
Бурный Арей, потрясая в деснице огромною пикой,
То выступал перед Гектором, то позади устремлялся.

596-602 Бога узрев, ужаснулся Тидид, воеватель могучий,
И, как неопытный путник, великою степью идущий,
Вдруг перед быстрой рекою, падущею в понт, цепенеет,
Пеной кипящую видя, и смутный назад отступает, —
Так отступил Диомед и немедля воскликнул к народу:
«Други, почто мы дивимся, что ныне божественный Гектор
Стал копьеборец славнейший, боец дерзновеннейший в битве?

603-606 С ним непрестанно присутствует бог, отражающий гибель!
С ним и теперь он — Арей, во образе смертного мужа!
Други, лицом к сопостатам всегда обращенные, с поля
Вы отступайте, с богами отнюдь не дерзайте сражаться!»

607-609 Так говорил он, но близко на них наступили трояне.
Гектор двух ратоборцев повергнул, испытанных в битвах,
Бывших в одной колеснице, Менесфа и с ним Анхиала.

610-614 Падших узрев, пожалел их великий Аякс Теламонид;
К ним приступил он и стал и, пославши сверкающий дротик,
Амфия свергнул, Селагова сына, который средь Песа
Жил, обладатель богатств и полей; но судьба Селагида
В брань увлекла поборать за Приама и всех Приамидов.

615-619 В запон его поразил Теламониев сын многомощный;
В нижнее чрево ему погрузилась огромная пика;
С шумом он грянулся в прах; и Аякс прибежал победитель,
Жадный доспехи совлечь; но трояне посыпали копья
Острые, ярко блестящие; много их щит его принял.

620-622 Он же, пятой наступив на сраженного, медную пику
Вырвал назад; но других не успел драгоценных доспехов
С плеч унести Селагидовых: стрелы его засыпали.

623-626 Он окружения сильного гордых троян убоялся:
Много их, мощных, отважных, уставив дроты, наступало;
Ими, сколь ни был огромен и сколь ни могуч и ни славен,
Прогнан Аякс и назад отступил, поколебанный силой.

627-629 Так брагоносцы сии подвизалися в пламенной битве.
Тою порой Тлиполем Гераклид, и огромный и сильный,
Злою судьбою сведен с Сарпедоном божественным в битву.

630-634 Чуть соступились герои, идущие друг против друга,
Сын знаменитый и внук воздымателя облаков Зевса,
Так Тлиполем Гераклид к сопротивнику первый воскликнул:
«Ликии царь Сарпедон! какая тебе неизбежность
Здесь между войск трепетать, человек незнакомый с войною?

635-639 Лжец, кто расславил тебя громоносного Зевса рожденьем!
Нет, несравненно ты мал пред великими теми мужами,
Кои от Зевса родились, меж древних племен человеков,
И каков, повествуют, великая сила Геракла,
Был мой родитель, герой дерзновеннейший, львиное сердце!

640-642 Он, приплывши сюда, чтоб взыскать с Лаомедона коней,
Только с шестью кораблями, с дружиною ратною малой,
Град Илион разгромил и пустынными стогны оставил!

643-646 Ты же робок душой и предводишь народ на погибель.
Нет, для троян, я надеюся, ты обороной не будешь,
Ликию бросил напрасно, и будь ты стократно сильнейший,
Мною теперь же сраженный, пойдешь ко вратам Аидеса!»

647-651 Ликии царь Сарпедон Тлиполему ответствовал быстро:
«Так, Тлиполем, Геракл разорил Илион знаменитый,
Но царя Лаомедона злое безумство карая:
Царь своего благодетеля речью поносной озлобил
И не отдал коней, для которых тот шел издалека.

652-654 Что ж до тебя, предвещаю тебе я конец и погибель;
Их от меня ты приймешь и, копьем сим поверженный, славу
Даруешь мне, и Аиду, конями гордящемусь, душу».

655-659 Так говорил Сарпедон; но, сотрясши, свой ясенный дротик
Взнес Тлиполем; обоих сопротивников длинные копья
Вдруг полетели из рук: угодил Сарпедон Гераклида
В самую выю, и жало насквозь несмиримое вышло:
Быстро темная ночь Тлиполемовы очи покрыла.

660-662 Но и сам Тлиполем в бедро улучил Сарпедона
Пикой огромною; тело рассекшее, бурное жало
Стукнуло в кость; но отец от него отвращает погибель.

663-666 Тут Сарпедона героя усердные други из битвы
Вынесть спешили; его удручала огромная пика,
Влекшаясь в теле; никто не подумал, никто не помыслил
Ясенной пики извлечь из бедра, да с спешащими шел бы;

667-670 Так озабочены были трудящиесь вкруг Сарпедона.
Но Тлиполема данаи, блестящие медью, спешили
Вынесть из боя; увидел его Одиссей знаменитый,
Твердый душою, и вспыхнуло в нем благородное сердце;

671-673 Он между помыслов двух колебался умом и душою:
Прежде настигнуть ли сына громами звучащего Зевса?
Или, напав на ликиян, у множества души исторгнуть?

674-676 Но не ему, Одиссею почтенному, сужено было
Зевсова сына могучего медию острой низвергнуть.
Сердце его на ликийский народ обратила Паллада.

677-684 Там он Керана, Аластора, Хромия битвой низринул,
Галия, вслед Ноемона, Алкандра убил и Притана;
И еще бы их более сверг Одиссей знаменитый,
Если бы скоро его не узрел шлемоблещущий Гектор:
Ринулся он сквозь передних, сияющей медью покрытый,
Ужас данаям несущий. Обрадован друга приходом,
Зевсов сын, Сарпедон, говорил ему гласом печальным:
«Гектор! не дай, умоляю, лежать мне добычей ахеян;

685-688 Друг, защити! и пускай уже в вашем приязненном граде
Жизнь оставит меня; не судила, как вижу, судьбина,
В дом возвратившемусь, в землю отечества милого сердцу,
Там обрадовать мне и супругу, и юного сына!»

689-691 Так говорил, но ему не ответствовал Гектор великий,
Быстро пронесся вперед, нетерпеньем пылая скорее
Рать аргивян отразить и у множества души исторгнуть.

692-696 Тою порой Сарпедона героя друзья посадили
В поле, под буком прекрасным метателя молнии Зевса.
Там из бедра у него извлек длиннотенную пику
Храбрый, могучий Пелагон, друг, им отлично любимый:
Дух Сарпедона оставил, и очи покрылися мглою.

697-702 Скоро опять он вздохнул, и кругом его ветер прохладный
Вновь оживил, повевая, тяжелое персей дыханье.
Рать аргивян, пред Ареем и Гектором меднодоспешным
Тесно фаланги сомкнувши, как к черным судам не бежала,
Так и вперед не бросалася в бой, но лицом непрестанно
Вся отступала, узнав, что Арей в ополченьях троянских.

703-710 Кто же был первый и кто был последний, которых доспехи
Гектор могучий похитил и медный Арей душегубец?
Тевфрас, бессмертным подобный, и после Орест конеборец,
Воин бесстрашный Эномаос, Трех, этолийский копейщик,
Энопа отрасль Гелен и Орезбий пестропоясный,
Муж, обитающий в Гиле, богатства стяжатель заботный,
Около озера живший Кефисского, где и другие
Жили семейства беотян, уделов богатых владыки.

711-714 Их лишь узрела лилейнораменная Гера богиня,
Храбрый ахейский народ истребляющих в битве свирепой,
Быстро к Афине Палладе крылатую речь устремила:
«Горе, дочь необорная молний метателя Зевса!

715-717 Тщетным словом с тобой обнадежили мы Менелая
В дом возвратить разрушителем Трои высокотвердынной,
Если свирепствовать так попускаем убийце Арею!

718-721 Нет, устремимся, помыслим и сами о доблести бранной!»
Так говоря, преклонила дочь светлоокую Зевса;
Но сама, устремясь, снаряжала коней златосбруйных
Гера, богиня старейшая, отрасль великого Крона.

722-725 Геба ж с боков колесницы набросила гнутые круги
Медных колес осьмиспичных, на оси железной ходящих;
Ободы их золотые, нетленные, сверху которых
Медные шины положены плотные, диво для взора!

726-728 Ступицы их серебром, округленные, окрест сияли;
Кузов блестящими пышно сребром и златом ремнями
Был прикреплен, и на нем возвышались дугою две скобы;

729-732 Дышло серебряное из него выходило; на оном
Геба златое, прекрасное вяжет ярмо, продевает
Пышную упряжь златую; и быстро под упряжь ту Гера
Коней бессмертных подводит, пылая и бранью и боем.

733-735 Тою порою Афина, в чертоге отца Эгиоха,
Тонкий покров разрешила, струей на помост он скатился,
Пышноузорный, который сама, сотворив, украшала;

736-742 Вместо ж его облачася броней громоносного Зевса,
Бранным доспехом она ополчалася к брани плачевной.
Бросила около персей эгид, бахромою косматый,
Страшный очам, поразительным Ужасом весь окруженный:

Там и Раздор, и Могучесть, и, трепет бегущих, Погоня,
Там и глава Горгоны, чудовища страшного образ,
Страшная, грозная, знаменье бога всесильного Зевса!

743-747 Шлем на чело возложила украшенный, четыребляшный,
Златом сияющий, ста бы градов ратоборцев покрывший.
Так в колеснице пламенной став, копием ополчилась
Тяжким, огромным, могучим, которым ряды сокрушает
Сильных, на коих разгневана дщерь всемогущего бога.

748-751 Гера немедля с бичом налегла на коней быстроногих;
С громом врата им небесные сами разверзлись при Горах,
Страже которых Олимп и великое вверено небо,
Чтобы облак густой разверзать иль смыкать перед ними.

752-754 Сими богини вратами коней подстрекаемых гнали;
Скоро они обрели, далеко от бессмертных сидящим,
Зевса царя одного, на превыспреннем холме Олимпа.

755-757 Там, коней удержавши, лилейнораменная Гера
Кронова сына царя вопрошала и так говорила:
«Или не гневен ты, Зевс, на такие злодейства Арея?

758-761 Сколько мужей и каких погубил он в народе ахейском
Нагло, насильственно! Я сокрушаюсь, тогда как спокойно
В сердце своем веселятся Киприда и Феб, подстрекая
К брани безумца сего, справедливости чуждого всякой.

762-765 Зевс, наш отец! на меня раздражишься ли, если Арея
Брань я принужу оставить ударом, быть может, жестоким?»
Гере немедля ответствовал туч воздыматель Кронион:

«Шествуй, восставь на Арея богиню победы, Палладу;

766-769 Больше обыкла она повергать его в тяжкие скорби».
Рек, — и ему покорилась лилейнораменная Гера;
Коней хлестнула бичом; полетели покорные кони,
Между землею паря и звездами усеянным небом.

770-772 Сколько пространства воздушного муж обымает очами,
Сидя на холме подзорном и смотря на мрачное море, —
Столько прядают разом богов гордовыйные кони.

773-776 К Трое принесшимся им и к рекам совокупно текущим,
Где Симоис и Скамандр быстрокатные воды сливают,
Там коней удержала лилейнораменная Гера
И, отрешив от ярма, окружила облаком темным;

777-779 Им Симоис разостлал амброзию сладкую в паству.
Сами богини спешат, голубицам подобные робким,
Поступью легкой, горя поборать за данаев любезных.

780-787 И лишь достигли туда, где и многих мужей и храбрейших
Вкруг Диомеда вождя, укротителя мощного коней,
Сонмы густые стояли, как львы, пожиратели крови,
Или как вепри, которых мощь не легко одолима, —
Там пред аргивцами став, возопила великая Гера,
В образе Стентора, мощного, медноголосого мужа,
Так вопиющего, как пятьдесят совокупно другие:
«Стыд, аргивяне, презренные, дивные только по виду!

788-790 Прежде, как в грозные битвы вступал Ахиллес благородный,
Трои сыны никогда из Дардановых врат не дерзали
Выступить: все трепетали его сокрушительной пики!

791-795 Ныне ж далеко от стен, пред судами, трояне воюют!»
Так говоря, возбудила и силу и мужество в каждом.
Тою порой к Диомеду подходит Паллада Афина:
Видит царя у своей колесницы; близ коней он стоя,
Рану свою прохлаждал, нанесенную Пандара медью.

796-798 Храброго пот изнурял под ремнем широким, держащим
Выпуклый щит: изнурялся он им, и рука цепенела;
Но, подымая ремень, отирал он кровавую рану.

799-801 Зевсова дочь, преклоняся на конский ярем, возгласила:
«Нет, Тидей произвел себе не подобного сына!
Ростом Тидей был мал, но по духу воитель великий!

802-804 Некогда я запрещала ему подвизаться, герою,
Бурной душой увлекаясь, когда он один от ахеян
В Фивы пришел послом к многочисленным Кадма потомкам.

805-808 Я повелела ему пировать спокойно в чертогах;
Но Тидей, как всегда, обладаемый мужеством бурным,
Юных кадмеян к борьбам вызывал и легко сопротивных
Всех победил: таково я сама поборала Тидею!

809-813 Так я тебе предстою, благосклонно всегда охраняю
И ободряю тебя с фригиянами весело биться;
Но иль усталость от подвигов бурных тебя поразила

Или связала робость бездушная! После сего ты
Сын ли героя Тидея, великого в бранях Инида?»

814-816 Ей отвечая немедленно, рек Диомед благородный:
«О! познаю я тебя, светлоокая дочь громовержца!
Искренне все пред тобой изреку, ничего не сокрою.

817-821 Нет, не усталость меня и не робость бездушная держит,
Но заветы я помню, какие мне ты завещала:
Ты повелела не ратовать мне ни с одним из блаженных
Жителей неба, но если Крониона дочь, Афродита,
Явится в брани, разить Афродиту острою медью.

822-824 Вот для чего отступаю и сам я, и прочим аргивцам
Всем повелел, уклоняяся, здесь воедино собраться:
Вижу Арея; гремящею битвою он управляет».

825-828 Вновь провещала к нему светлоокая дочь Эгиоха:
«Чадо Тидея, о воин, любезнейший сердцу Афины!
Нет, не страшися теперь ни Арея сего, ни другого
Сильного бога; сама за тебя я поборницей буду!

829-831 Мужествуй, в бой на Арея лети на конях звуконогих;
Смело сойдись и рази, не убойся свирепства Арея,
Буйного бога сего, сотворенное зло, вероломца!

832-834 Сам он недавно обет произнес предо мной и пред Герой
Ратовать против троян и всегда поборать за ахеян;
Ныне ж стоит за троян, вероломный, ахеян оставил!»

835-839 Так говоря, с колесницы Сфенела согнала на землю,
Быстро повлекши рукой, — и покорный мгновенно он спрянул;
Быстро сама в колесницу к Тидиду восходит богиня,
Бранью пылая; ужасно дубовая ось застонала,
Зевса подъявшая грозную дщерь и храбрейшего мужа.

840-843 Разом и бич и бразды захвативши, Паллада Афина
Вдруг на Арея на первого бурных коней устремила.
В те поры он обнажал Перифаса, вождя этолиян,
Мужа огромного, мощного, славную ветвь Охезия;

844-849 Мужа сего кровавый Арей обнажал, но Афина
Шлемом Аида покрылась, да будет незрима Арею.
Смертных губитель едва усмотрел Диомеда героя,
Вдруг этолиян вождя, Перифаса огромного, бросил
Там распростертого, где у сраженного душу исторгнул:
Быстро и прямо пошел на Тидида, смирителя коней.

850-852 Только лишь сблизились оба, летящие друг против друга,
Бог, устремяся вперед, над конским ярмом и браздами
Пикою медной ударил, пылающий душу исторгнуть;

853-857 Но, рукой ухватив, светлоокая дщерь Эгиоха
Пику отбросила вбок, да напрасно она пронесется.
И тогда на Арея напал Диомед нестрашимый
С медным копьем; и, усилив его, устремила Паллада
В пах под живот, где бог опоясывал медную повязь;

858-861 Там Диомед поразил и, бессмертную плоть растерзавши,
Вырвал обратно копье; и взревел Арей меднобронный
Страшно, как будто бы девять иль десять воскликнули тысяч
Сильных мужей на войне, зачинающих ярую битву.

862-867 Дрогнули все, и дружины троян, и дружины ахеян,
С ужасом: так заревел Арей, ненасытный войною.
Сколько черна и угрюма от облаков кажется мрачность,
Если неистово дышащий, знойный воздвигнется ветер, —
Взору Тидида таков показался, кровью покрытый,
Медный Арей, с облаками идущий к пространному небу.

868-872 Быстро бессмертный вознесся к жилищу бессмертных, Олимпу.
Там близ Кронида владыки воссел он, печальный и мрачный,
И, бессмертную кровь показуя, струимую раной,
Тяжко стенающий, к Зевсу вещал он крылатые речи:
«Или без гнева ты, Зевс, на ужасные смотришь злодейства?

873-876 Боги, мы непрестанно, по замыслам друг против друга,
Терпим беды жесточайшие, благо творя человекам;
Все на тебя негодуем: отец ты неистовой дщери,
Пагубной всем, у которой одни злодеяния в мыслях!

877-879 Боги другие, колико ни есть их на светлом Олимпе,
Все мы тебе повинуемся, каждый готов покориться.
Сей лишь одной никогда не смиряешь ни словом, ни делом;

880-882 Но потворствуешь ей, породивши зловредную дочерь!
Ныне она Диомеда, Тидеева гордого сына,
С диким свирепством его на бессмертных богов устремила!

883-887 Прежде Киприду богиню из рук поразил он в запястье;
После с копьем на меня самого устремился, как демон!
Быстрые ноги меня лишь избавили, иначе долго б
Там я простертый страдал, между страшными грудами трупов,
Или б живой изнемог, под ударами гибельной меди!»

888-890 Грозно воззрев на него, провещал громовержец Кронион:
«Смолкни, о ты, переметник! не вой, близ меня воссидящий!
Ты ненавистнейший мне меж богов, населяющих небо!

891-893 Только тебе и приятны вражда, да раздоры, да битвы!
Матери дух у тебя, необузданный, вечно строптивый,
Геры, которую сам я с трудом укрощаю словами!

894-896 Ты и теперь, как я мню, по ее же внушениям страждешь!
Но тебя я страдающим долее видеть не в силах:
Отрасль моя ты, и матерь тебя от меня породила.

897-899 Если б от бога другого родился ты, столько злотворный,
Был бы уже ты давно преисподнее всех Уранидов!»
Рек, — и его врачевать повелел громовержец Пеану.

900-904 Язву Пеан врачевством, утоляющим боли, осыпав,
Быстро его исцелил, не для смертной рожденного жизни.
Словно смоковничий сок, с молоком перемешанный белым,
Жидкое вяжет, когда его быстро колеблет смешавший, —
С равной Пеан быстротой исцелил уязвленного бога.

905-909 Геба омыла его, облачила одеждою пышной,
И близ Зевса Кронида воссел он, славою гордый.
Паки тогда возвратилась в обитель великого Зевса

Гера Аргивская купно с Афиною Алалкоменой,
Так обуздав истребителя, мужеубийцу Арея.

Une Sacra · издание 1 · unesacra.com · CC BY-NC-SA 4.0

ПЕСНЬ VI

✦

Страшную брань меж троян и ахеян оставили боги;
Но свирепствовал бой, или здесь, или там по долине,
Воинств, одни на других устремляющих медные копья,
Между брегов Симоиса и пышноструистого Ксанфа.

Первый Аякс Теламонид, стена меднобронных данаев,
Прорвал фалангу троян и возрадовал светом дружины,
Мужа сразив, брaноносца храбрейшего рати фракийской,
Эвсора ветвь, Акамаса, ужасного ростом и силой.

Мужа сего поражает он первый в шелом коневласый
И вонзает в чело: погрузилось глубоко внутрь кости
Медное жало, и тьма Акамасовы очи покрыла.

Там же Аксила поверг Диомед, воеватель могучий,
Сына Тевфрасова: он обитал в велелепной Арисбе,
Благами жизни богатый и друг человекам любезный;

Дружески всех принимал он, в дому при дороге живущий;
Но никто из друзей тех его от беды не избавил,
В помощь никто не предстал; обоих Диомед воеватель
Жизни лишил — и его, и Калезия друга, который
Правил конями; и оба сошли неразлучные в землю.

20-22 Дреса герой Эвриал, и Офелтия мощного свергнув,
Быстро пошел на Эсепа и Педаса, нимфой рожденных,
Абарбареей наядой, прекрасному Буколиону;

23-25 Буколион же был сын Лаомедона, славного мужа,
Старший в семействе, но матерью тайно, без брака рожденный:
Пастырь, у стад он своих сочетался любовию с нимфой;

26-28 Нимфа, зачавшая, двух близнецов-сынов сих родила:
Юношам вместе и дух сокрушил, и прекрасные члены
Сын Мекистеев, герой, и с рамен их похитил доспехи.

29-31 Там же, дышащий бранью, сразил Полипет Астиала;
Царь Одиссей перкозийского воя Пидита низринул
Медною пикой; и Тевкр Аретаона, храброго в битвах.

32-36 Несторов сын, Антилох, устремивши сияющий дротик,
Аблера сверг; и владыка мужей Агамемнон — Элата:
Он обитал на брегах светлоструйной реки Сатниона,
В граде высоком Педасе. Филака бегущего сринул
Леит герой; Эврипил же, сразив, обнажил Меланфея.

37-44 Но Адраста живым изловил Менелай копьеносный:
Кони его, пораженные страхом на битвенном поле,
Вдруг об мириковой куст колесницу с разбега ударив,
Дышло ее на конце раздробили и сами помчались
К граду, куда и других устрашенные кони бежали,
Сам же Адраст, с колесницы стремглав к колесу покатяся,
Грянулся оземь лицом; и пред павшим стал налетевший
Сильный Атрид Менелай, грозя длиннотенною пикой.

45-48 Ноги его обхватил и воскликнул Адраст, умоляя:
«Даруй мне жизнь, о Атрид, и получишь ты выкуп достойный!
Много сокровищ хранится в отеческом доме богатом,
Много и меди, и злата, и хитрых изделий железа.

49-51 С радостью выдаст тебе неисчислимый выкуп отец мой,
Если услышит, что я нахожуся живой у данаев!»
Так говорил — и уже преклонял Менелаево сердце;

52-60 Храбрый уже помышлял поручить одному из клевретов
Пленника весть к кораблям мореходным, как вдруг Агамемнон,
В встречу бегущий, предстал и грозно вскричал Менелаю:
«Слабый душой Менелай, ко троянцам ли ныне ты столько
Жалостлив? Дело прекрасное сделали эти троянцы
В доме твоем! Чтоб никто не избег от погибели черной
И от нашей руки; ни младенец, которого матерь
Носит в утробе своей, чтоб и он не избег! да погибнут
В Трое живущие все и лишенные гроба исчезнут!»

61-65 Так говорящий, герой отвратил помышление брата,
Правду ему говоря; Менелай светлокудрый Адраста
Молча рукой оттолкнул; и ему Агамемнон в утробу
Пику вонзил; опрокинулся он, и мужей повелитель,
Ставши ногою на перси, вонзенную пику исторгнул.

66-69 Нестор меж тем аргивян возбуждал, громогласно вещая:
«Други, данаи герои, бесстрашные слуги Арея!
Ныне меж вас да никто, на добычи бросаясь, не медлит
Сзади рядов, чтобы больше отнесть их в стан корабельный.

70-72 Нет, поразим сопротивников; после и их вы спокойно
Можете все обнажить на побоище мертвые трупы».
Так говоря, возбудил он и душу и мужество в каждом.

73-79 В оное время трояне от дышащих бранью данаев
Скрылись бы в град, побежденные собственной слабостью духа,
Если б Энею и Гектору мудрого не дал совета
Сын Приамов Гелен, знаменитейший птицегадатель:
«Гектор, Эней! на вас, воеводы, лежит наипаче
Бремя забот о народе троянском; отличны вы оба
В каждом намеренье вашем, сражаться ли нужно иль мыслить.

80-82 Станьте же здесь и бегущие рати у врат удержите,
Сами везде устремляясь, доколе в объятия жен их
Все беглецы не падут и врагам в посмеянье не будут!

83-85 Но когда вы троянские вкруг ободрите фаланги,
Мы, оставаяся здесь, с аргивянами будем сражаться,
Сколько бы ни были ими теснимы: велит неизбежность.

86-88 Гектор, но ты поспеши в Илион и совет мой поведай
Матери нашей: пускай соберет благородных троянок
В замок градской, перед храм светлоокой Паллады богини.

89-92 Там, заключенные двери отверзя священного дома,
Пышный покров, величайший, прелестнейший всех из хранимых
В царском дому, и который сама наиболее любит,
Пусть на колена его лепокудрой Афины положит.

93-95 Пусть ей двенадцать крав, однолетних, ярма не познавших,
В храме заклать обрекается, если, молитвы услыша,
Град богиня помилует, жен и младенцев невинных;

96-98 Если от Трои священной она отразит Диомеда,
Бурного воя сего, повелителя мощного бегства,
Мужа, который, я мыслю, храбрейший в народе ахейском!

99-101 Так ни Пелид не страшил нас, великий мужей предводитель,
Сын, как вещают, богини бессмертной! Тидид аргивянин
Пуще свирепствует: в мужестве с оным никто не сравнится!»

102-105 Так говорил он, — и Гектор послушался брата советов;
Быстро герой с колесницы с оружием прянул на землю;
Острые копья колебля, кругом обходил ополченья,
Дух распаляя на бой; и восставил он страшную сечу.

106-109 В бой обратились трояне и стали в лицо аргивянам;
Вспять подалися ряды аргивян, укротили убийство,
Мысля, что бог незримый, нисшедший от звездного неба,
Сам за врагов их поборствует; так обратились трояне.

110-112 Гектор еще возбуждал, восклицающий звучно к троянам:
«Храбрые Трои сыны и союзники славные наши!
Будьте мужами, о други, воспомните бурную силу.

113-115 Я ненадолго от вас отлучуся в священную Трою
Старцам советным поведать и нашим супругам, да купно
Молят небесных богов, обетуя стотельчие жертвы».

116-118 Так говоря им, шествовал шлемом сверкающий Гектор;
Билася сзади его, по стопам и по вые, концами
Черная кожа, которая щит окружала огромный.

119-123 Главк между тем, Гипполохид, и сын знаменитый Тидея
Между фаланг на средину сходились, пылая сразиться.
Чуть соступились герои, идущие друг против друга,
Первый из них взговорил Диомед, воеватель могучий:
«Кто ты, бестрепетный муж от земных обитателей смертных?

124-126 Прежде не зрел я тебя на боях, прославляющих мужа;
Но сегодня, как вижу, далеко ты мужеством дерзким
Всех превосходишь, когда моего копия нажидаешь.

127-129 Дети одних злополучных встречаются с силой моею!
Если бессмертный ты бог, от высокого неба нисшедший,
Я никогда не дерзал с божествами Олимпа сражаться.

130-137 Нет, и могучий Ликург, знаменитая отрасль Дриаса,
Долго не жил, на богов, небожителей, руки поднявший.
Некогда, дерзкий, напав на питательниц буйного Вакха,
Их по божественной Ниссе преследовал: нимфы вакханки
Фирсы зеленые бросили в прах, от убийцы Ликурга
Сулицей острой свирепо разимые; Вакх устрашенный
Бросился в волны морские и принят Фетидой на лоно,
Трепетный, в ужас введенный неистовством буйного мужа.

138-140 Все на Ликурга прогневались мирно живущие боги;
Кронов же сын ослепил Дриатида; и после не долгой
Жизнию он наслаждался, бессмертным всем ненавистный.

141-143 Нет, с богами блаженными я не желаю сражаться!
Если же смертный ты муж и воскормлен плодами земными,
Ближе предстань, да к пределу ты смерти скорее достигнешь».

144-148 Быстро ему отвечал воинственный сын Гипполохов:
«Сын благородный Тидея, почто вопрошаешь о роде?
Листьям в дубравах древесных подобны сыны человеков:
Ветер одни по земле развевает, другие дубрава,
Вновь расцветая, рождает, и с новой весной возрастают;

149-151 Так человеки: сии нарождаются, те погибают.
Если ж ты хочешь, тебе и о том объявлю, чтобы знал ты
Наших и предков и род; человекам он многим известен.

152-154 Есть в конеславном Аргосе град знаменитый Эфира;
В оном Сизиф обитал, препрославленный мудростью смертный,
Тот Сизиф Эолид, от которого Главк породился.

155-159 Главк даровал бытие непорочному Беллерофонту,
Коему щедрые боги красу и любезную доблесть
В дар ниспослали; но Прет неповинному гибель умыслил:
Злобно его из народа изгнал (повелитель ахеян
Был он сильнейший: под скипетр его покорил их Кронион).

160-162 С юношей Прета жена возжелала, Антия младая,
Тайной любви насладиться; но к ищущей был непреклонен,
Чувств благородных исполненный, Беллерофонт непорочный;

163-166 И жена, клевеща, говорила властителю Прету:
— Смерть тебе, Прет, когда сам не погубишь ты Беллерофонта:
Он насладиться любовью со мною хотел, с нехотящей. —

Так клеветала; разгневался царь, таковое услыша;

167-169 Но убить не решился: в душе он сего ужасался;
В Ликию выслал его и вручил злосоветные знаки,
Много на дщице складной начертав их, ему на погибель;

170-172 Дщицу же тестю велел показать, да от тестя погибнет.
Беллерофонт отошел, под счастливым покровом бессмертных.
Мирно достиг он ликийской земли и пучинного Ксанфа;

173-177 Принял его благосклонно ликийских мужей повелитель:
Девять дней угощал, ежедневно тельца закалая.
Но воссиявшей десятой богине Заре розоперстой,
Гостя расспрашивал царь и потребовал знаки увидеть,
Кои принес он ему от любезного зятя, от Прета.

178-182 И когда он приял злосоветные зятевы знаки,
Юноше Беллерофонту убить заповедал Химеру
Лютую, коей порода была от богов, не от смертных:
Лев головою, задом дракон и коза серединой,
Страшно дыхала она пожирающим пламенем бурным.

183-185 Грозную он поразил, чудесами богов ободренный.
После войною ходил на солимов, народ знаменитый;
В битве, ужаснее сей, как поведал он, не был с мужами;

186-190 В подвиге третьем разбил амазонок он мужеобразных.
Но ему, возвращавшемусь, Прет погибель устроил:
Избранных в царстве пространном ликиян храбрейших в засаду
Скрыл на пути; но они своего не увидели дома:
Всех поразил их воинственный Беллерофонт непорочный.

191-193 Царь наконец познал знаменитую отрасль бессмертных;
В доме его удержал и дочь сочетал с ним царевну;
Отдал ему половину блистательной почести царской;

194-197 И ликийцы ему отделили удел превосходный,
Лучшее поле для сада и пашен, да властвует оным.
Трое родилося чад от премудрого Беллерофонта:
Мужи Исандр, Гипполох и прекрасная Лаодамия.

198-202 С Лаодамией прекрасной почил громовержец Кронион,
И она Сарпедона, подобного богу, родила.
Став напоследок и сам небожителям всем ненавистен,
Он по Алейскому полю скитался кругом, одинокий,
Сердце глодая себе, убегая следов человека.

203-205 Сына Исандра ему Эниалий, несытый убийством,
Свергнул, когда воевал он с солимами, славным народом.
Дочь у него — златобраздая гневная Феба сразила.

206-210 Жил Гипполох, от него я рожден и горжуся сим родом.
Он послал меня в Трою и мне заповедовал крепко
Тщиться других превзойти, непрестанно пылать отличиться,
Рода отцов не бесчестить, которые славой своею
Были отличны в Эфире и в царстве ликийском пространном.

211-215 Вот и порода и кровь, каковыми тебе я хвалюся».
Рек, — и наполнился радостью сын благородный Тидеев;
Медную пику свою водрузил в даровитую землю
И приветную речь устремил к предводителю Главку:
«Сын Гипполохов! ты гость мне отеческий, гость стародавний!

216-219 Некогда дед мой Иней знаменитого Беллерофонта
В собственном доме двадцать дней угощал дружелюбно.
Оба друг другу они превосходные дали гостинцы:
Дед мой, Иней, предложил блистающий пурпуром пояс;

220-223 Беллерофонт же златой подарил ему кубок двудонный:
Кубок и я, при отходе, оставил в отеческом доме;
Но Тидея не помню: меня он младенцем оставил
В дни, как под Фивами градом ахейское воинство пало.

224-226 Храбрый! отныне тебе я средь Аргоса гость и приятель,
Ты же мне — в Ликии, если приду я к народам ликийским.
С копьями ж нашими будем с тобой и в толпах расходиться.

227-229 Множество здесь для меня и троян и союзников славных;
Буду разить, кого бог приведет и кого я постигну.
Множество здесь для тебя аргивян, поражай кого можешь.

230-233 Главк! обменяемся нашим оружием; пусть и другие
Знают, что дружбою мы со времен праотцовских гордимся».
Так говорили они — и, с своих колесниц соскочивши,
За руки оба взялись и на дружбу взаимно клялися.

234-236 В оное время у Главка рассудок восхитил Кронион:
Он Диомеду герою доспех золотой свой на медный,
Во сто ценимый тельцов, обменял на стоящий девять.

237-241 Гектор меж тем приближился к Скейским воротам и к дубу.
Окрест героя бежали троянские жены и девы,
Те вопрошая о детях, о милых друзьях и о братьях,

Те о супругах; но он повелел им молиться бессмертным
Всем, небеса населяющим: многим беды угрожали!

242-246 Но когда подошел он к прекрасному дому Приама,
К зданию с гладкими вдоль переходами (в нем заключалось
Вкруг пятьдесят почивален, из гладко отесанных камней,
Близко одна от другой устроенных, в коих Приама
Все почивали сыны у цветущих супруг их законных;

247-252 Дщерей его на другой стороне, на дворе, почивальни
Были двенадцать, под кровлей одною, из тесаных камней,
Близко одна от другой устроенных, в коих Приама
Все почивали зятья у цветущих супруг их стыдливых),
Там повстречала его милосердая матерь Гекуба,
Шедшая в дом к Лаодике, своей миловиднейшей дщери;

253-257 За руку сына взяла, вопрошала и так говорила:
«Что ты, о сын мой, приходишь, оставив свирепую битву?
Верно, жестоко теснят ненавистные мужи ахейцы,
Ратуя близко стены? И тебя устремило к нам сердце:
Хочешь ты, с замка троянского, руки воздеть к Олимпийцу?

258-260 Но помедли, мой Гектор, вина я вынесу чашу
Зевсу отцу возлиять и другим божествам вековечным;
После и сам ты, когда пожелаешь испить, укрепишься;

261-264 Мужу, трудом истомленному, силы вино обновляет;
Ты же, мой сын, истомился, за граждан твоих подвизаясь».
Ей отвечал знаменитый, шеломом сверкающий Гектор:
«Сладкого пить мне вина не носи, о почтенная матерь!

265-268 Ты обессилишь меня, потеряю я крепость и храбрость.
Чермное ж Зевсу вино возлиять неомытой рукою
Я не дерзну, и не должно сгустителя облаков Зевса
Чествовать или молить осквернённому кровью и прахом.

269-273 Но иди ты, о матерь, Афины добычелюбивой
В храм, с благовонным курением, с сонмом жен благородных.
Пышный покров, величайший, прекраснейший всех из хранимых
В царском дому, и какой ты сама наиболее любишь,
Взяв, на колена его положи лепокудрой Афине;

274-276 И двенадцать крав однолетних, ярма не познавших,
В храме заклать обрекайся ты, если, молитвы услыша,
Град богиня помилует, жен и младенцев невинных;

277-279 Если от Трои священной она отразит Диомеда,
Бурного воя сего, повелителя мощного бегства.
Шествуй же, матерь, ко храму Афины добычелюбивой;

280-283 Я же к Парису иду, чтобы к воинству из дому вызвать,
Ежели хочет советы он слушать. О! был бы он там же
Пожран землей! Воспитал Олимпиец его на погибель
Трое, Приаму отцу и всем нам, Приамовым чадам!

284-287 Если б его я увидел сходящего в бездны Аида,
Кажется, сердце мое позабыло бы горькие бедства!»
Так говорил, — и Гекуба немедля служительниц дома
Вызвала; жен благородных они собирали по граду.

288-291 Тою порой сама в благовонную горницу всходит;
Там у нее сохранялися пышноузорные ризы,
Жен сидонских работы, которых Парис боговидный
Сам из Сидона привез, преплывая пространное море.

292-295 Сим он путем увозил знаменитую родом Елену.
Выбрав из оных одну, понесла пред Афину Гекуба
Большую, лучшую в доме, которая швением пышным
Словно звезда сияла и в самом лежала исподе.

296-300 С оной пошла, и за ней благородные многие жены.
В замок градской им притекшим, ко храму Афины богини,
Двери пред ними разверзла прелестная ликом Феано,
Дщерь Киссея, жена Антенора, смирителя коней,
Трои мужами избранная жрица Афины богини.

301-305 Там с воздеянием рук возопили они пред Афиной;
Ризу Гекубы румяноланитая жрица Феано
Взяв, на колена кладет лепокудрой Афины Паллады
И с обетами молит рожденную богом великим:
«Мощная в бранях, защитница града, Паллада Афина!

306-310 Дрот сокруши Диомедов и дай, о богиня, да сам он
Ныне, погибельный, грянется ниц перед башнею Скейской!
Ныне ж двенадцать крав однолетних, ярма не познавших,
В храме тебе мы пожертвуем, если, молитвы услыша,
Град помилуешь Трою и жен, и младенцев невинных!»

311-313 Так возглашала, молясь; но Афина молитву отвергла.
Тою порой, как они умоляли рожденную Зевсом,
Гектор великий достигнул Парисова пышного дома.

314-317 Сам он дом сей устроил с мужами, какие в то время
В целой Троаде холмистой славнейшие зодчие были:
Мужи ему почивальню, и гридню, и двор сотворили
В замке градском, невдали от Приама и Гектора дома.

318-320 В двери вступил божественный Гектор; в деснице держал он
Пику в одиннадцать локтей; далеко на древке сияло
Медное жало копья и кольцо вкруг него золотое.

321-324 Брата нашел в почивальне, в трудах над оружием пышным:
Щит он, и латы, и гнутые луки испытывал, праздный.
Там и Елена Аргивская в круге сидела домашних
Жен рукодельниц и славные им назначала работы.

325-330 Гектор, взглянув на него, укорял оскорбительной речью:
«Ты не во время, несчастный, теперь напыщаешься гневом.
Гибнет троянский народ, пред высокою града стеною
Ратуя с сильным врагом; за тебя и война и сраженья
Вкруг Илиона пылают; ты сам поругаешь другого,
Если увидишь кого оставляющим грозную битву.

331-333 Шествуй, пока Илион под огнем сопостатов не вспыхнул».
Быстро ему отвечал Приамид Александр боговидный:
«Гектор! ты вправе хулить, и твоя мне хула справедлива;

334-336 Душу открою тебе; преклонися и выслушай слово:
Я не от гнева досель, не от злобы на граждан троянских
Праздный сидел в почивальне; хотел я печали предаться.

337-339 Ныне ж супруга меня дружелюбною речью своею
Выйти на брань возбудила; и ныне, чувствую сам я,
Лучше идти мне сражаться: победа меж смертных превратна.

340-342 Ежели можно, помедли, пока ополчусь я доспехом;
Или иди: поспешу за тобой и настичь уповаю».
Рек он; ни слова ему не ответствовал Гектор великий.

343-348 К Гектору с лаской Елена смиренную речь обратила:
«Деверь жены бесстыдной, виновницы бед нечестивой!
Если б в тот день же меня, как на свет породила лишь матерь,
Вихорь свирепый, восхитя, умчал на пустынную гору
Или в кипящие волны ревущего моря низринул, —
Волны б меня поглотили и дел бы таких не свершилось!

349-351 Но, как такие беды божества предназначили сами,
Пусть даровали бы мне благороднее сердцем супруга,
Мужа, который бы чувствовал стыд и укоры людские!

352-358 Сей и теперь легкомыслен, подобным и после он будет;
И за то, я надеюсь, достойным плодом насладится!
Но войди ты сюда и воссядь успокоиться в кресло,
Деверь; твою наиболее душу труды угнетают,
Ради меня, недостойной, и ради вины Александра:
Злую нам участь назначил Кронион, что даже по смерти
Мы оставаться должны на бесславные песни потомкам!»

359-362 Ей немедля ответствовал Гектор великий: «Елена,
Сесть не упрашивай; как ни приветна ты, я не склонюся;
Сильно меня увлекает душа на защиту сограждан,
Кои на ратных полях моего возвращения жаждут.

363-368 Ты же его побуждай; ополчившися, пусть поспешает;
Пусть он потщится меня в стенах еще града настигнуть.
Я посещу лишь мой дом и на малое время останусь
Видеть домашних, супругу драгую и сына-младенца:
Ибо не знаю, из боя к своим возвращусь ли еще я
Или меня уже боги погубят руками данаев».

369-371 Так говоря, удалился шеломом сверкающий Гектор.
Скоро достигнул герой своего благозданного дома;
Но в дому не нашел Андромахи лилейнораменной.

372-377 С сыном она и с одною кормилицей пышноодежной
Вышед, стояла на башне, печально стеная и плача.
Гектор, в дому у себя не нашед непорочной супруги,
Стал на пороге и так говорил прислужницам-женам:
«Жены-прислужницы, вы мне скорее поведайте правду:
Где Андромаха супруга, куда удалилась из дому?

378-380 Вышла ль к золовкам своим, иль к невесткам пышноодежным,
Или ко храму Афины поборницы, где и другие
Жены троян благородные грозную молят богиню?»

381-387 И ему отвечала усердная ключница дома:
«Гектор, когда повелел ты, тебе я поведаю правду.
Нет, не к золовкам своим, не к невесткам пошла Андромаха,

Или ко храму Афины поборницы, где и другие
Жены троян благородные грозную молят богиню, —
К башне пошла илионской великой: встревожилась вестью,
Будто троян утесняет могучая сила ахеян;

388-391 И к стене городской, торопливая, ринулась бегом,
Словно умом исступленная; с ней и кормилица с сыном».
Так отвечала, — и Гектор стремительно из дому вышел
Прежней дорогой назад, по красиво устроенным стогнам.

392-395 Он приближался уже, протекая обширную Трою,
К Скейским воротам (чрез них был выход из города в поле);
Там Андромаха супруга, бегущая, в встречу предстала,
Отрасль богатого дома, прекрасная дочь Этиона;

396-398 Сей Этион обитал при подошвах лесистого Плака,
В Фивах Плакийских, мужей киликиян властитель державный;
Оного дочь сочеталася с Гектором меднодоспешным.

399-401 Там предстала супруга: за нею одна из прислужниц
Сына у персей держала, бессловного вовсе, младенца,
Плод их единый, прелестный, подобный звезде лучезарной.

402-404 Гектор его называл Скамандрием; граждане Трои —
Астианаксом: единый бо Гектор защитой был Трои.
Тихо отец улыбнулся, безмолвно взирая на сына.

405-413 Подле него Андромаха стояла, лиющая слезы;
Руку пожала ему и такие слова говорила:
«Муж удивительный, губит тебя твоя храбрость! ни сына
Ты не жалеешь, младенца, ни бедной матери; скоро

Буду вдовой я, несчастная! скоро тебя аргивяне,
Вместе напавши, убьют! а тобою покинутой, Гектор,
Лучше мне в землю сойти: никакой мне не будет отрады,
Если, постигнутый роком, меня ты оставишь: удел мой —
Горести! Нет у меня ни отца, ни матери нежной!

414-417 Старца отца моего умертвил Ахиллес быстроногий,
В день, как и град разорил киликийских народов цветущий,
Фивы высоковоротные. Сам он убил Этиона,
Но не смел обнажить: устрашался нечестия сердцем;

418-420 Старца он предал сожжению вместе с оружием пышным.
Создал над прахом могилу; и окрест могилы той ульмы
Нимфы холмов насадили, Зевеса великого дщери.

421-424 Братья мои однокровные — семь оставалось их в доме —
Все и в единый день преселились в обитель Аида:
Всех злополучных избил Ахиллес, быстроногий ристатель,
В стаде застигнув тяжелых тельцов и овец белорунных.

425-427 Матерь мою, при долинах дубравного Плака царицу,
Пленницей в стан свой привлек он с другими добычами брани,
Но даровал ей свободу, приняв неисчислимый выкуп;

428-430 Феба ж и матерь мою поразила в отеческом доме!
Гектор, ты все мне теперь — и отец, и любезная матерь,
Ты и брат мой единственный, ты и супруг мой прекрасный!

431-437 Сжалься же ты надо мною и с нами останься на башне,
Сына не сделай ты сирым, супруги не сделай вдовою;
Воинство наше поставь у смоковницы: там наипаче

Город приступен врагам и восход на твердыню удобен:
Трижды туда приступая, на град покушались герои,
Оба Аякса могучие, Идоменей знаменитый,
Оба Атрея сыны и Тидид, дерзновеннейший воин.

438-443 Верно, о том им сказал прорицатель какой-либо мудрый,
Или, быть может, самих устремляло их вещее сердце».
Ей отвечал знаменитый, шеломом сверкающий Гектор:
«Всё и меня то, супруга, не меньше тревожит; но страшный
Стыд мне пред каждым троянцем и длинноодежной троянкой,
Если, как робкий, останусь я здесь, удаляясь от боя.

444-446 Сердце мне то запретит; научился быть я бесстрашным,
Храбро всегда меж троянами первыми биться на битвах,
Славы доброй отцу и себе самому добывая!

447-449 Твердо я ведаю сам, убеждаясь и мыслью и сердцем,
Будет некогда день, и погибнет священная Троя,
С нею погибнет Приам и народ копьеносца Приама.

450-455 Но не столько меня сокрушает грядущее горе
Трои, Приама родителя, матери дряхлой, Гекубы,
Горе тех братьев возлюбленных, юношей многих и храбрых,
Кои полягут во прах под руками врагов разъяренных,
Сколько твое, о супруга! тебя меднолатный ахеец,
Слезы лиющую, в плен повлечет и похитит свободу!

456-458 И, невольница, в Аргосе будешь ты ткать чужеземке,
Воду носить от ключей Мессеиса или Гиперея,
С ропотом горьким в душе; но заставит жестокая нужда!

459-461 Льющую слезы тебя кто-нибудь там увидит и скажет:
Гектора это жена, превышавшего храбростью в битвах
Всех конеборцев троян, как сражалися вкруг Илиона!

462-465 Скажет — и в сердце твоем возбудит он новую горечь:
Вспомнишь ты мужа, который тебя защитил бы от рабства!
Но да погибну и буду засыпан я перстью земною
Прежде, чем плен твой увижу и жалобный вопль твой услышу!»

466-470 Рек — и сына обнять устремился блистательный Гектор;
Но младенец назад, пышноризой кормилицы к лону
С криком припал, устрашася любезного отчего вида,
Яркою медью испуган и гребнем косматовласатым,
Видя ужасно его закачавшимся сверху шелома.

471-477 Сладко любезный родитель и нежная мать улыбнулись.
Шлем с головы немедля снимает божественный Гектор,
Наземь кладет его, пышноблестящий, и, на руки взявши
Милого сына, целует, качает его и, поднявши,
Так говорит, умоляя и Зевса, и прочих бессмертных:
«Зевс и бессмертные боги! о, сотворите, да будет
Сей мой возлюбленный сын, как и я, знаменит среди граждан;

478-481 Так же и силою крепок, и в Трое да царствует мощно.
Пусть о нем некогда скажут, из боя идущего видя:
Он и отца превосходит! И пусть он с кровавой корыстью
Входит, врагов сокрушитель, и радует матери сердце!»

482-486 Рек — и супруге возлюбленной на руки он полагает
Милого сына; дитя к благовонному лону прижала
Мать, улыбаясь сквозь слезы. Супруг умилился душевно,
Обнял ее и, рукою ласкающий, так говорил ей:
«Добрая! сердце себе не круши неумеренной скорбью.

487-489 Против судьбы человек меня не пошлет к Аидесу;
Но судьбы, как я мню, не избег ни один земнородный
Муж, ни отважный, ни робкий, как скоро на свет он родится.

490-493 Шествуй, любезная, в дом, озаботься своими делами;
Тканьем, пряжей займися, приказывай женам домашним
Дело свое исправлять; а война — мужей озаботит
Всех, наиболе ж меня, в Илионе священном рожденных».

494-496 Речи окончивши, поднял с земли бронеблещущий Гектор
Гривистый шлем; и пошла Андромаха безмолвная к дому,
Часто назад озираясь, слезы ручьем проливая.

497-500 Скоро достигла она устроением славного дома
Гектора мужегубителя; в оном служительниц многих,
Собранных вместе, нашла и к плачу их всех возбудила:
Ими заживо Гектор был в своем доме оплакан.

501-503 Нет, они помышляли, ему из погибельной брани
В дом не прийти, не избегнуть от рук и свирепства данаев.
Тою порой и Парис не медлил в высоких палатах.

504-507 В пышный одевшись доспех, испещренный блистательной медью,
Он устремился по граду, надежный на быстрые ноги.
Словно конь застоялый, ячменем раскормленный в яслях,

Привязь расторгнув, летит, поражая копытами поле;

508-510 Пламенный, плавать обыкший в потоке широкотекущем,
Пышет, голову кверху несет; вкруг рамен его мощных
Грива играет; красой благородною сам он гордится;

511-514 Быстро стопы его мчат к кобылицам и паствам знакомым:
Так лепокудрый Парис от высот Илионского замка,
Пышным оружием окрест, как ясное солнце, сияя,
Шествовал радостно-гордый; быстро несли его ноги;

515-519 Гектора скоро настиг он, когда Приамид лишь оставил
Место, где незадолго беседовал с кроткой супругой.
К Гектору первый вещал Приамид Александр боговидный:
«Верно, почтеннейший брат, твою задержал я поспешность
Долгим медленьем своим и к поре не приспел, как велел ты?»

520-525 И ему отвечал шлемоблещущий Гектор великий:
«Друг! ни один человек, душой справедливый, не может
Ратных деяний твоих опорочивать: воин ты храбрый,
Часто лишь медлен, к трудам неохотен; а я непрестанно
Сердцем терзаюсь, когда на тебя поношение слышу
Трои мужей, за тебя подымающих труд беспредельный.

526-529 Но поспешим, а рассудимся после, когда нам Кронион
Даст в благодарность небесным богам, бесконечно живущим,
Чашу свободы поставить в обителях наших свободных,
После изгнанья из Трои ахеян меднодоспешных».

Une Sacra · издание 1 · unesacra.com · CC BY-NC-SA 4.0

ПЕСНЬ VII

✦

Так говорящий, пронесся вратами блистательный Гектор;
С ним устремился и брат Александр: и душой Приамиды
Оба пылали воинствовать снова и храбро сражаться.

Словно пловцам, долговременно жаждущим, бог посылает
Ветер попутный, когда уже, множеством весел блестящих
Понт рассекая, устали, все члены трудом изнуривши, —
Так предводители их ожидавшим троянам явились.

Начали битву: Парис поразил Арейфоева сына,
Жителя Арны Менесфия, коего палиценосный
Царь породил Арейфой с черноокою Филомедузой.

Гектор вождя Эионея острою пикой ударил
В выю, под круг крепкомедного шлема, и крепость разрушил.
Главк, Гипполохова отрасль, ликийских мужей воевода,
Дексия сына, Ифиноя, в бурном сражении пикой
В рамо пронзил, кобылиц на него напускавшего быстрых;

В прах с колесницы он пал, и его сокрушилися члены.
Их лишь увидела светлая взором Афина богиня,
Так истребляющих воинов Аргоса в битве жестокой,
Вдруг от Олимпа высокого, бросившись, бурно помчалась
К Трое священной; навстречу богине, узрев от Пергама,
Феб Аполлон устремился: троянам желал он победы.

22-25 В встречу спешащие боги сошлися у древнего дуба;
Первый к богине воззвал дальномечущий Феб сребролукий:
«Что ты, волнения полная, дочь всемогущего Зевса,
Сходишь с Олимпа? К чему ты стремима сим пламенным духом?

26-29 Или склонить аргивянам неверную брани победу
Хочешь? Троян погибающих ты никогда не жалеешь?
Но прийми ты совет мой, и то благотворнее будет:
Нынешний день прекратим мы войну и убийство народов;

30-32 После да ратуют снова, доколе священного града,
Трои, конца не увидят, когда уже столько приятно
Вашему сердцу, богини великие, град сей разрушить».

33-35 Быстро воззвала к нему светлоокая дочь Эгиоха:
«Так, дальновержец, да будет; с подобною думою в сердце
Я низошла от Олимпа, к сраженью троян и ахеян.

36-38 Но возвести, прекратить ратоборство их как ты намерен?»
Снова богине ответствовал царь Аполлон сребролукий:
«Гектора мы, укротителя коней, отважность возвысим.

39-42 Пусть Приамид вызывает храбрейших героев данайских
Выйти один на один и сразиться решительной битвой;
Сим оскорбленные меднопоножные мужи данаи
Сами возбудят бойца одноборствовать с Гектором славным».

43-47 Так говорил, — и склонилася дочь светлоокая Зевса.
Сын Приамов, Гелен прорицатель, почувствовал духом
Оный совет, обоим божествам совещавшим приятный,

К Гектору брату предстал и так говорил воеводе:
«Гектор, пастырь народа, советами равный Крониду!

48-51 Будешь ли мне ты послушен, усердносоветному брату?
Дай повеление сесть и троянам, и всем аргивянам;
Сам же меж воинств на бой вызывай, да храбрейший данаец
Выйдет один на тебя и сразится решительным боем.

52-56 Ныне тебе не судьба умереть и предела достигнуть;
Слышал я голос такой небожителей вечно живущих».
Так произнес, — и восхитился Гектор услышанной речью,
Вышел один на средину и, взявши копье посредине,
Спнул фаланги троянские; все, успокоясь, воссели.

57-66 Царь Агамемнон равно удержал меднобронных данаев.
Тою порой Афина Паллада и Феб сребролукий,
Оба вознесшися, словно как ястребы, хищные птицы,
Сели на дубе высоком отца молненосного Зевса,
Ратями вместе любуясь: ряды их сидели густые,
Грозно щиты, и шеломы, и острые копья вздымая,
Словно как Зефир порывистый по морю зыбь разливает,
Если он вдруг подымается: море чернеет под нею, —
Ратей ряды таковы и троян, и бесстрашных данаев
В поле сидели, и Гектор вещал, между ратями стоя:

67-72 «Трои сыны и ахеяне храбрые, слух преклоните;
Я вам поведаю, что мне велит благородное сердце:
Наших условий высокоцарящий Кронид не исполнил,

Но, беды совещающий, нам обоюдно готовит
Битвы, покуда иль вы крепкобашенный град наш возьмете
Или падете от нас при своих кораблях мореходных.

73-75 Здесь, о ахеяне, с вами храбрейшие ваши герои;
Тот, у которого сердце со мною сразиться пылает,
Пусть изойдет и с божественным Гектором станет на битву.

76-78 Так говорю я, и Зевс уговора свидетель нам будет.
Если противник меня поразит сокрушительной медью,
Сняв он оружия, пусть отнесет к кораблям мореходным;

79-83 Тело же пусть возвратит, чтоб трояне меня и троянки,
Честь воздавая последнюю, в доме огню приобщили.
Если же я поражу и меня луконосец прославит, —
Взявши доспехи его, внесу в Илион их священный
И повешу во храме метателя стрел Аполлона;

84-86 Тело ж назад возвращу к кораблям обоюдувесельным.
Пусть похоронят его кудреглавые мужи ахейцы
И на брегу Геллеспонта широкого холм да насыплют.

87-91 Некогда, видя его, кто-нибудь и от поздних потомков
Скажет, плывя в корабле многовеслом по черному понту:
— Вот ратоборца могила, умершего в древние веки:
В бранях его знаменитого свергнул божественный Гектор! —
Так нерожденные скажут, и слава моя не погибнет».

92-96 Рек, — и молчанье глубокое все аргивяне хранили:
Вызов стыдились отвергнуть, равно и принять ужасались.
Вдруг восстал Менелай и вещал между сонма ахеян,

Всех упрекая жестоко и горестно сердцем стеная:
«Горе мне! о самохвалы! ахеянки вы — не ахейцы!

97-100 Срам для ахейских мужей из ужасных ужаснейший будет,
Если от них ни один не посмеет на Гектора выйти:
Но погибните все вы, рассыпьтесь водою и прахом,
Вы, сидящие здесь, как народ без души и без чести!

101-103 Я ополчуся и выйду на Гектора! знаю, что свыше
Жребий победы находится, в воле богов всемогущих».
Так говоря, покрывался поспешно оружием пышным;

104-110 И тогда, Менелай, ты расстался бы с сладкою жизнью
В мощных руках Приамида, далеко сильнейшего мужа,
Если б тебя удержать не воздвиглись цари и герои:
Сам повелитель мужей, Агамемнон пространнодержавный,
За руку брата схватил, называл и вещал, убеждая:
«Ты исступлен, Менелай благородный! такое безумство
Вовсе тебя не достойно: смири огорченное сердце;

111-114 В ревности гордой с сильнейшим тебя не дерзай состязаться,
С Гектором, сыном Приама: его и другие трепещут!
С ним и Пелид быстроногий на славных мужам ратоборствах
С страхом встречается, — воин, тебя несравненно храбрейший!

115-119 Сядь при дружине своей, успокойся, питомец Зевеса;
Мы от ахеян ему одноборца другого возбудим;
Сколь он ни будет бесстрашен и боя кровавого жаден,
С радостью, верно, колена преклонит, когда лишь безвреден
Выйдет из пламенной битвы и страшного единоборства!»

120-122 Так говорящий герой отвратил помышление брата,
Правду ему говоря: покорился Атрид, и клевреты
Весело с плеч Менелая оружия светлые сняли.

123-126 Нестор от сонма ахеян восстал и вещал им печальный:
«Боги! великая скорбь на ахейскую землю приходит!
Истинно горько восплачет Пелей, седой конеборец,
Славный мужей мирмидонских вития и мудрый советник.

127-131 Он восхищался, когда, вопрошая меня в своем доме,
Каждого порознь ахейца разведывал род и потомство;
Ныне ж, когда он услышит, что всех ужасает их Гектор,
Верно, не раз к небожителям руки прострет, да скорее
Дух сокрушенный его погрузится в обитель Аида!

132-135 Если бы ныне, о Зевс, Аполлон и Паллада Афина!
Молод я был, как в те годы, когда у гремучего брега
Билася рать пилиян и аркадян, копейщиков славных,
Около фейских твердынь, недалеко от струй Иардана.

136-141 В воинстве их впереди Эревфалион, богу подобный,
Первый стоял, ополченный оружием Арейфооя,
Славного Арейфооя, прозванием палиценосца,
Данным ему от мужей и от жен, опоясаньем красных:
Мощный, не луком тугим, не копьем длиннотенным сражался,
Он булавою железной ряды разрывал сопротивных.

142-145 Оного храбрый Ликург одолел, но не силой — коварством,
В тесном проходе; не мог он себя булавой и железной
Спасть от смерти: Ликург, на дороге его упредивши,

В чрево копьем поразил, и об дол он ударился тылом.

Снял победитель оружия, дар душегубца Арея;
После и сам их носил, выходя на Ареевы споры.
Но когда обессилел герой, состаревшийся в доме,
Отдал тяжелый доспех Эревфальону, ратному другу:
Сими доспехами гордый, выкрикивал всех он храбрейших;

Все трепетали, страшились, никто не отважился выйти.
Вспыхнуло сердце во мне, на свою уповая отвагу,
С гордым сразиться, хотя между сверстников был я и младший.

Я с ним сразился, — и мне торжество даровала Афина!
Большего всех и сильнейшего всех я убил человека!
В прахе лежал он, огромный, сюда и туда распростертый.

Если бы так я был млад и не чувствовал немощи в силах,
Скоро противника встретил бы шлемом сверкающий Гектор!
В вашем же воинстве сколько ни есть храбрейших данаев,
Сердцем никто не пылает противником Гектору выйти!»

Так их старец стыдил, — и мгновенно воспрянули девять:
Первый воздвигся Атрид, повелитель мужей Агамемнон;
После воспрянул Тидид Диомед, воеватель могучий;

Оба Аякса вожди, облеченные бурною силой;
Дерзостный Идоменей и его совоинственник грозный,
Вождь Мерион, человеков губителю равный, Арею;

167-169 После герой Эврипил, блистательный сын Эвемона;
Вслед Андремонид Фоас и за ним Одиссей знаменитый.
Столько восстало их, жаждущих с Гектором славным сразиться.

170-174 Слово опять обратил к ним Нестор, конник геренский:
«Жребии бросим, друзья, и которого жребий назначит,
Тот несомненно, я верю, возрадует души ахеян
И не менее радостен будет и сам, коль спасенный
Выйдет из пламенной битвы и страшного единоборства».

175-177 Так произнес он, — и каждый, наметивши собственный жребий,
Бросил в медный шелом Агамемнона, сына Атрея.
Рати молились и длани к бессмертным горé воздевали;

178-180 Так не один говорил, на пространное небо взирая:
«Даруй, о Зевс! да падет на Аякса, или Диомеда,
Иль на царя самого многозлатой Микены, Атрида».

181-185 Так говорили, — а Нестор шелом сотрясал пред собраньем;
Вылетел жребий из шлема, данаями всеми желанный,
Жребий Аякса; и вестник, понесши кругом по собранью,
Всем, от десной стороны, показал воеводам ахейским:
Знака никто не признал, отрекался от жребия каждый.

186-188 Вестник предстал и к тому, по собранию окрест носящий,
Кто и означил, и в шлем положил; Теламонид великий
К вестнику руку простер, и вестник, приближася, подал;

189-191 Жребий увидевши, знак свой узнал и в восторге сердечном
На землю бросил его и к ахеям вскричал Теламонид:
«Жребий, ахеяне, мой! веселюся и сам я сердечно!

192-195 Так над божественным Гектором льщусь одержать я победу.
Други, пока я в рядах боевые доспехи надену,
Вы молитеся Зевсу, могущему Кронову сыну,
Между собою, безмолвно, да вас не услышат трояне.

196-199 Или молитеся громко: мы никого не страшимся!
Кто б ни желал, против воли меня не подвигнет он с поля
Силой, ни ратным искусством; и я не невеждой, надеюсь,
Сам у отца моего в Саламине рожден и воспитан!»

200-203 Так говорил, а данаи молили могущего Зевса.
Так не один возглашал, на пространное небо взирая:
«Зевс отец, обладающий с Иды, преславный, великий,
Дай ты Аяксу обресть и победу, и светлую славу!

204-213 Если ж и Гектора любишь, когда и об нем промышляешь, —
Равные им обоим и могущество даруй, и славу!»
Так говорили. Аякс покрывался блистательной медью
И, как скоро одеялся весь в боевые доспехи,
Начал вперед выступать, как Арей выступает огромный,
Если он шествует к брани народов, которых Кронион
Духом вражды сердцегложущей свел на кровавую битву:
Вышел таков Теламонид огромный, твердыня данаев,
Грозным лицом осклабляясь; и звучными сильный стопами
Шел, широко выступая, копьем длиннотенным колебля.

214-216 Все аргивяне, смотря на него, восхищалися духом;
Но троянину каждому трепет вступил во все члены;
Даже у Гектора сердце в могучей груди содрогалось;

217-221 Но ни врага избежать, ни в толпы ополчений укрыться
Не было боле возможности: сам на сражение вызвал.
Быстро Аякс подходил, пред собою несущий, как башню,
Медный щит семикожный, который художник составил,
Тихий, усмарь знаменитейший, в Гиле обителью живший;

222-228 Он сей щит сотворил легкодвижимый, семь сочетавши
Кож из тучнейших волов и восьмую из меди поверхность.
Щит сей неся перед грудью, Аякс Теламонид могучий
Стал против Гектора близко и голосом грозным воскликнул:
«Гектор, теперь ты узнаешь, один на один подвизаясь,
В рати ахейской земли каковы и другие герои
Есть, без Пелида, фаланг разрывателя, с львиной душою!

229-232 Он у своих кораблей, при дружинах своих мирмидонских,
Празден лежит, на царя Агамемнона злобу питая.
Нас же, ахеян, которые выйти с тобою готовы,
Много таких! Начинай, Приамид, поединок и битву!»

233-236 Но ему отвечал шлемоблещущий Гектор великий:
«Сын Теламонов, Аякс благородный, властитель народа,
Тщетно меня ты, как будто ребенка, испытывать хочешь
Или как деву, которая дел ратоборных не знает.

237-239 Знаю довольно я брань и кровавое мужеубийство!
Щит мой умею направо, умею налево метать я, —
Жесткую тяжесть, — и с нею могу неусталый сражаться;

240-243 Пеший, умею ходить я под грозные звуки Арея;
Конный, умею, скача, с кобылиц быстроногих сражаться.
Но не хочу нападать на такого, как ты, ратоборца,
Скрытно высматривая, но открыто, когда лишь умечу».

244-253 Рек он — и, мощно сотрясши, поверг длиннотенную пику
И поразил Теламонида в выпуклый щит семикожный,
В яркую полосу меди, что сверху восьмая лежала:
Шесть в нем полос пробежала, рассекши, бурная пика,
В коже седьмой увязла. Тогда Теламонид великий,
Мощный Аякс, размахнувши, послал длиннотенную пику
И вогнал Приамиду оружие в щит круговидный:
Щит светозарный насквозь пролетела могучая пика,
Броню насквозь, украшеньем изящную, быстро пронзила
И на чреве, под ребрами, самый хитон растерзала,

254-257 Бурная: Гектор отпрянул и гибели черной избегнул.
Оба исторгнули вновь длиннотенные копья и разом
Сшиблися вновь, как свирепые львы, пожиратели крови,
Или как звери лесов, нелегко одолимые вепри.

258-262 Гектор копьем в середину щита Теламонида грянул,
Но щита не прорвал: на меди изогнулося жало.
В щит, налетевши, ударил Аякс, и насквозь совершенно
Вышло копье, напиравшего Гектора вспять отразило,
Вскользь пробежало по вые, — и черная кровь заструилась.

263-265 Боя герой не прервал, шлемоблещущий пламенный Гектор:
Но, назад он подавшися, камень рукою могучей
Сорвал, средь поля лежавший, черный, жестокий, огромный;

266-268 Махом поверг, и Аяксов блистательный щит семикожный
Глыбой в средину ударил; взревела вся медь щитовая.
Быстро Аякс подхватил несравненно огромнейший камень;

269-276 Ринул его, размахав, и, напрягши безмерную силу,
В щит угодил и насквозь проломил его камнем жерновным,
Ранил колена врагу: на хребет опрокинулся Гектор,
Сверху натиснут щитом; но незапно воздвиг Приамида
Феб; и тогда рукопашно мечами б они изрубились,
Если б к героям глашатаи, вестники бога и смертных,
Вдруг не предстали — один от троян, а другой от ахеян,
Вестник Идей и Талфибий, мужи разумные оба.

277-280 Между героями скиптры они протянули, и рек им
Вестник троянский, Идей, исполненный мудрых советов:
«Кончите, дети любезные, кончите брань и сраженье:
Оба равно вы любезны гонителю облаков Зевсу;

281-284 Оба храбрейшие воины: в том убедилися все мы.
Но приближается ночь; покориться и ночи приятно».
Быстро к нему обратясь, отвечал Теламонид великий:
«Вестник, что ты произнес, повели произнесть Приамиду;

285-289 Он вызывал на сражение наших храбрейших героев;
Он и начни: покориться готов я, коль он пожелает».
И ему отвечал шлемоблещущий Гектор великий:

«Так, Теламонид, тебе и великость, и силу, и разум
Бог даровал; меж ахеями ты копьеборец славнейший.

290-292 Кончим на нынешний день и борьбу и сражение наше!
После сойдемся и будем сражаться, пока уже демон
Нас не разлучит, из двух одному даровавши победу.

293-295 Ныне приближилась ночь; покориться и ночи приятно.
Шествуй — и пред кораблями всех аргивян ты обрадуй,
Более ж другов любезных и ближних, каких ты имеешь;

296-298 Я же в Приамовом граде великом обрадую, в Трое,
Сердце троян и длинные ризы влачащих троянок,
Кои молиться о мне соберутся в божественном храме.

299-301 Сын Теламонов! почтим мы друг друга дарами на память.
Некогда пусть говорят и Троады сыны и Эллады:
Бились герои, пылая враждой, пожирающей сердце;

302-304 Но разлучились они, примиренные дружбой взаимной».
Гектор, слово окончивши, меч подает среброгвоздный
Вместе с ножнами его и красивым ремнем перевесным;

305-309 Сын Теламона вручает блистающий пурпуром пояс.
Так разлучася, герои — один к ополченьям ахейским
Шествовал, к сонмам троянским другой поспешал; и трояне,
Радуясь сердцем, смотрели, что шествует здрав и безвреден
Гектор, Аяксовой силы и рук необорных избегший;

310-312 В град повели Приамида не ждавшие видеть живого.
Так и Аякса красивопоножные мужи данаи
К сыну Атрея вели, восхищенного славой победы.

313-315 Им собравшимся в кущах владыки народов Атрида,
Ради пришедших, тельца пятилетнего царь Агамемнон
Тучного жертвой заклал всемогущему Зевсу Крониду.

316-318 Быстро его одирают, трудятся, всего рассекают,
Рубят искусно на мелкие части, пронзают рожнами,
Жарят на них осторожно и, всё уготовив, снимают.

319-322 Скоро окончился труд, и немедленно пир уготован:
Все пировали, никто не нуждался на пиршестве общем;
Но Аякса героя особо хребтом бесконечным
Сам Агамемнон почтил, повелитель ахеян державный.

323-325 И когда питием и пищею глад утолили,
Старец в собрании первый слагать размышления начал,
Нестор, который и прежде блистал превосходством советов;

326-330 Он, благомысленный, так говорил и советовал в сонме:
«Царь Агамемнон и вы, воеводы народов данайских!
Много уже на боях полегло кудреглавых данаев,
Коих черную кровь по брегам пышноструйного Ксанфа
Бурный Арей разлиял, и в Аид погрузились их души.

331-335 Должно с зарею, Атрид, прекратить ратоборство данаев.
Мы же, поднявшися дружно, свезем с побоища трупы
В стан на волах и на месках и все совокупно сожжем их,

Одаль судов мореходных: да кости отцовские детям
Каждый в дом понесет, возвращаясь в землю родную.

336-338 После, на месте сожженья, собравшись, насыплем могилу,
Общую всем на долине, а подле построим немедля
Стену и башни высокие, нам и судам оборону.

339-341 В оных устроим ворота и крепко сплоченные створы,
Путь бы чрез оные был колесницам и коням просторный.
Подле стены той, снаружи, ров ископаем глубокий;

342-344 Пусть он, идущий кругом, воспящает и конных и пеших,
Чтоб когда-либо рать не нагрянула гордых пергамлян».
Так говорил он; совет одобряя, цари восклицали.

345-348 Мужи троянские также совет, на вершине Пергама,
Смутный и шумный держали, пред домом Приама владыки.
Первый на нем Антенор совещать благомысленный начал:
«Трои сыны, и дарданцы, и вы, о союзники наши!

349-353 Слух преклоните, скажу я, что в персях мне сердце внушает:
Ныне решимся: Елену Аргивскую вместе с богатством
Выдадим сильным Атридам; нарушивши клятвы святые,
Мы вероломно воюем; за то и добра никакого
Нам, я уверен, не выйдет, пока не исполним, как рек я».

354-357 Так произнесши, воссел Антенор; и восстал между ними
Богу подобный Парис, супруг лепокудрой Елены;
Он Антенору в ответ устремляет крылатые речи:
«Ты, Антенор, говоришь неугодное мне совершенно!

358-360 Мог ты совет и другой, благотворнейший всем нам, примыслить!
Если же то, что сказал, произнес ты от чистого сердца,
Разум твой, без сомнения, боги похитили сами!

361-364 Я меж троян, укротителей коней, поведаю мысли
И скажу я им прямо: Елены не выдам, супруги!
Что до сокровищ, которые в дом я из Аргоса вывез,
Все соглашаюся выдать и собственных к оным прибавить».

365-368 Так произнес и воссел Приамид; и восстал между ними
Древний Приам Дарданид, советник, равный бессмертным.
Он, благомыслия полный, советовал так на соборе:
«Трои сыны, и дарданцы, и вы, о союзники наши!

369-371 Слух преклоните, скажу я, что в персях мне сердце внушает:
Ныне вы, дети мои, вечеряйте во граде, как прежде;
Помните стражу ночную и бодрствуйте каждый на страже.

372-374 Завтра же вестник Идей да пойдет к кораблям мореходным,
Мощным Атрея сынам, Агамемнону и Менелаю,
Думу поведать Париса, от коего распря восстала.

375-378 Он и сию им измолвит разумную речь: не хотят ли
Мало почить от погибельной брани, доколе убитых
Трупы сожжем; и заратуем снова, пока уже демон
Нас не разлучит, одним иль другим даровавши победу».

379-385 Так говорил, — и, внимательно слушая, все покорились.
Рати троянские вместе, толпа близ толпы, вечеряли.
Рано утром Идей отошел к кораблям мореходным
И обрел уж на сонме данаев, клевретов Арея,

Подле кормы корабельной царя Агамемнона. Вестник
Стал посреди воевод и вещал им голосом звучным:
«Царь Агамемнон и вы, предводители ратей ахейских!

386-391 Царь мне Приам повелел и другие сановники Трои
Думу поведать, когда то желательно вам и приятно,
Сына его Александра, от коего распря восстала:
Те из сокровищ, которые он в кораблях многоместных
В Трою из Аргоса вывез (о, лучше б он прежде погибнул!),
Хочет все возвратить и собственных к оным прибавить;

392-397 Но супругу младую Атрида царя, Менелая,
Выдать Парис отрекается, как ни склоняли трояне.
Слово еще и сие повелели сказать: не хотите ль
Вы опочить от погибельной брани, доколе убитых
Трупы сожжем; и заратуем снова, пока уже демон
Нас не разлучит, одним иль другим даровавши победу».

398-402 Рек, — и молчанье глубокое все аргивяне хранили.
Но меж них взговорил Диомед, воеватель могучий:
«Нет, да никто между нас не приемлет сокровищ Париса,
Даже Елены! Понятно уже и тому, кто бессмыслен,
Что над градом троянским грянуть готова погибель!»

403-407 Так произнес, — и воскликнули окрест ахейские мужи,
Все удивляясь речам Диомеда, смирителя коней.
И тогда ко Идею вещал Агамемнон державный:
«Слышишь ты сам, провозвестник троянский, речи ахеян:
Так отвечают ахеяне, так я и сам помышляю.

408-410 Что до сожжения мертвых, нисколько тому не противлюсь.
Долг — ничего не щадить для окончивших дни человеков,
И умерших немедленно должно огнем успокоить.

411-413 Зевс да услышит обет мой, Геры супруг громоносный!»
Так произнес — и горé небожителям поднял он скипетр;
И обратно Идей отошел к Илиону святому.

414-418 Тою порою сидели на сонме трояне, дардане,
Все совокупно: они ожидали, когда возвратится
Вестник почтенный. Идей возвратился и, став посреди их,
Весть произнес; и, поднявшись, трояне готовились быстро, —
Те привозить мертвецов, а другие — древа из дубравы.

419-423 Сонмы ахеян равно от судов многовеслых спешили, —
Те привозить мертвецов, а другие — древа из дубравы.
Солнце лучами новыми чуть поразило долины,
Вышед из тихокатящихся волн Океана глубоких
В путь свой небесный, как оба народа встретились в поле.

424-426 Трудно им было узнать на побоище каждого мужа:
Только водой омывая покрытых и кровью и прахом,
Клали тела на возы, проливая горючие слезы;

427-429 Громко рыдать Приам запрещал им: трояне безмолвно
Мертвых своих на костер полагали, печальные сердцем,
И, предав их огню, возвратилися к Трое священной.

430-432 Так и с другой стороны меднолатные мужи ахейцы
Мертвых своих на костер полагали, печальные сердцем,
И, предав их огню, возвращались к судам мореходным.

433-437 Не было утро еще, но седели уж сумраки ночи,
И на труд поднялися ахеян отборные мужи.
Там, где тела сожигали, насыпали дружно могилу,
Общую всем на долине; близ оной воздвигнули стену,
Башни высокие, воинству их и судам оборону;

438-441 В них сотворили ворота и крепко сплоченные створы,
Путь бы чрез оные был колесницам и коням просторный.
Подле стены той, снаружи, ров ископали великий,
Всюду широкий, глубокий, и колья по нем водрузили.

442-444 Так подвизалися там кудреглавые мужи ахейцы.
Боги меж тем, восседя у Кронида, метателя молний,
Все изумлялися, видя великое дело ахеян.

445-447 В сонме их начал вещать Посейдаон, земли колебатель:
«Зевс громовержец, какой человек на земле беспредельной
Ныне богам исповедает волю свою или помысл?

448-450 Или не видишь ты, в ночь кудреглавые мужи ахейцы
Создали стену своим кораблям и пред нею глубокий
Вывели ров, а бессмертным от них возданы ль гекатомбы?

451-453 Слава о ней распространится, где только Денница сияет;
Но забудут об оной, которую я с Аполлоном
Около града царю Лаомедону создал, томяся!»

454-457 Гневно вздохнув, отвечал Посейдаону Зевс тучеводец:
«Бог многомощный, землею колеблющий, что ты вещаешь!
Пусть от бессмертных другой устрашается замыслов равных,
Кто пред тобою далёко слабее и силой и духом!

458-463 Слава твоя распространится, где только Денница сияет.
Верь и дерзай: и когда кудреглавые мужи ахейцы
В быстрых судах понесутся к любезным отечества землям,
Стену сломи их и, всю с основания в море обрушив,
Изнова берег великий покрой ты песками морскими,
Да и след потребится огромной стены сей ахейской».

464-466 Так взаимно бессмертные между собою вещали.
Солнце зашло, и свершилось великое дело ахеян.
В кущах они закалали тельцов, вечерять собирались.

467-469 Тою порой корабли, нагруженные винами Лемна,
Многие к брегу пристали: Эвней Язонид послал их,
Сын Ипсипилы, рожденный с Язоном, владыкой народа.

470-475 Двум Атрейонам, царю Агамемнону и Менелаю,
Тысячу мер, как подарок, напитка прислал Язонион.
Прочие мужи ахейские меной вино покупали:
Те за звенящую медь, за седое железо меняли,
Те за воловые кожи или за волов круторогих,
Те за своих полоненных. И пир уготовлен веселый.

476-481 Целую ночь кудреглавые мужи ахейцы по стану
Вкруг пировали, а Трои сыны и союзники — в граде.
Целую ночь им беды совещал олимпийский провидец,
Грозно гремящий, — и страх находил на пирующих бледный:
Мужи вино проливали из кубков; не смел ни единый
Пить, не возлив наперед всемогущему Кронову сыну.

482 Все наконец возлегли и дарами сна насладились.

Une Sacra · издание 1 · unesacra.com · CC BY-NC-SA 4.0

ПЕСНЬ VIII

✦

1-4 В ризе златистой Заря простиралась над всею землею,
Как богов на собор призвал молнелюбец Кронион;
И, на высшей главе многохолмного сидя Олимпа,
Сам он вещал; а бессмертные окрест безмолвно внимали.

5-9 «Слушайте слово мое, и боги небес, и богини:
Я вам поведаю, что мне в персях сердце внушает;
И никто от богинь, и никто от богов да не мыслит
Слово мое ниспровергнуть; покорные все совокупно
Мне споспешайте, да я беспрепятственно дело исполню!

10-12 Кто ж из бессмертных мятежно захочет, и я то узнаю,
С неба сойти, пособлять илионянам или данаям,
Тот, пораженный позорно, страдать на Олимп возвратится!

13-16 Или восхичу его и низвергну я в сумрачный Тартар,
В пропасть далекую, где под землей глубочайшая бездна:
Где и медяный помост, и ворота железные, Тартар,
Столько далекий от ада, как светлое небо от дола!

17-22 Там он почувствует, сколько могучее всех я бессмертных!
Или дерзайте, изведайте, боги, да все убедитесь:
Цепь золотую теперь же спустив от высокого неба,
Все до последнего бога и все до последней богини
Свесьтесь по ней; но совлечь не возможете с неба на землю
Зевса, строителя вышнего, сколько бы вы ни трудились!

23-27 Если же я, рассудивши за благо, повлечь возжелаю, —
С самой землею и с самым морем ее повлеку я
И моею десницею окрест вершины Олимпа
Цепь обовью; и вселенная вся на высоких повиснет —
Столько превыше богов и столько превыше я смертных!»

28-31 Так он вещал, — и молчанье глубокое боги хранили,
Все пораженные речью: ужасно грозен вещал он;
Но наконец светлоокая так возгласила Афина:
«О всемогущий отец наш, Кронион, верховный владыко!

32-34 Ведаем мы совершенно, что сила твоя необорна;
Но милосердуем мы об ахеянах, доблестных воях,
Кои, судьбу их жестокую скоро исполнив, погибнут.

35-37 Все мы, однако, от брани воздержимся, если велишь ты;
Мы лишь советы внушим аргивянам, да храбрые мужи
В Трое погибнут не все под твоим сокрушительным гневом».

38-40 Ей, улыбаясь, ответствовал тучегонитель Кронион:
«Бодрствуй, Тритония, милая дочь! не с намереньем в сердце
Я говорю, и с тобою милостив быть я желаю».

41-44 Так произнес он — и впряг в колесницу коней медноногих,
Бурно летающих, гривы волнующих вкруг золотые;
Золотом сам он оделся; в руку художеством дивный
Бич захватил золотой и на блещущей стал колеснице;

45-48 Коней погнал, — и послушные быстро они полетели,
Между землею паря и звездами усеянным небом.
Он устремлял их на Иду, зверей многоводную матерь,

К Гаргару холму, где роща его и алтарь благовонный.

49-52 Там коней удержал повелитель бессмертных и смертных
И, от ярма отрешив, окружил их мраком великим.
Сам на вершине Идейской воссел, величаяся славой,
Град созерцая троян и суда меднобронных данаев.

53-57 Тою порой укрепилися снедью ахейские мужи,
Быстро по кущам и в битву оружием все покрывались.
Трои сыны на другой стороне ополчались по граду,
В меньшем числе, но и так готовые крепко сражаться,
Нуждой влекомые кровной, сражаться за жен и детей их.

58-60 Все растворились ворота; из оных зареяли рати
Конные, пешие; шум между толп их воздвигся ужасный.
Рати, на место одно устремляяся, быстро сошлися;

61-63 Разом сразилися кожи, сразилися копья и силы
Воинов, медью одеянных; выпуклобляшные разом
Сшиблись щиты со щитами; гром поднялся ужасный.

64-67 Вместе смешались победные крики и смертные стоны
Воев губящих и гибнущих; кровью земля заструилась.
Долго, как длилося утро и день возрастал светоносный,
Стрелы и тех и других поражали — и падали вои.

68-71 Но лишь сияющий Гелиос стал на средине небесной,
Зевс распростер, промыслитель, весы золотые; на них он
Бросил два жребия Смерти, в сон погружающей долгий:
Жребий троян конеборных и медноружных данаев;

72-74 Взял посредине и поднял: данайских сынов преклонился
День роковой, данайских сынов до земли многоплодной
Жребий спустился, троян же до звездного неба вознесся.

75-77 Страшно грянул от Иды Кронид и перун, по лазури,
Пламенный бросил в ахейские рати; ахейцы, увидя,
Все изумились, покрылися лица их ужасом бледным.

78-81 Идоменей оставаться не смел, ни Атрид Агамемнон;
Ни Аяксы вожди не остались, клевреты Арея.
Нестор один средь побоища, страж аргивян, оставался
Волей недоброю: конь пострадал, пораженный стрелою.

82-85 Ранил его Александр, супруг лепокудрой Елены,
В голову, в самое темя, где первые волосы коней
Идут от черепа к вые: опасное место; от боли
Конь заскакал на дыбы: пернатая в мозг погрузилась.

86-91 Коней смутил и других он, крутяся вкруг пагубной меди.
Тою порою, как старец, к коню пораженному бросясь,
Припряжь отсечь напрягается, Гектора быстрые кони
Скачут сквозь волны бегущих, отважного мча властелина,
Гектора! Тут бы старец жизнь погубил неизбежно,
Если б его не узрел Диомед, воеватель могучий.

92-94 Страшно воскликнул герой, призывая царя Одиссея:
«Сын благородный Лаэрта, герой Одиссей многоумный!
Что ты бежишь, обращая хребет, как в толпе малодушный?

95-97 Пику тебе, берегися, вонзят бегущему в плечи.
Стань, Одиссей, отразим мы от старца свирепого мужа».
Рек; не услышал его Одиссей, благородный страдалец;

98-102 Мимо промчался, бежа к кораблям многоместным ахейским.
Но Диомед, и один оставаясь, вперед устремился;
Стал перед конским ярмом геренского старца Нелида
И к нему взговорил, устремляя крылатые речи:
«Старец, жестоко тебя ратоборцы младые стесняют!

103-107 Сила оставила, старость тебя удручила лихая;
Немощен твой и возница, и кони твои не проворны.
Шествуй ко мне, взойди на мою колесницу; увидишь,
Троса, кони каковы, несказанно искусные в поле
Быстро летать и туда и сюда, и в погоне и в бегстве.

108-111 Я их вчера у Энея отбил, разносителя бегства.
Вверь ты своих попеченью сподвижников, сих же с тобою
Мы устремим на троян конеборных, да ныне и Гектор
Узрит, в руке и моей способна ль свирепствовать пика!»

112-114 Так произнес; не преслушался Нестор, конник геренский;
Старца приняв кобылиц, озаботились ими клевреты,
Сильные двое, Сфенел с Эвримедоном славолюбивым.

115-117 Сами вожди совокупно вошли в колесницу Тидида;
Нестор немедленно в руки приял блестящие вожжи,
Коней стегнул, и пред Гектором быстро они очутились.

118-123 В Гектора, прямо летящего, дрот Диомед устремляет;
И в него не попал; но его браздодержца-клеврета,
Сына Фебея почтенного, смелого Эниопея,
Коней браздами гонящего, в грудь поражает у сердца:
В прах с колесницы он пал, и отпрянули в сторону кони
Бурные; там сокрушилась его и душа и могучесть.

124-129 Гектору сердце стеснила жестокая скорбь о вознице;
Но его наконец, невзирая на жалость о друге,
Бросил и смелого окрест возницы искал; и не долго
Кони нуждались в правителе; скоро достойный явился:
Архептолем, Ифитид бесстрашный; ему он на коней
Быстрых взойти повелел и бразды к управлению вверил.

130-132 Сеча была б, совершилось бы невозвратимое дело,
В граде своем заключились бы, словно как овцы, трояне;
Но увидел то быстро отец и бессмертных и смертных.

133-135 Он, загремевши ужасно, перун сребропламенный бросил
И на землю его, пред конями Тидида, повергнул:
Страшным пламенем вверх воспаленная пыхнула сера;

136-139 Кони от ужаса, прянув назад, под ярмом задрожали;
Пышные коней бразды убежали из старцевых дланей;
С сердцем трепещущим он провещал к Диомеду герою:
«Друг Диомед, оборачивай к бегству коней быстроногих.

140-144 Или не чувствуешь ты, не тебе от Кронида победа!
Ныне его на бою громомещущий Зевс прославляет,
Гектора; после, быть может, когда возжелает, дарует

Славу и нам. Человек не преложит советов Зевеса,
Сколько бы ни был он силен: могучее он, громовержец!»

145-147 Но ему отвечал Диомед, знаменитый воитель:
«Всё справедливо и всё ты разумно, старец, вещаешь;
Но болезнь мне жестокая сердце и душу проходит!

148-150 Гектор некогда скажет, пред сонмом троян велереча:
— Вождь Диомед от меня к кораблям убежал, устрашенный. —
Скажет хвалясь, и тогда расступися, земля, подо мною!»

151-154 Вновь Диомеду ответствовал Нестор, конник геренский:
«Сын брапоносца Тидея, бестрепетный, что ты вещаешь?
Если бы Гектор тебя и робким назвал и бессильным,
Веры ему не дадут ни дардане, ни граждане Трои;

155-159 Веры ему не дадут и супруги троян щитоносцев,
Коих супругов цветущих толпы распростер ты по праху».
Так говоря, обратил он на бегство коней звуконогих
Рати бегущей в толпу; и на них и трояне и Гектор,
Страшные крики подняв, задождили свистящие стрелы.

160-162 Голосом звучным кричал ему вслед шлемоблещущий Гектор:
«О Диомед! перед всеми тебя почитали данаи
Местом, и брашном, и полными кубками в пиршествах общих;

163-166 Впредь не почтут: пред всех их женщиной ты оказался!
Сгибни, презренная дева! скорей, чем меня отразивши,
На стены наши взойдешь или наших супруг похищенных
В плен повлечешь ты, скорее тебя я к демону свергну!»

167-169 Так восклицал; а Тидид волновался в сомнительных думах:
Вспять обратить ли коней и сразиться ли противуставши?
Трижды на думу сию и умом он и сердцем решался;

170-173 Трижды с идейского Гаргара грозно гремел промыслитель
Зевс, возвещая троянам победу сомнительной битвы.
Гектор же снова троян возбуждал, восклицающий звучно:
«Трои сыны, и ликийцы, и вы, рукопашцы дарданцы!

174-176 Будьте мужами, о други, помните бурную доблесть!
Чувствую, мне благосклонный Кронид знаменает сим громом
В брани победу и славу, ахейцам же срам и погибель!

177-179 Мужи-безумцы, они в оборону примыслили стены,
Слабые, храбрым презренные, силам моим не преграда!
Кони же наши легко чрез ископанный ров перепрянут.

180-183 Но когда я приближусь к аргивским судам мореходным,
Помните, други! с огнем вы пылающим будьте готовы.
Пламенем я истреблю их суда и самих пред судами
Всех изобью аргивян, удушаемых дымом пожарным!»

184-190 Так произнесши, к коням обратился и к ним говорил он:
«Ксанф, и Подарг, и божественный Ламп, и могучий мой Эфон!
Ныне, о кони, вы мне заплатите за корм свой роскошный:
Часто моя Андромаха, почтенная дочь Этиона,
Первым вам предлагала пшеницу приятную в пищу,
Вам растворяла вино к питию, до желания сердца,
Прежде меня, для нее драгоценного мужа младого!

191-193 Мчитеся ж, кони, летите; настигнем врагов и похитим
Несторов щит, о котором слава до неба восходит,
Будто из золота весь он — и круг, и его рукояти;

194-197 И с рамен Диомеда, смирителя коней, добудем
Пышные, дивные латы, Гефеста бессмертного дело!
Если похитим мы их, несомненно уверен, ахейцы
В эту же ночь на суда быстролетные бросятся к бегству!»

198-202 Так возносясь, восклицал он; прогневалась мощная Гера,
Восколебалась на троне, и дрогнул Олимп многохолмный.
Быстро вещала она к Посейдону, великому богу:
«Бог многомощный, колеблющий землю! ужели нисколько
Сердце твое не страдает о гибнущих храбрых данаях!

203-207 Тех, что и в Эге тебе, и в Гелике столько приятных
Жертв и даров посвящают? споспешествуй им ты в победе!
Если б и все, аргивян покровители, мы возжелали,
Трои сынов отразив, обуздать громоносного Зевса,
Скоро бы он сокрушился, сидя одинокий на Иде!»

208-211 Ей, негодуя, ответствовал мощный земли колебатель:
«О дерзословная Гера! какие ты речи вещаешь?
Нет, не желаю отнюдь, чтобы кто-либо смел от бессмертных
С Зевсом Кронидом сражаться; могуществом всех он превыше!»

212-216 Так на Олимпе бессмертные между собою вещали.
Тою порой от судов, между рвом и стеною, пространство
Все наполнено было и коней и воев толпами

Страшно теснимых данаев: теснил их, подобно Арею,
Гектор могучий, когда даровал ему славу Кронион.

217-221 Он истребил бы свирепым огнем и суда их у моря,
Если бы Гера царю Агамемнону в мысль не вложила
Быстро народ возбудить, хоть и сам он об оном же пекся:
Он устремился стопами широкими к стану ахеян,
Мощной рукою держа великий свой плащ пурпуровый.

222-226 Стал Агамемнон на черный, огромный корабль Одиссея,
Бывший в средине, да голос его обоюдно услышат
В кущах конечных Аякса и в кущах царя Ахиллеса,
Кои на самых концах с многовеслыми их кораблями
Стали, надежные оба на силу их рук и на храбрость.

227-230 Там, поразительным голосом, он вопиял к аргивянам:
«Стыд, аргивяне! отродье презренное, дивные видом!
Где похвальбы, как храбрейшими сами себя величали,
Те, что на Лемне, тщеславные, громко вы произносили?

231-235 Там на пирах, поедая рогатых волов неисчетных,
Чаши до дна выпивая, вином через край налитые,
На сто, на двести троян, говорили вы, каждый из наших
Станет смело на бой! а теперь одного мы не стоим
Гектора! Он к кораблям приближается с пламенем бурным!

236-239 Зевс Олимпийский, кого на земле от царей многомощных
Равной ты карой карал и толикой лишал его славы?
Я же, о Зевс, миновал ли когда твой алтарь велелепный,
В черном моем корабле сюда на несчастие плывший?

240-242 Нет, на всех возжигал я тельчие туки и бедра,
Сердцем пылая разрушить высокотвердынную Трою.
Ныне, о Зевс, хоть одно для меня ты исполни желанье!

243-245 Дай хотя нам ты самим от врагов избежать и спастися;
Здесь не предай на погибель сынам Илиона ахеян!»
Рек; умилился отец над царем, проливающим слезы!

246-250 Знаменье дал, да спасется аргивский народ, не погибнет:
Быстро орла ниспослал, между вещих вернейшую птицу.
Мчащий в когтях он еленя, рождение быстрыя лани,
Близ алтаря велелепного Зевсова бросил еленя,
Где племена аргивян поклонялись всевещему Зевсу.

251-255 Чуть усмотрели они, что от Зевса явилася птица,
Жарче на рати троянские бросились, вспыхнули боем.
Но не успел ни один, сколь ни много данаев тут было,
Славиться прежде Тидида, что, бурных коней устремивши,
Выгнал за ров, на противных ударил и смело сразился.

256-260 Первый из всех он троянского мужа, доспешника, свергнул,
Фрадмона ветвь, Агелая; тогда, как троянец на бегство
Коней ворочал, ему, обращенному, острую пику
Он между плеч углубил и сквозь перси кровавую выгнал:
Пал с колесницы он в прах, и взгремели на падшем доспехи.

261-264 После Тидида, Атриды цари устремилися оба;
Вслед их Аяксы вожди, облеченные бурною силой,
Идоменей Девкалид и его сподвижник ужасный,
Вождь Мерион, Эниалию равный, губителю смертных;

265-267 После герой Эврипил, препрославленный сын Эвемона.
Тевкр же, девятым исшед, наляцатель жестокого лука,
Стал под великим щитом Теламонова сына Аякса.

268-270 Часто Аякс отсторанивал щит; а стрелец знаменитый,
Вкруг осмотревши и метко стрельнувши в толпу сопротивных,
Ранил кого-либо; раненый, пав, расставался с душою;

271-273 Тевкр же бросался назад, и, как к матери сын, приникал он
К брату Аяксу, и сильный щитом покрывал его светлым.
Кто ж меж троянами первый сражен Теламонидом Тевкром?

274-277 Первый Орсилох, за ним Офелест и воинственный Ормен,
Детор, и Хромий, и муж Ликофонт, небожителю равный,
Гамопаон, Полиемонов сын, и могучий Меланипп:
Сих, одного за другим, положил он на тучную землю.

278-281 Тевкра увидев, восхитился духом Атрид Агамемнон,
Как он из крепкого лука троян истребляет фаланги;
Быстро приближился, стал и к нему, восхищенный, воскликнул:
«Тевкр, удалая глава! предводитель мужей, Теламонид!

282-285 Так поражай и успеешь, и светом ахейцам ты будешь,
Славой отцу Теламону: тебя возлелеял он с детства
И, побочного сына, воспитывал в собственном доме:
Старца, хотя и далекого, славой возвысь благородной!

286-291 Я же тебе говорю, и исполнено слово то будет:
Ежели даруют мне громовержущий Зевс и Афина
Град разорить, устроением пышную Трою Приама, —

Первому после меня тебе вручу я награду:
Или треножник сияющий, или коней с колесницей,
Или младую жену, да с тобою восходит на ложе».

292-296 Рек он, — и быстро Атриду ответствовал Тевкр непорочный:
«Сын знаменитый Атреев, почто, как и сам я стараюсь,
Ты побуждаешь меня? Ни на миг я, покуда есть сила,
Празден не буду; с тех пор, как троян отразили мы к граду,
С тех уже пор я стрелами, врагов принимая, сражаю.

297-299 Восемь уже я послал изощреннейших стрел долгожалых;
Восемь вонзились они в благороднейших юношей ратных;
Только сего не дается свирепого пса мне уметить!»

300-305 Так произнес, — и пернатою новой из лука он прыснул,
В Гектора метя; его поразить разгоралось в нем сердце,
И в него не попал; но невинного Горгифиона,
Храброго сына Приамова, в грудь поразил он стрелою,
Сына, который рожден от жены, из Эзимы поятой,
Кастианиры прекрасной, видом богине подобной.

306-308 Словно как мак в цветнике наклоняет голову набок,
Пышный, плодом отягченный и крупною влагой весенней, —
Так он голову набок склонил, отягченную шлемом.

309-311 Тевкр же пернатою новой из лука могучего прыснул,
В Гектора метя; его поразить распылалось в нем сердце,
И не уметил опять: Аполлон отразил роковую;

312-315 Архептолема она, Приамидова друга-возницу,
Пламенно в бой устремлявшегось, острая, в грудь поразила:
В прах с колесницы он пал, и отпрянули в сторону кони
Бурные; там сокрушилась его и душа и могучесть.

316-319 Тяжкая грусть по вознице у Гектора сердце стеснила;
Но оставил его, невзирая на жалость о друге;
Брату герой повелел, Кебриону, стоящему близко,
Конские вожжи принять, и немедленно тот покорился.

320-322 Гектор же сам с колесницы сияющей прянул на землю
С криком ужасным и, камень рукою восхитив огромный,
Ринулся прямо на Тевкра, убить стреловержца пылая.

323-329 Тою порой из колчана пернатую горькую вынув,
Тевкр приложил к тетиве, — и его шлемоблещущий Гектор,
Лук наляцавшего крепкий, по раму, где ключ отделяет
Выю от персей и где особливо опасное место, —
Там, на себя устремленного, камнем ударил жестоким,
Жилу рассек у стрельца; онемела рука возле кисти,
Он на колено поникнул, и лук из руки его выпал.

330-334 Сын Теламонов, Аякс, не оставил падшего брата;
Быстро примчась, заступил и щитом заградил круговидным.
Тою порой, под него преклоняся, усердные други,
Ехиев сын, Мекистей, и младой благородный Аластор,
К черным его кораблям понесли, стенящего тяжко.

335-337 Снова храбрость троян Олимпиец Кронион возвысил;
Прямо к глубокому рву трояне погнали ахеян;
Гектор вперед между первыми несся, могучестью гордый.

338-342 Словно как пес быстрорыщущий льва или дикого вепря,
Следом гоня и на резвые ноги надеяся, ловит
То за бока, то за бедра и все стережет извороты, —
Так шлемоблещущий Гектор данаев гнал, непрестанно
Мужа последнего пикой сражая: бежали данаи.

343-345 Но когда перешли частокол и окоп свой глубокий,
В смуте бежа, и от рук уже вражеских многие пали, —
Подле судов удержались от бегства ахейские мужи.

346-349 Там, ободряя друг друга и руки горé воздевая,
Всех олимпийских богов умоляли мольбой громогласной.
Гектор же грозный носился кругом на конях пышногривых,
Взором подобный Горгоне и людоубийце Арею.

350-353 Так их увидев, исполнилась жалости Гера богиня
И мгновенно к Палладе крылатую речь устремила:
«Дщерь громовержца Кронида, Паллада! ужели данаям,
Гибнущим горестно, мы хоть в последний раз не поможем?

354-356 Верно, жестокий свой жребий они совершат и погибнут
Все под рукой одного; нестерпимо над ними свирепство
Гектора, сына Приамова: сколько он зла им соделал!»

357-360 Ей отвечала немедленно дочь громовержца Афина:
«И давно бы уж он и свирепство и душу извергнул,
Здесь, на родимой земле, сокрушенный руками данаев,

Если б отец мой, Кронид, не свирепствовал мрачной душою.

361-363 Лютый, всегда неправдивый, моих предприятий рушитель,
Он никогда не воспомнит, что несколько раз я спасала
Сына его, Эврисфеем томимого в подвигах тяжких.

364-369 Там он вопил к небесам, и меня от высокого неба
Сыну его помогать ниспослал Олимпиец Кронион.
Если б я прежде умом проницательным то предузнала,
В дни, как его Эврисфей посылал во Аид крепковратный
Пса увести из Эреба, от страшного бога Аида, —
Он не избегнул бы гибельных вод глубокого Стикса.

370-372 Ныне меня ненавидит и волю Фетиды свершает:
Ноги лобзала ему и касалась брады Нереида,
Слезно моля, да прославит он ей градоборца Пелида.

373-378 Будет, когда он опять назовет и Афину любезной!
Гера, не медли, впряги в колесницу коней звуконогих;
Я между тем поспешаю в чертоги отца Эгиоха:
Там я оружием грозным на бой ополчусь и увижу,
Нам Приамид сей надменный, шеломом сверкающий Гектор
Будет ли рад, как мы явимся обе на битвенном поле?

379-383 О! не один и троянец насытит псов и пернатых
Телом и туком своим, распростряся пред судами ахеян!»
Так изрекла; преклонилась лилейнораменная Гера:
Бросясь и быстро носясь, снаряжала коней златосбруйных
Гера, богиня старейшая, отрасль великого Крона.

384-386 Тою порой Афина в чертоге отца Эгиоха
Тонкий покров разрешила, струей на помост он скатился,
Пышноузорный, который сама, сотворив, украшала;

387-391 Вместо его облачася броней громоносного Зевса,
Бранным доспехом она ополчалася к брани плачевной;
Так в колеснице пламенной став, копием ополчилась
Тяжким, огромным, могучим, которым ряды сокрушает
Сильных, на коих разгневана дщерь всемогущего бога.

392-395 Гера немедля с бичом налегла на коней быстролетных;
С громом врата им небесные сами разверзлись, при Горах,
Страже которых Олимп и великое вверено небо,
Чтобы облак густой разверзть иль сомкнуть перед ними.

396-400 Оным путем, чрез сии врата подстрекаемых коней
Гнали богини. От Иды узрев их, исполнился гнева
Зевс, — и Ириду к ним устремил златокрылую с вестью:
«Мчися, Ирида крылатая, вспять возврати их, не дай им
Дальше стремиться; или не к добру мы сойдемся во брани!

401-403 Так я, реки им, вещаю и так непреложно исполню:
Коням я ноги сломлю под блестящею их колесницей;
Их с колесницы сражу и в прах сокрушу колесницу!

404-406 И ни в десять свершившихся лет круговратных богини
Язв не излечат глубоких, какие мой гром нанесет им.
Будет помнить Афина, когда на отца ополчалась!

407-410 Но против Геры не столько я злобен, не столько я гневен:
Гера обыкнула всё разрушать мне, что я ни замыслю!»
Рек он, — и бросилась вестница, равная вихрям Ирида:
Прямо с Идейских вершин на великий Олимп устремилась.

411-413 Там, при первых вратах многохолмной горы Олимпийской
Встретив богинь, удержала и Зевсов глагол возвестила:
«Что предприемлете? что ваше сердце свирепствует в персях?

414-417 Зевс воспрещает Кронид поборать кудреглавым ахейцам.
Так он грозил, громовержец, и так непреложно исполнит:
Сломит колена коням под златой колесницею вашей,
Вас с колесницы сразит и в прах сокрушит колесницу.

418-420 И ни в десять уже совершившихся лет круговратных
Вы не излечите язв, которые гром нанесет вам.
Будешь, Афина, ты помнить, когда на отца ополчалась!

421-424 Но против Геры не столько он злобен, не столько он гневен:
Гера обыкнула всё разрушать, что Кронид ни замыслит!
Ты же, ужасная, — псица бесстыдная, ежели точно
Противу Зевса дерзаешь поднять огромную пику!»

425-428 Слово скончав, отлетела подобная вихрям Ирида.
И к Афине тогда провещала державная Гера:
«Нет, светлоокая дочь Эгиохова! Я не желаю,
Я не позволю себе против Зевса за смертных сражаться!

429-431 Пусть между ними единый живет, а другой погибает,
Как предназначено; Зевс, совещаяся с собственным сердцем,
Сам да присудит, что следует, Трои сынам и ахейцам!»

432-434 Так произнесши, назад обратила коней быстроногих.
Горы, принесшимся им, пышногривых коней отрешили,
Их привязали браздами у яслей, амброзии полных;

435-437 Но колесницу богинь преклонили к стенам кругозарным.
Сами богини, притекшие вспять, между сонма бессмертных
Сели на кресла златые, с печалью глубокою в сердце.

438-441 Зевс от Иды горы, в колеснице красивоколесной,
Коней к Олимпу погнал и принесся к собору бессмертных.
Коней его отрешил Посейдон, земли колебатель,
И колесницу, покрыв полотном, на подножье поставил.

442-445 Сам на златом престоле пространногремящий Кронион
Сел, — и великий Олимп задрожал под стопами владыки.
Смутны, одни, от Зевса далёко, Афина и Гера
Вместе сидели, не смея начать ни вопроса, ни речи.

446-449 Мыслью своею проник то Кронион и сам возгласил к ним:
«Чем опечалены так и Афина и Гера богиня?
В брани, мужей прославляющей, вы подвизались не долго,
К пагубе храбрых троян, на которых пылаете злобой!

450-453 Так, у меня таковы необорные силы и руки;
Боги меня не подвигнут, колико ни есть на Олимпе!
Вам же трепет объял и сердца, и прекрасные члены
Прежде, чем брань вы узрели и грозные подвиги брани.

454-456 Паки глаголю я вам (и глаголы б мои совершились):
Вы на своей колеснице, моим пораженные громом,
Вспять никогда не пришли б на Олимп, обитель бессмертных!»

457-460 Так он вещал; негодуя, вздохнули Афина и Гера:
Вместе сидели они и троянам беды совещали.
Но Афина смолчала, не молвила, гневная, слова
Зевсу отцу; а ее волновала свирепая злоба.

461-463 Гера же гнева в груди не сдержала, воскликнула к Зевсу:
«Мрачный Кронион! какие слова ты, жестокий, вещаешь?
Ведаем мы совершенно, что сила твоя необорна;

464-466 Но милосердуем мы об ахеянах, доблестных воях,
Кои, судьбу их жестокую скоро исполнив, погибнут!
Обе, однако, от брани воздержимся, если велишь ты;

467-476 Мы лишь советы внушим аргивянам, да храбрые мужи
В Трое погибнут не все под твоим сокрушительным гневом».
К ней обратясь, возгласил воздымающий тучи Кронион:
«Завтра с Денницею ты, волоокая, грозная Гера,
Можешь, коль хочешь, увидеть, как будет Кронид многомощный
Боле еще истреблять ополчение храбрых данаев:
Ибо от брани руки не спокоит стремительный Гектор
Прежде, пока при судах не воспрянет Пелид быстроногий,
В день, как уже пред кормами их воинства будут сражаться,
В страшной столпясь тесноте, вкруг Патроклова мертвого тела.

477-481 Так суждено! и пылающий гнев твой в ничто я вменяю!
Если бы даже ты в гневе дошла до последних пределов
Суши и моря, туда, где Япет и Крон заточенный,
Сидя, ни ветром, ни светом высокоходящего солнца
Ввек насладиться не могут; кругом их Тартар глубокий!

482-484 Если б, вещаю тебе, и туда ты, скитаясь, достигла,
Гнев твой вменю ни во что, невзирая на всю твою наглость!»
Рек, — и умолкла пред Зевсом лилейнораменная Гера.

485-488 Пал между тем в Океан лучезарный пламенник солнца,
Черную ночь навлекая на многоплодящую землю.
День сокрылся противу желаний троян; но ахейцам
Сладкая, всем вожделенная, мрачная ночь наступила.

489-491 В войске троянском совет сотворил блистательный Гектор,
Вдаль от ахейских судов, к реке отошедши пучинной,
В чистое поле, где место от трупов свободное было.

492-495 Там, сошедшие с коней, трояне слушали слово.
Гектор его говорил им великий; в деснице держал он
Пику в одиннадцать локтей; далеко на пике сияло
Медное жало ее и кольцо вкруг него золотое.

496-499 Он, опираясь на пику, вещал им крылатые речи:
«Слух преклоните, трояне, дардане и рати союзных!
Я уповал, что в сей день, истребив и суда и ахеян,
Мы, торжествуя, обратно в святый Илион возвратимся.

500-502 Прежде настигнула тьма; и единая тьма сохранила
Рать аргивян и суда их на береге шумного моря.
Други, и мы покоримся настигнувшей сумрачной ночи;

503-509 Вечерю здесь учредим. Ратоборцы, коней пышногривых
Всех вы от ярм отрешивши, задайте обильно им корму;
Сами скорее из града волов и упитанных агниц
К вечере в стан пригоните; вина животворного, хлебов

Нам из домов принесите; и после совлечь поспешайте
Множество леса, да целую ночь, до Зари светоносной,
Окрест огни здесь пылают и зарево к небу восходит;

510-512 Ради того, чтоб во тьме кудреглавые мужи ахейцы
В дом не решились бежать по широким хребтам Геллеспонта
Или дабы на суда не взошли безопасно и мирно.

513-516 Нет, пускай не один и в отечестве рану врачует,
Раненный острым копьем иль крылатой стрелою троянской,
Скачущий в судно данаец; и пусть ужаснутся народы
Слезную брань наносить укротителям коней троянам!

517-519 Вестники Зевсу любезные, вы объявите, да в граде
Бодрые отроки все и от лет убеленные старцы
Трою святую кругом стерегут с богосозданных башен;

520-522 Жены ж, слабейшие силами, каждая в собственном доме,
Яркий огонь да разводят, и крепкая стража да будет:
В град не ворвался б враждебный отряд при отсутствии воинств.

523-525 Так да будет, как я говорю, брановосцы трояне!
Мысли, народу сегодня полезные, сказаны мною;
Завтра другие троянам, смирителям коней, скажу я.

526-528 Льщуся, молясь и надеясь на Зевса и прочих бессмертных,
Я изгоню из Троады неистовых псов навожденных,
Коих судьба лихая на черных судах привела к нам.

529-531 Но во мраке ночном охраним и себя мы во стане;
Завтра же, с светом Зари, ополчася оружием бранным,
Мы пред судами ахеян воздвигнем свирепую жесточь.

532-534 Там я увижу, меня ль Диомед, воеватель могучий,
Боем к стенам от судов отразит или я, Диомеда
Медью убив, в Илион возвращуся с корыстью кровавой.

535-541 Завтра пред нами покажет он мужество, если посмеет
Встретить летящий мой дрот; но, надеюся, завтра меж первых
Будет пронзенный лежать, с неисчетными окрест друзьями,
Он перед солнцем всходящим. О! если бы столько же верно
Был я бессмертен и жизнью моей никогда не стареющ
Славился всеми, как славятся Феб и Паллада Афина, —
Сколько то верно, что день сей несет аргивянам погибель!»

542-544 Так Приамид говорил, — и кругом восклицали трояне;
Быстрых коней отрешали, под ярмами потом покрытых,
И, пред своей колесницею каждый, вязали браздами.

545-548 После из града и тучных волов, и упитанных агниц
К рати поспешно пригнали, вина животворного, хлебов
В стан принесли из домов, навлачили множество леса
И сожигали полные в жертву богам гекатомбы.

549-552 Их благовоние ветры с земли до небес возносили
Облаком дыма, но боги блаженные жертв не прияли,
Презрели их; ненавистна была им священная Троя,
И владыка Приам, и народ копьеносца Приама.

553-556 Гордо мечтая, трояне на поприще бранном сидели
Целую ночь; и огни их несчетные в поле пылали.
Словно как на небе около месяца ясного сонмом
Кажутся звезды прекрасные, ежели воздух безветрен;

557-561 Все кругом открывается — холмы, высокие горы,
Долы; небесный эфир разверзается весь беспредельный;
Видны все звезды; и пастырь, дивуясь, душой веселится, —
Столько меж черных судов и глубокопучинного Ксанфа
Зрелось огней троянских, пылающих пред Илионом.

562-565 Тысяча в поле горело огней, и пред каждым огнищем
Вкруг пятьдесят ратоборцев сидело при зареве ярком.
Кони их, белым ячменем и сладкой питаяся полбой,
Подле своих колесниц ожидали Зари лепотронной.

Une Sacra · издание 1 · unesacra.com · CC BY-NC-SA 4.0

ПЕСНЬ IX

✦

1-3 Так охраняли трояне свой стан; но ахеян волнует
Ужас, свыше ниспосланный, бегства дрожащего спутник;
Грусть нестерпимая самых отважнейших дух поражает.

4-8 Словно два быстрые ветра волнуют понт многорыбный,
Шумный Борей и Зефир, кои, из Фракии дуя,
Вдруг налетают, свирепые: вдруг почерневшие зыби
Грозно холмятся и множество пороста хлещут из моря, —
Так раздиралися души в груди благородных данаев.

9-12 Царь Агамемнон, печалью глубокою в сердце пронзенный,
Окрест ходил, рассылая глашатаев звонкоголосых
К сонму вождей приглашать, но по имени каждого мужа,
Тихо, без клича, и сам между первых владыка трудился.

13-15 Мужи совета сидели унылые. Царь Агамемнон
Встал, проливающий слезы, как горный поток черноводный
С верху стремнистой скалы проливает мрачные воды.

16-18 Он, глубоко стенающий, так говорил меж данаев:
«Други, вожди и властители мудрые храбрых данаев,
Зевс громовержец меня уловил в неизбежную гибель!

19-22 Пагубный! прежде обетом и знаменьем сам предназначил
Мне возвратиться рушителем Трои высокотвердынной;
Ныне же злое прельщение он совершил и велит мне

В Аргос бесславным бежать, погубившему столько народа!

23-25 Так, без сомнения, богу, всемощному Зевсу, угодно.
Многих уже он градов разрушил высокие главы,
И еще сокрушит: беспредельно могущество Зевса.

26-28 Други, внемлите и, что повелю я вам, все повинуйтесь:
Должно бежать; возвратимся в драгое отечество наше;
Нам не разрушить Трои, с широкими стогнами града!»

29-33 Так говорил, — и молчанье глубокое все сохраняли;
Долго сидели безмолвны, унылые духом, данаи.
Но меж них наконец взговорил Диомед благородный:
«Сын Атреев! на речи твои неразумные первый
Я возражу, как в собраньях позволено; царь, не сердися.

34-36 Храбрость мою порицал ты недавно пред ратью ахейской;
Робким меня, невоинственным ты называл; но довольно
Ведают то аргивяне — и юноша каждый и старец.

37-39 Дар лишь единый тебе даровал хитроумный Кронион:
Скипетром власти славиться дал он тебе перед всеми;
Твердости ж не дал, в которой верховная власть человека!

40-44 О добродушный! ужели ты веришь, что мы, аргивяне,
Так невоинственны, так малосильны, как ты называешь?
Ежели сам ты столь пламенно жаждешь в дом возвратиться,
Мчися! Дорога открыта, суда возле моря готовы,
Коих толикое множество ты устремил из Микены.

45-47 Но останутся здесь другие герои ахеян,
Трои пока не разрушим во прах! но когда и другие...
Пусть их бегут с кораблями к любезным отечества землям!

48-51 Я и Сфенел остаемся и будем сражаться, доколе
Трои конца не найдем; и надеюся, с богом пришли мы!»
Так произнес, — и воскликнули окрест ахейские мужи,
Смелым дивяся речам Диомеда, смирителя коней.

52-54 Но, между ними восстав, говорил благомысленный Нестор:
«Сын Тидеев, ты, как в сражениях воин храбрейший,
Так и в советах, из сверстников юных, советник отличный.

55-59 Речи твоей не осудит никто из присущих данаев,
Слова противу не скажет; но речи к концу не довел ты.
Молод еще ты и сыном моим, без сомнения, был бы
Самым юнейшим; однако ж, Тидид, говорил ты разумно
Между аргивских царей: говорил бо ты все справедливо.

60-62 Ныне же я, пред тобою гордящийся старостью жизни,
Слово скажу и окончу его, и никто из ахеян
Речи моей не осудит, ни сам Агамемнон державный.

63-67 Тот беззаконен, безроден, скиталец бездомный на свете,
Кто междоусобную брань, человекам ужасную, любит!
Но покоримся теперь наступающей сумрачной ночи:
Воинство пусть вечеряет; а стражи пусть совокупно
Выйдут и станут кругом у изрытого рва за стеною.

68-70 Дело сие возлагаю на юношей. После немедля
Ты начни, Агамемнон: державнейший ты между нами, —
Пир для старейшин устрой: и прилично тебе и способно;

71-73 Стан твой полон вина; аргивяне его от фракиян
Каждый день в кораблях по широкому понту привозят;
Всем к угощенью обилуешь, властвуешь многим народом.

74-77 Собранным многим, того ты послушайся, кто между ними
Лучший совет присоветует: нужен теперь для ахеян
Добрый, разумный совет: сопостаты почти пред судами
Жгут огни неисчетные; кто веселится, их видя?

78-81 Днешняя ночь иль погубит нам воинство, или избавит!»
Так он вещал, — и, внимательно слушав, они покорились.
К страже, с оружьем в руках, устремились ахейские мужи:
Несторов сын, Фразимед, народа пилосского пастырь;

82-84 С ним Аскалаф и Иялмен, сыны мужегубца Арея,
Критский герой Мерион, Деипир, Афарей нестрашимый
И Крейона рождение, вождь Ликомед благородный.

85-87 Семь воевод предводили стражу; и по сту за каждым
Юношей стройно текли, воздымая высокие копья.
К месту пришед, между рвом и стеной посредине воссели;

88-90 Там разложили огонь, и устроивал вечерю каждый.
Царь Агамемнон старейшин ахейских собравшихся вводит
В царскую сень и пир предлагает им, сердцу приятный.

91-94 К сладостным яствам предложенным руки герои простерли;
И, когда питием и пищею глад утолили,
Старец меж оными первый слагать помышления начал,
Нестор, который и прежде блистал превосходством советов;

95-99 Он, благомысленный, так говорил и советовал в сонме:
«Славою светлый Атрид, повелитель мужей Агамемнон!
Слово начну я с тебя и окончу тобою: могучий
Многих народов ты царь, и тебе вручил Олимпиец
Скиптр и законы, да суд и совет произносишь народу.

100-102 Более всех ты обязан и сказывать слово и слушать;
Мысль исполнять и другого, если кто, сердцем внушенный,
Доброе скажет, но что совершить от тебя то зависит.

103-112 Ныне я вам поведаю, что мне является лучшим.
Думы другой, превосходнее сей, никто не примыслит,
В сердце какую ношу я, с давней поры и доныне,
С оного дня, как ты, о божественный, Брисову дочерь
Силой из кущи исторг у пылавшего гневом Пелида,
Нашим не вняв убеждениям. Сколько тебя, Агамемнон,
Я отговаривал; но, увлекаяся духом высоким,
Мужа, храбрейшего в рати, которого чествуют боги,
Ты обесчестил, награды лишив. Но хоть ныне, могучий,
Вместе подумаем, как бы его умолить нам, смягчивши

113-115 Лестными сердцу дарами и дружеской ласковой речью».
Быстро ему отвечал повелитель мужей Агамемнон:
«Старец, не ложно мои погрешения ты обличаешь.

116-118 Так, погрешил, не могу отрекаться я! Стоит народа
Смертный единый, которого Зевс от сердца возлюбит:
Так он сего, возлюбив, превознес, а данаев унизил.

119-122 Но как уже погрешил, обуявшего сердца послушав,
Сам я загладить хочу и несметные выдать награды.
Здесь, перед вами, дары знаменитые все я исчислю:
Десять талантов золота, двадцать лаханей блестящих;

123-127 Семь треножников новых, не бывших в огне, и двенадцать
Коней могучих, победных, стяжавших награды ристаний.
Истинно жил бы не беден и в злате высоко ценимом
Тот не нуждался бы муж, у которого было бы столько,
Сколько наград для меня быстроногие вынесли кони!

128-130 Семь непорочных жен, рукодельниц искусных, дарую,
Лесбосских, коих тогда, как разрушил он Лесбос цветущий,
Сам я избрал, красотой побеждающих жен земнородных.

131-134 Сих ему дам; и при них возвращу я и ту, что похитил,
Брисову дочь; и притом величайшею клятвой клянуся:
Нет, не всходил я на одр, никогда не сближался я с нею,
Так, как мужам и женам свойственно меж человеков.

135-138 Всё то получит он ныне; еще же, когда аргивянам
Трою Приама великую боги дадут ниспровергнуть,
Пусть он и медью и златом корабль обильно наполнит,
Сам наблюдая, как будем делить боевую добычу.

139-143 Пусть из троянских жен изберет по желанию двадцать,
После Аргивской Елены красой превосходнейших в Трое.
Если же в Аргос придем мы, в ахейский край благодатный,
Зятем его назову я и честью сравняю с Орестом,
С сыном одним у меня, возрастающим в полном довольстве.

144-148 Три у меня расцветают в дому благосозданном дщери:
Хрисофемиса, Лаодика, юная Ифианасса.
Пусть он, какую желает, любезную сердцу, без вена
В отческий дом отведет; а приданое сам я за нею
Славное дам, какого никто не давал за невестой.

149-152 Семь подарю я градов, процветающих, многонародных:
Град Кардамилу, Энопу и тучную травами Геру,
Феры, любимые небом, Анфею с глубокой долиной,
Гроздьем венчанный Педас и Эпею, град велелепный.

153-156 Все же они у примория, с Пилосом смежны песчаным;
Их населяют богатые мужи овцами, волами,
Кои дарами его, как бога, чествовать будут
И под скиптром ему заплатят богатые дани.

157-159 Так я немедля исполню, как скоро вражду он оставит.
Пусть примирится; Аид несмирим, Аид непреклонен;
Но зато из богов ненавистнее всех он и людям.

160-163 Пусть мне уступит, как следует: я и владычеством высшим,
Я и годов старшинством перед ним справедливо горжуся».
Рек, — и Атриду ответствовал Нестор, конник геренский:
«Сын знаменитый Атрея, владыка мужей Агамемнон!

164-166 Нет, дары не презренные хочешь ты дать Ахиллесу.
Благо, друзья! поспешим же нарочных послать, да скорее
Шествуют мужи избранные к сени царя Ахиллеса.

167-169 Или позвольте, я сам изберу их; они согласятся:
Феникс, любимец богов, предводитель посольства да будет;
После Аякс Теламонид и царь Одиссей благородный;

170-172 Но Эврибат и Годий да идут, как вестники, с ними.
На руки дайте воды, сотворите святое молчанье,
И помолимся Зевсу, да ныне помилует нас он!»

173-176 Так говорил, — и для всех произнес он приятное слово.
Вестники скоро царям возлияли на руки воду;
Юноши, чермным вином наполнив доверху чаши,
Кубками всем подносили, от правой страны начиная.

177-181 В жертву богам возлияв и испив до желания сердца,
Вместе послы поспешили из сени Атрида владыки.
Много им Нестор идущим наказывал, даже очами
Каждому старец мигал, но особенно сыну Лаэрта:
Всё б испытали, дабы преклонить Ахиллеса героя.

182-184 Мужи пошли по брегу немолчношумящего моря,
Много моляся, да землю объемлющий земледержатель
Им преклонить поможет высокую душу Пелида.

185-189 К сеням пришед и к судам мирмидонским, находят героя:
Видят, что сердце свое услаждает он лирою звонкой,
Пышной, изящно украшенной, с сребряной накольней сверху,

Выбранной им из корыстей, как град Этионов разрушил:
Лирой он дух услаждал, воспевая славу героев.

190-194 Менетиад перед ним лишь единый сидел и безмолвный
Ждал Эакида, пока песнопения он не окончит.
Тою порою приближась, послы, Одиссей впереди их,
Стали против Ахиллеса: герой изумленный воспрянул
С лирой в руках и от места сидения к ним устремился.

195-197 Так и Менетиев сын, лишь увидел пришедших, поднялся.
В встречу им руки простер и вещал Ахиллес быстроногий:
«Здравствуйте! истинно други приходите! Верно, что нужда!

198-202 Но и гневному вы из ахеян любезнее всех мне».
Так произнес — и повел их дальше Пелид благородный;
Там посадил их на креслах, на пышных коврах пурпуровых,
И, обратясь, говорил к находящемусь близко Патроклу:
«Чашу поболее, друг Менетид, подай на трапезу;

203-205 Цельного нам раствори и поставь перед каждого кубок:
Мужи, любезные сердцу, собрались под сенью моею!»
Так говорил, — и Патрокл покорился любезному другу.

206-210 Сам же огромный он лот положил у огнищного света
И хребты разложил в нем овцы и козы утучнелой,
Бросил и окорок жирного борова, туком блестящий,
Их Автомедон держал, рассекал Ахиллес благородный,
После искусно дробил на куски и вонзал их на вертел.

211-214 Жаркий огонь между тем разводил Менетид боговидный.
Чуть же огонь ослабел и багряное пламя поблекло,
Угли разгребши, Пелид вертела над огнем простирает
И священною солью кропит, на подпор подымая.

215-220 Так их обжарив кругом, на обеденный стол сотрясает.
Тою порою Патрокл по столу, в красивых корзинах,
Хлебы расставил; но яства гостям Ахиллес благородный
Сам разделил и против Одиссея, подобного богу,
Сел на другой стороне, а жертвовать жителям неба
Другу Патроклу велел; и в огонь он бросил начатки.

221-228 К сладостным яствам предложенным руки герои простерли;
И, когда питием и пищею глад утолили,
Фениксу знак Теламонид подал; Одиссей то постигнул,
Кубок налил и приветствовал, за руку взявши, Пелида:
«Здравствуй, Пелид! в дружелюбных нам пиршествах нет недостатка,
Сколько под царскою сенью владыки народов Атрида,
Столько и здесь; изобильно всего к услаждению сердца
В пире твоем; но теперь не о пиршествах радостных дело.

229-231 Грозную гибель, питомец Крониона, близкую видя,
В трепете мы, в неизвестности, наши суда мы избавим
Или погубим, ежели ты не одеешься в крепость!

232-235 Близко судов, под стеной уже нашею стан положили
Гордые мужи трояне и их дальноземные други;
В стане кругом зажигают огни и грозятся, что боле
Их не удержат, что прямо на наши суда они грянут.

236-239 Им и Зевес, благовестные знаменья вправе являя,
Молнией блещет! и Гектор, ужасною силой кичася,
Буйно свирепствует, крепкий на Зевса; в ничто он вменяет
Смертных и самых богов, обладаемый бешенством страшным.

240-243 Молится, только б скорей появилась Денница святая,
Хвалится завтра срубить с кораблей кормовые их гребни,
Пламенем бурным пожечь корабли и самих нас, ахеян,
Всех перед ними избить, удушаемых дымом пожарным.

244-246 Страшно, герой, трепещу я, да гордых угроз Приамида
Боги ему не исполнят; а нам да не судит судьбина
Гибнуть под Троей, далёко от Аргоса, милой отчизны!

247-251 Храбрый, воздвигнись, когда ты желаешь, хоть поздно, ахеян,
Столь утесненных, избавить от ярости толпищ троянских.
После тебе самому то горестно будет, но поздно,
Зло допустивши, искать исправления. Лучше вовремя,
Раньше помысли, да пагубный день отвратишь от ахеян.

252-256 Друг! не тебе ли родитель, Пелей, заповедовал старец,
В день, как из Фтии тебя посылал к Атрееву сыну:
— Доблесть, мой сын, даровать и Афина и Гера богиня
Могут, когда соизволят; но ты лишь в персях горячих
Гордую душу обуздывай; кротость любезная лучше.

257-261 Распри злотворной, как можно, чуждайся, да паче и паче
Между ахеян тебя почитают младые и старцы. —
Так заповедовал старец; а ты забываешь. Смягчися,

Гнев отложи, сокрушительный сердцу! Тебе Агамемнон
Выдаст дары многоценные, ежели гнев ты оставишь.

262-266 Хочешь ли, слушай, и я пред тобой и друзьями исчислю,
Сколько даров знаменитых тебе обещал Агамемнон:
Десять талантов золота, двадцать лаханей блестящих,
Семь треножников новых, не бывших в огне, и двенадцать
Коней могучих, победных, стяжавших награды ристаний.

267-269 Истинно, жил бы не беден и в злате высоко ценимом
Тот не нуждался бы муж, у которого было бы столько,
Сколько Атриду наград быстроногие вынесли кони!

270-272 Семь непорочных жен, рукодельниц искусных, дарует,
Лесбосских, коих тогда, как разрушил ты Лесбос цветущий,
Сам он избрал, красотой побеждающих жен земнородных;

273-276 Их он дарит; и при них возвращает и ту, что похитил,
Брисову дочь; и притом величайшею клятвой клянется:
Нет, не всходил он на одр, никогда не сближался он с нею,
Так, как мужам и женам свойственно меж человеков.

277-280 Все то получишь ты ныне; еще же, когда аргивянам
Трою Приама великую боги дадут ниспровергнуть,
Целый корабль ты и медью и златом обильно наполни,
Сам наблюдая, как будем делить боевые корысти;

281-285 Сам между женами пленными выбери двадцать троянок,
После Аргивской Елены красой превосходнейших в Трое.
Если ж воротимся в Аргос Ахейский, край благодатный,

Зятем тебя назовет он и честью с Орестом сравняет,
С сыном одним у него, возрастающим в полном довольстве.

286-290 Трех дочерей он невест в благосозданном доме имеет:
Хрисофемису, Лаодику, юную Ифианассу.
Ты, по желанью, из оных, любезную сердцу, без вена
В отческий дом отведи; а приданое сам он за нею
Славное выдаст, какого никто не давал за невестой.

291-294 Семь подарит он градов процветающих, многонародных:
Град Кардамилу, Энопу и тучную паствами Геру,
Феры, любимые небом, Анфею с глубокой долиной,
Гроздьем венчанный Педас и Эпею, град велелепный.

295-298 Все же они у примория, с Пилосом смежны песчаным;
Их населяют богатые мужи овцами, волами,
Кои дарами тебя, как бога, чествовать будут
И под скиптром тебе заплатят богатые дани.

299-303 Так он исполнит немедля, коль скоро вражду ты оставишь.
Если ж Атрид Агамемнон еще для тебя ненавистен,
Он и подарки его, — пожалей о других ты ахейцах,
В стане жестоко стесненных; тебя, как бессмертного бога,
Рати почтут; между них ты покроешься дивною славой!

304-306 Гектора ты поразишь! до тебя он приближится ныне,
Буйством своим обезумленный; он никого не считает
Равным себе меж данаями, сколько ни есть их под Троей!»

307-313 Рек, — и ему на ответ говорил Ахиллес быстроногий:
«Сын благородный Лаэртов, герой Одиссей многоумный!
Должен я думу свою тебе объявить откровенно,
Как я и мыслю и что я исполню, чтоб вы перестали
Вашим жужжаньем скучать мне, один за другим приступая:
Тот ненавистен мне, как врата ненавистного ада,
Кто на душе сокрывает одно, говорит же другое.

314-317 Я же скажу вам прямо, что почитаю я лучшим:
Нет, ни могучий Атрид, ни другие, надеюсь, данаи
Сердца во мне не смягчат: и какая тому благодарность,
Кто беспрестанно, безустально бился на битвах с врагами!

318-320 Равная доля у вас нерадивцу и рьяному в битве;
Та ж и единая честь воздается и робким и храбрым;
Всё здесь равно, умирает бездельный иль сделавший много!

321-327 Что мне наградою было за то, что понес я на сердце,
Душу мою подвергая вседневно опасностям бранным?
Словно как птица, бесперым птенцам промышляючи корму,
Ищет и носит во рту и, что горько самой, забывает, —
Так я под Троею сколько ночей проводил бессонных,
Сколько дней кровавых на сечах жестоких окончил,
Ратуясь храбро с мужами и токмо за жен лишь Атридов!

328-333 Я кораблями двенадцать градов разорил многолюдных;
Пеший одиннадцать взял на троянской земле многоплодной;
В каждом из них и сокровищ бесценных, и славных корыстей

Много добыл; и, сюда принося, властелину Атриду
Все отдавал их; а он позади, при судах оставаясь,
Их принимал, и удерживал много, выделивал мало;

334-337 Несколько выдал из них, как награды, царям и героям:
Целы награды у всех; у меня ж одного из данаев
Отнял и, властвуя милой женой, наслаждается ею
Царь сладострастный! За что же воюют троян аргивяне?

338-343 Рати зачем собирал и за что их привел на Приама
Сам Агамемнон? не ради ль одной лепокудрой Елены?
Или супруг непорочных любят от всех земнородных
Только Атрея сыны? Добродетельный муж и разумный
Каждый свою бережет и любит, как я Брисеиду:
Я Брисеиду любил, несмотря, что оружием добыл!

344-347 Нет, как награду исторгнул из рук и меня обманул он,
Пусть не прельщает! Мне он известен, меня не уловит!
Пусть он с тобой, Одиссей, и с другими царями ахеян
Думает, как от судов отвратить пожирающий пламень.

348-350 Истинно, многое он и один без меня уже сделал:
Стену для вас взгромоздил, и окоп перед оною вывел
Страшно глубокий, широкий, и внутрь его колья уставил!

351-355 Но бесполезно! Могущества Гектора, людоубийцы,
Сим не удержит. Пока меж аргивцами я подвизался,
Боя далеко от стен начинать не отважился Гектор:
К Скейским вратам лишь и к дубу дохаживал; там он однажды
Встретился мне, но едва избежал моего нападенья.

356-358 Больше с божественным Гектором я воевать не намерен.
Завтра, Зевсу воздав и другим небожителям жертвы,
Я нагружу корабли и немедля спущу их на волны.

359-361 Завтра же, если желаешь и если тебя то заботит,
С ранней зарею узришь, как по рыбному понту помчатся
Все мои корабли, под дружиною жарко гребущей.

362-364 Если счастливое плаванье даст Посейдон мне могучий,
В третий я день, без сомнения, Фтии достигну холмистой.
Там довольно имею, что бросил, сюда я повлекшись;

365-373 Много везу и отселе: золота, меди багряной,
Пленных, красноопоясанных жен и седое железо;
Всё, что по жребию взял; но награду, что он даровал мне,
Сам, надо мною ругаясь, и отнял Атрид Агамемнон,
Властию гордый! Скажите ему вы, что я говорю вам,
Всё и пред всеми: пускай и другие, как я, негодуют,
Если кого из ахеян еще обмануть уповает,
Вечным бесстыдством покрытый! Но, что до меня, я надеюсь,
Он, хоть и нагл, как пес, но в лицо мне смотреть не посмеет!

374-377 С ним не хочу я никак сообщаться, ни словом, ни делом!
Раз он, коварный, меня обманул, оскорбил, и вторично
Словом уже не уловит: довольно с него! но спокойный
Пусть он исчезнет! лишил его разума Зевс промыслитель.

378-384 Даром гнушаюсь его и в ничто самого я вменяю!
Если бы в десять и в двадцать он крат предлагал мне сокровищ,
Сколько и ныне имеет и сколько еще их накопит,

Даже хоть всё, что приносят в Орхомен иль Фивы египтян,
Град, где богатства без сметы в обителях граждан хранятся,
Град, в котором сто врат, а из оных из каждых по двести
Ратных мужей в колесницах, на быстрых конях выезжают;

385-387 Или хоть столько давал бы мне, сколько песку здесь и праху, —
Сердца и сим моего не преклонит Атрид Агамемнон,
Прежде чем всей не изгладит терзающей душу обиды!

388-392 Дщери супругой себе не возьму от Атреева сына;
Если красою она со златой Афродитою спорит,
Если искусством работ светлоокой Афине подобна,
Дщери его не возьму! Да найдет из ахеян другого,
Кто ему больше приличен и царственной властию выше.

393-397 Ежели боги меня сохранят и в дом возвращусь я,
Там — жену благородную сам сговорит мне родитель.
Много ахеянок есть и в Элладе, и в счастливой Фтии,
Дщерей ахейских вельмож, и градов и земель властелинов:
Сердцу любую из них назову я супругою милой.

398-400 Там, о, как часто мое благородное сердце алкает,
Брачный союз совершив, с непорочной супругою милой
В жизнь насладиться стяжаний, старцем Пелеем стяжанных.

401-403 С жизнью, по мне, не сравнится ничто: ни богатства, какими
Сей Илион, как вещают, обиловал, — град, процветавший
В прежние мирные дни, до нашествия рати ахейской;

404-407 Ни сокровища, сколько их каменный свод заключает
В храме Феба пророка в Пифосе, утесами грозном.
Можно всё приобресть, и волов, и овец среброрунных,
Можно стяжать и прекрасных коней, и златые треноги;

408-413 Душу ж назад возвратить невозможно; души не стяжаешь,
Вновь не уловишь ее, как однажды из уст улетела.
Матерь моя среброногая, мне возвестила Фетида:
Жребий двоякий меня ведет к гробовому пределу:
Если останусь я здесь, перед градом троянским сражаться, —
Нет возвращения мне, но слава моя не погибнет.

414-416 Если же в дом возвращусь я, в любезную землю родную,
Слава моя погибнет, но будет мой век долголетен,
И меня не безвременно Смерть роковая постигнет.

417-420 Я и другим воеводам ахейским советую то же:
В домы отсюда отплыть; никогда вы конца не дождетесь
Трои высокой: над нею перунов метатель Кронион
Руку свою распростер, и возвысилась дерзость народа.

421-426 Вы возвратитесь теперь и всем благородным данаям
Мой непреложно ответ, как посланников долг, возвестите.
Пусть на совете другое примыслят, вернейшее, средство,
Как им спасти и суда, и ахейский народ, утесненный
Подле судов мореходных; а то, что замыслили ныне,
Будет без пользы ахеянам: я непреклонен во гневе.

427-429 Феникс останется здесь, у нас успокоится старец;
Завтра же, если захочет, — неволей его не беру я, —
Вместе со мной в кораблях отплывет он к любезной отчизне».

430-437 Так возразил, — и молчание долгое все сохраняли,
Речью его пораженные: грозно ее говорил он.
Между послов наконец провещал, заливаясь слезами,
Феникс, конник седой; трепетал о судах он ахейских:
«Если уже возвратиться, Пелид благородный, на сердце
Ты положил и от наших судов совершенно отрекся
Огнь отразить пожирающий, — гнев запал тебе в душу, —
Как, о возлюбленный сын, без тебя один я останусь?

438-440 Вместе с тобою меня послал Эакид, твой родитель,
В день, как из Фтии тебя отпускал в ополченье Атрида.
Юный, ты был неискусен в войне, человечеству тяжкой;

441-443 В сонмах советных неопытен, где прославляются мужи.
С тем он меня и послал, да тебя всему научу я:
Был бы в речах ты вития и делатель дел знаменитый.

444-448 Нет, мой возлюбленный сын, без тебя не могу, не желаю
Здесь оставаться, хотя бы сам бог обещал, всемогущий,
Старость совлекши, вновь возвратить мне цветущую младость:
Годы, как бросил Элладу я, славную жен красотою,
Злобы отца избегая, Аминтора, грозного старца.

449-452 Гневался он на меня за пышноволосую деву:
Страстно он деву любил и жестоко бесславил супругу,
Матерь мою; а она, обнимая мне ноги, молила

С девою прежде почить, чтобы стал ненавистен ей старец.

453-457 Я покорился и сделал. Отец мой, то скоро приметив,
Начал меня проклинать, умоляя ужасных Эринний,
Ввек на колена свои да не примет он милого сына,
Мной порожденного: отчие клятвы исполнили боги,
Зевс подземный и чуждая жалости Персефония.

458-461 В гневе убить я отца изощренною медью решился;
Боги мой гнев укротили, представивши сердцу, какая
Будет в народе молва и какой мне позор в человеках,
Ежели отцеубийцей меня прозовут аргивяне!

462-465 Но от оной поры для меня уже стало несносно,
Близко отца раздраженного, в доме с тоскою скитаться.
Други, родные мои, неотступно меня окружая,
Силились общей мольбой удержать в отеческом доме.

466-468 Много и тучных овец, и тяжелых волов круторогих
В доме зарезано; многие свиньи, блестящие туком,
По двору были простерты на яркий огонь обжигаться;

469-473 Много выпито было вина из кувшинов отцовских.
Девять ночей непрерывно они вкруг меня ночевали;
Стражу держали, сменяяся; целые ночи не гаснул
В доме огонь; один — под крыльцом на дворе крепкостенном,
И другой — в сенях, пред дверями моей почивальни.

474-477 Но когда мне десятая темная ночь наступила,
Я у себя в почивальне искусно створявшиесь двери
Выломал, вышел и быстро чрез стену двора перепрянул,

Тайно от всех и домовых жен, и мужей стерегущих.

478-482 После далеко бежал чрез обширные степи Эллады
И пришел я во Фтию, овец холмистую матерь,
Прямо к Пелею царю. И меня он, приняв благосклонно,
Так полюбил, как любит родитель единого сына,
Поздно рожденного старцу, наследника благ его многих.

483-485 Сделал богатым меня и народ многочисленный вверил.
Там над долопами царствуя, жил я на фтийском пределе;
Там и тебя воспитал я такого, бессмертным подобный!

486-489 Нежно тебя я любил: никогда с другим не хотел ты
Выйти на пир пред гостей; ничего не вкушал ты и дома
Прежде, поколе тебя не возьму я к себе на колена,
Пищи, разрезав, не дам и вина к устам не приближу.

490-494 Сколько ты раз, Ахиллес, заливал мне одежду на персях,
Брызжа из уст вино, во время неловкого детства.
Много забот для тебя и много трудов перенес я,
Думая так, что, как боги уже не судили мне сына,
Сыном тебя, Ахиллес, подобный богам, нареку я;

495-498 Ты, помышлял я, избавишь меня от беды недостойной.
Сын мой, смири же ты душу высокую! храбрый не должен
Сердцем немилостив быть: умолимы и самые боги,
Столько превысшие нас и величьем, и славой, и силой.

499-501 Но и богов — приношением жертвы, обетом смиренным,
Вин возлияньем и дымом курений смягчает и гневных
Смертный молящий, когда он пред ними виновен и грешен.

502-504 Так, Молитвы — смиренные дщери великого Зевса —
Хромы, морщинисты, робко подъемлющи очи косые,
Вслед за Обидой они, непрестанно заботные, ходят.

505-507 Но Обида могуча, ногами быстра; перед ними
Мчится далеко вперед и, по всей их земле упреждая,
Смертных язвит; а Молитвы спешат исцелять уязвленных.

508-512 Кто принимает почтительно Зевсовых дщерей прибежных,
Много тому помогают и скоро молящемусь внемлют;
Кто ж презирает богинь и, душою суров, отвергает, —
К Зевсу прибегнув, они умоляют отца, да Обида
Ходит за ним по следам и его, уязвляя, накажет.

513-518 Друг, воздай же и ты, что следует, Зевсовым дщерям:
Честь, на воздание коей всех добрых склоняются души.
Если б даров не давал как теперь, так и после, толь многих,
Сын Атреев, но все бы упорствовал в гибельном гневе, —
Я не просил бы тебя, чтобы, гнев справедливый отринув,
Ты защитил аргивян, невзирая, что жаждут защиты.

519-523 Много и ныне даров он дает и вперед обещает;
С кротким прошеньем к тебе присылает мужей знаменитых,
В целом народе избранных, тебе самому здесь любезных
Более всех из данаев. Не презри же их ты ни речи,
Ни посещения. Ты не без права гневался прежде.

524-526 Так мы слышим молвы и о древних славных героях:
Пылкая злоба и их обымала великие души;
Но смягчаемы были дарами они и словами.

527-532 Помню я дело одно, но времен стародавних, не новых:
Как оно было, хочу я поведать меж вами, друзьями.
Брань была меж куретов и бранолюбивых этолян
Вкруг Калидона града, и яростно билися рати:
Мужи этольцы стояли за град Калидон, им любезный,
Мужи куреты пылали обитель их боем разрушить.

533-535 Горе такое на них Артемида богиня воздвигла,
В гневе своем, что Иней с плодоносного сада начатков
Ей не принес; а бессмертных других насладил гекатомбой;

536-539 Жертвы лишь ей не принес, громовержца великого дщери:
Он не радел, иль забыл, но душой согрешил безрассудно.
Гневное божие чадо, стрельбой веселящаясь Феба
Вепря подвигла на них, белоклыкого лютого зверя.

540-542 Страшный он вред наносил, на Инея сады набегая:
Купы высоких дерев опрокинул одно на другое,
Вместе с кореньями, вместе с блистательным яблоков цветом.

543-546 Зверя убил наконец Инеид Мелеагр нестрашимый,
Вызвав кругом из градов звероловцев с сердитыми псами
Многих: его одолеть не успели бы с малою силой —
Этаков был! на костер печальный многих послал он.

547-549 Феба о нем воспалила жестокую, шумную распрю,
Бой о клыкастой главе и об коже щетинистой вепря
Между сынами куретов и гордых сердцами этолян.

550-552 Долго, пока Мелеагр за этолян, могучий, сражался,
Худо было куретам: уже не могли они сами
В поле, вне стен, оставаться, хотя и сильнейшие были.

553-562 Но когда Мелеагр предался гневу, который
Сердце в груди напыщает у многих, мужей и разумных
(Он, на любезную матерь Алфею озлобленный сердцем,
Праздный лежал у супруги своей, Клеопатры прекрасной,
Дщери младой Эвенины жены, легконогой Марписсы,
И могучего Ида, храбрейшего меж земнородных
Оных времен: на царя самого, стрелоносного Феба,
Поднял он лук за супругу свою, легконогую нимфу:
С оного времени в доме отец и почтенная матерь
Дочь Алкионою прозвали, в память того, что и матерь,

563-567 Горькую долю неся Алкионы многопечальной,
Плакала целые дни, как ее стреловержец похитил.
Он у супруги покоился, гнев душевредный питая,
Матери клятвами страшно прогневанный: грустная матерь
Часто богов заклинала — отмстить за убитого брата;

568-576 Часто руками она, исступленная, о землю била
И, на коленях сидящая, грудь обливая слезами,
С воплем молила Аида и страшную Персефонию
Смерть на сына послать; и носящаяся в мраках Эриннис,
Фурия немилосердая, воплю вняла из Эреба),
Скоро у врат калидонских и стук и треск раздалися

Башен, громимых врагом. Мелеагра этольские старцы
Стали молить и послали избранных священников бога,
Дар обещая великий, да выйдет герой и спасет их.

577-580 Где плодоносней земля на веселых полях калидонских,
Там позволяли ему, в пятьдесят десятин, наилучший
Выбрать удел: половину земли виноградом покрытой
И половину нагой, для орания годной, отрезать.

581-583 Много его умолял конеборец Иней престарелый;
Сам до порога поднявшись его почивальни высокой,
В створы дверей он стучал и просил убедительно сына.

584-586 Много и сестры его, и почтенная матерь молили:
Пуще отказывал; много его и друзья убеждали,
Чтимые им и любимые более всех в Калидоне;

587-589 Но ничем у него не подвигнули сердца, доколе
Терем его от ударов кругом не потрясся: на башни
Сила куретов взошла и град зажигала великий.

590-594 И тогда-то уже Мелеагра жена молодая
Стала, рыдая, молить и исчислила все пред героем,
Что в завоеванном граде людей постигает несчастных:
Граждан в жилищах их режут, пламень весь град пожирает,
В плен и детей, и красноопоясанных жен увлекают.

595-599 Духом герой взволновался, о страшных деяниях слыша;
Выйти решился и пышноблестящим покрылся доспехом. —
Так Мелеагр отразил погибельный день от этолян,

Следуя сердцу: еще Мелеагру не отдано было
Многих прекрасных даров; но несчастие так отразил он.

600-603 Ты ж не замысли подобного, сын мой любезный! и демон
Сердце тебе да не склонит к сей думе! Погибельней будет
В бурном пожаре суда избавлять; для даров знаменитых
Выйди, герой! и тебя, как бога, почтут аргивяне.

604-608 Если же ты без даров, а по нужде на брань ополчишься,
Чести подобной не снищешь, хоть будешь и брани решитель».
Старцу немедля ответствовал царь Ахиллес быстроногий:
«Феникс, отец мой, старец божественный! В чести подобной
Нужды мне нет; я надеюсь быть чествован волею Зевса!

609-614 Честь я сию сохраню перед войском, доколе дыханье
Будет в груди у меня и могучие движутся ноги.
Молвлю тебе я другое, а ты положи то на сердце:
Мне не волнуй ты души, предо мною крушася и плача,
Сыну Атрея в угодность; тебе и не должно Атрида
Столько любить, да тому, кем любим, ненавистен не будешь.

615-619 Ты оскорби человека, который меня оскорбляет!
Царствуй, равно как и я, и честь разделяй ты со мною.
Скажут они мой ответ; оставайся ты здесь, успокойся
В куще, на мягком ложе; а завтра, с восходом Денницы,
Вместе помыслим, отплыть восвояси нам или остаться».

620-624 Рек — и Патроклу, в безмолвии, знаменье подал бровями
Фениксу мягкое ложе постлать, да скорее другие
Выйти из кущи помыслят. Тогда Теламонид великий,

Богу подобный Аякс, подымался и так говорил им:
«Сын благородный Лаэртов, герой Одиссей многоумный!

625-627 Время идти; я вижу, к желаемой цели беседы
Сим нам путем не достигнуть. Ахейцам как можно скорее
Должно ответ объявить, хоть он и не радостен будет;

628-631 Нас ожидая, ахейцы сидят. Ахиллес мирмидонец
Дикую в сердце вложил, за предел выходящую гордость!
Смертный, суровый! в ничто поставляет и дружбу он ближних,
Дружбу, какою мы в стане его отличали пред всеми!

632-634 Смертный, с душою бесчувственной! Брат за убитого брата,
Даже за сына убитого пеню отец принимает;
Самый убийца в народе живет, отплатившись богатством;

635-639 Пеню же взявший — и мстительный дух свой, и гордое сердце —
Все наконец укрощает; но в сердце тебе бесконечный
Мерзостный гнев положили бессмертные ради единой
Девы! но семь их тебе, превосходнейших, мы предлагаем,
Много даров и других! Облеки милосердием душу!

640-642 Собственный дом свой почти; у тебя под кровом пришельцы
Мы от народа ахейского, люди, которые ищем
Дружбы твоей и почтения, более всех из ахеян».

643-645 И немедля ему отвечал Ахиллес быстроногий:
«Сын Теламонов, Аякс благородный, властитель народа!
Всё ты, я чувствую сам, говорил от души мне, но, храбрый!

646-648 Сердце мое раздымается гневом, лишь вспомню о том я,
Как обесчестил меня перед целым народом ахейским
Царь Агамемнон, как будто бы был я скиталец презренный!

649-653 Вы возвратитесь назад и пославшему весть возвестите:
Я, объявите ему, не помыслю о битве кровавой
Прежде, пока Приамид брагоносный, божественный Гектор,
К сеням уже и широким судам не придет мирмидонским,
Рати ахеян разбив, и пока не зажжет кораблей их.

654-657 Здесь же, у сени моей, пред моим кораблем чернобоким,
Гектор, как ни неистов, от брани уймется, надеюсь».
Рек он, — и каждый, в молчании, кубок взяв двоедонный,
Возлил богам и из сени исшел; Одиссей предитёк им.

658-661 Тою порою Патрокл повелел и друзьям и рабыням
Фениксу мягкое ложе как можно скорее готовить.
Жены, ему повинуясь, как он повелел, простирали
Руны овец, покрывало и цвет нежнейший из лена.

662-665 Там покоился Феникс, Денницы святой ожидая.
Но Ахиллес почивал внутри крепкостворчатой кущи;
И при нем возлегла полоненная им лесбиянка,
Форбаса дочь, Диомеда, румяноланитая дева.

666-668 Сын же Менетиев спал напротив; и при нем возлежала
Легкая станом Ифиса, ему Ахиллесом героем
Данная в день, как разрушил он Скирос, град Эниея.

669-671 Те же — едва показались у кущи Атрида владыки,
С кубками их золотыми ахеян сыны привечали,
В встречу один за другим подымаясь и их вопрошая.

672-675 Первый из них говорил повелитель мужей Агамемнон:
«Молви, драгой Одиссей, о великая слава данаев,
Хочет ли он от судов отразить пожирающий пламень
Или отрекся и гордую душу питает враждою?»

676-679 И ему отвечал Одиссей, знаменитый страдалец:
«Славою светлый Атрид, повелитель мужей Агамемнон!
Нет, не хочет вражды утолить он; сильнейшею прежней
Пышет грозой, презирает тебя и дары отвергает.

680-683 В бедствах тебе самому велит с аргивянами думать,
Как защитить корабли и стесненные рати ахеян.
Сам угрожает, что завтрашний день, лишь Денница возникнет
На море все корабли обоюдовесельные спустит.

684-687 Он и другим воеводам советовать тоже намерен —
В домы отплыть; никогда, говорит он, конца не обресть вам
Трои высокой: над нею перунов метатель Кронион
Руку свою распростер, — и возвысилась дерзость народа.

688-692 Так он ответствовал; вот и сопутники то же вам скажут,
Сын Теламона и вестники наши, разумные оба.
Феникс же там успокоился, старец; так повелел он,
Чтоб за ним в кораблях, обратно к отчизне любезной
Следовал завтра, но если он хочет, — неволить не будет».

693-695 Так говорил, — и молчанье глубокое все сохраняли,
Речью его пораженные: грозное он им поведал.
Долго безмолвными были унылые мужи ахейцы;

696-700 Но меж них наконец взговорил Диомед благородный:
«Царь знаменитый Атрид, повелитель мужей Агамемнон!
Лучше, когда б не просил ты высокого сердцем Пелида,
Столько даров обещая: горд и сам по себе он,
Ты же в Пелидово сердце вселяешь и большую гордость.

701-703 Кончим о нем и его мы оставим; отсюда он едет
Или не едет — начнет, без сомнения, ратовать снова,
Ежели сердце велит и бог всемогущий воздвигнет.

704-706 Слушайте, други, что я предложу вам, одобрите все вы:
Ныне предайтесь покою, но прежде сердца ободрите
Пищей, вином: вино человеку и бодрость и крепость.

707-709 Завтра ж, как скоро блеснет розоперстая в небе Денница,
Быстро, Атрид, пред судами построй ты и конных и пеших,
Дух ободри им и сам перед воинством первый сражайся».

710-713 Так произнес, — и воскликнули весело все скиптроносцы,
Смелым дивяся речам Диомеда, смирителя коней.
Все наконец, возлиявши богам, разошлися по кущам,
Где предалися покою и сна насладились дарами.

Une Sacra · издание 1 · unesacra.com · CC BY-NC-SA 4.0

ПЕСНЬ X

✦

Все при своих кораблях, и цари и герои ахеян,
Спали целую ночь, побежденные сном благотворным;
Но Атрид Агамемнон, ахейского пастырь народа,
Сладкого сна не вкушал, волнуемый множеством мыслей.

Словно как молнией блещет супруг лепокудрыя Геры,
Если готовит иль дождь бесконечный, иль град вредоносный,
Или метель, как снега убеляют широкие степи,
Или погибельной брани огромную пасть отверзает, —
Так многократно вздыхал Агамемнон, глубоко от сердца,
Скорбью гнетомого; самая внутренность в нем трепетала;

Ибо когда озирал он троянский стан, удивлялся
Их огням неисчетным, пылающим пред Илионом,
Звуку свирелей, цевниц и смятенному шуму народа.

Но когда он взирал на ахейский стан неподвижный,
Клоки власов у себя из главы исторгал, вознося их
Зевсу всевышнему: тяжко стенало в нем гордое сердце.

Дума сия наконец показалася лучшей Атриду —
С Нестором первым увидеться, мудрым Нелеевым сыном,
С ним не успеют ли вместе устроить совет непорочный,
Как им беду отвратить от стесненной рати ахейской;

21-24 Встал Атрейон и с поспешностью перси одеял хитоном;
К белым ногам привязал красивого вида плесницы;
Сверху покрылся великого льва окровавленной кожей,
Рыжей, огромной, от выи до пят, и копьем ополчился.

25-28 Страхом таким же и царь Менелай волновался; на очи
Сон и к нему не сходил: трепетал он, да бед не претерпят
Мужи ахейцы, которые все по водам беспредельным
К Трое пришли, за него дерзновенную брань подымая.

29-33 Встал и широкие плечи покрыл он пардовой кожей,
Пятнами пестрой; на голову шлем, приподнявши, надвинул,
Медью блестящий, и, дрот захвативши в могучую руку,
Так он пошел, чтобы брата воздвигнуть, который верховным
Был царем аргивян и, как бог, почитался народом.

34-41 Он, при корме корабля, покрывавшегось пышным доспехом,
Брата нашел, и был для него посетитель приятный.
Первый к нему возгласил Менелай, воинственник славный:
«Что воружаешься, брат мой почтенный? или от ахеян
Хочешь к троянам послать соглядатая? Но, признаюся,
Я трепещу, чтоб не вызвался кто на подобное дело
И чтоб враждебных мужей соглядать не пошел одинокий
В сумраках ночи глухой: человек дерзосердый он будет».

42-46 Брату в ответ говорил повелитель мужей Агамемнон:
«Нужда в совете и мне и тебе, Менелай благородный,
В мудром совете, который бы мог защитить и избавить

Рать аргивян и суда; изменилось Кронидово сердце:
К Гектору, к жертвам его преклонил он с любовию душу!

47-50 Нет, никогда не видал я, ниже не слыхал, чтоб единый
Смертный столько чудес, и в день лишь единый, предпринял,
Сколько свершил над ахейцами Гектор, Зевесу любезный,
Гектор, который не сын ни богини бессмертной, ни бога.

51-56 Но что свершил он, о том сокрушаться ахеяне будут
Часто и долго; такие беды сотворил он ахейцам!
Но иди, Менелай, призови Девкалида, Аякса,
Прямо спеши к кораблям, а к почтенному сыну Нелея
Сам я иду и восстать преклоню, не захочет ли старец
Стражей священный сонм навестить и блюстись приказать им;

57-59 Верно, ему покорятся охотнее; сын его храбрый
Стражи начальствует сонмом, и с ним Девкалида сподвижник,
Вождь Мерион; предпочтительно им поручили мы стражу».

60-63 И его вопросил Менелай, воинственник славный:
«Что же мне ты прикажешь и как повелишь, Агамемнон?
Там ли остаться, у них, твоего ожидая прихода,
Или к тебе поспешать возвратиться, как всё накажу им?»

64-66 Вновь Менелаю вещал повелитель мужей Агамемнон:
«Там ты останься, чтоб мы не могли разойтися с тобою,
Ходя в сумраке: много дорог по широкому стану.

67-69 Где же пойдешь, окликай, и всем советуй стеречься;
Каждого мужа, Атрид, именуй по отцу и по роду;
Всех приветливо чествуй и сам ни пред кем не величься.

70-72 Ныне и мы потрудимся, как прочие; жребий таков наш!
Зевс на нас, на родившихся, тяжкое горе возвергнул!»
Так говоря, отпускает он брата, разумно наставив;

73-76 Сам наконец поспешает к владыке народов Нелиду.
Старца находит при черном его корабле против кущи,
В мягком одре, и при нем боевые лежали доспехи:
Выпуклый щит, и два копия, и шелом светозарный;

77-79 Подле и пояс лежал разноцветный, который сей старец
Часто еще препоясывал, в бой мужегубный готовясь
Рать предводить: еще не сдавался он старости грустной.

80-83 Нестор, привставши на локоть и голову с ложа поднявши,
К сыну Атрея вещал и его вопрошал громогласно:
«Кто ты? и что меж судами по ратному стану здесь ходишь
В сумраке ночи один, как покоятся все человеки?

84-87 Друга ли ты или, может быть, меска сбежавшего ищешь?
Что тебе нужно? Окликнись, а молча ко мне не ходи ты!»
Старцу немедля ответствовал пастырь мужей Агамемнон:
«Нестор, почтеннейший старец, великая слава данаев!

88-90 Ты Агамемнона видишь, которого Зевс промыслитель
Более всех подвергнул трудам бесконечным, покуда
В персях моих остается дыханье и движутся ноги.

91-95 Так я скитаюсь; на очи мои ниже ночью не сходит
Сладостный сон, и на думах лишь брань и напасти ахеян!
Так за ахеян жестоко страшуся я: дух мой не в силах

Твердость свою сохранять, но волнуется; сердце из персей
Вырваться хочет, и ноги мои подо мною трепещут!

96-99 Если что делать намерен ты (сон и к тебе не приходит),
Встань, о Нелид, и ко стражам ахейским дойдем и осмотрим.
Может быть, все, удрученные скучным трудом и дремотой,
Сну предалися они и о страже опасной забыли.

100-103 Рати же гордых врагов недалеко; а мы и не знаем,
В сумраке ночи они не хотят ли внезапно ударить».
Сыну Атрея ответствовал Нестор, конник геренский:
«Славою светлый Атрид, повелитель мужей Агамемнон!

104-107 Замыслы Гектору, верно, не все промыслитель небесный
Ныне исполнит, как гордый он ждет; и его удручит он
Горем, я чаю, и большим, когда Ахиллес быстроногий
Храброе сердце свое отвратит от несчастного гнева.

108-110 Следовать рад я с тобою; пойдем, и других мы разбудим
Храбрых вождей: Диомеда героя, царя Одиссея,
С ними Аякса быстрого, также Филеева сына.

111-113 Если б еще кто-нибудь поспешил и к собранию призвал
Идоменея царя и подобного богу Аякса:
Их корабли на конце становища, отсюда не близко.

114-116 Но Менелая, любезного мне и почтенного друга,
Я укорю, хоть тебя и прогневаю; нет, не сокрою!
Он почивает, тебя одного заставляет трудиться!

117-123 Ныне он должен бы около храбрых и сам потрудиться,
Должен бы всех их просить, настоит нестерпимая нужда!»
Нестору вновь отвечал повелитель мужей Агамемнон:
«Старец, другою порой укорять я советую брата:
Часто медлителен он и как будто к трудам неохотен, —
Но не от праздности низкой или от незнания дела:
Смотрит всегда на меня, моего начинания ждущий.

124-127 Ныне же встал до меня и ко мне неожидан явился.
Брата послал я просить предводителей, коих ты назвал.
Но поспешим, и найдем, я надеюся, их мы у башни,
Вместе с дружиной стражебною: там повелел я собраться».

128-130 Снова Атриду ответствовал Нестор, конник геренский:
«Ежели так, из данаев никто на него не возропщет:
Каждый послушает, если он что запретит иль прикажет».

131-134 Так говоря, одевал он перси широким хитоном;
К белым ногам привязал прекрасного вида плесницы,
После — кругом застегнул он двойной свой, широкопадущий,
Пурпурный плащ, по котором струилась косматая волна;

135-138 И, копье захватив, повершенное острою медью,
Так устремился Нелид меж судов и меж кущей ахеян.
Там сперва Одиссея, советами равного Зевсу,
Поднял от сна восклицающий громко возница геренский.

139-142 Скоро дошел до души Одиссеевой Несторов голос:
Выступил он из-под кущи и так говорил воеводам:
«Что меж судами одни по воúнскому ходите стану

В сумраке ночи? какая пришла неизбежная нужда?»

143-145 Сыну Лаэрта ответствовал Нестор, конник геренский:
«Сын благородный Лаэртов, герой Одиссей многоумный!
Ты не ропщи: аргивянам жестокая нужда приходит!

146-149 С нами иди, и других мы разбудим, с которыми должно
Ныне ж решить на совете, бежать ли нам или сражаться».
Рек он, — и быстро под кущу вступил Одиссей многоумный,
Щит свой узорный за плечи закинул и следовал с ними.

150-155 К сыну Тидея пошли и нашли Диомеда лежащим
Одаль от сени, с оружием; около ратные други
Спали; сголовьем их были щиты, у постелей их копья
Прямо стояли, вонзенные древками; медь их далеко
В мраке блистала, как молния Зевса. Герой в середине
Спал, и постелью была ему кожа вола степового;

156-159 Светлый, блестящий ковер лежал у него в изголовье.
Близко пришедши, будил почивавшего Нестор почтенный,
Трогая краем ноги, и в лицо укорял Диомеда:
«Встань, Диомед! и что ты всю ночь почиваешь беспечно?

160-164 Или забыл, что трояне, заняв возвышение поля,
Близко стоят пред судами и узкое место нас делит?»
Так говорил; почивавший с постели стремительно вспрянул
И, обратяся к нему, произнес крылатые речи:
«Слишком заботливый старец, трудов никогда ты не бросишь!

165-167 Нет ли у нас и других, в ополчении младших данаев,
Коим приличнее было б вождей нас будить по порядку,
Ходя по стану ахейскому; неутомим ты, о старец!»

168-171 Сыну Тидея ответствовал Нестор, конник геренский:
«Так, Диомед, справедливо ты всё и разумно вещаешь.
Есть у меня и сыны непорочные, есть и народа
Много подвластного: было б кому обходить и сзывать вас;

172-174 Но жестокая нужда аргивских мужей постигает!
Всем аргивянам теперь на мечном острии распростерта
Или погибель позорная, или спасение жизни!

175-179 Но поспеши ты и сына Филеева с быстрым Аяксом
К нам призови: ты моложе меня и о мне сожалеешь».
Рек; Диомед, немедля покрывшийся львиною кожей,
Рыжей, огромной, до пят доходящей, и дрот захвативши,
Быстро пошел, разбудил воевод и привел их с собою.

180-182 Скоро владыки ахеян достигнули собранных стражей,
И не в дремоте они предводителей стражи застали:
Бодро младые ахейцы, с оружием в дланях, сидели.

183-189 Словно как псы у овчарни овец стерегут беспокойно,
Сильного зверя зачуяв, который из гор, голодалый,
Лесом идет; подымается шумная противу зверя
Псов и людей стерегущих тревога, их сон пропадает, —
Так пропадал на очах усладительный сон у ахеян,
Стан охраняющих в грозную ночь: непрестанно на поле
Взоры вперяли они, чтоб узнать, не идут ли трояне.

190-193 С радостью старец узрел их и, более дух ободряя,
Весело к ним говорил, устремляя крылатые речи:
«Так стерегитесь, любезные дети! никто и не думай,
Стоя на страже, о сне: да не будем мы в радость враждебным»

194-197 Так говоря, перенесся за ров; и за ним устремились
Все скиптроносцы ахейские, сколько звано их к совету.
С ними герой Мерион и Несторов сын знаменитый
Следовал: сами цари пригласили и их для совета.

198-201 Вместе они, перешедшие ров, пред стеною изрытый,
Сели на чистой поляне, на месте, свободном от трупов
В сече убитых, отколь возвратился крушительный Гектор,
Рать истреблявший данаев, доколе их ночь не покрыла;

202-206 Там воеводы, сидящие, между собой говорили.
Речь им полезную начал геренский воинственник Нестор:
«Други! не может ли кто-либо сам на свое положиться
Смелое сердце и ныне же к гордым троянам пробраться
В мраке ночном? не возьмет ли врага он, бродящего с краю;

207-210 Или не может ли между троян разговора услышать,
Как меж собою они полагают: решились ли твердо
Здесь оставаться далеко от города или обратно
Мнят от судов отступить, как уже одолели данаев.

211-213 Если бы то он услышал и к нам невредим возвратился,
О, великая слава была бы ему в поднебесной,
Слава у всех человеков; ему и награда прекрасна!

214-216 Сколько ни есть над судами ахейских начальников храбрых,
Каждый из них наградит возвратившегось черной овцою
С агнцем сосущим, — награда, с которой ничто не сравнится;

217-221 Будет всегда он участник и празднеств, и дружеских пиршеств»
Рек, — и никто не ответствовал, все хранили молчанье.
Первый меж них взговорил Диомед, воеватель могучий:
«Нестор! меня побуждает душа и отважное сердце
В стан враждебный войти, недалеко лежащий троянский.

222-226 Но когда и другой кто со мною идти пожелает,
Более бодрости мне и веселости более будет.
Двум совокупно идущим, один пред другим вымышляет,
Что для успеха полезно; один же хотя бы и мыслил, —
Медленней дума его и слабее решительность духа».

227-229 Так говорил, — и идти с ним хотящие многие встали:
Оба Аякса хотят, нестрашимые слуги Арея;
Хочет герой Мерион, Фразимед беспредельно желает;

230-232 Хочет и светлый Атрид Менелай, знаменитый копейщик;
Хочет и царь Одиссей во враждебные сонмы проникнуть, —
Смелый: всегда у него на опасности сердце дерзало.

233-235 Но меж них возгласил повелитель мужей Агамемнон:
«Отрасль Тидея, любезнейший мне Диомед благородный!
Спутника сам для себя избирай, и кого пожелаешь;

236-238 Кто из представших, как мыслишь, отважнейший: многие жаждут.
Но, из почтения тайного, лучшего к делу не брось ты

И не выбери худшего, страху души уступая;

239-243 Нет, на род не взирай ты, хотя б и державнейший был он».
Так Агамемнон вещал, за царя Менелая страшася.
К ним же вновь говорил Диомед, воеватель бесстрашный:
«Ежели мне самому избрать вы друга велите,
Как я любимца богов, Одиссея героя забуду?

244-247 Сердце его, как ничье, предприимчиво; дух благородный
Тверд и в трудах и в бедах; и любим он Палладой Афиной!
Если сопутник мой он, из огня мы горящего оба
К вам возвратимся: так в нем обилен на вымыслы разум».

248-250 Но ему возразил Одиссей, знаменитый страдалец:
«Слишком меня ни хвали, ни хули, Диомед благородный, —
Знающим всё говоришь ты царям и героям ахейским.

251-253 Лучше пойдем мы! Ночь убегает, и близко Денница;
Звезды ушли уж далеко; более двух уже долей
Ночь совершила, и только что третия доля осталась».

254-259 Так говоря, покрывалися оба оружием страшным.
Несторов сын, Фразимед воинственный, дал Диомеду
Медяный нож двулезвенный (свой при судах он оставил),
Отдал и щит; на главу же героя из кожи воловой
Шлем он надел, но без гребня, без блях, называемый плоским,
Коим чело у себя покрывает цветущая младость.

260-265 Вождь Мерион предложил Одиссею и лук и колчан свой,
Отдал и меч; на главу же надел Лаэртида героя
Шлем из кожи; внутри перепутанный часто ремнями,

Крепко натянут он был, а снаружи по шлему торчали
Белые вепря клыки, и сюда и туда воздымаясь
В стройных, красивых рядах; в середине же полстью подбит он.

266-268 Шлем сей — древле из стен Элеона похитил Автолик,
Там Горменида Аминтора дом крепкозданный разрушив;
В Скандии ж отдал его Киферийскому Амфидамасу;

269-271 Амфидамас подарил, как гостинец приязненный, Молу;
Мол, наконец, Мериону вручил его, храброму сыну;
Ныне сей шлем знаменитый главу осенил Одиссея.

272-276 Так Одиссей с Диомедом, покрывшись оружием страшным,
Оба пустилися, там же оставив старейшин ахейских;
Доброе знаменье храбрым немедля послала Афина —
Цаплю на правой руке от дороги; они не видали
Птицы сквозь сумраки ночи, но слышали звонкие крики.

277-280 Птицей обрадован был Одиссей и взмолился Афине:
«Глас мой услышь, громовержцем рожденная! Ты, о богиня,
Мне соприсущна во всяком труде: от тебя не скрываю
Дум я моих; но теперь благосклонною будь мне, Афина!

281-284 Дай нам к ахейским судам возвратиться покрытыми славой,
Сделав великое дело, на долгое горе троянам!»
И взмолился второй, Диомед, воеватель могучий:
«Ныне услышь и меня, необорная дщерь Эгиоха!

285-290 Спутницей будь мне, какою была ты герою Тидею
К Фивам, куда он с посольством ходил от народов аргивских;
Возле Асоповых вод аргивян меднолатных оставив,

Мирные вести отец мой кадмеянам нес брапоносным
В град, но, из града идущий, деяния, страшные слуху,
Сделал, с тобой: благосклонная ты предстояла Тидею.

291-293 Так ты по мне поборай и меня сохрани, о богиня!
В жертву тебе принесу я широкочелистую краву,
Юную, выя которой еще не склонялась под иго;

294-298 В жертву ее принесу я, с рогами, облитыми златом».
Так говорили, молясь; и вняла им Паллада Афина.
Кончив герои мольбу громовержца великого дщери,
Оба пустились, как львы дерзновенные, в сумраке ночи,
Полем убийства, по трупам, по сбруям и токам кровавым.

299-301 Тою порой и троянским сынам Приамид не позволил
Сну предаваться; собрал для совета мужей знаменитых,
Всех в ополченье троянском вождей и советников мудрых.

302-309 Собранным вместе мужам, предлагал он совет им полезный:
«Кто среди вас за награду великую мне обещает
Славное дело свершить? А награда богатая будет:
Дам колесницу тому и яремных коней гордовыйных
Двух, превосходнейших всех при судах быстролетных данайских,
Кто между вами дерзнет (а покрылся б он светлою славой!)
В сумраке ночи к ахейскому стану дойти и разведать:
Так ли ахеян суда, как и прежде, опасно стрегомы;

310-312 Или, уже укрощенные силою нашей, ахейцы
Между собой совещают о бегстве и нынешней ночью
Стражи держать не желают, трудом изнуренные тяжким».

313-315 Так говорил; но молчанье глубокое все сохраняли.
Был меж троянами некто Долон, троянца Эвмеда,
Вестника, сын, богатый и златом, богатый и медью;

316-320 Сын, меж пятью дочерями, единственный в доме отцовском,
Видом своим человек непригожий, но быстрый ногами.
Он предводителю Гектору так говорил, приступивши:
«Гектор, меня побуждает душа и отважное сердце
В сумраке ночи к судам аргивян подойти и разведать.

321-323 Но, Приамид, обнадежь, подыми твой скиптр и клянися,
Тех превосходных коней и блестящую ту колесницу
Дать непременно, какие могучего носят Пелида.

324-327 Я не напрасный тебе, не обманчивый ведомец буду:
Стан от конца до конца я пройду и к судам доступлю я,
К самым судам Агамемнона; верно, ахеян владыки
Там совет совещают, бежать ли им или сражаться».

328-331 Рек он, — и Гектор поднял свой скипетр и клялся Долону:
«Сам Эгиох мне свидетель, супруг громовержущий Геры!
Муж в Илионе другой на Пелидовых коней не сядет:
Ты лишь единый, клянуся я, оными славиться будешь».

332-334 Рек он — и суетно клялся, но сердце разжег у троянца.
Быстро и лук свой кривой, и колчан он за плечи забросил,
Сверху покрылся кожей косматого волка седого;

335-337 Шлем же хорёвый надел и острым копьем ополчился.
Так от троянского стана пошел он к судам; но троянцу
Вспять не прийти от судов, чтобы Гектору вести доставить.

338-341 Он, за собой лишь оставил толпы и коней и народа,
Резво дорогой пошел. Подходящего скоро приметил
Царь Одиссей и сопутнику так говорил, Диомеду:
«Верно, сей муж, Диомед, из троянского стана подходит!

342-348 Он, но еще не уверен я, наших судов соглядатай;
Или подходит, чтоб чей-либо труп из убитых ограбить.
Но позволим сначала немного ему по долине
Нас миновать, а потом устремимся и верно изловим,
Быстро напав; но когда, убегающий, нас упредит он,
Помни, от стана его к кораблям отбивай непрестанно,
Пикой грозя, чтобы он не успел убежать к Илиону».

349-354 Так сговоряся, они у дороги, меж грудами трупов,
Оба припали, а он мимо их пробежал, безрассудный.
Но, лишь прошел он настолько, как борозды нивы бывают,
Мулами вспаханной (долее мулы волов тяжконогих
Могут плуг составной волочить по глубокому пару),
Бросились гнаться герои, — и стал он, топот услышав.

355-359 Чаял он в сердце своем, что друзья из троянского стана
Кликать обратно его, по велению Гектора, гнались,
Но, лишь предстали они на полет копия или меньше,
Лица врагов он узнал и проворные ноги направил
К бегству, и быстро они за бегущим пустились в погоню.

360-364 Словно как два острозубые пса, приобыкшие к ловле,
Серну иль зайца подняв, постоянно упорные гонят
Местом лесистым, а он пред гонящими, визгая, скачет, —

Так Диомед и рушитель градов Одиссей илионца
Полем, отрезав от войск, постоянно упорные гнали.

365-368 Но, как готов уже был он с ахейскою стражей смеситься,
Прямо к судам устремляяся, — ревность вдохнула Афина
Сыну Тидея, да в рати никто не успеет хвалиться
Славой, что ранил он прежде, а сам да не явится после.

369-371 Бросясь с копьем занесенным, вскричал Диомед на троянца:
«Стой, иль настигну тебя я копьем! и напрасно, надеюсь,
Будешь от рук ты моих избегать неминуемой смерти!»

372-375 Рек он — и ринул копье, и с намереньем мимо прокинул:
Быстро над правым плечом пролетевши, блестящее жалом,
В землю воткнулось копье, и троянец стал, цепенея:
Губы его затряслися, и зубы во рту застучали;

376-379 С ужаса бледный стоял он, а те, задыхаясь, предстали,
Оба схватили его — и Долон, прослезяся, воскликнул:
«О, пощадите! я выкуп вам дам, у меня изобильно
Злата и меди в дому и красивых изделий железа.

380-383 С радостью даст вам из них неисчислимый выкуп отец мой,
Если узнает, что жив я у вас на судах мореходных».
Но ему на ответ говорил Одиссей многоумный:
«Будь спокоен и думы о смерти отринь ты от сердца.

384-386 Лучше ответствуй ты мне, но скажи совершенную правду:
Что к кораблям аргивян от троянского стана бредешь ты
В темную ночь и один, как покоятся все человеки?

387-389 Грабить ли хочешь ты мертвых, лежащих на битвенном поле?
Или ты Гектором послан, дабы пред судами ахеян
Все рассмотреть? или собственным сердцем к сему побужден ты?»

390-393 Бледный Долон отвечал, и под ним трепетали колена:
«Гектор, на горе, меня в искушение ввел против воли:
Он Ахиллеса великого коней мне твердокопытых
Клялся отдать и его колесницу, блестящую медью.

394-399 Мне ж приказал он — под быстролетящими мраками ночи
К вашему стану враждебному близко дойти и разведать,
Так ли суда аргивян, как и прежде, опасно стрегомы,
Или, уже укрощенные ратною нашею силой,
Вы совещаетесь в домы бежать и во время ночное
Стражи держать не хотите, трудом изнуренные тяжким».

400-402 Тихо осклабясь, к нему говорил Одиссей многоумный:
«О! даров не ничтожных душа у тебя возжелала:
Коней Пелида героя! Жестоки, троянец, те кони;

403-406 Их укротить и править для каждого смертного мужа
Трудно, кроме Ахиллеса, бессмертной матери сына!
Но ответствуй еще и скажи совершенную правду:
Где, отправляясь, оставил ты Гектора, сил воеводу?

407-411 Где у него боевые доспехи, быстрые кони?
Где ополченья другие троянские, стражи и станы?
Как меж собою они полагают: решились ли твердо
Здесь оставаться, далеко от города, или обратно
Мнят от судов отступить, как уже одолели ахеян?»

412-417 Вновь отвечал Одиссею Долон, соглядатай троянский:
«Храбрый, охотно тебе совершенную правду скажу я:
Гектор, когда уходил я, остался с мужами совета,
С ними советуясь подле могилы почтенного Ила,
Одаль от шума; но стражей, герой, о каких вопрошаешь,
Нет особливых, чтоб стан охраняли или сторожили.

418-422 Сколько же в стане огней, у огнищ их, которым лишь нужда,
Бодрствуют ночью трояне, один убеждая другого
Быть осторожным; а все дальноземцы, союзники Трои,
Спят беззаботно и стражу троянам одним оставляют:
Нет у людей сих близко ни жен, ни детей их любезных».

423-425 Снова Долона выспрашивал царь Одиссей многоумный:
«Как же союзники — вместе с рядами троян конеборных,
Или особо спят? расскажи мне, знать я желаю».

426-429 Снова ему отвечал Долон, соглядатай троянский:
«Все расскажу я тебе, говоря совершенную правду:
К морю кариян ряды и стрельцов криволуких пеонов,
Там же лелегов дружины, кавконов и славных пеласгов;

430-432 Около Фимбры ликийцы стоят и гордые мизы,
Рать фригиян колесничников, рать конеборцев меонян.
Но почто вам, герои, расспрашивать порознь о каждом?

433-435 Если желаете оба в троянское войско проникнуть,
Вот новопришлые, с краю, от всех особливо, фракийцы;
С ними и царь их Рез, воинственный сын Эйонея.

436-438 Видел я Резовых коней, прекраснейших коней, огромных;
Снега белее они и в ристании быстры, как ветер.
Златом, сребром у него изукрашена вся колесница.

439-441 Сам под доспехом златым, поразительным, дивным для взора,
Царь сей пришел, под доспехом, который не нам, человекам
Смертным, прилично носить, но бессмертным богам олимпийским!

442-445 Ныне — ведите меня вы к своим кораблям быстролетным
Или свяжите и в узах оставьте на месте, доколе
Вы не придете обратно и в том не уверитесь сами,
Правду ли я вам, герои, рассказывал или неправду».

446-448 Грозно взглянув на него, взговорил Диомед непреклонный:
«Нет, о спасенье, Долон, невзирая на добрые вести,
Дум не влагай себе в сердце, как впал уже в руки ты наши.

449-451 Если тебе мы свободу дадим и обратно отпустим,
Верно, ты снова придешь к кораблям мореходным ахеян,
Тайно осматривать их или явно с нами сражаться.

452-457 Но когда уже дух под моею рукою испустишь,
Более ты не возможешь погибелен быть аргивянам».
Рек, — и как тот, у него подбородок рукою дрожащей
Тронув, хотел умолять, Диомед замахнул и по вые
Острым ножом поразил и рассек ее крепкие жилы:
Быстро, еще с говорящего, в прах голова соскочила.

458-464 Шлем хорёвый они с головы соглядатая сняли,
Волчью кожу, разрывчатый лук и огромную пику.
Всё же то вместе Афине, добычи дарующей, в жертву

Поднял горé Одиссей и молящийся громко воскликнул:
«Радуйся жертвой, Афина! к тебе мы всегда на Олимпе
К первой взываем, бессмертных моля! Но еще, о богиня,
Нас предводи ты к мужам и к коням, на ночлеги фракиян!»

465-468 Так произнес — и поднятое всё на зеленой мирике
Царь Одиссей положил и означил приметою видной,
Вкруг наломавши тростей и ветвей полнорослых мирики,
Чтобы его не минуть им, идущим под сумраком ночи.

469-473 Сами пустились вперед, чрез тела и кровавые токи.
Скоро достигли идущие крайнего стана фракиян.
Воины спали, трудом утомленные; все их доспехи
Пышные, подле же их, в три ряда в благолепном устройстве
Сложены были, и пара коней перед каждым стояла.

474-478 Рез посреди почивал, и его быстроногие кони
Подле стояли, привязаны к задней скобе колесницы.
Первый его усмотрев, Одиссей указал Диомеду:
«Вот сей муж, Диомед, и вот те самые кони,
Кони фракийские, коих означил Долон умерщвленный.

479-481 Но начинай, окажи ты ужасную силу: не время
С острым оружием праздно стоять. Иль отвязывай коней,
Или мужей побивай ты; а я постараюсь об конях».

482-484 Рек он, — и сыну Тидееву крепость вдохнула Афина:
Начал рубить он кругом; поднялися ужасные стоны
Воев, мечом поражаемых, кровью земля закраснела.

485-487 Словно как лев, на стадо бесстражное коз или агниц
Ночью набредши и гибель замысля, бросается быстрый, —
Так на фракийских мужей Диомед бросался могучий;

488-493 Он их двенадцать убил. Между тем Одиссей хитроумный
Каждого мужа, который мечом Диомеда зарублен,
За ногу сзади схватив, выволакивал быстро из ряду,
С мыслию той на душе, чтоб фракийские бурные кони
Вышли спокойно за ним и невольно не дрогнули б сердцем,
Прямо идя по убитым, еще не привычные к трупам.

494-497 Но Тидид наконец до царя приступает, могучий;
Реза третьегонадесять сладостной жизни лишил он.
Царь тяжело застонал: у него сновидением грозным
Ночью стоял над главой — Диомед, по совету Афины.

498-501 Тою порой Одиссей отвязывал Резовых коней;
Вместе уздами связал и из ратного толпища вывел,
Луком своим поражая, бича же блестящего в руку
Он захватить не помыслил с узорной царя колесницы.

502-506 Свистнул потом Одиссей, подавая знак Диомеду.
Тот же стоял и думал, что еще смелого сделать:
Взяв ли царя колесницу, с оружием в ней драгоценным,
Быстро за дышло увлечь, либо вынести, вверх приподнявши,
Или еще ему более душ у фракиян исторгнуть?

507-509 Думы герою сии обращавшему в сердце, Афина
Близко предстала и так провещала Тидееву сыну:
«Вспомни уже об отшествии, сын благородный Тидея!

510-514 Время к судам возвратиться, да к ним не придешь ты бегущий,
Если троянских мужей небожитель враждебный пробудит».
Так изрекла, — и постигнул он голос богини вещавшей,
Быстро вскочил на коня. Одиссей обоих погонял их
Луком, и кони летели к судам мореходным ахеян.

515-517 Тою порой соглядал не беспечно и Феб сребролукий.
Он усмотрел, что Афина сопутствует сыну Тидея,
И, негодуя, в великое войско троян устремился.

518-522 Там пробудил он фракиян советника Гиппокоона,
Резова родича храброго; с ложа он спрянул и, бледный,
Видя лишь место пустое, где быстрые кони стояли,
Вкруг на побоище свежем фракиян трепещущих видя,
Громко взрыдал и по имени кликал любезного друга.

523-525 Крик по троянскому воинству, страшная встала тревога;
Быстро сбежались толпы и делам изумлялись ужасным,
Кои враги совершили и к черным судам возвратились.

526-529 Те же, когда принеслись, где убит соглядатай троянский,
Бурных коней удержал Одиссей, бессмертным любезный;
Но Тидид, соскочив и кровавые взявши корысти,
В руки подал Одиссею и изнова прянул на коней.

530-533 Тот их ударил; но кони покорные сами летели
К сеням ахейским: туда их несло и желание сердца.
Нестор, их топот услышавши первый, вещал меж царями:
«Други любезные, воинств ахейских вожди и владыки!

534-537 Правду я или неправду, но выскажу, сердце велит мне;
Коней, стремительно скачущих, топот мне слух поражает.
Если бы сын то Лаэрта и сын дерзновенный Тидея
Так неожиданно гнали троянских коней звуконогих!

538-540 Но трепещу я, о други мои, не они ль пострадали,
Воины наши храбрейшие, в стане, встревоженном ими!»
Не была старцем кончена речь, как явились герои;

541-546 С коней на дол соскочили, и сонм аргивян восхищенный
Их привечал и руками, и сладкими окрест словами.
Первый стал их расспрашивать Нестор, конник геренский:
«Как, Одиссей знаменитый, великая слава ахеян,
Как вы коней сих добыли? Отважно ли оба проникли
В войско троянское? или вам бог даровал их представший?

547-549 Солнца лучам светозарным они совершенно подобны!
Я завсегда обращаюсь с троянами; праздно, надеюсь,
Я не стою пред судами, хотя и седой уже воин;

550-553 Но таких я коней не видал, не приметил доныне!
Бог, без сомнения, в встречу явившийся, вам даровал их:
Вас обоих одинаково любит как Зевс громовержец,
Так и Зевесова дочь, светлоокая дева Паллада!»

554-557 Сыну Нелея ответствовал царь Одиссей многоумный:
«Сын знаменитый Нелея, великая слава ахеян!
Богу, когда соизволит, и лучших, чем видите, коней,
Верно, легко даровать: божества беспредельно могущи!

558-560 Эти ж, старец почтенный, вновь пришлые в стане троянском
Кони фракийцев; у них и царя Диомед наш могучий
Смерти предал, и двенадцать сподвижников, всё знаменитых!

561-563 Но тринадцатый нами убит, при судах, соглядатай,
Коего высмотреть ночью великое воинство наше
Ныне же Гектор послал и другие сановники Трои».

564-569 Так говорящий, за ров перегнал он коней звуконогих,
Радостно-гордый, толпой окруженный веселых данаев.
Скоро герои, пришед к Диомедовой куще красивой,
Коней ремнями искусно разрезанных узд привязали
К конским яслям, где и другие царя Диомеда
Бурные кони стояли, питаяся сладкой пшеницей.

570-573 Но Лаэртид на корабль доспех Долонов кровавый
Взнес, пока не устроится жертва Палладе богине.
Сами же тою порой, погрузившися в волны морские,
Пот и прах смывали на голенях, вые и бедрах;

574-576 И, когда уже всё от жестокого пота морскою
Влагой очистили тело и сердце свое освежили,
Оба еще омывались в красивоотесанных мойнах.

577-579 Так омывшись они, умащенные светлым елеем,
Сели с друзьями за пир; и из чаши великой Афине,
Полными кубками, сладостней меда вино возливали.

Une Sacra · издание 1 · unesacra.com · CC BY-NC-SA 4.0

ПЕСНЬ XI

✦

1-4 Рано, едва лишь Денница Тифона прекрасного ложе
Бросила, свет вожделенный неся и бессмертным и смертным,
Зевс Вражду ниспослал к кораблям быстролетным ахеян,
Грозную вестницу, знаменье брани несущую в дланях.

5-9 Стала Вражда на огромнейший черный корабль Одиссея,
Бывший в средине, да крики ее обоюдно услышат
В стане далеком Аякса и в стане царя Ахиллеса,
Кои на самых концах с многовеслыми их кораблями
Стали, надежные оба на силу их рук и на храбрость.

10-14 Там возвышаясь, богиня воскликнула мощно и страшно,
Крик обращая к ахейцам; и каждому в сердце вдохнула
Бурную силу без устали вновь воевать и сражаться:
Всем во мгновенье война им кровавая — сладостней стала,
Чем на судах возвращенье в любезную землю родную.

15-18 Громко кричал и Атрид, препоясаться в брань возбуждая
Воев аргивских, и сам покрывался блистательной медью.
Прежде всего положил на могучие ноги поножи,
Пышные, кои серебряной плотно смыкались наглезной.

19-22 После вкруг персей герой надевал знаменитые латы,
Кои когда-то Кинирас ему подарил на гостинец:
Ибо до Кипра достигла великая молвь, что ахейцы
Ратью на землю троянскую плыть кораблями решились;

23-25 В оные дни подарил он Атриду, царю угождая.
В латах сих десять полос простиралися ворони черной,
Олова белого двадцать, двенадцать блестящего злата;

26-28 Сизые змеи по ним воздымалися кверху, до выи,
По три с боков их, подобные радугам, кои Кронион
Зевс утверждает на облаке, в дивное знаменье смертным.

29-31 Меч он набросил на рамо: кругом по его рукояти
Гвозди сверкали златые; влагалище мечное окрест
Было серебряное и держалось ремнями златыми.

32-35 Поднял, всего покрывающий, бурный свой щит велелепный,
Весь изукрашенный: десять кругом его ободов медных,
Двадцать вдоль его было сияющих блях оловянных,
Белых; в средине ж одна воздымалася — черная воронь;

36-40 Там Горгона свирепообразная щит повершала,
Страшно глядящая, окрест которой и Ужас и Бегство.
Сребряный был под щитом сим ремень; и по нем протяженный
Сизый дракон извивался ужасный; главы у дракона
Три, меж собою сплетясь, от одной воздымалися выи.

41-46 Шлем возложил на главу изукрашенный, четверобляшный,
С конскою гривой, и страшный поверх его гребень качался.
Крепкие два захватил копия, повершенные медью,
Острые, медь от которых далеко, до самого неба,
Ярко сияла. И грянули свыше Паллада и Гера,
Чествуя сына Атрея, царя многозлатой Микены.

47-50 Каждый тогда из мужей своему заповедал вознице
Коней устроить в ряды и пред рвом их держать неотступно.
Сами же пешие, в медных доспехах, с оружием в дланях,
Реяли быстрые; шум неумолкный восстал до рассвета.

51-55 Конных они упредив, перед рвом построились к бою;
Конные одаль за ними текли; и смятение злое
Зевс промыслитель в толпах их воздвиг, и с высот, из эфира
Росу послал, растворенную кровью; зане обрекал он
Многие храбрых главы ниспослать в обитель Аида.

56-60 Трои сыны ополчались, заняв возвышение поля,
Окрест великого Гектора, Полидамаса героя,
Окрест Энея, который, как бог, почитался народом,
Трех Антенора сынов, Агенора героя, Полиба
И Акамаса младого, подобного жителю неба.

61-66 Гектор герой между первыми щит обращал круговидный.
Словно звезда вредоносная, то из-за туч появляясь,
Временем блещет, временем кроется в черные тучи, —
Так Приамид, воеводствуя, то меж передних являлся,
То между задних, к сражению строя; под пламенной медью
Весь он светился, как молния грома метателя Зевса.

67-71 Воины так, как жнецы, устрояся друг против друга
Жать ячмень иль пшеницу на ниве богатого мужа,
В встречу бегут полосою, ручни на ручни упадают, —
Так соступившиесь воины, друг против друга бросаясь,
Бились: ни те, ни другие о низком не мыслили бегстве;

72-74 С рвением равным главы на сраженье несли и, как волки,
В битве ярились. Вражда веселилась, виновница бедствий,
Токмо одна от бессмертных при страшной присутствуя сече.

75-77 Боги другие от брани давно удалились; спокойно
В светлых своих воссидели жилищах, где каждому богу
Дом велелепный воздвигнут, по горным уступам Олимпа.

78-83 Все же они порицали гонителя облаков Зевса,
Трои сынам даровать возжелавшего славу победы.
Но не внимал им владыка Олимпа; от всех уклоняся,
Он одинокий сидел в отдалении, радостно гордый,
Град созерцая троян, корабли чернооких данаев,
Меди сияние, брань, и губящих мужей, и губимых.

84-93 Долго, как длилося утро и день возрастал светоносный,
Стрелы и тех и других поражали, и падали вои.
В час же, как муж дровосек начинает обед свой готовить,
Сев под горою тенистой, когда уже руки насытил,
Лес повергая высокий, и томность на душу находит,
Чувства ж его обымает алкание сладостной пищи, —
В час сей ахеяне силой своей разорвали фаланги,
Крикнувши разом дружина к дружине; вперед Агамемнон
Ринулся первый и свергнул владыку мужей Бианора,
Свергнул и друга его — Оилея, гонителя коней.

94-98 Он, с колесницы ниспрянувши, противостал Атрейону,
И в чело устремленного острым копьем Агамемнон
Грянул, копья не сдержал ни шелом его меднотяжелый:

Быстро сквозь медь и сквозь кость пролетело и, в череп ворвавшись,
С кровью смесило весь мозг и смирило его в нападенье.

99-106 Бросил сраженных во прахе владыка мужей Агамемнон,
Персями белыми блещущих: он обнажил их доспехи,
Сам устремился на Иза и Антифа, свергнуть пылая
Двух Приамидов (побочный один, а последний законный),
Бывших в одной колеснице: побочный правил конями,
Антиф же стоя воинствовал храбрый; некогда их же,
Пасших овец, Ахиллес, изловив при подошвах идейских,
Ветвями гибкими пленных связал, но избавил за выкуп.

107-109 Ныне Атрид их, пространновластительный царь Агамемнон,
Первого в грудь близ сосца поразил длиннотенною пикой;
Антифа ж в ухо мечом огромил и сразил с колесницы.

110-112 Спешно с поверженных он совлекал прекрасные брони,
Вспомнивши юношей: прежде он их пред судами ахеян
Видел, как с Иды плененных привел Ахиллес благородный.

113-115 Словно как лев быстроногия лани детей беспомощных,
Если придет к логовищу, схвативши в ужасные зубы,
Вдруг сокрушает с костями и юную жизнь похищает;

116-121 Мать, как ни близко стоит у детей, но помочь им не может;
Сердце у ней у самой обымает насильственный трепет;
Быстрая, скачет сквозь частый кустарник, сквозь темные рощи,
Пот проливая, бежит от неистовства мощного зверя, —
Так Приамидам никто из троян при погибели грозной
Помощи не дал; они пред ахейцами сами бежали.

122-125 Вслед он Пизандра и пылкого в битвах постиг Гипполоха,
Братьев, сынов Антимаха, который, приняв от Париса
Злато, блистательный дар, на советах всегда прекословил
Всем предлагающим выдать Елену царю Менелаю.

126-128 Мужа сего двух сынов изловил Агамемнон могучий,
Бывших в одной колеснице и вместе коней укрощавших;
Ибо из дланей у них убежали блестящие вожжи;

129-131 Оба смутились они, и на них, как лев, устремился
Царь Агамемнон. Они с колесницы к нему возопили:
«Даруй нам жизнь, о Атрид! И получишь ты выкуп достойный.

132-135 Много в дому Антимаха лежит драгоценностей в доме;
Много и меди, и злата, и хитрых изделий железа.
С радостью выдаст тебе неисчислимый выкуп родитель,
Если услышит, что живы мы оба, в плену у данаев».

136-142 Так вопиющие оба, царя преклоняли на жалость
Ласковой речью; но голос не ласковый слух поразил им:
«Если вы оба сыны Антимаха, враждебного мужа,
Что на сонме троянам совет подавал Менелая,
В Трою послом приходившего с мудрым Лаэртовым сыном,
Там умертвить, а обратно его не пускать к аргивянам, —
Се вам достойная мзда за презренную злобу отцову!»

143-146 Рек — и могучим ударом Пизандра сразил с колесницы.
В грудь он копьем пораженный, ударился тылом о землю.
Спрянул с коней Гипполох; и его низложил он на землю,
Руки мечом отрубивши и голову с выей отсекши;

147-149 И, как ступа, им толкнутый, труп покатился меж толпищ.
Бросив сраженных, туда, где сильнее толпились фаланги,
Ринулся он, и за ним меднобронные мужи ахейцы.

150-154 Пешие пеших разят, предающихся бегству неволей,
Конные конных (от них заклубилося облако праха
С поля, взвиваясь ногами гремящих копытами коней),
Медью друг друга сражают; но мощный Атрид непрестанно
Гнал, поражая бегущих и криком своих ободряя.

155-162 Словно как хищный огонь на нерубленый лес нападает;
Вихорь крутящийся окрест разносит его, и из корней
С треском древа упадают, крушимые огненной бурей, —
Так под руками героя Атрида главы упадали
В бег обращенных троян; крутовыйные многие кони
С громом по бранным путям колесницы носили пустые,
Славных ища их возниц, а они по долине лежали
Бледные, коршунам больше приятные, чем их супругам.

163-165 Гектора ж Зевс промыслитель от стрел удалил и от праха,
Вне пораженья поставил, и крови, и бурной тревоги.
Но Агамемнон преследовал, мощно своих возбуждая.

166-169 Толпища мимо кургана Дарданского древнего Ила
Полем, нестройные, мимо смоковницы дикой бежали,
Сердцем летящие в град; неотступно преследовал с криком
Царь Агамемнон и кровью багрил необорные руки.

170-178 Но, приближася к дубу и к Скейским воротам, трояне
Там удержались и, став, ожидали последних бегущих.
Те же еще по долине как робкие бегали кравы,
Если их лев распугает, пришедший в глубокую полночь,
Всех; но единой из них предстоит ужасная гибель:
Выю он вдруг ей крушит, захвативши в могучие зубы,
После и кровь, и горячую внутренность всю поглощает, —
Так их бегущих преследовал мощный Атрид, непрестанно
Мужа последнего пикой сражая; бежали трояне.

179-188 Многие ниц и хребтом упадали, сраженные с коней
Дланью Атридовой: так впереди он свирепствовал пикой.
Но когда, побеждая, под град и высокую стену
Он приближался, в то время отец и бессмертных и смертных,
Зевс, на превыспреннем холме обильной потоками Иды,
С неба нисшедший, воссел; и держал он перуны в деснице:
И к посланнице быстрой вещал, златокрылой Ириде:
«Шествуй, посланница быстрая, Гектору слово поведай:
Дондеже зрит он, что пастырь народа Атрид Агамемнон,
Между передних свирепствуя, губит ряды брагоносцев,

189-194 Пусть от него уклоняется, токмо других ободряя
Храбро с мужами враждебными ратовать в битве жестокой.
Но когда копием иль троянской стрелой пораженный,
Бросится он в колесницу, пошлю я Гектору крепость:
Будет разить он, доколе дойдет к кораблям быстролетным,
И закатится солнце, и мраки священные снидут».

195-198 Рек; повинуется быстрая, равная вихрям Ирида;
С Иды горы устремляется к Трое, священному граду;
Там Приамида героя, великого Гектора видит,
В сонме дружин на конях, в колеснице стоящего светлой;

199-205 Став перед ним, провещает подобная вихрям Ирида:
«Гектор, Приамова отрасль, равный советами Зевсу!
Зевс посылает меня, да тебе изреку его слово:
Дондеже зришь ты, что пастырь народа Атрид Агамемнон,
Между передних свирепствуя, губит ряды ратоборцев,
Сам от него уклоняйся и токмо других ободряй ты
Храбро с мужами враждебными ратовать в битве жестокой.

206-209 Но когда копием иль троянской стрелой пораженный,
Бросится он в колесницу, тебе ниспошлет он могучесть:
Будешь разить ты, доколе дойдешь к кораблям быстролетным,
И закатится солнце, и мраки священные снидут».

210-213 Так говоря, отлетела подобная вихрям Ирида.
Гектор герой с колесницы с оружием прянул на землю;
Острые копья колебля, кругом обходил ополченья,
В бой распаляя сердца; и возжег он ужасную сечу.

214-217 Вспять обратились трояне и стали в лицо аргивянам,
Аргоса вои с противной страны укрепили фаланги.
Битва восставлена; стали навстречу; и царь Агамемнон
Ринулся первый: пылал и в передних он первым сражаться.

218-222 Ныне поведайте, Музы, живущие в сенях Олимпа,
Кто Агамемнону противостал на сражение первый
Между троян конеборственных или союзников славных? —
Сын Антеноров, герой Ифидамас, огромный и сильный,
В Фракии холмной воспитанный, матери стад руноносных.

223-227 Там Антенорова сына Киссей воспитал с колыбели,
Дед знаменитый его, белоногой Феаны родитель.
Но когда он достигнул возраста юности славной,
Дед, удержавши его, сочетал с ним дочь. Новобрачный,
Вдруг из чертога он брачного славой ахеян увлекся;

228-230 В черных двенадцати быстрых судах полетел к Илиону;
Но, суда многоместные в граде Перкоте оставив,
Пеший с дружиной пошел и вступил в илионские стены.

231-233 Он Агамемнону противостал на сражение первый. —
Чуть соступилися оба, идущие друг против друга,
Ринул Атрид и прокинул: оружие мимо промчалось.

234-237 Но Ифидамас средь запона, ниже сияющей брони,
Пику вонзил и на древко налег, уповая на силу.
Тщетно герой напрягался пронзить изукрашенный пояс:
Первое встретив сребро, как свинец, изогнулося жало.

238-240 Древко, рукой охватив, повелитель мужей Агамемнон
Мощно повлек, разъяренный, как лев, и из рук сопостата
Вырвал; его же по вые мечом поразил и низвергнул.

241-245 Там, по земле распростершися, сном засыпает он медным
Бедный, друзей защищавший, далеко от верной супруги
Юной, от коей и ласк не приял, но дарами осыпал:
Сто ей волов сперва даровал и еще обещал он
Тысячу коз и овец из стад у него неисчетных.

246-250 Ныне ж его Агамемнон во прахе нагого оставил
И понес меж толпами доспех пораженного пышный.
Скоро Атрида увидел Коон, знаменитый воитель,
Сын Антеноров старейший, и сердца глубокая горесть
Очи ему помрачила при виде простертого брата.

251-254 Стал в стороне он с копьем, неприметный герою Атриду;
Быстро ударил и в руку его поразил возле локтя:
Руку насквозь прокололо копейное яркое жало,
И содрогся от страха владыка мужей Агамемнон;

255-258 Брани ж и боя герой не оставил и так; на Коона
Ринулся грозный, колебля копье, возращенное бурей.
Он же тогда Ифидамаса, милого брата родного,
Пламенно за ногу влек, призывающий храбрых на помощь.

259-261 Влекшего тело его, под огромным щитом, Агамемнон
Сулицей медяножальной ударил и силы разрушил,
И на братнем трупе главу с него ссек налетевший.

262-266 Так Антенора сыны, под руками Атрида героя
Участь свою совершив, погрузились в обитель Аида.
Он же, могучий, другие ряды обходил ратоборцев,

Их и копьем, и мечом, и огромными камнями бьющий,
Кровь покуда горячую свежая рана струила.

267-272 Но лишь рана засохла и черная кровь унялася,
Боли мучительно-острые в душу Атрида вступили.
Словно как мать при родах раздирают жестокие стрелы,
Острые, кои вонзают Илифии, Герины дщери,
Женам родящим присущие, мук их владычицы горьких, —
Столько же острые боли вступили в Атридову душу.

273-276 Он, в колесницу вскоча, повелел своему браздодержцу
Коней к судам устремить мореходным; и сердцем терзаясь,
Крик он, кругом раздающийся, поднял, к ахеям взывая:
«Други, вожди и правители мудрые храбрых данаев!

277-279 Вы отражайте теперь от ахейских судов мореходных
Тяжкую битву; а мне не позволил Кронид промыслитель
Ратовать целый сей день с вероломными чадами Трои».

280-283 Так произнес, — и бичом браздодержец коней пышногривых
К черным погнал кораблям, и послушные кони летели;
Пену по персям клубя и кругом осыпаяся прахом,
С бранного поля несли удрученного язвой владыку.

284-286 Гектор, едва усмотрел уходящего с битвы Атрида,
Голосом звучным вскричал, возбуждая троян и ликиян:
«Трои сыны, и ликийцы, и вы, рукопашцы дарданцы!

287-290 Будьте мужами, друзья, и вспомните бурную храбрость!
С боя уходит храбрейший, и мне знаменитую славу
Зевс посылает; направьте, трояне, коней звуконогих

Прямо на гордых данаев, стяжайте высокую славу!»

291-295 Так восклицая, возжег он и силу и мужество в каждом.
Словно как ловчий испытанный псов белозубых станицу
В лов раздражает на льва иль на дикого вепря лесного,
Так на аргивских мужей троян раздражал крепкодушных
Гектор герой, человеков губителю равный Арею;

296-298 Сам же он, гордо мечтающий, первый пред ратью идущий,
В битву влетел, как высококрутящийся вихорь могучий,
Свыше который обрушась, весь понт черноводный волнует.

299-306 Кто же был первый и кто был последний, которых низвергнул
Гектор герой, как победу ему даровал Олимпиец?
Первый Ассей, и вослед Автоной, и Опид брановоносный,
Клития отрасль Долоп, Агелай, и могучий Офелтий,
Ор и отважный Эзимн, и Гиппоной, пламенный в битвах:
Сих поразил он ахейских вождей именитых, а ратных
Множество: словно как Зефир на облаки облаки гонит,
Хладного Нота порывами бурными их поражая;

307-309 Волны, холмясь, беспрестанно крутятся, и пена высоко
Брызжет, взрываясь порывами многостороннего ветра, —
Так беспрестанно от Гектора падали головы ратных.

310-313 Гибель была б, совершилось бы тут невозвратное дело,
Верно, упали б в суда отраженные рати ахеян,
Если б Тидида на бой не призвал Одиссей прозорливый:
«Что, Диомед, мы стоим и забыли воинскую доблесть?

314-319 Шествуй сюда ты и стань близ меня: нестерпимый позор нам,
Если у нас корабли завоюет божественный Гектор!»
Сыну Лаэрта в ответ говорил Диомед нестрашимый:
«Стану, о друг, я и здесь устою; но пользы немного
Будет от нашего мужества: Зевс, потрясатель эгида,
Больше троянам, чем нам, даровать одоление хочет!»

320-322 Так произнес — и Фимбрея сразил с колесницы на землю,
В грудь у сосца поразивши копьем; Одиссей же могучий
Богу подобного сверг Молиона, клеврета царева.

323-327 В прахе оставили сих, успокоенных ими от брани;
Сами ж, толпу проходя, волновали ее и, как вепри
Вдруг на псов, их гонящих, гордые мечутся сами, —
Так, обратяся, они истребляли троян, а данаи
Радостно все отдыхали от бегства пред Гектором грозным.

328-332 Тут колесницу они и могучих мужей изловили,
Двух сынов перкозийца Меропа, который славнейший
Был предсказатель судьбы и сынам не давал позволенья
К брани погибельной в Трою идти; не послушали дети
Старца родителя: рок увлекал их к погибели черной.

333-335 Их обоих Тидейон Диомед, знаменитый копейщик,
Душу и жизнь сокрушил и прекрасные сбруи похитил.
Царь Одиссей Гипподама сразил и вождя Гипероха.

336-340 Тут в равновесии бой распростер меж народов Кронион,
С Иды взиравший на брань, и они поражали друг друга.
Мощный Тидид копием уязвил в бедро Агастрофа,

Сына Пеонова храброго: коней при нем, чтоб избегнуть,
Не было близко; так Пеонид омрачился душою.

341-344 Их возница держал в отдалении; сам же он пеший
Рыскал меж сонмов передних, пока погубил свою душу.
Гектор героев узрел сквозь ряды и на них устремился
С криком свирепым; за ним и троян полетели фаланги.

345-347 Сердцем смутился, увидев его, Диомед благородный
И мгновенно воззвал к близ стоящему сыну Лаэрта:
«Гибель крутится на нас, шлемоблещущий Гектор могучий!

348-353 Но останемся здесь, отразим ее, противуставши!»
Рек он — и, мощно сотрясши, послал длиннотенную пику.
И улучил, без ошибки уметил в главу Приамида,
В верх коневласого шлема; но медь отскочила от меди:
К белому телу коснуться шелом возбранил дыроокий,
Крепкий, тройной, на защиту герою дарованный Фебом.

354-356 Гектор далеко отпрянул назад и, смесившись с толпою,
Пал на колено; могучей рукой упираяся в землю,
Томный поникнул; и взор ему черная ночь осенила.

357-360 Но пока Диомед за копьем, пролетевшим далеко,
Шел сквозь ряды первоборные, где оно в землю вонзилось, —
Гектор с духом собрался и, бросившись вновь в колесницу,
К дружним толпам поскакал и избегнул гибели черной.

361-363 С пикой преследуя, громко вскричал Диомед нестрашимый:
«Снова ты смерти, о пес, избежал! Над твоей головою
Гибель летела, и снова избавлен ты Фебом могучим.

364-366 Феба обык ты молить, выходя на свистящие стрелы!
Но убив тебя, я разделаюсь, встретившись после,
Если и мне меж богов-небожителей есть покровитель!

367-372 Ныне пойду на других и повергну, которых постигну!»
Рек — и с Пеонова сына доспехи совлечь наклонился.
Тою порой Александр, супруг лепокудрой Елены,
Скрывшись за столб гробовой на могиле усопшего мужа,
Ила, Дарданова сына, почтенного в древности старца,
Лук наляцал на Тидеева сына, владыку народа;

373-380 И как тот, наклонясь, обнажал Агастрофа героя:
Щит от рамен, испещренные латы от персей и тяжкий
Шлем от главы, — Александр, рукоятие лука напрягши,
Мечет стрелу, и не тщетно она из руки излетела:
Ранил в десную пяту, и стрела, пробежав сквозь подошву,
В землю вонзилась. Парис, торжествующий с радостным смехом
Вдруг из засады подпрянул и, гордый победой, воскликнул:
«Ты поражен! и моя не напрасно стрела полетела!

381-383 Если б в утробу тебе угодил я и душу исторгнул!
Сколько-нибудь отдохнули б от бед обитатели Трои,
Коих страшишь ты, как лев истребительный агнцев блеющих!»

384-387 И ему, не робея, Тидид отвечал благородный:
«Подлый стрелец, лишь кудрями гордящийся, дев соглядатай!
Если б противу меня испытал ты оружий открыто,
Лук не помог бы тебе, ни крылатые частые стрелы!

388-390 Ты, у меня лишь пяту оцарапавши, столько гордишься;
Мне же ничто! как бы дева ударила или ребенок!
Так тупа стрела ничтожного, слабого мужа!

391-395 Иначе мчится моя: лишь враждебного тела достигнет,
Острой влетает стрелой, — и пронзенный лежит бездыханен!
И мгновенно вдова его в грусти терзает ланиты,
Дети в дому сиротеют, и сам он, кровавящий землю,
Тлеет, и вкруг его тела не жены, а птицы толпятся!»

396-398 Так он вещал, — и, к нему приступив, Одиссей копьеборец
Стал впереди; Диомед же, присев, из ноги прободенной
Вырвал стрелу, и по телу жестокая боль пробежала.

399-402 Он, в колесницу вскочив, повелел своему браздодержцу
Коней к судам устремить мореходным: терзалось в нем сердце.
Тут Одиссей копьеборец покинут один; из ахеян
С ним никто не остался: всех рассеял их ужас.

403-406 Он, вздохнув, говорил к своему благородному сердцу:
«Горе! что будет со мною? позор, коль, толпы устрашася,
Я убегу; но и горше того, коль толпою постигнут
Буду один я: других аргивян громовержец рассыпал.

407-410 Но почто мою душу волнуют подобные думы?
Знаю, что подлый один отступает бесчестно из боя!
Кто на боях благороден душой, без сомнения, должен
Храбро стоять, поражают его или он поражает!»

411-413 Тою порою, как думы сии обращал он на сердце,
Быстро троянцев ряды приступили к нему щитоносцев
И сомкнулись кругом, меж себя заключая их гибель.

414-416 Словно как вепря и быстрые псы, и ловцы молодые
Вдруг окружают, а он из дремучего леса выходит
Грозный, в искривленных челюстях белый свой клык изощряя;

417-421 Ловчие вкруг нападают; стучит он ужасно зубами,
Гордый зверь; но стоят звероловцы, как он ни грозен, —
Так на любимца богов Одиссея кругом нападали
Мужи троянские; он отбивался, и острою пикой
Первого ранил в поверхность плеча Дейопита героя;

422-425 После, Фоона и Эннома друг возле друга низринув,
Он Херсидама троянца, когда с колесницы тот прядал,
В чрево блестящим дротом, под щитом его выпуклобляшным,
Ранил; во прахе простершись, руками хватает он землю.

426-430 Сих он оставил и вслед поразил Гиппасида Харона,
Милого брата рождением славного Сока героя.
В помощь ему устремившися, Сок, небожителю равный,
Быстро и близко предстал и к Лаэртову сыну воскликнул:
«Царь Одиссей! неистомный в трудах, неоскудный в коварствах!

431-433 Днесь — или ты над двумя Гиппасидами будешь гордиться,
Свергнув мужей таковых и доспех их блестящий похитив,
Или, копьем ты моим ниспроверженный, душу погубишь!»

434-438 Рек он — и пикой в размах поразил по щиту Одиссея:
Щит светозарный насквозь пробежала могучая пика,
Броню, художеством пышную, быстро пронзила и кожу
Всю отделила от ребр Одиссеевых; но запретила
Меди Паллада Афина касаться утробы героя.

439-441 И, познав Одиссей, что стрелой не смертельной постигнут,
Мало назад отступил и к Гиппасову сыну воскликнул:
«Нет, злополучный, тебя постигает жестокая гибель!

442-445 Ты воспрепятствовал мне с фригиянами ныне сражаться;
Я же тебе предвещаю убийство и черную гибель:
Здесь и теперь же моим копием ты поверженный, славу
Даруешь мне, и Аиду, конями гордящимусь, душу!»

446-448 Рек он, — и Сок, от него обратившися, в бег устремился;
И ему обращенному пику в хребет углубил он
Между рамен и насквозь через перси широкие выгнал.

449-451 С шумом он грянулся в прах, и вскричал Одиссей, торжествуя:
«Сок, о воинственный сын укротителя коней Гиппаса!
Смертная участь постигла тебя, от нее не избег ты!

452-454 Ах, злополучный! тебе ни отец, ни почтенная матерь
Темных очей не закроют умершему; хищные птицы
Скоро тебя разорвут, поражая густыми крылами!

455-457 Мне же, умершему, честь воздадут аргивяне герои!»
Так восклицающий, Сока могучего бурную пику
Вырвал из язвы своей и щита Одиссей благородный;

458-460 Вслед за оружием хлынула кровь, и душа затомилась.
Мужи троянские только увидели кровь Одиссея,
Крикнув друг другу в толпе, на единого все устремились.

461-463 Он же от них отступал и друзей призывал, восклицая.
Трижды вскричал Одиссей, как смогла голова человека;
Трижды послышал сей крик Менелай, копьеборец могучий.

464-468 Быстро Атрид возгласил к находившемусь близко Аяксу:
«О Теламонид, Аякс благородный, властитель народа!
Крик Одиссея героя ко мне достигает призывный,
Крику подобный, как будто его одного угнетают
Боем трояне, отрезав от всех на побоище страшном.

469-471 Друг, устремимся в толпу: защитить Одиссея нам должно!
Я трепещу, да один меж троянами он не постраждет,
Как ни отважен; великая скорбь поразила б ахеян!»

472-477 Рек, — и грядет он, сопутствуем мужем, бессмертному равным.
Скоро они Одиссея узрели: толпою ходили
Окрест героя враги, как меж гор кровожадные волки
Окрест еленя рогатого, коего муж звероловец
Ранил из лука стрелой; от него избежал быстроногий,
Мчася, доколе вращались горячая кровь и колена;

478-480 Но когда его мощь одолела стрела роковая,
Хищные волки его, между гор растерзав, пожирают
В мрачной дубраве, и льва истребителя демон приводит;

481-484 Волки кругом рассыпаются; добычу лев пожирает, —
Так вокруг Одиссея, искусного в битвах, ходили
Мужи троянские, многие, сильные, он же, бесстрашный,
Вкруг обращаясь, копьем отражал роковую годину.

485-488 Сын Теламонов приближился, щит, как башню, несущий;
Стал перед ним, и трояне рассыпались друг перед другом.
За руку взявши его, из толпы выводил благородный
Царь Менелай, пока не предстал с колесницей возница.

489-491 Бурный Аякс, на троян опрокинувшись, ранил Дорикла,
Сына Приама побочного; там же он Пандока свергнул,
Свергнул, кругом нападая, Лизандра, Пираза, Пиларта.

492-501 Словно река наводненная в поле незапная хлынет,
Бурно упавшая с гор, отягченная Зевсовым ливнем;
Многие дубы иссохшие, многие древние сосны
Мчит и, крутящаясь, ил свой взволнованный в море бросает, —
Так устремился и всё взволновал Теламонид могучий,
Коней разя и мужей. Но погибельной смуты не ведал
Гектор; на левом конце он пылающей брани сражался,
Вдоль по брегу Скамандра пучинного, где наиболе
Падали головы ратных, и бранные клики гремели
Около Нестора старца и сильного Идоменея.

502-507 Гектор меж ними вращался могучий и грозное деял:
Пикой и бурной ездой сокрушал он фаланги данаев.
Но не оставили б поля данайские храбрые рати,

Если б герой Александр, супруг лепокудрой Елены,
Битвы прервать не принудил Махаона, храброго мужа,
В правое рамо его поразив троежальной стрелою.

508-511 Все за него ужаснулись пылавшие бранью данаи,
Чтобы его, при несчастливой битве, враги не сразили.
Идоменей к знаменитому Нестору первый воскликнул:
«Нестор Нелид, о великая слава ахейских народов!

512-515 Стань в колесницу немедленно; пусть и почтенный Махаон
Станет с тобой; и гони к кораблям ты коней быстроногих.
Опытный врач драгоценнее многих других человеков,
Зная вырезывать стрелы и язвы целить врачевствами».

516-518 Рек, — и ему не противился Нестор, конник геренский;
Скоро взошел и предстал с колесницей; в нее и Махаон
Быстро взошел, врача превосходного сын знаменитый.

519-525 Старец стегнул по коням, и охотно они полетели
К кущам ахейским: туда их несло и желание сердца.
Тою порой Кебрион, Приамидов сподвижник-возница,
Рати троянской смятенье увидел и молвил герою:
«Гектор! тогда как мы здесь подвизаемся между данаев,
Здесь, на конце истребительной брани, — взгляни ты, другие
Наши волнуются рати; смесились и кони и вои.

526-530 Их Теламонид волнует Аякс; узнаю ратоводца:
Носит на раме огромный он щит. Но туда мы и сами
Бурных коней обратим с колесницею; там наипаче

Толпища пеших и конных, с ужасным свирепством сшибаясь,
Режутся между собою, и крик их гремит неумолкный!»

531-539 Так Кебрион произнесши, коней пышногривых ударил
Звонким бичом, и ударам возницы послушные кони
Быстро меж ратных рядов с колесницею легкой летели,
Трупы топча, и щиты, и шеломы: забрызгалась кровью
Снизу медяная ось и сверху скоба колесницы,
В кои от конских копыт и от ободов бурных хлестали
Брызги кровавые, — так Приамид поспешал погрузиться
В сонмы мужей и, нагрянув, расторгнуть их! Страшную смуту
Он меж данаев воздвигнул и редко с копьем расставался.

540-543 Он и другие ряды обходил ратоборцев ахейских,
Их и копьем, и мечом, и огромными камнями бьющий;
Но с Аяксом борьбы избегал, с Теламоновым сыном:
Зевс раздражился бы, если б он с мужем сильнейшим сразился.

544-547 Зевс же, владыка превыспренний, страх ниспослал на Аякса:
Стал он смущенный и, щит свой назад семикожный забросив,
Вспять отступал, меж толпою враждебных, как зверь, озираясь,
Вкруг обращаясь, тихо колено коленом сменяя.

548-557 Словно как гордого льва от загона волов тяжконогих
Гонят сердитые псы и отважные мужи селяне;
Зверю они не дающие тука от стад их похитить,
Целую ночь стерегут их, а он, насладиться им жадный,
Мечется прямо, но тщетно ярится: из рук дерзновенных
С шумом летят, устремленному в сретенье, частые копья,

Главни горящие; их устрашается он и свирепый,
И со светом Зари удаляется, сердцем печальный, —
Так Теламонид, печальный душой, негодующий сильно,
Вспять отошел: о судах он ахеян тревожился страхом.

558-561 Словно осел, забредший на ниву, детей побеждает,
Медленный; много их палок на ребрах его сокрушилось;
Щиплет он, ходя, высокую пашню, а резвые дети
Палками вкруг его бьют, — но ничтожна их детская сила;

562-565 Только тогда, как насытится пашней, с трудом выгоняют, —
Так Теламонова сына, великого мужа Аякса,
Множество гордых троян и союзников их дальноземных,
Копьями в щит поражая, с побоища пламенно гнали.

566-569 Он же, герой, иногда вспомянувши бурную силу,
К ним обращался лицом и удерживал, грозный, фаланги
Конников храбрых троян; иногда обращался он в бегство,
Но дорогу им всем заграждал к кораблям быстролетным;

570-574 Часто меж двух ополчений свирепствовал сын Теламонов,
Ставши один: устремленные копья из рук дерзновенных
Многие в щит семикожный вонзались, вперед порываясь,
Многие, середь пути, не коснувшися белого тела,
В землю вонзяся, стояли, насытиться алчные телом.

575-580 Скоро Аякса увидел блистательный сын Эвемона,
Вождь Эврипил, удрученного тучей метательных копий;
Бросился, стал близ него и, сияющий ринувши дротик,

Сильного рати вождя Апизаона, Фавзова сына,
В печень под сердце пронзил и на месте сломил ему ноги,
Прянул к нему Эврипил, да похитит оружия с персей.

581-584 Но его, обнажавшего Фавзова сына, увидел
Богу подобный Парис Приамид и немедленно крепкий
Лук на него натянул и крылатой стрелою десное
Ранил бедро; сокрушилася трость и бедро отягчила.

585-587 Вспять он к дружинам своим отступил, избегающий смерти;
Крик между тем, кругом раздающийся, поднял к данаям:
«Други, вожди и правители мудрые храбрых данаев!

588-591 Станьте троянам в лицо, отразите скорей от Аякса
Пагубный день; удручен он стрелами и, мыслю, не может
Сам избежать он из сечи погибельной! В встречу враждебным
Станьте, друзья, за Аякса героя, за славу данаев!»

592-595 Так восклицал Эврипил уязвленный, и быстро данаи
Вкруг Эвемонида стали, щиты к раменам преклонивши,
Копья уставивши; к ним невредимый исшел Теламонид
И, к дружинам приближася, стал он лицом на враждебных.

596-598 Так брановосцы сражались, подобно пылающим пламам.
Нестора с поприща бранного мчали Нелеевы кони,
Пеной покрытые; с ним и Махаона, славного мужа.

599-601 Старца увидев, узнал Пелейон Ахиллес быстроногий.
В оное время герой стоял на корме корабельной,
Смотря на бранный труд и плачевное бегство ахеян;

602-604 Начал к себе призывать он любезного друга Патрокла,
Громко крича с корабля; из-под сени, услышав, он быстро
Вышел, Арею подобный, — и было то горя началом.

605-608 Первый вещал к Ахиллесу Менетиев сын благородный:
«Что, Ахиллес, призываешь меня ты и что повелишь мне?»
И, Патроклу ответствуя, рек Ахиллес быстроногий:
«О, Менетид благородный, о друг, любезнейший сердцу!

609-612 Ныне, я думаю, скоро колена мои аргивяне
Придут обнять: нестерпимая более нужда гнетет их.
Но спеши, Менетид, вопроси у Нелеева сына,
С битвы кого уязвленного старец почтенный увозит?

613-615 Сзади Махаону кажется он совершенно подобным,
Сыну Асклепия; мужа в лицо не успел я увидеть;
Мимо меня проскакали стремительно быстрые кони».

616-618 Так произнес, — и Патрокл покорился любезному другу;
Бросился быстро бежать вдоль судов мореходных и кущей.
Тою порою достигнули мужи Нелидовой кущи.

619-623 Оба сошли с колесницы на щедро-питающу землю;
Коней приняв, отрешил Эвримедон, старцев служитель,
Сами ж они на хитонах их пот прохлаждали горячий,
Став против ветра на береге моря; когда прохладились,
В сенницу оба вошли и на креслах покойных воссели.

624-627 Им Гекамеда кудрявая смесь в питие составляла,
Дочь Арсиноя, которую он получил в Тенедосе,
В день, как Пелид разорил, и которую старцу ахейцы

Сами избрали наградой: советами всех побеждал он.

628-631 Прежде сидящим поставила стол Гекамеда прекрасный,
Ярко блестящий, с подножием черным; на нем предложила
Медное блюдо со сладостным луком, в прикуску напитка,
С медом новым и ячной мукою священной;

632-635 Кубок красивый поставила, из дому взятый Нелидом,
Окрест гвоздями златыми покрытый; на нем рукояток
Было четыре высоких, и две голубицы на каждой
Будто клевали, златые; и был он внутри двоедонный.

636-640 Тяжкий сей кубок иной не легко приподнял бы с трапезы,
Полный вином; но легко подымал его старец пилосский.
В нем Гекамеда, богиням подобная, им растворила
Смесь на вине прамнийском, натерла козьего сыра
Теркою медной и ячной присыпала белой мукою.

641-643 Так уготовя напиток составленный, пить приказала.
Мужи, когда питием утолили палящую жажду,
Между собой говоря, наслаждались беседой взаимной.

644-646 Вдруг во дверях их стал Патрокл, небожителю равный.
Старец, увидев его, устремился с блистательных кресел,
За руку далее ввел и упрашивал сесть между ними;

647-651 Но Менетид отрекался и быстрой ответствовал речью:
«Нет, не година сидеть, — не преклонишь, божественный старец.
Много почтен, но и грозен пославший меня известиться,
С битвы кого пораженного вез к кораблям ты. Но мужа
Сам узнаю, Махаона я вижу, владыку народов.

652-654 С вестью обратно спешу, чтоб ее возвестить Ахиллесу.
Знаешь довольно и сам ты, божественный старец, какой он
Взметчивый муж: и невинного вовсе легко обвинит он».

655-659 Быстро ему ответствовал Нестор, конник геренский:
«Что же герой Ахиллес беспокоится так о данаях,
Медью враждебной в бою пораженных? Но знает ли все он
Горе, постигшее воинство наше! Храбрейшие мужи
В стане лежат, иль в стрельбе, или в битве пронзенные медью!

660-664 Ранен стрелою Тидид Диомед, воеватель могучий,
Ранен копьем Одиссей знаменитый, Атрид Агамемнон.
Вот и сего предводителя я из погибельной битвы
Вывез, пронзенного в рамо стрелой. Но Пелид градоборец,
Сильный Пелид об ахейских сынах не радит, не жалеет!

665-668 Может быть, ждет он, доколе суда на брегу Геллеспонта,
В битве ахеян бесплодной, под вражеским пламенем вспыхнут,
Сами ж падем мы один близ другого? Лишился я, старец,
Силы, какая, бывало, кипела в гибких сих членах!

669-674 Если бы молод я стал и могучестью крепок, как прежде,
В годы, когда возгорелася распря меж нас и элеян,
Хищников стада; когда Гипирохова мощного сына
Я поразил Итимонея, жившего в злачной Элиде,
И отбил все возмездие: стадо свое защищая,
Он поражен меж передними бурною пикой моею;

675-680 Пал, и мгновенно рассыпались сельские ратники в страхе.
Мы от элеян добычу богатую с поля погнали:
Овчих ватаг пятьдесят и столько же гуртов воловых,
Столько же стад и свиных, и бесчисленных козьих, и с ними
Конский табун захватили мы, сто пятьдесят светломастных
Всё кобылиц, и при многих прекрасные были жребята.

681-683 Всю добычу великую ночью вогнали мы в город,
В Пилос Нелеев; восхитился духом Нелей, мой родитель,
Видя, сколь много добыл я, в сражение вышедши, юный.

684-690 Вестники подняли клич, с появлением ранней Денницы
Всех призывая, кто долг лишь имел на Элиде священной.
Стекся пилосский народ, и властители мужи добычу
Всем разделяли (эпеяне многим остались должны
В дни, как, уже малолюдные, в Пилосе мы злострадали:
Нас угнетала постигшая Пилос Гераклова сила
В древние годы: защитники града храбрейшие пали.

691-694 В доме Нелея двенадцать сынов-ратоборцев нас было,
И остался один я: они до последнего пали!
Сим возгордившися, меднодоспешные мужи эпейцы
Нами ругались и многие нам умышляли злодейства).

695-701 Старец себе и волов и овец великое стадо
Взял, как возмездие, триста избравши и пастырей с стадом;
Долг бо великий и старец имел на Элиде священной:
Славных, в ристанье победных четыре коня с колесницей,

Бегом стязаться ходивших, и был предназначен треножник
Бега наградой; но их повелитель народа Авгеас
Нагло отъял и возницу, о конях печального, изгнал.

702-704 Старец Нелей, оскорбленный словами его и делами,
Много избрал для себя; остальное же отдал народу
В равный раздел: да никто от него обделен не отыдет.

705-709 Мы совершали взаимный раздел и по граду Нелея
Жертвы богам приносили. Враги же на третие утро
Силою всей, меднолатные мужи и быстрые кони,
Разом пришли; ополчилися с ними и два Молиона,
Юноши, вовсе еще не знакомые с бурною бранью.

710-712 Есть Фриоесса град, на высоком утесе лежащий,
Дальний, на бреге Алфея, кончающий Пилос песчаный.
Град сей враги кругом обступили, разрушить пылая.

713-718 Но лишь толпы их прошли подгородное поле, Афина
Вестницей нам, от Олимпа нисшедшая, ночью явилась,
Брань возвещая, и в граде пилосцев собрала не робких,
Но беспредельно пылавших сразиться. Нелей, мой родитель,
Мне запретил ополчаться и скрыл от меня колесницу,
Мысля, что я еще млад и неопытен в подвигах ратных.

719-723 Я же и так между конников наших славой покрылся,
Пеший: меня на сражение так устремила Афина. —
Есть Миниейос река, и падет она в шумное море
Близко Арены; Денницы священной мы там ожидали,
Конные вои, а пешие тою порою стекались.

724-727 С оного места, со всею мы силой, с оружием в дланях,
В полдень пришли совокупно к священному току Алфея.
Там, всемогущему Зевсу принесши избранные жертвы,
Богу Алфею тельца и тельца Посейдону заклали;

728-732 Но Афине Палладе ярмом не смиренную краву.
После воинством целым толпа близ толпы вечеряли;
И наконец опочить, но с оружием каждый, легли мы
Вдоль по брегу Алфея; а гордые духом эпейцы
Около града стояли уже и разрушить пылали.

733-735 Но предстало им прежде великое дело Арея.
Только лишь ясное солнце взошло над пространной землею,
Мы наступили на них, помоляся Афине и Зевсу.

736-740 И едва лишь пилосцы с эпейцами бой завязали,
Первый я мужа сразил и похитил коней быстроногих
Мулия воина; зять он Авгеаса был властелина,
Дщери старейшей супруг, светлокудрой жены Агамеды,
Знавшей все травы целебные, сколько земля их рождает.

741-745 Мужа сего, наступавшего, свергнул я пикою медной;
Грянулся в прах он, а я, на его колесницу вскочивши,
Между передними стал. И надменные мужи эпейцы
Друг перед другом побегли, увидев сраженного мужа,
Конных вождя, брапоносца эпеян, храбрейшего в битвах.

746-748 Я на врагов убегающих грянул, как черная буря;
Взял пятьдесят колесниц, и от каждой два ратоборца
Землю грызли зубами, сраженные пикой моею.

749-751 Я поразил бы и двух Акторидов, младых Молионов,
Если бы их не отец, многомощный земли колебатель,
Сам из сражения спас, покрывши облаком темным.

752-756 Зевс пилосским мужам даровал и победу и славу;
Мы непрестанно бегущих вдоль поля широкого гнали,
Всех истребляя и пышные их собирая доспехи,
Коней пока не пригнали в Вупрасий, обильный пшеницей,
Где Оленийский утес и курган, Алезийским зовомый.

757-760 С оного поля пилосцев назад обратила Паллада.
Там от врагов я последнего сверг, и ахейские мужи
Вспять из Вупрасия в Пилос погнали коней быстроногих,
Все прославляя Кронида в богах, в человеках Нелида.

761-763 Некогда был я таков, подвизаясь с мужами! Пелид же
Служит своею доблестью только себе! Но уверен,
Сам он сетовать будет, как воинство наше погибнет!

764-767 Друг Менетид, не тебя ль наставлял благородный Менетий
В день, как из Фтии тебя отпускал в ополченье Атрида?
Мы с Одиссеем тогда, находяся в Пелеевом доме,
Слышали в храмине всё, что вещал он, тебя наставляя.

768-770 В дом же Пелеев, богато устроенный, мы приходили,
Рать собирая на брань по ахейской земле плодоносной,
И нашли мы тогда Акторида Менетия в доме;

771-774 Там был и ты, и герой Ахиллес, а Пелей престарелый
Тучные бедра вола сожигал молнелюбцу Крониду,
Стоя в ограде двора, и, держа златоблещущий кубок,

Черное оным вино возливал на священное пламя;

775-778 Вы от закланного части готовили. Мы с Одиссеем
Стали в воротах; и бросился к нам Ахиллес удивленный,
За руки взял и в чертоги привел и, воссесть повелевши,
Нам предложил угощенье, какое гостям подобает.

779-781 И когда насладилися мы изобильной трапезой,
Речь я устроил и вас уговаривал следовать с нами;
Вы пламенели на брань, а отцы наставляли вас мудро.

782-786 Старец Пелей своему заповедовал сыну Пелиду
Тщиться других превзойти, непрестанно пылать отличиться.
Но Менетий тебе заповедовал так благородный:
— Сын мой! Пелид Ахиллес тебя знаменитее родом,
Летами старее ты, у него превосходнее сила;

787-790 Но руководствуй его убеждением, умным советом;
Дружески правь им; всегда он на доброе будет послушен. —
Так заповедовал старец, а ты забываешь. Хоть ныне
Храброму сыну Пелея решись говорить, — не вонмет ли?

791-796 Как то узнать? не успеешь ли, с богом, твоим убежденьем
Тронуть в нем сердце? сильно всегда убеждение друга.
Если ж какое пророчество душу его устрашает,
Если ему от Кронида поведала что-либо матерь, —
Пусть он отпустит тебя и с тобою в сражение вышлет
Рать мирмидонскую; может быть, светом ты будешь данаям.

797-800 Пусть он позволит тебе ополчиться оружием славным;
Может быть, в брани тебя за него принимая, трояне
Бой прекратят; а данайские воины в поле отдохнут,
Боем уже изнуренные; отдых в сражениях краток.

801-803 Вы, ополчение свежее, рать, истомленную боем,
Быстро к стенам отразите от наших судов и от кущей».
Так говорил он — и сердце Патроклово в персях подвигнул.

804-809 Он устремляется вдоль кораблей к Эакиду герою;
Но, когда к кораблям Одиссея, подобного богу,
Он приближался бегущий, где площадь и суд был народный,
И кругом алтари божествам их воздвигнуты были, —
Там Эврипил, уязвленный в сражении, с ним повстречался,
Доблестный сын Эвемона, с стрелою, в бедре углубленной.

810-812 Шел он, хромая, с побоища, пот у героя ручьями
Лился холодный с рамен и с главы, а из раны тяжелой
Брызгала черная кровь; но дух оставался в нем твердым.

813-815 Видя его, почувствовал жалость Патрокл благородный
И, сострадая, воскликнул, крылатые речи вещая:
«Ах, злополучные мужи, вожди и владыки ахеян!

816-819 Так вы должны, далеко от друзей, от отчизны любезной,
Плотию вашею белою псов насыщать илионских?
Но поведай, герой, возвести мне, о Зевсов питомец,
Рати стоят ли еще против Гектора, дивного в бранях?

820-823 Или уже упадают, его укрощенные медью?»
Быстро ему Эврипил Эвемонид ответствовал мудрый:
«Нет, благородный Патрокл, избавления нет никакого
Ратям ахейским! в суда они черные бросятся скоро!

824-826 Все, которые в воинстве были храбрейшие мужи,
В стане лежат пораженные или пронзенные в брани
Медью троян, а могущество гордых растет непрестанно;

827-831 Но спаси ты меня, проводи на корабль мой черный;
Вырежь стрелу из бедра мне, омой с него теплой водою
Черную кровь и целебными язву осыпь врачевствами,
Здравыми; их ты, вещают, узнал от Пелеева сына,
Коего Хирон учил, справедливейший всех из кентавров.

832-834 Рати ахейской врачи, Подалирий и мудрый Махаон,
Сей, как я думаю, в кущах, подобною страждущий язвой,
Сам беспомощный лежит, во враче нуждаясь искусном;

835-837 Тот же стоит еще в поле, встречая свирепство Арея».
Снова ему отвечал Менетиев сын благородный:
«Чем еще кончится дело? и что, Эвемонид, предпримем?

838-840 В стан я спешу, чтобы всё возвестить Ахиллесу герою,
Что мне приказывал Нестор, страж неусыпный ахеян.
Но тебя я в страдании здесь, Эврипил, не оставлю».

841-847 Рек, — и, под грудь подхвативши, повел он владыку народов
К сени; служитель, узрев их, тельчие кожи раскинул.
Там распростерши героя, ножом он из лядвеи жало
Вырезал горькой пернатой, омыл с нее теплой водою

Черную кровь и руками истертым корнем присыпал
Горьким, врачующим боли, который ему совершенно
Боль утоляет; и кровь унялася, и язва иссохла.

Une Sacra · издание 1 · unesacra.com · CC BY-NC-SA 4.0

ПЕСНЬ XII

✦

Так под высокою сенью Менетиев сын благородный
Рану вождя врачевал Эврипила; но битва пылала:
Бились данаи с троянами всею их ратью; и больше
Быть обороной данаям не мог уж ни ров, ни твердыня
Крепкая, та, что воздвигли судам на защиту и окрест
Рвом обвели: не почтили они гекатомбой бессмертных,
Их не молили, да в стане суда и добычи народа
Зданье блюдет. Не по воле бессмертных воздвигнуто было
Здание то, и не долго оно на земле уцелело:
Гектор доколе дышал, и Пелид бездействовал гневный,

И доколе нерушенным град возвышался Приамов,
Гордое зданье данаев, стена невредимой стояла.
Но когда как троянские в брани погибли герои,
Так и аргивские многие пали, другие спаслися,
И когда, Илион на десятое лето разрушив,
В черных судах аргивяне отплыли к отчизне любезной, —
В оное время совет Посейдаон и Феб сотворили
Стену разрушить, могущество рек на нее устремивши
Всех, что с Идейских гор изливаются в бурное море:
Реза, Кареза, Гептапора, быстрого Родия волны,

Эзипа, воды Граника, священные волны Скамандра
И Симоиса, где столько щитов и блистательных шлемов
Пало во прах и легли полубоги, могучие мужи:

Устья их всех Аполлон обратил воедино и бег их
Девять дней устремлял на твердыню; а Зевс беспрерывный
Дождь проливал, да скорее твердыня потонет в пучине.

27-29 Сам земледержец с трезубцем в руках перед бурной водою
Грозный ходил, и всё до основ рассыпал по разливу,
Бревна и камни, какие с трудом аргивяне сложили;

30-33 Всё он с землею сровнял до стремительных волн Геллеспонта;
Самый же берег великий, разрушив огромную стену,
Вновь засыпал песками и вновь обратил он все реки
В ложа, где прежде лились их прекрасно струящиесь воды.

34-39 Так Посейдаон и Феб Аполлон положили в грядущем
Вместе свершить. Между тем загоралася шумная битва
Вкруг под ахейской стеной; загремели огромные брусья
В башнях громимых. Ахейцы, бичом укрощенные Зевса,
Все при своих кораблях, заключенные в стане, держались,
Гектора силы страшась, разносителя бурного бегства.

40-42 Он же, герой, как и прежде, воинствовал, буре подобный.
Словно когда окруженный, меж псов и мужей звероловцев,
Вепрь или лев обращается быстрый, очами сверкая;

43-47 Ловчие, друг возле друга, сомкнувшися твердой стеною,
Зверю противостоят и тучами острые копья
Мечут из рук; но не робко его благородное сердце:
Он не дрожит, не бежит и бесстрашием сам себя губит:
Часто кругом обращается, ловчих ряды испытуя;

48-57 И куда он ни бросится, ловчих ряды отступают:
Так, пред толпою летающий, Гектор герой обращался,
Ров перейти убеждая дружины. Но самые кони,
Бурные кони, не смели; вздымались и храпали страшно,
Стоя над самою кручею; ров ужасал их глубокий,
Ров, к перескоку не узкий, равно к переходу не легкий:
Вдоль его скатов стремнины отрезные круто стояли
С той и другой стороны; на поверхности острые колья
Рядом по нем возвышались, огромные частые сваи,
Кои ахеяне вбили от гордых врагов обороной.

58-61 В ров сей едва ли конь с легкокатной своей колесницей
Мог бы спуститься; но пешие рвалися, им не удастся ль.
Полидамас наконец к дерзновенному Гектору вскрикнул:
«Гектор и вы, воеводы троян и союзников наших!

62-64 Мысль безрассудная — гнать через ров с колесницами коней.
Он к переходу отнюдь не удобен: по нем непрерывно
Острые колья стоят, а за ними твердыня данаев.

65-74 Нам ни спускаться в окоп сей, ни в оном сражаться не должно,
Конным бойцам: теснина там ужасная, всех переколют.
Ежели подлинно в гневе своем громовержец ахеян
Хочет вконец истребить, а троянских сынов избавляет, —
Я бы желал, чтоб над ними немедленно то совершилось,
Чтоб изгибли бесславно, вдали от Эллады, ахейцы! —
Если ж они обратятся, и храбрый отбой от судов их

Сами начнут, и нас опрокинут на ров сей глубокий, —
После, я твердо уверен, и с вестию некому будет
В Трою прийти от ахеян, в отбой на троян устремленных.

75-79 Слушайте ж, други, меня и советам моим покоритесь:
Коней оставим, и пусть пред окопом возницы их держат;
Сами же пешие, в медных доспехах, с оружием в дланях,
Силою всею пойдем мы за Гектором; рати ахеян
Нас не удержат, когда им грозит роковая погибель».

80-82 Так говорил он; и Гектор, склонясь на совет непорочный,
Быстро с своей колесницы с доспехами прянул на землю.
Тут и другие вожди перестали на конях съезжаться;

83-85 Все за божественным Гектором спрянули быстро на землю.
Каждый тогда своему наказал воевода вознице
Коней построить в ряды и у рва держать их готовых.

86-90 Сами ж они, разделяся, толпами густыми свернувшись,
На пять громад устрояся, двинулись вместе с вождями.
Гектор и Полидамас предводили громадою первой,
Множеством, храбростью страшной, и более прочих пылавшей
Стену скорее пробить и вблизи пред судами сражаться.

91-93 С ними и третий шел Кебрион, а другого близ коней,
В сонме возниц, Кебриона слабейшего, Гектор оставил.
Храбрый Парис, Алкафой и Агенор вторых предводили;

94-97 Третьих вели прорицатель Гелен, Деифоб знаменитый,
Два — Приамова сына и третий Азий бесстрашный,
Азий Гиртакид, который на конях огромных и бурных

В Трою принесся из дальней Арисбы, от вод Селлеиса.

98-104 Сонмом четвертым начальствовал сын благородный Анхизов,
Славный Эней, и при нем Акамас и Архелох, трояне,
Оба сыны Антенора, искусные в битвах различных,
Но Сарпедон предводил ополченье союзников славных,
Главка к себе приобщив и бесстрашного Астеропея:
Их обоих почитал он далеко храбрейшими многих
После себя предводителей, сам же всех превышал он.

105-107 Так изготовясь они и сомкнувшися крепко щитами,
С пламенным духом пошли на данаев; не могут, мечтали,
Противостать, но в суда мореходные бросятся к бегству.

108-113 Все тогда, как трояне, так и союзники Трои,
Полидамаса вождя покорились совету благому.
Азий один не хотел, предводитель народов Гиртакид,
Коней оставить у рва со своим возницею храбрым:
Азий на бурных конях устремлялся к судам мореходным,
Муж безрассудный! Ему не избегнуть от грозного рока;

114-117 Нет, колесницей и конями он величаяся, гордый,
Вспять от ахейских судов не воротится к Трое холмистой:
Прежде его дерзновенного участь лихая постигла
Медным копьем Девкалиона, славного Идоменея.

118-123 Мчался он влево к судам мореходным, туда, где ахейцы
С бранного поля бежали на легких своих колесницах;
Правил туда он своих быстроскачущих коней; и в башне

Там не нашел ни створенных ворот, ни огромных запоров:
Их растворенными вои держали, да каждый сподвижник,
С бранного поля бегущий, укроется в стан корабельный.

124-126 Прямо скакал он, высоко мечтающий; с ним и другие
С криком ужасным летели: ахейцы, они уповали,
Не устоят, — в корабли мореходные бросятся к бегству.

127-129 Но малоумные! В башне их встретили двое бесстрашных,
Сильные духом сыны копьеборцев могучих лапифов:
Первый герой Полипет, безбоязненный сын Пирифоя;

130-136 Воин второй Леонтей, душегубцу Арею подобный.
Оба они пред высоковздымавшеюсь башней стояли:
Словно на холмах лесистых высоковершинные дубы,
Кои и ветер и дождь, ежедневно встречая, выносят,
Толстыми в землю корнями широкоразмётными вросши, —
Так и они, на могучесть рук и на храбрость надеясь,
Мчавшегось Азия бурного ждали, незыблемо стоя.

137-142 Тою порой, как противники прямо к твердыне ахейской,
Вверх подымая щиты, подходили с воинственным криком
Вкруг повелителя Азия, вкруг Иямена, Ореста,
Азия сына Адамаса, Фоона и Эномая,
Тою порою лапифы еще меднобронных данаев,
Стоя внутри при воротах, суда боронить возбуждали.

143-152 Но лишь узрели, что прямо уже устремилась на стену
Сила троян, и ахеяне подняли крик и тревогу, —
Вылетев оба они, пред воротами начали битву,

Вепрям подобные диким, которые в горной дубраве
Ловчих и псов нападение шумное смело встречают,
В стороны быстро бросаясь, ломают кругом их кустарник,
Режут при корнях деревья, стук от клыков их ужасный
Вкруг раздается, доколе копье не исторгнет их жизни, —
Так у лапифов стучали блестящие брони на персях,
Окрест врагами разимые: пламенно бились лапифы,

153-161 Видя друзей над собой и на силы свои полагаясь.
Те же — огромные камни с высоковздымавшейся башни,
Сами себя и суда их у моря и стан защищая,
Быстро метали; как снег ослепительный падает наземь,
Если ветер порывистый, мрачные тучи колебля,
Частый его проливает на многоплодящую землю, —
Так и у них, у стрельцов, как данайских, равно и троянских,
Стрелы лилися из рук; под ударами камней огромных
Глухо гудели шеломы и круги щитов медноблящных.

162-164 Громко воскликнул и в бедра с досады ударил руками
Азий Гиртакид, и, ропчущий на небо, так говорил он:
«Зевс Олимпийский, и ты уже сделался явный лжелюбец!

165-172 Я и помыслить не мог, чтоб еще аргивяне герои
Вынесли мужество наше и рук необорную силу!
Но как пчелы они иль как пестрые, верткие осы,
Гнезда свои положив при утесистой пыльной дороге,
Дома ущельного бросить никак не хотят и, дождавшись

Хищных селян, за детей перед домом сражаются злобно, —
Так и они не хотят от ворот, невзирая, что двое,
С места податься, пока не осилят иль сами не лягут».

173-175 Так вопиял он; но воплям его не внимал громовержец:
Гектора славой украсить заботилось сердце Кронида.
Рати другие пред башней другою бились боем.

176-180 Трудно мне оное всё, как бессмертному богу, поведать!
Вдоль перед всею твердынею бой загорелся ужасный
Каменный: духом унылые, рати ахеян по нужде
Бились, суда бороня; омрачились печалью и боги,
Все ополчений ахейских поборники в брани троянской.

181-186 Стали сложася лапифы на страшную брань и убийство.
Пламенный сын Пирифоев, герой Полипет копьеносный,
Дамаса острым копьем поразил сквозь шелом меднощечный:
Шлемная медь не сдержала удара; насквозь пролетела
Медь изощренная, кость проломила и, в череп ворвавшись,
С кровью смесила весь мозг и смирила его в нападенье.

187-189 Он наконец у Пилона и Ормена души исторгнул.
Отрасль Арея, лапиф Леонтей, Антимахова сына
Там же низверг, Гиппомаха, уметив у запона пикой.

190-192 После герой, из влагалища меч свой исторгнувши острый
И сквозь толпу устремившися, первого там Антифата
Изблизи грянул мечом, и об дол он ударился тылом.

193-198 Там наконец он Иямена, Менона, воя Ореста,
Всех, одного за другим, положил на кровавую землю.
Но между тем, как они совлекали блестящие брони,
С Полидамасом и Гектором юношей полк приближался,
Множеством, храбростью страшный и более прочих пылавший
Стену ахеян пробить и огнем истребить корабли их.

199-203 Но, приближась ко рву, в нерешимости храбрые стали:
Ров перейти им пылавшим, явилася вещая птица,
Свыше летящий орел, рассекающий воинство слева,
Мчащий в когтях обагренного кровью огромного змея:
Жив еще был он, крутился и брани еще не оставил;

204-206 Взвившись назад, своего похитителя около выи
В грудь уязвил; и, растерзанный болью, на землю добычу,
Змея, отбросил орел, уронил посреди ополченья;

207-209 Сам же, крикнувши звучно, понесся по веянью ветра.
Трои сыны ужаснулись, увидевши пестрого змея,
В прахе меж ними лежащего, грозное знаменье Зевса.

210-214 Полидамас говорить дерзновенному Гектору начал:
«Гектор, всегда ты меня порицаешь, когда на советах
Я говорю справедливое: ибо никто и не должен,
Быв гражданин, говорить против истины, как на советах,
Так и в брани, одно умножая твое властелинство.

215-220 Снова, однако, скажу я вам, что почитаю полезным:
Дальше не должно идти и с данаями в стане сражаться.
Так, уповаю я, сбудется, ежели точно троянам,

Ров перейти пламенеющим, в знаменье птица явилась,
Свыше летящий орел, рассекающий воинство слева,
Мчащий покрытого кровью огромного змея живого;

221-225 Но его упустил он, гнезда своего не достигнул
И не успел, похититель, предать его детям в добычу, —
Так-то и мы, хотя и ворота и стену данаев
Силой великою сломим, хотя и уступят данаи,
Но от судов не в устройстве мы тем же путем возвратимся;

226-229 Многих оставим троян; ратоборцы ахейские многих
Медью сразят, за суда мореходные храбро сражаясь.
Так и пророк изъяснил бы, который в душе просвещенной
Ведает знамений смысл, и ему бы народ покорился».

230-232 Грозно взглянув на него, отвечал шлемоблещущий Гектор:
«Полидамас, для меня неприятны подобные речи!
Мог ты совет и другой нам, больше полезный, примыслить!

233-236 Если же сей, что сказал, произнес ты от чистого сердца,
Разум твой, без сомненья, похитили гневные боги:
Ты мне велишь, чтоб высокогремящего Зевса забыл я
Волю, что сам знаменал он и мне совершить обрекался?

237-240 Ты не обетам богов, а ширяющим в воздухе птицам
Верить велишь? Презираю я птиц и о том не забочусь,
Вправо ли птицы несутся, к востоку Денницы и солнца,
Или налево пернатые к мрачному западу мчатся.

241-243 Верить должны мы единому, Зевса великого воле,
Зевса, который и смертных и вечных богов повелитель!
Знаменье лучшее всех — за отечество храбро сражаться!

244-246 Что ты страшишься войны и опасностей ратного боя?
Ежели Трои сыны при ахейских судах мореходных
Все мы падем умерщвленные, ты умереть не страшися!

247-250 Ты не имеешь духа ни встретить врага, ни сразиться!
Если, однако, ты бросишь сражение или другого,
Речью твоей обольстивши, отклонишь от ратного дела,
Вмиг под моим ты копьем распростершься и душу испустишь!»

251-255 Так произнес — и пошел он вперед; понеслись и дружины
С криком ужасным; пред ними Кронид, веселящийся громом,
Свыше, от гор Идейских, воздвигнул свирепую бурю,
Мрачный прах на суда заклубившую; он у данаев
Дух унижал, возвышая троянам и Гектору славу.

256-260 Тут, на знаменье бога и силу свою положася,
Начали Трои сыны разрушать ахейскую стену.
С башен срывали зубцы, сокрушали грудные забрала
И ломами шатали у вала торчащие сваи,
Кои поставлены в землю опорами первыми башен.

261-264 Их вырывали они и уже уповали, что стену
Скоро пробьют; но ахейцы еще не сходили с их места.
Плотно щитами они оградивши грудные забрала,
Камнями, копьями били врагов, подступавших под стену.

265-271 Оба Аякса, тогда управлявшие битвой на башнях,
Быстро ходили кругом, придавая ахеянам духа:
Ласковой речью одних, а других возбуждали суровой,
Если которых встречали оставивших битву с врагами:
«Други ахейцы, и тот, кто передний, и тот, кто середний,
Так и последний из воинов, — ибо не все равносильны
Мужи в сражениях, — ныне для всех нас труд уготовлен!

272-274 Это вы видите сами! О други, никто да не мыслит
Вспять со стены обращаться, грозящего криков страшася.
Нет, выходите вперед и на бой поощряйте друг друга!

275-277 Даст, быть может, и нам олимпийский блистатель Кронион,
Жесточь сию отразивши, преследовать к граду враждебных!»
Речью такой впереди возбуждали Аяксы ахеян.

278-283 Словно как снег, устремившися, хлопьями сыплется частый,
В зимнюю пору, когда громовержец Кронион восходит
С неба снежить человекам, являя могущества стрелы:
Ветры все успокоивши, сыплет он снег беспрерывный,
Гор высочайших главы и утесов верхи покрывая,
И цветущие степи, и тучные пахарей нивы;

284-289 Сыплется снег на брега и на пристани моря седого;
Волны его, набежав, поглощают; но всё остальное
Он покрывает, коль свыше обрушится Зевсова вьюга, —
Так от воинства к воинству частые камни летали,
Те на троян нападавших, а те от троян на ахеян,
Быстро метавших; кругом над твердынею стук раздавался.

290-293 Но не успели б еще и трояне, и Гектор могучий
В башне пробить затворенных ворот и огромных запоров,
Если б на силу ахейскую силы своей — Сарпедона —
Сам Эгиох не подвигнул, как льва на волов круторогих.

294-301 Быстро герой перед грудью уставил свой щит круговидный,
Медный, кованый, пышноблестящий, который художник,
Медник искусный, ковал, на поверхности ж тельчие кожи
Прутьями золота часто проплел по краям его круга:
Щит сей неся перед грудью и два копия потрясая,
Он устремился, как лев-горожитель, алкающий долго
Мяса и крови, который, душою отважной стремимый,
Хочет, на гибель овец, в их загон огражденный ворваться;

302-304 И хотя пред оградою пастырей сельских находит,
С бодрыми псами и с копьями стадо свое стерегущих,
Он, не изведавши прежде, не мыслит бежать от ограды;

305-308 Прянув во двор, похищает овцу либо сам под ударом
Падает первый, копьем прободенный из длани могучей, —
Так устремляла душа Сарпедона, подобного богу,
На стену прямо напасть и разрушить забрала грудные.

309-312 Быстро он к Главку вещал, Гипполохову храброму сыну:
«Сын Гипполохов! за что перед всеми нас отличают
Местом почетным, и брашном, и полной на пиршествах чашей
В царстве ликийском и смотрят на нас, как на жителей неба?

313-316 И за что мы владеем при Ксанфе уделом великим,
Лучшей землей, виноград и пшеницу обильно плодящей?
Нам, предводителям, между передних героев ликийских
Должно стоять и в сраженье пылающем первым сражаться.

317-321 Пусть не единый про нас крепкобронный ликиянин скажет:
Нет, не бесславные нами и царством ликийским пространным
Правят цари: они насыщаются пищею тучной,
Вина изящные, сладкие пьют, но зато их и сила
Дивная: в битвах они пред ликийцами первые бьются!

322-325 Друг благородный! когда бы теперь, отказавшись от брани,
Были с тобой навсегда нестареющи мы и бессмертны,
Я бы и сам не летел впереди перед воинством биться,
Я и тебя бы не влек на опасности славного боя;

326-328 Но и теперь, как всегда, неисчетные случаи смерти
Нас окружают, и смертному их ни минуть, ни избегнуть.
Вместе вперед! иль на славу кому, иль за славою сами!»

329-332 Так говорил Сарпедон; не противился Главк, не отрекся.
Ринулись оба вперед пред великою ратью ликийской.
Их устремленных узрев, Петеид Менесфей ужаснулся:
К башне его разрушеньем грозящая сила стремилась.

333-337 С башни кругом он глядел, не узрит ли кого из ахейских
Мощных вождей, да поможет беду отразить от дружины.
Скоро Аяксов узрел обоих, ненасытимых бранью,
Близко сражавшихся, с ними и Тевкра, который недавно
Вышел из сени; но не было способа крик им услышать.

338-341 Шумно там было побоище — там до небес раздавался
Гром от разимых щитов, от косматых шеломов и створов
Башенных врат: обступили их все, и пред ними толпою
Стоя, трояне пытались, силой разбивши, ворваться.

342-345 Вестника вождь Менесфей посылает к Аяксам Фоота:
«Шествуй, почтенный Фоот, и зови на защиту Аякса.
Лучше зови обоих, несравненно полезнее тут им
Быть обоим: разразится тут скоро ужасная гибель!

346-349 Мчатся сюда воеводы ликийские, кои и прежде
Бурей всегда налетали на страшное поприще брани!
Если же там на ахеян воздвигнута грозная жесточь,
Пусть хоть один поспешает Аякс, Теламонид великий;

350-352 С ним да предстанет и Тевкр благородный, стрелец знаменитый».
Так произнес; покорился его повелениям вестник
И пустился бежать по стене меднобронных данаев.

353-356 Стал пред Аяксами вестник пришедший и так говорил им:
«Храбрые мужи Аяксы, вожди меднобронных данаев,
Просит Петея почтенного сын, Менесфей благородный,
В помощь прийти; разделите хоть несколько труд с ним жестокий.

357-360 Но придите вы оба; полезнее там, воеводы,
Храбрым вам быть: разразится там скоро ужасная гибель!
Мчатся туда воеводы ликийские, кои и прежде
Бурей всегда налетали на страшное поприще брани!

361-363 Если же здесь на ахеян воздвигнута грозная жесточь,
Пусть хоть один поспешает Аякс, Теламонид великий;
С ним да предстанет и Тевкр благородный, стрелец знаменитый».

364-366 Так говорил, и охотно склонился Аякс Теламонид.
Он к Оилиду Аяксу измолвил крылатое слово:
«Сын Оилеев Аякс и ты, Ликомед нестрашимый!

367-369 Стойте вы здесь и народ поощряйте отважно сражаться.
Я же туда поспешаю и там на сражение стану;
К вам возвращуся немедленно, только лишь им помогу я».

370-372 Так говорящий своим, отошел Теламонид могучий.
С ним устремился и Тевкр, Теламонидов брат одноотчий,
И за Тевкром Пандион, несущий лук его крепкий.

373-376 К башне Петеева сына, идя внутрь стены, воеводы
Скоро пришли и уже утесненных врагами застали.
К самым забралам стены подымались, как мрачная буря,
Мужи храбрейшие, воинств ликийских вожди и владыки;

377-386 Сблизились в битву, противник с противником, с яростным криком.
Первый сразился Аякс Теламонид, и первый сразил он
Друга царя Сарпедона, высокого духом Эпикла:
Мармором острым его поразил он, какой на твердыне
Больший лежал у забрал высочайших; его не легко бы
Поднял руками обеими муж и летами цветущий,
Нам современный, но он высоко его поднял и ринул:

Вдруг раздавил им и выпуклый шлем, и на черепе кости
Все раздробил у Эпикла; и он, водолазу подобный,
Ринулся с башни высокой, и дух его кости оставил.

387-389 Тевкр Гипполохова сына, героя ликийского Главка,
Сверху стены, на нее подымавшегось, ранил пернатой
В мышцу, где видел нагою, и битву принудил оставить.

390-396 Он со стены соскочил, притаяся, да кто из ахеян
Язвы его не узрит и над ним не ругается, гордый.
Грусть обняла Сарпедона, когда отходящего друга
Главка приметил; но он не оставил кровавого боя:
Он в Фесторида Алкмаона, прянувши, острую пику
Быстро вонзил и исторг; и, за пикой повлекшися, пал он
На землю ниц, и взгремела на нем распещренная броня.

397-399 Но Сарпедон, за зубец ухвативши рукою дебелой,
Мощно повлек, и оторванный рухнулся весь он на землю;
Сверху стена обнажилась, и многим открылась дорога.

400-403 Тевкр и Аякс разрушителя встретили вместе: стрелою
Первый уметил ремень его светлый, на персях держащий
Щит в человеческий рост; но Зевс от любезного сына
Смерть отразил, не судивши ему пред судами погибнуть.

404-407 Мощный Аякс, налетев, поразил по щиту, и, пробившись,
Пика насквозь оттолкнула врага, распыхавшегось сердцем.
Он от твердыни подался назад, но совсем не оставил
Места сраженья и в сердце надежды, что славы добудет.

408-411 Вспять обратясь, восклицал он ликиянам богоподобным:
«Мужи ликийские! что забываете бурную храбрость?
Мне одному невозможно, хоть был бы еще я сильнейший,
Стену разрушить и к быстрым судам проложить вам дорогу!

412-414 Разом со мною, ликийцы! успешнее труд совокупный!»
Так восклицал, — и они, устыдившися царских упреков,
Крепче сомкнулись, смелей налегли за советником храбрым.

415-420 Рати ахеян с другой стороны укрепляли фаланги
Внутрь их стены. Предстоял их мужеству подвиг великий:
Тут, как ликийцы храбрейшие всё не могли у ахеян
Крепкой стены проломить и открыть к кораблям их дорогу,
Так и ахеян сыны не могли нападавших ликиян
Прочь от стены отразить, с тех пор как они подступили.

421-426 Но как два человека, соседы, за межи раздорят,
Оба с саженью в руках на смежном стоящие поле,
Узким пространством делимые, шумно за равенство спорят, —
Так и бойцов лишь забрала делили; чрез них нападая,
Мужи одни у других разбивали вкруг персей их кожи
Пышных кругами щитов и крылатых щитков легкометных.

427-429 Многие тут из сражавшихся острою медью позорно
Были постигнуты в тыл, у которых хребет обнажался
В бегстве из боя, и многие храбрые в грудь, сквозь щиты их.

430-438 Башни, грудные забрала кругом человеческой кровью
Были обрызганы с каждой страны, от троян и ахеян.
Но ничто не могло устрашить ахеян; держались

Ровно они, как весы у жены, рукодельницы честной,
Если, держа коромысло и чаши заботно равняя,
Весит волну, чтоб детям промыслить хоть скудную плату, —
Так равновесно стояла и брань и сражение воинств
Долго, доколе Кронид не украсил высокою славой
Гектора: Гектор ворвался в твердыню ахейскую первый.

439-441 Голосом, слух поражающим, он восклицал ко троянам:
«Конники Трои, вперед, разорвите ахейскую стену
И на их корабли пожирающий пламень бросайте!»

442-444 Так возбуждал их герой, и услышали все его голос;
Прямо к стене понеслися толпою и начали быстро
Вверх подыматься к зубцам, уставляючи острые копья.

445-450 Гектор же нес им захваченный камень, который у башни
Близко вздымался, широкий книзу, завостренный кверху,
Глыба, которой и два, из народа сильнейшие, мужа
С дола на воз не легко бы могли приподнять рычагами,
Ныне живущие; он же легко и один потрясал им:
Легкою тягость ему сотворил хитроумный Кронион.

451-456 Словно как пастырь, одною рукою руно захвативши,
Быстро несет: для нее нечувствительно слабое бремя, —
Так Приамид захватил и стремительно нес на ворота
Камень огромный. Ворота те были сплоченные крепко
Створы двойные, высокие: два извнутри их запора
Встречные туго держали, одним замыкаяся болтом.

457-466 Стал он у самых ворот и, чтоб не был удар маломочен,
Ноги расширил и, сильно напрягшися, грянул в средину;
Сбил подворотные оба крюка, и во внутренность камень
Рухнулся тяжкий. Взгремели ворота; ни засов огромный
Их не сдержал: и сюда и туда раскололися створы,
Камнем разбитые страшным; и ринулся Гектор великий,
Грозен лицом, как бурная ночь; и сиял он ужасно
Медью, которой одеян был весь и в руках потрясал он
Два копия; не сдержал бы героя никто, кроме бога,
В миг, как в ворота влетел он: огнем его очи горели.

467-471 Там он троянам приказывал, к толпищу их обратяся,
На стену быстро взлезать, и ему покорились трояне:
Ринулись все, и немедленно — те подымались на стену,
Те наводняли ворота. Кругом побежали ахейцы
К черным своим кораблям; и кругом поднялася тревога.

Une Sacra · издание 1 · unesacra.com · CC BY-NC-SA 4.0

ПЕСНЬ XIII

✦

Зевс и троян и Гектора к стану ахеян приблизив,
Их пред судами оставил, беды и труды боевые
Несть беспрерывно; а сам отвратил светозарные очи
Вдаль, созерцающий землю фракиян, наездников конных,
Мизян, бойцов рукопашных, и дивных мужей гиппомолгов,
Бедных, питавшихся только млеком, справедливейших смертных.

Более он на Трою очей не склонял светозарных;
Ибо не чаял уже, чтобы кто из богов олимпийских
Вышел еще поборать за троянских сынов иль ахейских.

Но соглядал не напрасно и бог Посейдаон великий;
Сам он сидел, созерцая войну и кровавую битву
С горных вершин, с высочайшей стремнины лесистого Сама
В Фракии горной: оттоле великая виделась Ида,
Виделась Троя Приама и стан корабельный ахеян.

Там он, из моря исшедший, сидел, сострадал об ахейцах,
Силой троян укрощенных, и страшно роптал на Зевеса.
Вдруг, негодуя, восстал и с утесной горы устремился,
Быстро ступая вперед; задрожали дубравы и горы
Вкруг под стопами священными в гневе идущего бога.

Трижды ступил Посейдон и в четвертый достигнул предела,
Эги; там Посейдона в заливе глубоком обитель,
Дом золотой, лучезарно сияющий, вечно нетленный.

23-26 Там он, притекший, запряг в колесницу коней медноногих,
Бурно летающих, гривы волнующих вкруг золотые.
Золотом сам он одеялся, в руку десную прекрасный
Бич захватил золотой и на светлую стал колесницу;

27-30 Коней погнал по волнам, — и взыграли страшилища бездны,
Вкруг из пучин заскакали киты, узнавая владыку;
Радуясь, море под ним расстилалось, — а гордые кони
Бурно летели, зыбей не касаяся медною осью;

31-33 К стану ахейскому мчалися быстроскакучие кони.
Есть пещера обширная в бездне пучинной залива,
Меж Тенедоса и дикоутесного острова Имбра.

34-38 Там коней удержал колебатель земли Посейдаон;
Там отрешив от ярма, амброзической бросил им пищи
В корм и на бурные ноги накинул им путы златые,
Несокрушимые цепи, да там бы они неподвижно
Ждали владыку; а сам устремился к дружинам ахейским.

39-42 Рати троянские, всей их громадой, как пламень, как буря,
Гектору вслед с несмиримой горячностью к бою летели
С шумом, с криком неистовым: взять корабли у данаев
Гордо мечтали и всех истребить перед ними данаев.

43-48 Но Посейдон земледержец, могучий земли колебатель,
Дух аргивян возвышал, из глубокого моря исшедший.
Он, уподобяся Калхасу видом и голосом сильным,

Первым вещал Аяксам, пылавшим и собственным сердцем:
«Вы, воеводы Аяксы, одни вы спасете ахеян,
Мужество помня свое и не мысля о бегстве бездушном.

49-51 В месте другом не страшился бы рук я троян необорных,
Кои в ахейскую крепкую стену ворвались толпою:
Их остановят везде меднолатные рати ахеян.

52-54 Здесь лишь, безмерно страшусь, пострадать неизбежно мы можем;
Здесь распыхавшись, как пламень стремительный, Гектор предводит,
Гектор, себя величающий сыном всемощного Зевса!

55-58 О, да и вам небожитель положит решительность в сердце,
Крепко стоять и самим и других ободрить, устрашенных!
Гектора, как он ни бурен, от наших судов мореходных
Вы отразите, хотя б устремлял его сам громовержец!»

59-61 Рек — и жезлом земледержец, могучий земли колебатель,
Их обоих прикоснулся и страшною силой исполнил;
Члены их легкими сделал, и ноги, и мощные руки.

62-65 Сам же, как ястреб, ловец быстрокрылый, на лов улетает,
Если с утеса крутого, высокого, вдруг он поднявшись,
Ринется полем преследовать робкую птицу другую, —
Так устремился от них Посейдаон, колеблющий землю.

66-69 Первый бога постиг Оилеев Аякс быстроногий;
Первый он взговорил к Теламонову сыну Аяксу:
«Храбрый Аякс! без сомнения, бог, обитатель Олимпа,
Образ пророка приняв, корабли защищать повелел нам.

70-72 Нет, то не Калхас, вещатель оракулов, птицегадатель;
Нет, по следам и по голеням мощным сзади познал я
Вспять отходящего бога: легко познаваемы боги.

73-75 Ныне, я чую, в груди у меня ободренное сердце
Пламенней прежнего рвется на брань и кровавую битву;
В битву горят у меня и могучие руки, и ноги».

76-80 Быстро ему отвечал Теламонид, мужества полный:
«Так, Оилид! и мои на копье несмиримые руки
В битву горят, возвышается дух, и стопы подо мною,
Чувствую, движутся сами; один я, один я пылаю
С Гектором, сыном Приама, неистовым в битвах, сразиться».

81-90 Так меж собой говорили владыки народов Аяксы,
Жаром веселые бранным, ниспосланным в сердце их богом.
Тою порой возбуждал Посейдаон задних данаев,
Кои у черных судов оживляли унылые души:
Воины, коих и силы под тяжким трудом изнурились,
И жестокая грусть налегла на сердца их, при виде
Гордых троян, за высокую стену толпой перешедших:
Смотря на их торжествующих, слезы они проливали,
Смерти позорной избегнуть не чаяли. Но Посейдаон,
Вдруг посреди их явившися, сильные поднял фаланги.

91-93 Первому Тевкру и Леиту он предстал, убеждая,
Там Пенелею царю, Деипиру, Фоасу герою,
Здесь Мериону и с ним Антилоху, искусникам бранным.

94-96 Сих возбуждал земледержец, крылатые речи вещая:
«Стыд, аргивяне, цветущие младостью! вам, полагал я,
Храбрости вашей спасти корабли мореходные наши!

97-104 Если ж и вы от опасностей брани отступите робко,
День настал роковой, и троянская мощь сокрушит нас!
Боги! великое чудо моими очами я вижу,
Чудо ужасное, коему, мнил, никогда не свершиться:
Трои сыны пред судами ахейскими! те, что, бывало,
Ланям подобились трепетным, кои, по темному лесу
Праздно бродящие, слабые и не рожденные к бою,
Пардов, волков и шакалов вседневною пищей бывают.

105-107 Так и трояне сии трепетали, бывало, ахеян,
Противу мужества их ни на миг стоять не дерзали.
Ныне ж, далеко от стен, корабли уже наши воюют!

108-110 И отчего? от проступка вождя и от слабости воев,
Кои, враждуя вождю, не хотят окруженных врагами
Спасть кораблей и пред ними себя отдают на убийство!

111-114 Но устыдитеся; если и подлинно сильно виновен
Наш предводитель, пространновластительный царь Агамемнон,
Если и подлинно он оскорбил Ахиллеса героя,
Нам никому ни на миг уклониться не должно от брани!

115-119 Но исцелим мы себя: исцелимы сердца благородных.
Стыд, о ахеяне! вы забываете бранную доблесть,
Вы, ратоборцы храбрейшие в воинстве! Сам я не стал бы

Гнева на ратника тратить, который бросает сраженье,
Будучи подл, но на вас справедливо душа негодует!

120-122 Слабые, скоро на всех навлечете вы большее горе
Слабостью вашей! Опомнитесь, други! представьте себе вы
Стыд и укоры людей! Решительный бой наступает!

123-125 Гектор, воинственный Гектор уже на суда нападает,
Мощный, уже разгромил и врата и запор их огромный».
Так возбуждал колебатель земли и воздвигнул данаев.

126-133 Окрест Аяксов героев столпилися, стали фаланги
Страшной стеной. Ни Арей, ни Паллада, стремящая рати,
Их не могли бы, не радуясь, видеть: храбрейшие мужи,
Войско составив, троян и великого Гектора ждали,
Стиснувши дрот возле дрота и щит у щита непрерывно:
Щит со щитом, шишак с шишаком, человек с человеком
Тесно смыкался; касалися светлыми бляхами шлемы,
Зыблясь на воинах: так аргивяне сгустяся стояли;

134-143 Копья змеилися, грозно колеблемы храбрых руками;
Прямо они на троян устремляясь, пылали сразиться.
Но, упредив их, трояне ударили; Гектор пред ними
Бурный летел, как в полете крушительный камень с утеса,
Если с вершины громаду осенние воды обрушат,
Ливнем-дождем разорвавши утеса жестокого связи:
Прядая кверху, летит он; трещит на лету им крушимый

Лес; беспрепонно и прямо летит он, пока на долину
Рухнет, и больше не катится, сколь ни стремительный прежде, —
Гектор таков! при начале грозился до самого моря

144-150 Быстро пройти, меж судов и меж кущей, по трупам данаев;
Но едва набежал на сомкнувшиесь крепко фаланги,
Стал, как ни близко нагрянувший: дружно его аргивяне,
Встретив и острых мечей, и пик двуконечных ударом,
Прочь отразили, — и он отступил, поколебанный силой,
Голосом, слух поражающим, к ратям троян вопиющий:
«Трои сыны, и ликийцы, и вы, рукопашцы дарданцы!

151-154 Стойте, друзья! Ненадолго меня остановят ахейцы,
Если свои ополченья и грозною башней построят;
Скоро от пики рассыплются, если меня несомненно
Бог всемогущий предводит, супруг громовержущий Геры!»

155-158 Так восклицая, возвысил и душу и мужество в каждом.
Вдруг Деифоб из рядов их высокомечтающий вышел,
Сын же Приамов: пред грудью уставя он щит круговидный,
Легкой стопой выступал и вперед под щитом устремлялся.

159-166 Но Мерион, на троянца наметив сверкающей пикой,
Бросил, и верно вонзилася в выпуклый щит волокожный
Бурная пика; но кож не проникла: вонзилась и древком
Около трубки огромная хряснула. Быстро троянец
Щит от себя отдалил волокожный, в душе устрашася

Бурного в лете копья Мерионова; тот же, могучий,
К сонму друзей отступил, негодуя жестоко на трату
Верной победы и вместе копья, преломленного тщетно;

167-169 Быстро пустился идти к кораблям и кущам ахейским,
Крепкое вынесть копье, у него сохранявшееся в куще.
Но другие сражались; вопль раздавался ужасный.

170-173 Тевкр Теламониев первый отважного сверг брагоносца
Имбрия, Ментора сына, конями богатого мужа.
Он в Педаосе жил до нашествия рати ахейской,
Медезикасты супруг, побочной Приамовой дщери.

174-176 Но когда аргивяне пришли в кораблях многовеслых,
Он прилетел в Илион и в боях меж троян отличался;
Жил у Приама и был как сын почитаем от старца.

177-181 Мужа сего Теламонид огромною пикой под ухо
Грянул и пику исторг; и на месте пал он, как ясень
Пышный, который на холме, далёко путнику видном,
Ссеченный медью, зеленые ветви к земле преклоняет:
Так он упал, и кругом его грянул доспех распещренный.

182-186 Тевкр полетел на упавшего, сбрую похитить пылая.
Гектор на Тевкра летящего дротик блистающий ринул;
Тот, издалече узря, от копья, налетавшего бурно,
Чуть избежал. Но Амфимаха Гектор, Ктеатова сына,
В битву идущего, в грудь поразил сокрушительным дротом;

187-189 С шумом на землю он пал, загремели на падшем доспехи.
Бросился Гектор, пылая шелом на скраниях плотный,
Медный сорвать с головы у Ктеатова храброго сына.

190-196 Но Аякс на летящего острую пику уставил;
К телу она не проникнула Гектора: медью кругом он
Страшною был огражден; но в средину щита поразивши,
Силой его отразил Теламонид, и вспять отступил он
Прочь от обоих убитых; тела увлекли аргивяне:
Сына Ктеатова Стихий герой с Менесфеем почтенным,
Оба афинян вожди, понесли к ополченьям ахейским.

197-205 Имбрия ж оба Аякса, кипящие храбростью бурной,
Словно как серну могучие львы, у псов острозубых
Вырвавши, гордо несут через густопоросший кустарник
И добычу высоко в челюстях держат кровавых, —
Так, Менторида высоко держа, брапоносцы Аяксы
С персей срывали доспех, и повисшую голову с выи
Ссек Оилид и, за гибель Амфимаха местью пылая,
Бросил ее с размаху, как шар, на толпу илионян:
В прах голова, перед Гектора ноги, крутящаясь пала.

206-209 Гневом сугубым в душе Посейдон воспылал за убийство
Внука его Ктеатида, сраженного в битве свирепой.
Гневный подвигнулся он, к кораблям устремляясь и к кущам,
Всех аргивян возбуждая и горе готовя троянам.

210-212 Идоменей, Девкалион воинственный, встретился богу,
Шедший от друга, который к нему незадолго из боя
Был приведен, под колено суровою раненный медью.

213-220 Юношу вынесли други; его он врачам приказавши,
Сам из шатра возвращался: еще он участвовать в битве,
Храбрый, пылал; и к нему провещал Посейдаон владыка
(Глас громозвучный приняв Андремонова сына, Фоаса,
Мужа, который в Плевроне, во всем Калидоне гористом
Всеми этольцами властвовал, чтимый, как бог, от народа):
«Где же, о критян советник, куда же девались угрозы,
Коими Трои сынам угрожали ахейские чада?»

221-223 И ему вопреки отвечал Девкалид знаменитый:
«Сын Андремонов! никто из ахеян теперь не виновен,
Сколько я знаю: умеем мы все и готовы сражаться;

224-227 Страх никого не оковывал низкий; никто, уступая
Праздности, битвы не бросил, ахеям жестокой; но, верно,
Кронову сыну всесильному видеть, Зевесу, угодно
Здесь далеко от Эллады ахеян бесславно погибших!

228-230 Сын Андремонов, всегда отличавшийся мужеством духа,
Ты, ободрявший всегда и других, забывающих доблесть,
Ныне, Фоас, не оставь и омужествуй каждого душу!»

231-234 Быстро ему отвечал Посейдаон, колеблющий землю:
«Критян воинственный царь! да вовек от троянского брега
В дом не придет, но игралищем псов да прострется под Троей
Воин, который в сей день добровольно оставит сраженье!

235-237 Шествуй и, взявши оружие, стань ты со мной: совокупно
Действовать должно; быть может, успеем помочь мы и двое.
Сила и слабых мужей не ничтожна, когда совокупна;

238-245 Мы же с тобой и противу сильнейших умели сражаться».
Рек, — и вновь обратился бессмертный к борьбе человеков.
Идоменей же, поспешно пришед к благосозданной куще,
Пышным доспехом покрылся и, взявши два крепкие дрота,
Он устремился, перуну подобный, который Кронион
Махом всесильной руки с лучезарного мечет Олимпа,
В знаменье смертным: горит он, летя, ослепительным блеском, —
Так у него, у бегущего, медь вкруг персей блистала.

246-250 Встречу ему предстал Мерион, знаменитый служитель,
Близко от кущи, куда он спешил, воружиться желая
Новым копьем, и к нему провещала владычняя сила:
«Сердцу любезнейший друг, Молид Мерион быстроногий,
Что приходил ты, оставивши брань и жестокую сечу?

251-253 Ранен ли ты и не страждешь ли, медной стрелой удрученный?
Или не с вестию ль бранной ко мне предстаешь ты? Но видишь,
Сам я иду не под сенью покоиться, ратовать жажду!»

254-256 Крита царю отвечал Мерион, служитель разумный:
«Идоменей, предводитель критских мужей меднобронных,
В стан я пришел, у тебя копия не осталось ли в куще?

257-262 Взявши его, возвращуся; а то, что имел, сокрушил я,
В щит поразив Деифоба, безмерно могучего мужа».
Критских мужей повелитель ответствовал вновь Мериону:

«Ежели копья нужны, и одно обретешь ты, и двадцать,
В куще моей у стены блестящей стоящие рядом
Копья троянские; все я их взял у сраженных на битвах.

263-265 Смею сказать, не вдали я стоя, с врагами сражаюсь.
Вот отчего у меня изобильно щитов медноблящных,
Копий, шеломов и броней, сияющих весело в куще».

266-268 Снова ему отвечал Мерион, служитель разумный:
«Царь, и под сенью моей, и в моем корабле изобильно
Светлых троянских добыч; но не близко идти мне за ними.

269-271 Сам похвалюсь, не привык забывать я воинскую доблесть:
Между передних всегда на боях, прославляющих мужа,
Сам я стою, лишь подымется спор истребительной брани.

272-275 Может быть, в рати другим меднобронным ахейским героям
Я неизвестен сражаюсь; тебе я известен, надеюсь».
Критских мужей предводитель ответствовал вновь Мериону:
«Ведаю доблесть твою, и об ней говоришь ты напрасно.

276-279 Если бы нас, в ополченье храбрейших, избрать на засаду
(Ибо в засадах опасных мужей открывается доблесть;
Тут человек боязливый и смелый легко познается:
Цветом сменяется цвет на лице боязливого мужа;

280-282 Твердо держаться ему не дают малодушные чувства;
То припадет на одно, то на оба колена садится;
Сердце в груди у него беспокойное жестоко бьется;

283-287 Смерти единой он ждет и зубами стучит, содрогаясь.
Храброго цвет не меняется, сердце не сильно в нем бьется;
Раз и решительно он на засаду засевши с мужами,
Только и молит, чтоб в битву с врагами скорее схватиться),
Там и твоя, Мерион, не хулы заслужила бы храбрость!

288-291 Если б и ты, подвизаяся, был поражен иль устрелен,
Верно не в выю тебе, не в хребет бы оружие пало:
Грудью б ты встретил копье, иль утробой пернатую принял,
Прямо вперед устремившийся, в первых рядах ратоборцев.

292-294 Но перестанем с тобой разговаривать, словно как дети,
Праздно стоя, да кто-либо нагло на нас не возропщет.
В кущу войди и немедленно с крепким копьем возвратися».

295-297 Рек, — и Молид, повинуяся, бурному равный Арею,
Быстро из кущи выносит копье, повершенное медью,
И за вождем устремляется, жаждою битвы пылая.

298-300 Словно Арей устремляется в бой, человеков губитель,
С Ужасом сыном, равно как и сам он, могучим, бесстрашным,
Богом, который в боях ужасает и храброго душу;

301-305 Оба из Фракии горной они на эфиров находят,
Или на бранных флегиян, и грозные боги не внемлют
Общим народов мольбам, но единому славу даруют, —
Столько ужасны Молид и герой Девкалид, ратоводцы,
Шли на кровавую брань, лучезарной покрытые медью.

306-310 Шествуя, слово к царю обратил Мерион быстроногий:
«Где, Девкалид, помышляешь вступить в толпу боевую?
В правом конце, в середине ль великого нашего войска
Или на левом? Там, как я думаю, боле, чем инде,
В битве помощной нуждается рать кудреглавых данаев».

311-314 Молову сыну ответствовал критских мужей предводитель:
«Нет, для средины судов защитители есть и другие:
Оба Аякса и Тевкр Теламонид, в народе ахейском
Первый стрелец и в бою пешеборном не менее храбрый;

315-320 Там довольно и их, чтобы насытить несытого боем
Гектора, сына Приама, хоть был бы еще он сильнее!
Будет ему нелегко, и со всем его бешенством в битвах,
Мужество их одолев и могущество рук необорных,
Судно зажечь хоть единое, разве что Зевс громовержец
Светочь горящую сам на суда мореходные бросит.

321-323 Нет, Теламонид Аякс не уступит в сражении мужу,
Если он смертным рожден и плодами Деметры воскормлен,
Если язвим рассекающей медью и крепостью камней.

324-327 Даже Пелиду, рушителю строев, Аякс не уступит
В битве ручной; быстротою лишь ног не оспорит Пелида.
В левую сторону рати пойдем да скорее увидим,
Мы ли прославим кого или сами славу стяжаем!»

328-332 Рек, — и Молид, устремившися, бурному равный Арею,
Шел впереди, пока не достигнул указанной рати.
Идоменея увидев, несущегось полем, как пламень,

С храбрым клевретом его, в изукрашенных дивно доспехах,
Крикнули разом трояне и все на него устремились.

333-335 Общий, неистовый спор восстал при кормах корабельных.
Словно как с ветром свистящим свирепствует вихорь могучий
В знойные дни, когда прахом глубоким покрыты дороги;

336-338 Бурные, вместе вздымают огромное облако праха, —
Так засвирепствовал общий их бой: ратоборцы пылали
Каждый друг с другом схватиться и резаться острою медью.

339-344 Грозно кругом зачернелося ратное поле от копий,
Длинных, убийственных, частых, как лес; ослеплял у воителей очи
Медяный блеск шишаков, как огонь над глазами горящих,
Панцирей, вновь уясненных, и круглых щитов лучезарных —
Воинов, к бою сходящихся. Подлинно был бы бесстрашен,
Кто веселился б, на бой сей смотря, и душой не содрогся!

345-349 Боги, помощные разным, сыны многомощные Крона,
Двум племенам брановосным такие беды устроияли.
Зевс троянам желал и Приамову сыну победы,
Славой венчая Пелида царя; но не вовсе Кронион
Храбрых данаев желал истребить под высокою Троей;

350-353 Только Фетиду и сына ее прославлял он героя.
Бог Посейдон укреплял данаев, присутствуя в брани,
Выплывший тайно из моря седого: об них сострадал он,
Силой троян усмиренных, и гордо роптал на Зевеса.

354-356 Оба они и единая кровь и единое племя;
Зевс лишь Кронион и прежде родился и более ведал.
Зевса страшился и явно не смел поборать Посейдаон;

357-360 Тайно, под образом смертного, он возбуждал ратоборцев.
Боги сии и свирепой вражды и погибельной брани
Вервь, на взаимную прю, напрягли над народами оба,
Крепкую вервь, неразрывную, многим сломившую ноги.

361-364 Тут, аргивян ободряющий, воин уже поседелый,
Идоменей на троян устремился и в бег обратил их;
Офрионея сразил кабезийца, недавнего в граде,
В Трою недавно еще привлеченного бранною славой.

365-367 Он у Приама Кассандры, прекраснейшей дочери старца,
Гордый просил без даров, но сам совершить обещал он
Подвиг великий: из Трои изгнать меднолатных данаев.

368-372 Старец ему обещал и уже за него согласился
Выдать Кассандру, — и ратовал он, на обет положася.
Идоменей на него медножальную пику направил
И поразил выступавшего гордо: ни медная броня,
Коей блистал, не спасла: углубилась во внутренность пика;

373-376 С шумом он грянулся в прах, и, гордяся, вскричал победитель:
«Офрионей! человеком тебя я почту величайшим,
Ежели всё то исполнишь, что ты исполнить обрекся
Сыну Дарданову: дочерь тебе обещал он супругой.

То же и мы для тебя обещаем и верно исполним:
Выдадим лучшую всех из семейства Атридова дочерь;
К браку невесту из Аргоса вывезем, если ты с нами
Трою разрушишь Приамову, град, устроением пышный.

Следуй за мной: при судах мореходных с тобой мы докончим
Брачный сговор; не скупые и мы на приданое сваты».
Рек, — и за ногу тело повлек сквозь кипящую сечу
Критский герой. Но за мертвого мстителем Азий явился,
Пеший идя пред конями; коней за плечами храпящих
Правил клеврет у него; и, пылающий, он устремился
Идоменея пронзить; но герой упредил: сопостата
Пикой ударил в гортань под брадой и насквозь ее выгнал.

Пал он, как падает дуб или тополь серебрянолистный,
Или огромная сосна, которую с гор древосеки
Острыми вкруг топорами ссекут, корабельное древо:
Азий таков пред своей колесницей лежал распростряся,
С скрипом зубов раздирая руками кровавую землю.

Но возница его цепенел, растерявшийся в мыслях,
Бледный стоял и не смел, чтоб от рук враждебных избегнуть,
Коней назад обратить; и его Антилох бранолюбец
Пикой ударил в живот; и от смерти ни медная броня,
Коей блистал, не спасла: углубилась во внутренность пика;

Он застонал и с прекрасносоставленной пал колесницы.
Коней младой Антилох, благодушного Нестора отрасль,
Быстро от воинств троянских угнал к меднобронным ахейцам.

402-408 Тут Деифоб на властителя критян, об Азии скорбный,
Близко один наступил и ударил сверкающей пикой.
Но усмотрел и от меди убийственной вовремя спасся
Критян владыка; укрылся под выпуклый щит свой огромный,
Щит, из воловых кож и блистательной меди скругленный,
И двумя поперек укрепленный скобами: под щит сей
Весь он собрался; над ним пролетела блестящая пика;

409-412 Щит, на полете задетый, ужасно завыл под ударом.
Но не тщетно оружие послано сильной рукою:
Храброму сыну Гиппаса, владыке мужей Гипсенору,
В перси вонзилось оно и на месте сломило колена.

413-416 Громко вскричал Деифоб, величаясь надменно победой:
«Нет, не без мщения Азий лежит, и теперь, уповаю,
Вшедший в широкие двери Аидова мрачного дома,
Сердцем он будет возрадован: спутника дал я герою!»

417-419 Так восклицал; аргивян оскорбили надменного речи,
Более ж всех Антилоху воинственный дух взволновали.
Он, невзирая на скорбь, не оставил сраженного друга;

420-423 Быстро примчась, заступил и щитом заградил светлобляшным.
Тою порой наклоняся под тело, почтенные други,
Эхиев сын Мекистей и младой благородный Аластор,
К черным судам понесли Гиппасида, печально стеная.

424-426 Идоменей воевал не слабея, пылал беспрестанно
Или еще фригиянина ночью покрыть гробовою,
Или упасть самому, но беду отразить от ахеян.

427-436 Тут благородную отрасль питомца богов Эзиета,
Славу троян, Алкафоя, драгого Анхизова зятя
(Дщери его Гипподамии был он супругом счастливым,
Дщери, которую в доме отец и почтенная матерь
Страстно любили: она красотой, и умом, и делами
В сонме подруг между всеми блистала: зато и супругой
Избрал ее гражданин благороднейший в Трое пространной), —
Мужа сего Девкалида рукой укротил Посейдаон,
Ясные очи затмив и сковав ему быстрые ноги:
Он ни назад убежать, ни укрыться не мог от героя;

437-441 Скованный страхом, как столб иль высоковершинное древо,
Он неподвижный стоял, и его Девкалид копьеборец
В перси ударил копьем и разбил испещренную броню,
Медную, в битвах не раз от него отражавшую гибель:
Глухо броня зазвенела, под мощным ударом рассевшись;

442-444 С громом упал он, копье упадавшему в сердце воткнулось;
Сердце его, трепеща, потрясло и копейное древко;
Но могучесть в нем скоро Арей укротил смертоносный.

445-449 Идоменей, величаясь победою, громко воскликнул:
«Как, Деифоб, полагаешь, достойно ли я расплатился?
Три сражены за единого! Ты ж величаешься только,
Дивный герой! Но приближься и сам, и меня ты изведай:
Узришь, каков я под Трою пришел, громовержцев потомок!

450-454 Он, громовержец, Миноса родил, охранителя Крита;
Мудрый Минос породил Девкалиона, славного сына;
Он, Девкалион, меня, повелителя многим народам
В Крите пространном, и волны меня принесли к Илиону,
Гибель тебе, и отцу твоему, и всем илионцам!»

455-457 Так говорил; Деифоб в нерешимости дум волновался:
Вспять ли идти и, с троянцем каким-либо храбрым сложася,
Выйти вдвоем иль один на один испытать Девкалида?

458-461 Так Деифоб размышлял, и ему показалося лучше
Вызвать Энея. Нашел он героя, в дружинах последних
Праздно стоящего: гнев он всегдашний питал на Приама,
Ибо, храбрейшему, старец ему не оказывал чести.

462-464 Став перед ним, Деифоб устремляет крылатые речи:
«Храбрый Эней, троян повелитель, если о ближних
Ты сострадаешь, тебе заступиться за ближнего должно.

465-467 Следуй за мной, защитим Алкафоя; тебя он, почтенный,
Будучи зятем, воспитывал юного в собственном доме.
Идоменей, знаменитый копейщик, сразил Алкафоя».

468-473 Так произнес он — и душу в груди взволновал у Энея:
Он полетел к Девкалиду, воинственным жаром пылая,
Но Девкалид не позорному бегству, как отрок, предался:
Ждал неподвижный, как вепрь между гор, на могучесть надежный,
Шумного вкруг нападения многих ловцов ожидает,
Стоя в месте пустынном и грозно хребет ощетиня;

474-479 Окрест очами, как пламенем, светит; а долгие зубы
Ярый острит он, и псов и ловцов опрокинуть готовый, —
Так нажидал, ни на шаг не сходя, Девкалид Анхизида,
Против летящего воина бурного; только соратных
Криком сзывал, Аскалафа вождя, Афарея, Дейпира,
Молова сына, и с ним Антилоха, испытанных бранью;

480-482 Их призывал Девкалид, устремляя крылатые речи:
«Други, ко мне! защитите меня одинокого! Страшен
Бурный Эней нападающий; он на меня нападает;

483-486 Страшно могуществен он на убийство мужей в ратоборстве;
Блещет и цветом он юности, первою силою жизни.
Если б мы были равны и годами с Энеем, как духом,
Скоро иль он бы, иль я похвалился победою славной!»

487-495 Так говорил он, — и все, устремившися с духом единым,
Стали кругом Девкалида, щиты к раменам преклонивши.
Но Эней и своих возбуждал сподвижников храбрых,
Звал Деифоба, Париса, почтенного звал Агенора,
С ним предводивших троянские рати; за ним совокупно
Все устремилися: как за овном устремляются овцы,
С паствы бежа к водопою, и пастырь душой веселится, —
Так Анхизид благородный, Эней, веселился душою,
Видя толпами за ним устремлявшихся граждан троянских.

496-498 Вкруг Алкафоя они рукопашную подняли битву,
Копьями бились огромными. Медь на груди ратоборцев
Страшно звучала от частых ударов сшибавшихся толпищ.

499-501 Два между тем брагоносца, отличные мужеством оба,
Идоменей и Эней, подобные оба Арею,
Вышли, пылая друг друга пронзить смертоносною медью.

502-505 Первый Эней, размахнувшися, ринул копье в Девкалида;
Тот же, завидев удар, уклонился от меди летящей,
И копье Анхизида, сотрясшися, в землю вбежало,
Быв бесполезно геройской, могучею послано дланью.

506-508 Идоменей же копьем Эномаоса ранил в утробу;
Лату брони просадила и внутренность медь из утробы
Вылила: в прахе простершись, руками хватает он землю.

509-511 Идоменей длиннотенную пику из мертвого тела
Вырвал; но медных, других побежденного пышных доспехов
С персей совлечь не успел: осыпали троянские стрелы.

512-514 Не были более гибки и ноги его, чтобы быстро
Прянуть ему за своим копием иль чужого избегнуть:
Стойкою битвой, упорною пагубный день отражал он;

515-517 Ноги не скоро несли, чтоб ему убежать из сраженья;
Медленно он уходил. Деифоб в уходившего дротик
Снова послал: на него он пылал непрестанною злобой.

518-520 И прокинул он снова; но медь Аскалафа постигла,
Сына Арея; плечо совершенно убийственный дротик
Прорвал, и в прах он упавши, хватает ладонями землю.

521-525 Долго не ведал еще громозвучный Арей истребитель,
Что воинственный сын его пал на сражении бурном:
Он на Олимпа главе, под златыми сидел облаками,
Зевса всемощного волей обузданный, где и другие
Боги сидели бессмертные, им удаленные с брани.

526-530 Воины вкруг Аскалафа бросалися в бой рукопашный.
Тут Деифоб с головы Аскалафовой шлем светозарный
Сорвал; но вдруг Мерион, налетевши, подобный Арею,
Хищника в руку копьем поразил; из руки Деифоба
Шлем дыроокий исторгся и об землю звукнул упавший.

531-537 Снова герой Мерион, на врага налетевши, как ястреб,
Вырвал из мышцы копье, у него растерзавшее тело,
И к сподвизавшимся вновь отступил; а Полит Деифоба,
Брат уязвленного брата, под грудью руками обнявши,
Вывел из шумного боя, до самых коней провожая:
Быстрые кони его, позади ратоборства и сечи,
Ждали, с возницею верным и с пышной стоя колесницей;

538-540 К граду они понесли Деифоба; жестоко стенал он,
Болью терзаемый; кровью струилася свежая рана.
Но другие сражалися; вопль раздавался ужасный.

541-544 Бурный Эней, налетев, Афарея, Калетора сына,
Дротом в гортань, на него нападавшего, острым ударил:
Набок глава преклонилася; падшего сверху натиснул
Щит и шелом; и над ним душеснедная смерть распростерлась.

545-549 Несторов сын, обращенного тылом Фоона приметив,
Прянул и ранил убийственно: жилу рассек совершенно,
С правого бока хребта непрерывно идущую к вые,
Всю совершенно рассек; зашатавшися, навзничь на землю
Пал он, дрожащие руки к любезным друзьям простирая.

550-552 Несторов сын наскочил и срывал доспехи с троянца,
Вкруг озираясь; его же трояне, кругом обступивши,
В щит легкометный, широкий кололи кругом, но напрасно;

553-556 Медью жестокой нижé не коснулися к белому телу
Славного внука Нелеева: бог Посейдаон могущий
Сам охранял Несторида везде и под тучею копий:
Ибо вдали от врагов не стоял он, меж ними носился;

557-559 В длани его не покоился дрот, трепетал беспрестанно,
К бою колеблемый; он беспрестанно намечивал острым,
Или на дальнего ринуть, или на близкого грянуть.

560-565 Скоро его Адамас, намечавшегось дротом, приметил,
Азиев сын, и, к нему устремившися, острою медью
Грянул в средину щита; но ее острие обессилил,
В жизни героя врагу отказав, Посейдон черновласый:
И копья половина, как кол обожженный, осталась
В круге щита, половина тупая упала на землю.

566-575 Бросился к сонму друзей Адамас, избегая от смерти.
Быстро его Мерион и настиг и сверкающим дротом
Между стыдом и пупом ударил бегущего, в место,
Где наиболее рана мучительна смертным несчастным:

Так он его поразил; и на дрот он упавши, вкруг меди
Бился, как вол несмиренный, которого пастыри мужи,
Как ни упорен он, силой связавши арканом, уводят, —
Так он, проколотый, бился в крови; но не долго: немедля
Храбрый к нему Мерион приступил, копие роковое
Вырвал из тела, и смертный мрак осенил ему очи.

576-579 Тут Гелен Деипира фракийскою саблей огромной
Резко в висок поразил и шелом с него сбил коневласый.
Сбитый, на землю он пал; и какой-то его аргивянин,
Между толпою бойцов под ногами крутящийся, поднял;

580-583 Очи вождя Деипира глубокая ночь осенила.
Жалость взяла Менелая, отважного в битвах Атрида;
Выступил он, угрожая ударом Гелену герою,
Острым копьем потрясая; Гелен же изладился луком.

584-587 Оба они соступились; один занесенную пику
Бросить пылая, другой с тетивы наведенную стрелу;
И Гелен Менелая по персям уметил пернатой
В лату брони, и отпрянула быстро пернатая злая.

588-592 Так, как с широкого веяла, сыпясь по гладкому току,
Черные скачут бобы иль зеленые зерна гороха,
Если на ветер свистящий могучий их веятель вскинет, —
Так от блистательных лат Менелая, высокого славой,
Сильно отпрянув, стрела на побоище пала далеко.

593-595 Сын же Атреев, герой Менелай, копием Приамида
В длань поразил, воруженную луком блестящим; и к луку
Длань, проколовши насквозь, пригвоздило копейное жало.

596-598 К сонму друзей, убегая от смерти, Гелен обратился,
Руку повесив, и ясенный дрот волочился за нею.
Но его из руки извлек благодушный Агенор;

599-603 Руку ж ему повязал искусственно свитою волной,
Мягкой повязкой, клевретом всегда при владыке носимой.
Сильный Пизандр между тем сопротив Менелая героя
Выступил: злая судьбина его увлекала к пределу,
Да тобой, Менелай, укротится он в пламенной битве.

604-608 Чуть соступилися оба, идущие друг против друга,
Ринул Атрид — и неверно: копье его вбок улетело.
Ринул Пизандр — и копьем у Атрида, высокого славой,
Щит поразил, но насквозь не успел он оружия выгнать:
Медяный щит удержал; копье сокрушилось у трубки.

609-617 Радость объяла Пизандрово сердце: он чаял победы.
Но Менелай, из ножен исторгнувши меч среброгвоздный,
Прянул, герой, на Пизандра, а сей из-под круга щитного
Выхватил медный красивый топор, с топорищем оливным,
Длинным, блистательно гладким, и оба сразилися разом:
Сей поражает по выпуке шлема, косматого гривой,
Около самого гребня, а тот наступавшего по лбу
В верх переносицы: хряснула кость, и глаза у Пизандра,
Выскочив, подле него на кровавую землю упали;

618-621 Сам опрокинулся он; и, пятой наступивши на перси,
Броню срывал и, гордясь, восклицал Менелай победитель:
«Так вам оставить и всем корабли быстроконных данаев,
Вам, вероломцы трояне, несытые пагубной бранью!

622-625 Большей обиды и срама искать вам не нужно, какими,
Лютые псы, вы меня осрамили! Ни грозного гнева
Вы не страшились гремящего Зевса; но гостеприимства
Он покровитель и некогда град ваш рассыплет высокий!

626-629 Вы у меня и младую жену и сокровища дома
Нагло похитив, ушли, угощенные дружески в доме!
Ныне ж пылаете вы на суда мореходные наши
Гибельный бросить огонь и избить героев ахейских!

630-632 Но укротят наконец вас, сколько ни алчных к убийствам!
Зевс Олимпийский! премудростью ты, говорят, превышаешь
Всех и бессмертных и смертых, всё из тебя истекает.

633-635 Что же, о Зевс, благосклонствуешь ты племенам нечестивым,
Сим фригиянам, насильствами дышащим, ввек не могущим
Лютым убийством насытиться в брани, для всех ненавистной!

636-639 Всем человек насыщается: сном и счастливой любовью,
Пением сладостным и восхитительной пляской невинной,
Боле приятными, боле желанными каждого сердцу,
Нежели брань; но трояне не могут насытиться бранью!»

640-642 Рек — и, оружия с тела, дымящиесь кровью, сорвавши,
Отдал клевретам своим Менелай, предводитель народов;
Сам же, назад обратяся, с передними стал на сраженье.

643-645 Там на него налетел Гарпалион, царя Пилемена
Доблестный сын: за отцом он любезным последовал к брани,
В Трою Приама, но в отческий дом не пришел, несчастливец!

646-649 Он Менелаю царю по средине щита, налетевши,
Пику вонзил, но насквозь не успел оружия выгнать;
И обратно к друзьям, чтоб от смерти спастись, побежал он,
Вкруг озираясь, да тела враждебная медь не постигнет.

650-652 Но Мерион на бегущего медной стрелою ударил;
В правую сторону зада вонзилась стрела и далёко,
Острая, в самый пузырь, под лобковою костью, проникла.

653-655 Там же он скорчась присел и, в объятиях другов любезных
Дух испуская, упал и, как червь, по земле протянулся;
Черная кровь выливалась и землю под ним увлажала.

656-658 Окрест его пафлагоняне верные засуетились;
Тело, подняв в колесницу, они в Илион провожали,
Грустные: шел между них и отец, проливающий слезы;

659-661 Ибо не мог он врагам отомстить за убитого сына.
Но Парис за него справедливою местию вспыхнул:
Гостем он был у него, посетивши народ пафлагонский;

662-664 Он, за него отомщая, послал медножальную стрелу.
Был Эвхенор меж ахейцами, сын Полиида пророка,
Муж знаменитый, богатый, Коринфа цветущего житель;

665-668 Участь свою он несчастную знал — и отплыл к Илиону.
Часто ему говорил Полиид добродушный, что должен
Он иль от немощи тяжкой в отеческом доме скончаться,
Или в бою, пред судами ахейскими, пасть от пергамлян;

669-672 Но избегал Эвхенор как от пени, постыдной ахейцам,
Так и от немощи тяжкой, бесплодно страдать не желая.
Храброго в челюсть, под ухо Парис поразил, и мгновенно
Жизнь отлетела, и страшная тьма Эвхенора объяла.

673-678 Так ополченья сражались, огням подобно свирепым.
Гектор же, Зевса любимец, вдали не слыхал и не ведал,
Как пред судами, на левом конце, поражаемо было
Войско его от ахеян, — и скоро бы слава ахеян
Полной была над троянами: так ободрял Посейдаон
Души ахеян и силою собственной сам поборал им.

679-684 Гектор воинствовал, где незадолго в ворота влетел он,
Сам разорвавши густые ряды аргивян щитоносцев,
Там, где суда и Аякса, и Протесилая стояли,
Моря седого на брег извлеченные, где аргивяне
Самую низкую вывели стену и где превосходных
Пламенных коней и воев ряды на сражение стали.

685-688 Там беотиян отважных, иянов длиннохитонных,
Фтиян, и локров, и славных эпеян сложившиесь рати
Все на суда нападавшего с нуждой держали, но вовсе
Сил не имели препнуть Приамида, подобного буре.

689-692 Вои афинские были отборные; их ополченье
Вел Петеид Менесфей, и за ним устремляли дружины
Фидас, и Стихий, и Биас герой. Знаменитых эпеян
Вел Амфион, и Мегес Филид, и воинственный Дракий.

693-697 Фтийцам предшествовал Медон и дышащий боем Подаркес
(Медон, сын незаконный владыки мужей Оилея,
Был Оилида Аякса юнейший брат, но в Филаке
Жил, далеко от отечества, брося его как убийца,
Мачехи брата убив, Оилея жены, Эриопы;

698-700 Храбрый Подаркес Ификлов был сын, Филакидов потомок).
Оба они впереди пред дружинами юношей фтийских
Бились, суда бороня, с беотийцами вместе сражаясь.

701-704 Быстрый Аякс пылал не отстать от могучего брата;
Близ Теламонида он, ни на шаг не отступный, держался.
Так плуговые волы по глубокому пару степному
Черные, крепостью равные, плуг многосложный волочат;

705-708 Пот при корнях их рогов пробивается крупный; но дружно,
Оба единым блестящим ярмом едва разделяясь,
Дружно идут полосой и земли глубину раздирают, —
Так и Аяксы, сложася, держались один близ другого.

709-711 Вслед Теламонова сына стремилися многие мужи,
Храбрые, ратные други; они его щит принимали,
Если усталость и пот изнуряли колена герою;

712-715 Но за вождем Оилидом никто не стремился из локров:
Дух не вытерпливал их рукопашного, стойкого боя;
Воинство их не имело ни медяных с гривою конской
Шлемов, ни круглых щитов, ни возвышенных ясенных копий;

716-718 Только на верные луки и волну, скручённую в пращи,
Локры надеясь, пришли к Илиону, и ими на битвах,
Быстро и метко стреляя, троян разрывали фаланги.

719-722 Тут, как одни впереди блестящим оружием разным
Бились с дружинами Трои и с Гектором меднодоспешным,
Локры стреляли, держась позади, — и уже забывали
Бранную храбрость трояне: смущали их стрелы густые.

723-726 Худо б им было, с стыдом от судов и от кущей ахейских
Трои сыны отступили б под шумную ветрами Трою,
Если б отважного Гектора Полидамас не подвигнул:
«Гектор, жестокий ты муж, чтоб других убеждения слушать!

727-729 Бог перед всеми тебя одарил на военное дело;
Ты ж и советов мудростью всех перевысить желаешь!
Нет, совокупно всего не стяжать одному человеку.

730-732 Бог одного одаряет способностью к брани, другому
Зевс, промыслитель превыспренний, в перси разум влагает
Светлый: плодами его племена благоденствуют смертных;

733-735 Оным и грады стоят; но стяжавший сугубо им счастлив.
Гектор! склонися к совету, который мне кажется лучшим.
Битва везде пред тобою, как огненный круг, пламенеет;

736-738 Мужи троянские, после того как ворвалися в стену,
С боя одни удалились с оружием, прочие спорят
В слабых толпах против множества, вдоль кораблей растянувшись.

739-743 С боя сойди и сюда призови ратоводцев храбрейших;
Здесь мы важнейшее дело решим совещанием общим:
Разом ли нам на суда многоместные ратью ударить,
Если бы бог даровал одоление, или немедля
Вспять от судов обратиться, пока не разбиты! скажу ли?

744-746 Я трепещу, да вчерашнего нам не отплатят ахейцы
Долга кровавого: муж при судах, ненасытимый бранью,
Ждет нас, который едва ли удержится вовсе от боя».

747-750 Так говорил он, — и Гектор одобрил совет справедливый;
Быстро с своей колесницы с оружием прянул на землю
И ему отвечал, устремляя крылатые речи:
«Полидамас, удержи ты здесь предводителей храбрых;

751-753 Дальше пойду я и противостану пылающей битве.
Я возвращуся немедля, вождям повеления давши».
Рек — и понесся великий, горе под снегами подобный;

754-756 С криком призывным толпы облетел он троян и союзных.
Все к Панфоиду, любителю мужества Полидамасу,
Бросились быстро дарданцы, услышавши Гектора голос.

757-759 Он же Гелена царя, благородного брата Дейфоба,
Азия ветвь, Адамаса, и Азия, отрасль Гиртака,
Ходя по сонмам передним, искал, не найдет ли героев.

760-763 Их он нашел, но не всех невредимых, не всех средь живущих:
В прахе из оных одни, у судов мореходных данайских,
Бледны лежали, под силой данаев предавшие души,
А другие страдали под язвами стрел или копий.

764-766 Только Париса брата, супруга Елены прекрасной,
Скоро нашел он на левом конце истребительной брани,
Дух ополчений своих ободрявшего к крепкому бою.

767-769 Став перед ним, укоризненным голосом Гектор воскликнул:
«Видом лишь гордый, несчастный Парис, женолюбец, прельститель!
Где у тебя Деифоб и Гелен, повелитель народа?

770-772 Офрионей знаменитый, Гиртакид воинственный Азий,
Где Адамас? Погибает сегодня, с высот упадает
Троя святая! Сегодня твоя неизбежна погибель!»

773-776 Быстро ему возразил Приамид Александр боговидный:
«Ныне угодно тебе обвинять и безвинного, Гектор!
Прежде я более мог нерадивым во брани казаться,
Прежде, не ныне, — меня не без доблести матерь родила.

777-779 С часу, как ты пред судами кровавую битву воздвигнул,
С оного часу и мы с аргивянами здесь беспрерывно
Сходимся в бой; но друзей потеряли, которых ты назвал.

780-782 Только герой Деифоб и Гелен, повелитель народа,
С боя сошли, от могучих врагов пораженные оба
Копьями длинными в руки; но Зевс их избавил от смерти.

783-785 Гектор, веди нас, куда ни влеком ты бестрепетным сердцем.
Все мы горим за тобою последовать; в храбрости нашей,
Льщусь, не найдешь недостатка, покуда нам силы достанет;

786-793 Выше же силы, хотя б и пылал кто, не может сражаться!»
Так говоря, укротил он великого Гектора душу.
Ринулись оба, где более битва и сеча кипела
Вкруг Кебриона вождя, непорочного Полидамаса,
Фалка, Ортея, подобного богу вождя Полифита,
Пальма, Аскания, Мориса, отраслей Гиппотиона,
Двух воевод, из Аскании прежним пришедших на смену
Только вчера; устремил их на брань всемогущий Кронион.

794-800 Шли на сраженье трояне, как ветров неистовых буря,
Если под громом Кронидовым грозная степью несется
И, с ужаснейшим воем обрушась на понт, воздымает
Горы клокочущих волн по немолчношумящей пучине,
Грозно нависнувших, пенных, одни, а за ними другие, —
Так илионцы, сомкнувшись, одни, а за ними другие,
Медью блеща и гремя, за своими вождями летели.

801-803 Гектор предшествовал всем, смертоносному равный Арею;
Щит перед грудью его обращался, круг необъятный,
Кожами крепкий и сверху обложенный множеством меди;

804-806 Окрест главы у него колебался шелом лучезарный.
Всем он фалангам везде угрожал, под щитом наступая;
Все он испытывал их, не расстроит ли наступом грозным.

807-810 Но ничем не смущал он бесстрашного духа данаев.
Сын Теламонов его вызывал, широко выступая:
«Ближе, герой, подойди! И зачем издали ты пугаешь
Воинов Аргоса? В бранном искусстве и мы не невежды;

811-813 Мы лишь Кронидовым тяжким бичом смирены, аргивяне.
Верно, ты в сердце надеждой горишь уничтожить сегодня
Наши суда? Но целы и у нас на защиту их руки!

814-819 И вернее, что прежде с высокими башнями град ваш
Нашими будет руками и взят, и во прах ниспровержен!
День недалек, объявляю тебе, как и сам ты, бегущий,
Пламенно станешь молить и Зевеса и всех олимпийских,
Ястребов шибче да будут твои долгогривые кони,
Коих погонишь ты в град, подымая лишь пыль по долине».

820-823 Он говорил, и незапно над ним заширялася вправе
Птица, орел небопарный; вскричали ахейские рати,
Все ободренные чудом. Но Гектор бесстрашно ответил:
«Праздные звуки, Аякс! велеречишь, огромностью гордый!

824-831 Если бы столько же верно я сын громовержца Зевеса
Был, бесконечно живущий, от Геры богини рожденный,
Славимый всеми, как славится Феб и Афина Паллада, —
Сколько то верно, что день сей погибель несет аргивянам
Всем совершенно! Погибнешь и ты, коль отважишься ныне
Встретить мой дрот сокрушительный: он у тебя растерзает
Нежное тело; и птиц ты пустынных и псов илионских
Туком насытишь своим, пред судами ахейскими павший!»

832-835 Так произнес — и пошел он вперед. Устремились трояне
С криком ужасным; крикнули с ними и задние рати;
Крикнули вместе и рати данаев: они не теряли
Мужества и нажидали удара героев троянских;

836 Крик их взаимный дошел до эфира и светов Зевеса.

Une Sacra · издание 1 · unesacra.com · CC BY-NC-SA 4.0

ПЕСНЬ XIV

✦

1-3 Крик неспокойно услышал и Нестор, под сению пьющий;
Быстро к Асклепия сыну крылатую речь устремил он:
«Что, благородный Махаон, из дел сих нерадостных будет?

4-7 Крик при судах возрастает воинственный юношей наших!
Друг, сиди у меня и багряным вином укрепляйся:
Теплую ванну тебе Гекамеда кудрявая в куще
Скоро нагреет и прах кровавый на теле омоет.

8-11 Я подымусь лишь на холм и немедленно всё распознаю».
Рек — и художно сработанный щит захватил он сыновний,
Медью блестящий, который герой Фразимед конеборец
В сени оставил, а сам со щитом подвизался отцовским;

12-15 Крепкое взял копие, повершенное острою медью;
Вышел, пред кущею стал, и мгновенно позорное дело
Видит: ахейцы бегут, а бегущих преследуют с тыла
Гордые воины Трои; разбита твердыня ахеян!

16-22 Словно как море великое зыбью немою чернеет,
Предзнаменуя нашествие быстрое шумного ветра,
Только чернеет, еще ни сюда, ни туда не колышась,
Ветер доколе решительный, посланный Зевсом, не снидет, —
Так нерешительно Нестор душой колебался, волнуясь
Думой двоякой: к рядам ли идти аргивян быстроконных
Или к владыке мужей, властелину народов Атриду?

23-26 В сих волновавшемусь думах, сдалося полезнее старцу
К сыну Атрея идти. Между тем истребляли друг друга
Воины в битве; звучала ужасно вкруг тел их могучих
Медь, под ударом мечей и пик обоюдуконечных.

27-29 С Нестором встретились скоро цари, питомцы Зевеса,
Шедшие от кораблей, уязвленные прежде на битве,
Царь Диомед, Одиссей и державный Атрид Агамемнон.

30-32 Их корабли от равнины, где бились, далеко стояли
Берегом моря седого: они извлекли их на сушу
Первые; стену ж при них совокупно с другими воздвигли.

33-36 Берег, как ни был обширен, не мог обоюдувесельных
Всех кораблей их принять; стеснены ополчения были:
Лествицей их извлекли на песок и наполнили целый
Берег залива широкого, все между мысов пространство.

37-40 Три воеводы, пылая увидеть смятенную битву,
Рядом шли, подпираяся копьями; полно печали
Было их сердце. С ними встретился конник геренский
Нестор и более дух поразил у ахейских героев.

41-43 Быстро воскликнул ему повелитель мужей Агамемнон:
«Нестор, божественный старец, великая слава данаев!
Что приходил ты сюда, смертоносную битву оставив?

44-47 О, трепещу я, да слова не выполнит Гектор ужасный:
Некогда он, среди сонма троянского, гордый, грозился
В град от судов возвратиться не прежде, доколе ахейских
Всех кораблей не сожжет и ахеян самих не изгубит.

48-51 Так он на сонме грозился, — и все совершается ныне!
Боги! Так все ополчения медноружных данаев
Ненависть в сердце ко мне, как Пелид быстроногий, питают,
Если сражаться они не хотят при кормах корабельных!»

52-54 Быстро Атриду ответствовал Нестор, конник геренский:
«Так, Агамемнон, свершается все! и уже не возмог бы
Сам громовержец того, что свершилось, устроить иначе!

55-59 Пала твердыня ахеян, которая, мы уповали,
Нам от врагов и судам нерушимой защитою будет.
Но враги при судах беспрестанной, упорною битвой
Вкруг нас теснят, и уже не узнаешь, внимательно смотря,
Где аргивяне теснимые в большем расстройстве мятутся.

60-63 Всюду смятенье, убийство, и вопль раздается до неба!
Други, помыслим, какое из дел сих последствие будет?
Может быть, разум поможет. Но в битву вступать, воеводы,
Я не советую вам: уязвленным не должно сражаться».

64-70 Нестору вновь говорил повелитель мужей Агамемнон:
«Нестор, если уж бой при кормах корабельных пылает,
Если не в помощь ни вал нам высокий, ни ров, для которых
Столько трудов мы терпели, которые, мы уповали,
Нам от врагов и судам нерушимой защитою будут:
Нет сомнения, Зевсу всесильному видеть угодно
Здесь, от Эллады далеко, ахеян бесславно погибших!

71-73 Было то время, как ревностно он защищал и ахеян;
Ныне, я вижу, он Трои сынов, как бессмертных блаженных,
Славой венчает, ахейцам же силы и руки сковал он!

74-76 Слушайте ж, други, один мой совет, и его мы исполним:
Первые наши суда, находящиесь близко пучины,
Двинем немедля и спустим их все на священное море;

77-79 Станем высоко держаться на котвах, пока не наступит
Ночь безлюдная; может быть, в ночь прекратят нападенье
Трои сыны; и тогда мы суда и последние спустим.

80-83 Нет стыда избегать от беды и под мраками ночи;
Лучше бежа избежать от беды, чем вдаваться в погибель!»
Косо взглянув на него, возгласил Одиссей многоумный:
«Слово какое, властитель, из уст у тебя излетело?

84-87 Пагубный! лучше другим бы каким-либо воинством робким
Ты предводил, а не нами владел, не мужами, которым
С юности нежной до старости Зевс подвизаться назначил
В бранях жестоких, пока не погибнет с оружием каждый!

88-94 Или ты хочешь троянский сей град многолюдный оставить,
Град, вкруг которого столько ужасных мы бед претерпели?
Смолкни, чтоб кто-либо здесь не услышал еще из ахеян
Речи, какой никогда и в устах иметь не захочет,
Кто говорить разумеет согласное с разумом здравым,
Кто скиптродержец, кому повинуются столько народов,
Сколько тебе, неисчетных аргивских племен повелитель!

95-102 Замысел твой отвергаю я вовсе и что ты вещаешь!
Ты предлагаешь теперь, в продолжение боя и смуты,
В море спускать корабли, да желанное сердцу троянам,
В брани и так торжествующим, сбудется всё? а над нами
Грозная гибель над всеми обрушится! ибо ахейцы
Боя не выдержат, если суда повлекутся на волны:
Вспять озираться начнут и оставят воинскую доблесть,
И твои нас советы погубят, правитель народа!»

103-106 Быстро воскликнул тогда повелитель мужей Агамемнон:
«О Лаэртид! поразил ты глубоко упреком жестоким
Душу мою; но ахеянам я не даю повелений
Влечь вопреки их желаньям, судов многоместных на волны.

107-112 Муж да предстанет и лучший совет моего да предложит;
Юноша он или старец — равно мне приятен он будет».
И меж них взговорил Диомед, воеватель бесстрашный:
«Муж сей пред вами! не долго искать его, если угоден
Добрый совет: но меня да не презрит никто, оскорбляясь
Тем, что начну говорить между вами, героями, младший.

113-115 Сам справедливо горжусь я отца знаменитого родом,
Кровью Тидея, которого в Фивах сокрыла могила.
Три непорочные сына на свет рождены от Порфея;

116-118 Жили в Плевроне и в тучной земле, Калидоне гористом,
Агрий и Мелас, а третий из них был Иней конеборец,
Дед мой, Тидеев отец, знаменитейший доблестью всех их.

119-125 Там же и он обитал; но родитель мой в Аргос укрылся,
Долго скитавшийся: Зевс и бессмертные так восхотели.
Дочерь Адраста избравши супругою, дому владыка,
Благами жизни богатый, довольно имел он обширных
Нив хлебородных, множество разных садов плодоносных,
Множество стад он имел, и ахейских мужей копьеборством
Всех превышал; но сие вы, как истину, слышали сами.

126-128 Зная ж, цари, что и я не презренного племени отрасль,
Вы не презрите советом, который скажу я свободно:
В битву пойдем, невзирая на раны: зовет неизбежность!

129-132 Там мы покажемся ратям; но боя удержимся, ставши
Одаль от стрел, чтобы кто-либо раны на рану не принял;
Только других поощрим на сражение: множество ратных,
Слабым сердцам угождая, стоят вдалеке, не сражаясь».

133-136 Так говорил, — и, внимательно слушав, цари покорились;
К битве пошли, и предшествовал им Агамемнон державный.
Тою порой не вотще соглядал Посидон земледержец:
Он воеводам явился под образом древнего мужа;

137-141 Взял за десную царя, устроителя ратей Атрида,
И к нему возгласил, устремляя крылатые речи:
«Царь Агамемнон! теперь Ахиллесово мрачное сердце
С радости в персях трепещет, как гибель и бегство данаев
Он созерцает! и нет у него ни малейшего чувства!

142-146 Пусть же он так и погибнет, и бог постыдит горделивца!
Ты ж, Агамемнон, не вовсе блаженным богам ненавистен;
Может быть, скоро троянских племен и вожди и владыки
Прах по широкому полю подымут; может быть, скоро
Ты их увидишь бегущих от наших судов и от кущей».

147-152 Рек он — и с криком ужасным понесся стремительно полем.
Словно как девять иль десять бы тысяч воскликнули разом
Сильных мужей на войне, зачинающих ярую битву, —
Гласом из персей таким колебатель земли Посидаон
Грянул меж воинств, и каждому в сердце ахейцу вдохнул он
Бурную силу, без устали вновь воевать и сражаться.

153-156 Гера, царица златопрестольная, став на Олимпе,
Взоры свои с высоты устремила и скоро узнала
Быстро уже пролетевшего поприще славного боя
Брата и деверя мощного; радость проникла ей душу.

157-160 Зевса ж, на высях сидящего Иды, потоками шумной,
Гера узрела, и был ненавистен он сердцу богини.
Начала думы вращать волоокая Зевса супруга,
Как обольстить ей божественный разум царя Эгиоха?

161-165 Лучшею сердцу богини сия показалася дума:
Зевсу на Иде явиться, убранством себя изукрасив.
Может быть, он возжелает почить и любви насладиться,
Видя прелесть ее, а она и глубокий и сладкий,
Может быть, сон пролиет на зеницы его и на разум.

166-168 Гера вошла в почивальню, которую сын ей любезный
Создал Гефест. К вереям примыкались в ней плотные двери
Тайным запором, никем от бессмертных еще не отверстым.

169-174 В оную Гера вступив, затворила блестящие створы;
Там амброзической влагой она до малейшего праха
С тела прелестного смыв, умастилася маслом чистейшим,
Сладким, небесным, изящнейшим всех у нее благовоний:
Чуть сотрясали его в медностенном Крониона доме —
Вдруг до земли и до неба божественный дух разливался.

175-177 Им умастивши прекрасное тело, власы расчесала,
Хитро сплела и сложила, и волны блистательных кудрей,
Пышных, небеснодушистых, с бессмертной главы ниспустила.

178-180 Тою душистой оделася ризой, какую Афина,
Ей соткав, изукрасила множеством дивных узоров;
Ризу златыми застежками выше грудей застегнула.

181-183 Стан опоясала поясом, тьмою бахром окруженным.
В уши — прекрасные серьги с тройными подвесями вдела,
Ярко игравшие: прелесть кругом от богини блистала.

184-186 Легким покровом главу осенила державная Гера,
Пышным, новым, который, как солнце, сиял белизною.
К светлым ногам привязала красы велелепной плесницы.

187-190 Так для очей восхитительным тело украсив убранством,
Вышла из ложницы Гера и Зевсову дочь Афродиту
Вдаль от бессмертных других отозвала и ей говорила:
«Что я скажу, пожелаешь ли, милая дочь, мне исполнить?

191-194 Или отвергнешь, Киприда, в душе на меня сокрывая
Гнев, что я за данаев, а ты благосклонна троянам?»
Ей отвечала немедленно Зевсова дочь Афродита:
«Гера, богиня старейшая, отрасль великого Крона!

195-199 Молви, чего ты желаешь; исполнить сердце велит мне,
Если исполнить могу я и если оно исполнимо».
Ей, коварствуя сердцем, вещала державная Гера:
«Дай мне любви, Афродита, дай мне тех сладких желаний,
Коими ты покоряешь сердца и бессмертных и смертных.

200-204 Я отхожу далеко, к пределам земли многодарной,
Видеть бессмертных отца Океана и матерь Тефису,
Кои питали меня и лелеяли в собственном доме,
Юную взявши от Реи, как Зевс беспредельно гремящий
Крона под землю низверг и под волны бесплодного моря.

205-207 Их я иду посетить, чтоб раздоры жестокие кончить.
Долго, любезные сердцу, объятий и брачного ложа
Долго чуждаются боги: вражда им вселилася в души.

208-210 Если родителей я примирю моими словами,
Если на одр возведу, чтобы вновь сочетались любовью,
Вечно остануся я и любезной для них, и почтенной».

211-213 Ей, улыбаясь пленительно, вновь отвечала Киприда:
«Мне невозможно, не должно твоих отвергать убеждений:
Ты почиваешь в объятиях бога всемощного Зевса».

214-217 Так говоря, разрешила на персях иглой испещренный
Пояс узорчатый: все обаяния в нем заключались;
В нем и любовь и желания, шепот любви, изъясненья,
Льстивые речи, не раз уловлявшие ум и разумных.

218-221 Гере его подала и такие слова говорила:
«Вот мой пояс узорный, на лоне сокрой его, Гера!
В нем заключается всё; и в чертоги Олимпа, надеюсь,
Ты не придешь, не исполнивши пламенных сердца желаний».

222-224 Так изрекла; улыбнулась лилейнораменная Гера,
И с улыбкой сокрыла блистательный пояс на лоне.
К сонму богов возвратилася Зевсова дочь Афродита.

225-228 Гера же, вдруг устремившись, оставила выси Олимпа,
Вдруг пролетела Пиерии холмы, Эмафии долы,
Быстро промчалась по снежным горам фракиян быстроконных,
Выше утесов паря и стопами земли не касаясь;

229-231 С гордой Афоса вершины сошла на волнистое море;
Там ниспустилася в Лемне, Фоасовом граде священном;
Там со Сном повстречалася, братом возлюбленным Смерти;

232-235 За руку бога взяла, называла и так говорила:
«Сон, повелитель всех небожителей, всех земнородных!
Если когда-либо слово мое исполнял ты охотно,
Ныне исполни еще: благодарность моя беспредельна.

236-241 Сон, усыпи для меня громодержцевы ясные очи,
В самый тот миг, как на ложе приму я в объятия бога.
В дар от меня ты получишь трон велелепный, нетленный,

Златом сияющий: сын мой, художник, Гефест хромоногий,
Сам для тебя сотворит и подножием пышным украсит,
Нежные ноги тебе на пиршествах сладких покоить».

242-246 Гере державной немедля ответствовал Сон усладитель:
«Гера, богиня старейшая, отрасль великого Крона!
Каждого я из богов, населяющих небо и землю,
Сном одолею легко: усыплю я и самые волны
Древней реки Океана, от коего всё родилося.

247-253 К Кронову ж сыну, царю, и приближиться я не посмею,
В сон не склоню громодержца, доколе не сам повелит он.
Помню, меня он и прежде своей образумил грозою,
В день, как возвышенный духом Геракл, порожденный Зевесом,
Плыл от брегов Илиона, троянского града рушитель:
В оный я день обаял Эгиоха всесильного разум,
Сладко разлившися; ты ж устрояла напасти Гераклу;

254-259 Ты неистовых ветров воздвигнула бурю на море,
Сына его далеко от друзей, далеко от отчизны,
Бросила к брегу Кооса. Воспрянул Кронид и грозою
Всех по чертогу рассыпал бессмертных; меня наипаче
Гневный искал и на гибель с неба забросил бы в море,
Если бы Ночь не спасла, и бессмертных и смертных царица.

260-262 К ней я, спасаясь, прибег. Укротился, как ни был разгневан,
Зевс молнелюбец: священную Ночь оскорбить он страшился.
Ты же велишь мне опять посягнуть на опасное дело!»

263-266 Вновь говорила ему волоокая Гера богиня:
«Сон усладитель, почто беспокойные мысли питаешь?
Или ты думаешь, будет троян защищать громовержец
Так же, как в гневе своем защищал он любезного сына?

267-269 Шествуй; тебе в благодарность юнейшую дам я Хариту;
Ты обоймешь наконец, назовешь ты своею супругой
Ту Пазифею, по коей давно все дни воздыхаешь».

270-276 Так изрекла, и ответствовал Сон, восхищенный обетом:
«Гера, клянись нерушимою клятвою, Стикса водою;
Руки простри и коснися, одною — земли многодарной,
Светлого моря — другою, да будут свидетели клятвы
Все преисподние боги, присущие древнему Крону:
Ими клянися, что мне ты супругой Хариту младую
Дашь Пазифею, по коей давно я все дни воздыхаю».

277-279 Рек, — и ему покорилась лилейнораменная Гера;
Руки простерши, клялась и, как он повелел, призывала
Всех богов преисподних, Титанами в мире зовомых.

280-282 Ими клялася, и страшную клятву едва совершила,
Оба взвились и оставили Имбра и Лемна пределы;
Оба, одетые облаком, быстро по воздуху мчались.

283-285 Скоро увидели Иду, зверей многоводную матерь;
Около Лекта оставивши понт, божества над землею
Быстро текли, и от стоп их — дубрав потрясались вершины.

286-288 Там разлучилися: Сон, от Кронидовых взоров таяся,
Сел на огромнейшей ели, какая в то время на Иде,
Высшая, гордой главою сквозь воздух в эфир уходила;

289-291 Там он сидел, укрываясь под мрачными ветвями ели,
Птице подобяся звонкоголосой, виталице горной,
В сонме бессмертных слывущей халкидой, у смертных киминдой.

292-296 Гера владычица быстро всходила на Гаргар высокий,
Иды горы на вершину: увидел ее громовержец,
Только увидел, — и страсть обхватила могучую душу
Тем же огнем, с каким насладился он первой любовью,
Первым супружеским ложем, от милых родителей тайным.

297-299 Встречу супруге восстал громовержец и быстро воскликнул:
«Гера супруга! почто же ты шествуешь так от Олимпа?
Я ни коней при тебе, ни златой колесницы не вижу».

300-302 Зевсу, коварствуя сердцем, вещала державная Гера:
«Я отхожу, о супруг мой, к пределам земли даровитой,
Видеть бессмертных отца Океана и матерь Тефису.

303-306 Боги питали меня и лелеяли в собственном доме.
Их я иду посетить, чтоб раздоры жестокие кончить.
Долго, любезные сердцу, объятий и брачного ложа
Долго чуждаются боги: вражда им вселилася в души.

307-311 Кони при мне, у подошвы обильной потоками Иды
Ждут и оттоле меня и по суше помчат и по влаге.
Но сюда я, Кронид, прихожу для тебя от Олимпа,

Ты на меня, о супруг, не разгневался б, если безмолвно
В дом отойду Океана, глубокие льющего воды».

312-314 Быстро ответствовал ей воздымающий тучи Кронион:
«Гера супруга, идти к Океану и после ты можешь.
Ныне почием с тобой и взаимной любви насладимся.

315-318 Гера, такая любовь никогда, ни к богине, ни к смертной,
В грудь не вливалася мне и душою моей не владела!
Так не любил я, пленяся младой Иксиона супругой,
Родшею мне Пирифоя, советами равного богу;

319-322 Ни Данаей прельстясь, белоногой Акрисия дщерью,
Родшею сына Персея, славнейшего в сонме героев;
Ни владея младой знаменитого Феникса дщерью,
Родшею Криту Миноса и славу мужей Радаманта;

323-325 Ни прекраснейшей смертной пленяся, Алкменою в Фивах,
Сына родившей героя, великого духом Геракла;
Даже Семелой, родившею радость людей Диониса;

326-328 Так не любил я, пленясь лепокудрой царицей Деметрой,
Самою Летою славной, ни даже тобою, о Гера!
Ныне пылаю тобою, желания сладкого полный!»

329-332 Зевсу, коварствуя сердцем, вещала державная Гера:
«Страшный Кронион! какие ты речи, могучий, вещаешь?
Здесь ты желаешь почить и объятий любви насладиться,
Здесь, на Идейской вершине, где все открывается взорам?

333-336 Что ж, и случиться то может, если какой из бессмертных
Нас почивших увидит и всем населяющим небо
Злобный расскажет? Тогда не посмею, восставшая с ложа,
Я в олимпийский твой дом возвратиться: позорно мне будет!

337-339 Если желаешь и если твоей душе то приятно,
Есть у тебя почивальня, которую сын твой любезный
Создал Гефест, и плотные двери с запором устроил.

340-345 В оной почить удалимся, когда ты желаешь покоя».
Гере быстро ответствовал туч воздыматель Кронион:
«Гера супруга, ни бог, на меня положися, ни смертный
Нас не увидит: такой над тобою кругом распростру я
Облак златой; сквозь него не проглянет ни самое солнце,
Коего острое око всё проницает и видит».

346-349 Рек — и в объятия сильные Зевс заключает супругу.
Быстро под ними земля возрастила цветущие травы,
Лотос росистый, шафран и цветы гиацинты густые,
Гибкие, кои богов от земли высоко подымали.

350-353 Там опочили они, и одел почивающих облак
Пышный, златой, из которого капала светлая влага.
Так беззаботно, любовью и сном побежденный, Кронион
Спал на вершине Идейской, в объятиях Геры супруги.

354-357 Быстро к судам аргивян победительный Сон обратился,
Радости весть возвестить черновласому Энносигею;
Стал перед ним и воззвал, устремляя крылатые речи:
«Ревностно, царь Посидаон, теперь поборай за данаев!

358-360 Даруй ты им хоть мгновенную славу, пока почивает
Зевс громовержец: царя окружил я дремотою сладкой;
Гера склонила его насладиться любовью и ложем».

361-364 Рек — и к другим отлетел племенам человеческим славным,
Боле еще возбудив Посидона к защите ахеян.
Он пред ряды первоборные вышел вперед, восклицая:
«Мы ли, ахейцы, опять Приамиду победу уступим?

365-367 Мы ли допустим, чтоб взял корабли он и славой покрылся?
Так похваляется он и грозит, оттого что бездействен
Близ кораблей остается могучий Пелид прогневленный.

368-375 Но и в Пелиде нам нужды не будет, когда совокупно
Все устремимся, решася стоять одному за другого!
Други, внимайте, совет предложу я, а вы повинуйтесь:
Быстро щитами, которые в воинстве лучше и больше,
Перси оденем, шеломами крепкими чéла покроем
И, медножалые, длинные копья в руках потрясая,
Храбро пойдем, перед вами я сам; я не мню, чтобы Гектор
Мог против нас устоять, и неистово бурный на битвах!

376-378 Кто меж бойцами могуч, но щитом не великим владеет,
Слабому пусть передаст он, а сам да идет под великим».
Так он вещал, — и с усердием пламенным все покорились.

379-382 Сами цари, забывая их язвы, строили ратных,
Царь Диомед, Одиссей и державный Атрид Агамемнон;
Рать обходя, заставляли менять боевые доспехи:
Крепкие крепкий вздевал, отдавая слабейшие слабым.

383-387 Так ополчившися пышносияющей медью, данаи
Двинулись; их предводил Посидаон, колеблющий землю,
Меч долголезвенный, страшный неся во всемощной деснице,
Равный молнии пламенной: с ним невозможно встречаться
В сече погибельной, — смертного ужасом он поражает.

388-391 Рати троянские встречу построил блистательный Гектор.
В оное время ужаснейший спор ратоборный воздвигли
Бог Посидон черновласый и шлемом сверкающий Гектор,
Сей илионян любезных, а тот аргивян защищая.

392-395 Море восстало и волны до самых судов и до кущей
С ревом плескало, а рати сходилися с воплем ужасным.
Волны морские не столько свирепые воют у брега,
Быстро гонимые с моря дыханием бурным Борея;

396-401 Огнь-истребитель не столько шумит, распыхавшись пожаром,
Если, по дебри гористой разлившися, лес пожирает;
Ветер не столько гремит по дубам высоковолосым,
Если со всею свирепостью воет над ними, бушуя, —
Сколько гремел на побоище голос троян и ахеян,
Кои с неистовым воплем одни на других устремлялись.

402-407 Первый в Аякса копьем шлемоблещущий Гектор ударил,
В миг, как Аякс на него наступал, и наметил он верно;
Там, где на персях два перевесных ремня простирались,
Сей от щита, а другой от меча у Аякса героя,
Там поразил; но ремни защитили. Разгневался Гектор,
Видя, что быстрая медь бесполезно из рук излетела;

408-413 К сонму друзей отступил Приамид, избегающий смерти.
Но его отступившего вдруг поразил Теламонид
Камнем, которые кучей, подпоры судов извлеченных,
Там у бойцов под ногами крутились: такой подхвативши,
В грудь, чрез поверхность щита, поразил Приамида близ выи,
Махом пустив, как кубарь, и пронесся он, шумно кружася.

414-418 Словно как дуб под ударом крушительным Зевса Кронида
Падает с корня, из древа разбитого вьется зловонный
Серный дым; и стоит, как бездушный, паденья свидетель,
Близкий прохожий: погибелен гром всемогущего Зевса, —
Так ниспроверглася быстро на прах Приамидова крепость.

419-426 Дрот из руки полетел, на него навалился огромный
Щит и шелом, и взгремела на нем распещренная броня.
С криком ужасным к нему полетели ахейцы младые,
Падшего чая увлечь, и из рук на него устремили
Множество пик; но не мог ни единый владыке народов
Язвы нанесть, ни ударить; немедля его окружили
Вои храбрейшие: Полидамас и Эней и Агенор,
Ликии царь Сарпедон, и воинственный Главк непорочный;

427-431 Не было мужа, о нем не радевшего; каждый над падшим
Выпуклый щит в оборону простер; а друзья, Приамида
На руки скоро подняв, из борьбы понесли, поспешая
К коням ретивым, которые сзади сраженья и смуты
С храбрым возницей и с пышной его колесницей стояли.

432-437 Кони ко граду помчали стенящего тяжко героя.
Но лишь примчались ко броду реки прекрасно текущей,
Ксанфа пучинного, богом рожденного, Зевсом бессмертным,
Там с колесницы его положили на землю и свежей
Влагой лицо оросили. Вздохнул, проглянул он очами
И, на коленях держащийся, кровью из уст обливался;

438-441 Скоро опять опрокинулся в прах, и опять ему очи
Мрачная ночь осенила: удар оглушал еще душу.
Рати ахеян, увидевши Гектора, сшедшего с поля,
Бросились жарче на гордых троян и возвысились духом.

442-445 Первый от всех аргивян, Оилеев Аякс быстроборный
Сатния смертно пробил, налетев с изощренною пикой, —
Сатния, Энопа сына, которого нимфа наяда
Энопу, пастырю стад, родила на брегах Сатниона.

446-448 Сатния славный копейщик Аякс Оилид, налетевши,
В пах поразил; опрокинулся он, и за труп Энопида
Трои сыны и ахеяне подняли страшную сечу.

449-451 Полидамас за него, потрясая огромною пикой,
Мстителем вышел и, бросив, попал Профоенора в рамо,
Ветвь Арейлика, — рамо пронзает могучая пика;

452-455 В прах он падет и рукою хватает кровавую землю.
Сын Панфоя, свирепо гордящийся, звучно воскликнул:
«Скажет ли кто и теперь, что у храброго Полидамаса
Тщетно из длани могучей огромная прянула пика!

456-458 Острую принял какой-то ахеец и ею, надеюсь,
Он, опираясь, пойдет в преисподние домы Аида!»
Так восклицал. Огорчили ахеян надменного речи;

459-464 Более ж всех у Аякса геройскую взорвали душу;
Подле него пораженный противником пал Профоенор.
Гневный Аякс в отступавшего ринул сверкающий дротик:
Сам Панфоид едва от погибели черной избегнул,
Прянувши вбок; но копье Архелох смертоносное принял,
Сын Антеноров: ему предназначили боги погибель;

465-468 Храброго дрот улучил в сочетание выи с главою,
В верх позвонка, и рассек у несчастного крепкие жилы;
Мощным ударом сраженный, главой он, лицом и устами
Прежде ударился в дол, чем своими коленами, павший.

469-471 Громко вскричал Теламонид к Панфоеву славному сыну:
«Взор обрати, Панфоид, и поведай, троянец, мне правду:
Пасть за вождя Профоенора сей не достоин ли воин?

472-474 Он не презренный боец, не презренного, кажется, рода:
Он илионян вождя, Антенора, смирителя коней,
Сын или брат; Антенора он племени сильно подобен».

475-477 Так говорил, несомнительно зная. Печаль поразила
Души троян, — и пронзил Акамас беотийца Промаха,
Мстящий за брата, которого труп увлекал беотиец.

478-481 Злобно над павшим гордился и так восклицал победитель:
«Нет, аргивяне стрельцы, угроз расточители праздных!
Нет, о друзья, не одним боевые труды и печали

Нам суждены: одинако погибель и вас постигает!

482-485 Видите ль, воин и ваш, ниспроверженный пикой моею,
Крепко уснул: не осталася месть за убитого брата
Долго без платы! Разумен, кто пекся, как брат мой любезный,
Брата в дому по себе, отомстителя смерти оставить!»

486-491 Так говорил; аргивян оскорбили надменного речи;
Более ж всех Пенелею воинственный дух взволновали.
Бросился он на троянца; но сильного встретить удара
Тот не дерзнул; и герой Пенелей Илионея свергнул,
Отрасль Форбаса, стадами богатого. Гермесом был он
Более всех из пергамцев любим и богатством ущедрен;

492-501 Но от супруги имел одного Илионея сына.
Пикой его Пенелей поразил в основание ока,
Вышиб зрачок; проколовшая пика и око и череп
Вышла сквозь тыл, и присел на побоище, руки раскинув,
Юноша бедный; а тот, из влагалища вырвавши меч свой,
В выю с размаха ударил и снес на кровавую землю
Голову с медным шеломом; еще смертоносная пика
В оке стояла; как мак, он кровавую голову поднял,
Сонму троян показал и гордящийся так говорил им:
«Трои сыны, известите родителей славного сына,

502-505 Мать и отца Илионея; пусть его в доме оплачут!
Ах! и младая жена беотиян героя Промаха
Встретить супруга не к радости выйдет, когда из-под Трои
Мы в кораблях возвратимся, младые ахейские мужи!»

506-510 Рек он, — и лица пергамлян покрылися ужасом бледным;
Каждый стал озираться на бегство от гибели грозной.
Ныне поведайте мне, на Олимпе живущие Музы,
Кто меж ахейцами первый корысти кровавые добыл
В битве, на сторону их преклоненной царем Посидоном?

511-513 Первый Аякс Теламонид отважного Иртия свергнул,
Гиртова сына, вождя крепкодушных, воинственных мизов;
Фалка сразил Антилох и оружия с Мермера сорвал;

514-519 Вождь Мерион Гипотиона с Морисом храбрым низринул;
Тевкр низложил Профоона и мчавшегось в бег Перифета;
Сильный Атрид Гиперенора, пастыря сильных народов,
В пах боковой заколол; копие, растерзавши утробу,
Внутренность вырвало вон; из зияющей раны теснимый
Дух излетел, и тьма Гиперенору очи покрыла.

520-522 Более ж всех поразил Оилеев Аякс быстроногий:
С ним из вождей не равнялся никто быстротой на погоне
Воев бегущих, которых ужасом Зевс поражает.

Une Sacra · издание 1 · unesacra.com · CC BY-NC-SA 4.0

ПЕСНЬ XV

✦

1-5 В бегстве, когда частокол и глубокий окоп миновали
И лишилися многих, руками данаев попранных,
Там, у своих колесниц удержалися, стали трояне,
Бледны от страха и трепетны. В оное время воспрянул
Зевс на Иде горе из объятий владычицы Геры.

6-8 Быстро воздвигшись, он стал и увидел троян и данаев,
Первых в расстройстве бегущих, а с тыла жестоко гонящих
Бодрых данаев, и между их воинств царя Посейдона;

9-11 Гектора ж в поле увидел простертого; окрест героя
Други сидели; тягостно дышащий, чувства лишенный,
Кровь извергал он: его поразил не бессильный данаец.

12-15 Видя его, милосердовал царь и бессмертных и смертных;
Быстро и грозно на Геру смотря, провещал громодержец:
«Козни твои, о злотворная, вечно коварная Гера,
Гектора мощного с боя свели и троян устрашили!

16-21 Но еще я не знаю, не первая ль козней преступных
Вкусишь ты плод, как ударами молний тебя избичую!
Или забыла, как с неба висела? как две навязал я
На ноги наковальни, а на руки набросил златую
Вервь неразрывную? Ты средь эфира и облаков черных
С неба висела; скорбели бессмертные все на Олимпе;

22-27 Но свободить не могли, приступая: кого ни постиг я,
С прага небесного махом свергал, и слетал он на землю,
Только что дышащий; сим не смягчился б мой гнев непреклонный,
Гнев за страдания богоподобного сына Геракла,
Коего ты, возбудив на него и Борея и бури,
Злобно гнала по пустынному понту, беды устрояя;

28-30 К краю чужому его, к многолюдному бросила Косу.
Я и оттоле избавил его и в отечество паки,
В Аргос цветущий привел, совершителя подвигов многих.

31-33 То вспоминаю тебе, да оставишь ты козни и видишь,
В помощь ли злобе твоей и любовь и объятия были,
Коими ты, от богов удаляся, меня обольстила!»

34-40 Он произнес; ужаснулась великая Гера богиня
И воскликнула так, устремляя крылатые речи:
«Будьте свидетели мне, о земля, беспредельное небо,
Стикса подземные воды, о вы, величайшая клятва,
Клятва ужасная даже бессмертным, я вами клянуся,
Самой твоею священной главою и собственным нашим
Ложем брачным, которым вовек не клянуся я всуе!

41-43 Нет, не с советов моих Посейдаон, земли колебатель,
Трои сынам и вождю их вредит, а других защищает.
Верно, к тому преклонен и подвигнут он собственным сердцем;

44-46 Верно, ахеян узрев, милосердовал он о стесненных.
Я ж и ему бы скорее совет подала, да всегда он
Ходит путем, по которому ты повелишь, громовержец!»

47-52 Так говорила; осклабился царь и бессмертных и смертных
И ответствовал ей, устремляя крылатые речи:
«Если вперед, о супруга, лилейнораменная Гера,
Будешь на сонме божественном мыслить согласно со мною,
Сам Посейдаон, хотя бы желал совершенно иного,
Мысль переменит, согласно с твоей и моею душою.

53-55 Ныне ж, когда непритворно и истину ты говорила,
Шествуй немедля к семейству богов, повели, да на Иду
Вестница неба Ирида и Феб сребролукий предстанут.

56-58 Вестница быстрая к воинству меднодоспешных данаев
Снидет и скажет мое повеленье царю Посейдону,
Да оставит он брань и в обитель свою возвратится.

59-62 Феб же великого Гектора снова ко брани воздвигнет,
Новую бодрость вдохнет и его исцелит от страданий,
Ныне терзающих душу героя, а рати ахеян
Вновь к кораблям отразит, малодушное бегство пославши.

63-67 В бегстве они упадут на суда Ахиллеса Пелида.
Царь Ахиллес ополчит на сражение друга Патрокла,
Коего в битве копьем поразит броненеблещущий Гектор
Пред Илионом, как тот уже многих юношей храбрых
Свергнет, и с ними мою драгоценную ветвь, Сарпедона.

68-71 Гектора, мстящий за друга, сразит Ахиллес знаменитый.
С оного времени паки побег от судов и погоню
Я сотворю и уже невозвратно, доколе ахейцы
Трои святой не возьмут, по советам премудрой Афины.

72-77 Так не свершившемусь, гнева ни сам не смягчу, ни другому
Богу бессмертному я аргивян защищать не позволю
Прежде, пока не исполнится все упованье Пелида:
Так обещал я и так утвердил я моею главою
В день, как Фетида, объемля колена, меня умоляла
Сына прославить ее, Ахиллеса, рушителя твердей».

78-83 Рек; и ему покорилась лилейнораменная Гера;
Бросилась с Иды горы, устремляяся быстро к Олимпу.
Так устремляется мысль человека, который, прошедши
Многие земли, про них размышляет умом просвещенным:
«Там проходил я, и там», и про многое вдруг вспоминает, —
С равной стремясь быстротой, пролетела по воздуху Гера;

84-86 Высей Олимпа достигнув, она обрела совокупных
Всех небожителей в доме Кронида. Богиню увидев,
Все поднялися, и каждый своею чествовал чашей.

87-90 Гера, всех обошед, у Фемиды румяноланитой
Приняла чашу; Фемида бо первая Гере входящей
Бросилась в встречу и речи крылатые к ней устремила:
«Что ты, о Гера, приходишь, таким пораженная страхом?

91-94 Верно, тебя устрашил громоносный супруг твой Кронион?»
Ей отвечала богиня, лилейнораменная Гера:
«Что вопрошаешь, Фемида бессмертная; или не знаешь,
Сколько метателя молний душа и горда и сурова.

95-99 Но воссядь и начни ты пир с бессмертными общий;
Вместе со всеми богами услышишь, Фемида, какие
Ужасы нам возвещает Кронион. Никто, уповаю,
Радостен сердцем не будет, ни смертный, ни даже бессмертный,
Как бы он ни был доныне средь пиршества мирного весел».

100-102 Так изрекла, и воссела владычица Гера; смутились
Боги в Зевсовом доме; она ж улыбалась устами,
Но чело у нее между черных бровей не светлело.

103-108 Вдруг, ко всем обращаясь, воскликнула гневная Гера:
«Боги безумные, мы безрассудно враждуем на Зевса!
Мы бесполезно пылаем его укротить, нападая
Словом иль силою! Он, удаляся, об нас и не мыслит,
Нас презирает, считает, что он меж богов вековечных
Властью и силой своей превосходнее всех несравненно.

109-112 Должно терпеть вам, какое бы зло и кому б ни послал он;
Им, как я мыслю, сегодня удар нанесен и Арею:
Пал на бою Аскалаф, брауоносец, любезнейший богу,
Смертный, которого сыном могучий Арей называет».

113-118 Так изрекла; и ударил Арей по крутым себя бедрам
Дланями жилистых рук и рыдающий громко воскликнул:
«О, не вините меня, на Олимпе живущие боги,
Если за сына я мстить иду к ополченьям ахейским,
Мстить, хоть и сужено мне, пораженному Зевса перуном,
С трупами вместе лежать, в потоках кровавых и прахе!»

119-122 Рек, и тогда ж повелел он и Страху и Ужасу коней
Впрячь, а сам покрывался оружием пламеннозарным.
Верно б, сильнейший, стократно ужаснейший, нежели прежний,
Гнев громодержца и мщенье противу богов воспылали;

123-129 Но Афина богиня, за всех устрашася бессмертных,
Бросилась к двери, оставивши трон, на котором сидела;
Щит от рамен и шелом от главы у Арея сорвала,
Пику поставила в сторону, вырвав из длани дебелой,
И загремела, словами напав на сурового бога:
«Буйный, безумный, ты потерялся! Напрасно ль имеешь
Уши, чтоб слышать? Иль стыд у тебя и рассудок погибли?

130-134 Или не слышишь ты, что говорит владычица Гера,
Гера, теперь возвратившаясь к нам от владыки Зевеса?
Или ты хочешь, как сам, претерпев неисчетные бедства,
С горьким стыдом, поневоле, на светлый Олимп возвратиться,
Так и на всех нас, бессмертных, навлечь неизбежное бедство?

135-137 Скоро, сомнения нет, племена и троян и данаев
Бросил бы Зевс и пришел бы он нас ужаснуть на Олимпе;
И постиг бы, карающий, всех — и виновных и правых!

138-141 Будь мне послушен и месть отложи за убитого сына.
Воин в бою не один, и храбрейший его и сильнейший,
Пал и еще ниспадет, пораженный другим; невозможно
Весь человеческий род неисчетный от смерти избавить».

142-144 Так говоря, посадила на трон исступленного бога.
Гера ж царя Аполлона из Зевсова вызвала дому
Вместе с Иридою, вестницей быстрой богов олимпийских.

145-148 К ним возгласивши, она провещала крылатые речи:
«Зевс повелел, да на Иду немедля предстанете оба;
Но лишь предстанете вы и лицо увидите бога,
Делайте, что повелит и чего Эгиох ни восхощет».

149-151 Так изрекла и, в чертог возвратяся, владычица Гера
Села на трон, а Ирида и Феб, устремясь, полетели;
Быстро спустились на Иду, зверей многоводную матерь;

152-156 Там, на возвышенном Гаргаре Зевса нашли громодержца;
Он восседал, и его благовонный увенчивал облак.
Боги, представ пред лицо воздымателя облаков Зевса,
Стали, — и к ним устремил Олимпиец негневные очи:
Скоро они покорились супруги его повеленьям.

157-159 К первой Ириде он рек, устремляя крылатые речи:
«Шествуй, Ирида быстрая, к богу морей Посейдону,
Всё, что реку, возвести и неложною вестницей будь мне.

160-164 Пусть он брань оставит немедленно, пусть возвратится
Или в собор небожителей, или в священное море.
Если ж глаголы мои не восхощет исполнить, но презрит, —
Пусть он помыслит, и с сердцем своим и с умом совещаясь,
Может ли, как ни могущ он, меня в нападении встретить?

165-167 Думаю, что Посейдаона я и могуществом высший,
Я и рожденьем старейший, а он не страшится единый
Равным считаться со мной, пред которым все боги трепещут».

168-172 Рек; покорилась ему ветроногая вестница неба;
Быстро от Иды горы понеслась к Илиону святому.
Словно как снег из тучи иль град холодный, обрушась,
Быстро летит, уносясь проясняющим воздух Бореем, —
Так устремляяся, быстрая путь пролетела Ирида;

173-175 Стала и так провещала могущему Энносигею:
«С вестью тебе, Посейдон, колебатель земли черновласый,
Я нисхожу от эгида носителя Зевса Кронида.

176-183 Брань ты оставь немедленно, так он велит; возвратися
Или в собор небожителей, или в священное море.
Если ж глаголы его не восхощешь исполнить и презришь,
Он угрожает, что сам, и немедля, с тобою сразиться
Придет сюда; и советует он, чтобы ты уклонялся
Рук громовержущих: ведаешь, он и могуществом высший,
Он и рожденьем старейший; а ты, Посейдон, не страшишься
Спорить о равенстве с тем, пред которым все боги трепещут».

184-186 Ей, негодующий сердцем, ответствовал царь Посейдаон:
«Так, могуществен он; но слишком надменно вещает,
Ежели равного честью, меня, укротить он грозится!

187-192 Три нас родилося брата от древнего Крона и Реи:
Он — громодержец, и я, и Аид, преисподних владыка;
Натрое всё делено, и досталося каждому царство:

Жребий бросившим нам, в обладание вечное пало
Мне волношумное море, Аиду подземные мраки,
Зевсу досталось меж туч и эфира пространное небо;

193-195 Общею всем остается земля и Олимп многохолмный.
Нет, не хожу по уставам я Зевсовым; как он ни мощен,
С миром пусть остается на собственном третьем уделе;

196-199 Силою рук он меня, как ничтожного, пусть не стращает!
Дщерей своих и сынов для Зевса приличнее будет
Грозным глаголом обуздывать, коих на свет произвел он,
Кои уставам его покоряться должны поневоле!»

200-202 Вновь провещала ему ветроногая вестница Зевса:
«Сей ли ответ от тебя, колебатель земли черновласый,
Зевсу должна я поведать, ответ и суровый и страшный?

203-206 Или, быть может, смягчишь ты? Смягчимы сердца благородных.
Знаешь и то, что старейшим всегда и Эриннии служат».
Ей ответствовал вновь колебатель земли Посейдаон:
«Слово твое справедливо и мудро, Ирида богиня!

207-210 Благо, когда возвеститель исполнен советов разумных.
Но, признаюсь, огорчение сильное душу объемлет,
Если угрозами гордыми он оскорблять начинает
Равного с ним и в правах, и судьбой одаренного равной.

211-217 Ныне, хотя негодующий, воле его уступаю;
Но объявляю, и в сердце моем сохраню я угрозу:
Если Кронион, мне вопреки и победной Афине,
Гермесу богу, Гефесту царю и владычице Гере,

Будет щадить Илион крепкостенный, когда не захочет
Града разрушить и дать знаменитой победы ахейцам, —
Пусть он знает, меж нами вражда бесконечная будет!»

218-225 Так произнес, и ахейскую рать Посейдаон оставил,
В понт погрузился; о нем воздыхали ахейцы герои.
И тогда к Аполлону воззвал громовержец Кронион:
«Ныне, возлюбленный Феб, к меднобронному Гектору шествуй,
Се, обымающий землю, земли колебатель могучий
В море отходит священное: грозного нашего гнева
Он избегает; услышали б грозную брань и другие,
Самые боги подземные, сущие около Крона!

226-229 Благо и мне и ему, что, и гневаясь, он уступает
Силам моим: не без пота б жестокого дело свершилось!
Но прими, Аполлон, бахромистый эгид мой в десницу
И, потрясающий им, устраши ты героев ахейских.

230-232 Сам между тем попекись, дальновержец, об Гекторе славном;
Храбрость его возвышай непрестанно, доколе данаи,
В бегстве пред ним, не придут к кораблям и зыбям Геллеспонта.

233-237 С оного времени сам я устрою и дело и слово,
Да немедля почиют от бранных трудов и данаи».
Так произнес он, и не был отцу Аполлон непокорен:
С Иды, шумной потоками, он устремился, как ястреб,
Быстрый ловец голубей, между хищных пернатых быстрейший.

238-241 В поле нашел стреловержец Приамова храброго сына;
Гектор сидел, не лежал, и уже, обновившийся в силах,
Окрест стоящих друзей узнавал; прекратилась одышка,
Пот перестал: восстанавливал Гектора промысл Кронида.

242-244 Близко представши, к нему провещал Аполлон дальновержец:
«Гектор, Приамова отрасль! почто, от дружин удаленный,
Духом унылый сидишь? Или горесть тебя удручила?»

245-249 Дышащий томно, ему говорил шлемоблещущий Гектор:
«Кто ты, благий небожитель, ко мне обращающий слово?
Или еще не слыхал, что меня пред судами ахеян,
Их истреблявшего рать, поразил Теламонид могучий
Камнем в грудь и мою укротил кипящую храбрость?

250-256 Я уже думал, что мертвых и мрачное царство Аида
Ныне увижу; уже испускал я дыхание жизни».
Сыну Приамову паки вещал Аполлон дальновержец:
«Гектор, дерзай! поборник могучий Зевсом Кронидом
С Иды высокой тебе на покров и защиту ниспослан,
Я, Аполлон златомечный, бессмертный, который и прежде
Сильной рукой защищал и тебя, и высокую Трою.

257-260 Шествуй к полкам, — и своим многочисленным конникам храбрым
Всем повели к кораблям устремить их коней быстроногих.
Я перед ними пойду, и сам для коней илионских
Путь уравняю, и в бег обращу героев ахейских».

261-263 Рек, и ужасную силу вдохнул предводителю воинств:
Словно конь застоялый, ячменем раскормленный в яслях,
Привязь расторгнув, летит и копытами поле копает;

264-266 Пламенный, плавать обыклый в реке быстролющейся, пышет,
Голову, гордый, высоко несет; вкруг рамен его мощных
Грива играет; гордится он сам красотой благородной;

267-269 Быстро стопы его мчат к кобылицам и паствам знакомым, —
Гектор таков, с быстротою такой оборачивал ноги,
Бога услышавши глас; возбуждал он на бой конеборцев.

270-273 Словно рогатую лань или дикую козу поднявши,
Гонят упорно горячие псы и ловцы поселяне;
Но высокий утес и густая тенистая роща
Зверя спасают: его изловить им не сужено роком;

274-277 Криком меж тем пробужденный, является лев густобрадый
Им на пути и толпу, распыхавшуюсь, в бег обращает, —
Так аргивяне дотоле толпой неотступные гнали
Трои сынов, и мечами и копьями в тыл поражая;

278-283 Но лишь увидели Гектора, быстро идущего к рати,
Дрогнули все, и у каждого в ноги отважность упала.
Их Фоас ободрял, благородный сын Андремонов,
Муж этолийский знатнейший, искусный в бою стрелобойном,
Храбрый и в стойком; его и в собраньях мужей побеждали
Редкие, если при нем в красноречии спорила юность.

284-288 Он, распаляемый ревностью, так говорил меж ахеян:
«Боги! ужасное чудо моим представляется взорам!
Гектор воскрес! от ужасной смерти избегнувши, паки
Гектор пред нами! А мы уповали, что гордый троянец
Душу предаст под рукой Теламонова сына Аякса.

289-292 Верно, могущий бессмертный опять сохранил и восставил
Мужа, который уж многим колена сломил аргивянам,
Что и еще совершит, как предвижу я! Он не без воли
Зевса гремящего стал перед воинством, пышущий боем.

293-298 Други, совет предложу я, и все мы ему покоримся.
Ратной народной толпе повелим к кораблям удалиться;
Мы же, сколько ни есть нас, храбрейшими в рати слывущих,
Противостанем: быть может, его остановим мы, в встречу
Копья уставивши; он, я надеюся, как ни неистов,
Сердцем своим содрогнется ворваться в дружину героев».

299-308 Так говорил; и, внимательно слушая, все покорились.
Быстро Аяксы могучие, царь Девкалид копьеносец,
Тевкр, Мерион нестрашимый и Мегес, Арею подобный,
Строили битву, созвав благородных героев ахейских
Против троян и великого Гектора; тою порою
Сзади народа толпа к кораблям отступала. — Трояне
Прежде напали толпой; предводил, широко выступая,
Гектор герой; а пред Гектором шествовал Феб небожитель,
Перси одеявший тучей, несущий эгид велелепный,
Бурный, косматый, ужасный, который художник бессмертный

309-316 Зевсу Крониду Гефест даровал, человекам на ужас.
С сим он эгидом в деснице предшествовал ратям троянским.
Их нажидали ахейцы, сомкнувшися; разом раздался
Яростный крик от обеих ратей; с тетив заскакали
Быстрые стрелы; и копья, из дерзостных рук полетевши,
Многие в тело вонзились воинственных юношей красных,
Многие, среди пути, не отведав цветущего тела,
В землю вонзяся, дрожали, алкая насытиться телом.

317-321 Долго, доколе эгид Аполлон держал неподвижно,
Стрелы равно между воинств летали, и падали вои;
Но едва аргивянам в лицо он воззревши, эгидом
Бурным потряс и воскликнул и звучно и грозно, — смутились
Души в их персях, забыли аргивцы кипящую храбрость.

322-326 Словно как стадо волов иль овец великую кучу
Хищные звери в глубокую мрачную ночь рассыпают,
Если находят незапные, в час, как отсутствует пастырь, —
Так аргивяне рассыпались, слабые; Феб на сердца их
Ужас навел, посылая троянам и Гектору славу.

327-330 Тут ратоборец сражал ратоборца в рассеянной битве.
Гектор могучий и Стихия свергнул и Аркесилая,
Стихия, войск предводителя меднодоспешных беотян,
Аркесилая, верного друга вождя Менесфея.

331-335 Но Энея оружием Ияс повержен и Медон:
Медон, сын незаконный владыки мужей Оилея,
Был Оилида Аякса младший брат; но в Филаке

Он обитал, удалясь от отчизны, как мужа убийца,
Мачехи брата убив, Эриопы, жены Оилея;

336-339 Ияс же был предводитель воинственных духом афинян,
Сыном Сфела от всех называвшийся, Буколиона.
Полидамас поразил Мекистея, Полит же Эхия
В первом ряду, а Клония сразил благородный Агенор;

340-344 Дейоха тут же Парис, убегавшего между передних,
С тыла в плечо поразил и насквозь оружие выгнал.
Тою порой, как они обнажали убитых, данаи,
В ров и на колья его опрокинувшись, в страшном расстройстве
Полем бежали везде и за вал укрывались неволей.

345-349 Гектор же голосом звучным приказывал ратям троянским
Прямо напасть на суда, а корысти кровавые бросить:
«Если ж кого-либо я от судов удаленным замечу,
Там же ему уготовлю и смерть! и несчастного, верно,
Мертвое тело ни братья, ни сестры огня не сподобят;

350-358 Но троянские псы растерзают его перед градом!»
Рек, — и, бичом по хребтам поражая коней, полетел он,
Звучно к троянам крича по рядам; и они, испуская
Страшные вопли, за ним устремили коней колесничных
С громом ужасным; и Феб Аполлон впереди перед ними,
Быстро окопа глубокого берег стопами рассыпав,
Весь в середину обрушил и путь умостил он троянам,
Длинный и столько широкий, как брошенный дрот пролетает,
Если могучесть свою человек испытующий бросит.

359-363 Там устремились пергамлян фаланги, и Феб перед ними,
Дивным эгидом сияя; рассыпал он стену данаев
Так же легко, как играющий отрок песок возле моря,
Если когда из песку он детскую сделав забаву,
Снова ее рукой и ногой рассыпает, резвяся.

364-366 Так, Аполлон дальномечущий, ты и великий и тяжкий
Труд рассыпал ахеян и предал их бледному бегству.
Возле судов наконец удержались они, собираясь.

367-374 Там, ободряя друг друга и руки горé воздевая,
Каждый богов небожителей всех умолял громогласно.
Нестор же старец особенно, страж аргивян неусыпный,
Зевса молил, воздевающий длани ко звездному небу:
«Если когда-либо кто средь цветущей Эллады, Кронион,
Тучные бедра тебе от тельца иль овна возжигая,
В дом возвратиться молился, и ты преклонился к моленью, —
Вспомни о том и погибели день отврати, Олимпиец!

375-377 Гордым троянам не дай совершенно осилить ахеян!»
Так он молился; и грянул с небес промыслитель Кронион,
Внявший молению Нестора, благочестивого старца.

378-383 Но трояне, в их пользу приявшие знаменье Зевса,
Жарче на рати ахейские бросились, жадные боя.
Словно как вал огромный широкоразливного моря
Выше боков корабля подымается, двинутый страшной
Силою бури, которая волны на волны вздымает, —
Так устремились трояне с неистовым воплем за стену;

384-388 Коней пригнали туда ж и у корм в рукопашную битву
С копьями острыми стали; они с высоты колесниц их,
Те ж с высоты кораблей своих черных, на оных держася,
Бились шестами огромными, кои в судах сохранялись
К бою морскому, сплоченные, сверху набитые медью.

389-393 Храбрый Патрокл, доколе ахейцы с троянскою силой
Бились еще пред стеною, вдали от судов мореходных,
В куще сидел у высокого духом вождя Эврипила,
Душу ему услаждал разговором и тяжкую рану
Вкруг осыпал врачевством, утоляющим черные боли.

394-399 Но как скоро за стену увидел стремящихся бурно
Гордых троян, а данаев услышал и крик и тревогу,
Громко воскликнул Патрокл и руками по бедрам могучим
С грусти ударил себя и, печальный, вещал Эврипилу:
«Нет, Эврипил, не могу я с тобою, хотя б и желал ты,
Долее здесь оставаться; ужасная битва восстала!

400-403 Пусть благородный сподвижник тебя утешает; а сам я
К другу Пелиду спешу, да его преклоню ополчиться.
Может быть, — как предузнать? — убедить Ахиллесово сердце
Бог мне поможет; сильно всегда убеждение друга».

404-406 Так говорящего, ноги его уносили. — Ахейцы
Против троян нападающих крепко стояли, но тщетно
Их, и меньших числом, отразить от судов напрягались.

407-412 Тщетно и Трои сыны напрягались, ахеян фаланги
Боем расторгнув, ворваться в ряды кораблей их и сеней.
Словно правильный снур корабельное древо ровняет
Зодчего умного в длани, который художества мудрость
Всю хорошо разумеет, воспитанник мудрой Афины, —
Так между ними борьба и сражение ровные были.

413-417 Те пред одними, а те пред другими судами сражались.
Гектор герой на Аякса, высокого славою, вышел.
Оба они за единый корабль подвизались, и тщетно
Сей защитителя сбить и корабль запалить домогался,
Тот отразить сопостата, которого демон приближил.

418-420 Тут Клитеида Калетора свергнул Аякс знаменитый,
Огнь на корабль заносящего, пикою в перси ударив;
С шумом он грянулся в прах, из руки его выпала светоч.

421-424 Гектор, как скоро увидел родного ему Клитеида,
Замертво павшего в прах перед черной кормой корабельной,
Звучно воскликнул, троян и ликиян на бой поощряя:
«Трои сыны, и ликийцы, и вы, рукоборцы дарданцы!

425-427 Стойте, страшитеся в сей тесноте отступать из сраженья;
Лучше отстойте вы Клития сына, да враг не похитит
Славных оружий с убитого в самом стану корабельном».

428-431 Так произнес, и в Аякса направил сияющий дротик,
Но попал не в него, а в клеврета его, Ликофрона,
Мастора ветвь, киферейца, в Аяксовом жившего доме
С оной поры, как убийство свершил у киферян священных;

432-434 Гектор его, близ Аякса стоящего, в череп над ухом
Дротом ударил убийственным: в прах он, с кормы корабельной
Рухнувшись, навзничь пал, и его сокрушилася крепость.

435-438 Храбрый Аякс ужаснулся и к брату младому воскликнул:
«Тевкр, потеряли мы, брат мой, нашего верного друга!
Пал Масторид, которого мы, из Киферы пришельца,
В нашем дому, как любезных родителей, все почитали.

439-445 Пал он от Гектора! Где же твои смертоносные стрелы?
Где твой лук сокрушительный, данный тебе Аполлоном?»
Рек он, — и тот его понял и, прянувши, стал близ героя
С луком разрывчатым в верной руке и с колчаном на раме,
Полным пернатых; и, быстро он их на троян посылая,
Клита стрелой поразил, Пизенорову славную отрасль,
Друга Панфоева сына, почтенного Полидамаса.

446-450 Был он возница его, и тогда над конями трудился,
Правил туда, где в сражении гуще клубились фаланги;
Гектору тем и троянам желал угодить он, но быстро
Гибель пришла, и никто из друзей от нее не избавил:
В выю возатаю с тыла стрела смертоносная пала;

451-453 На землю грянулся он, и обратно ударились кони,
Праздной гремя колесницею. Скоро то сведал владыка
Полидамас, и коням убегающим вышел навстречу.

454-456 Их Астиною слуге, Протаона сыну, вверяя,
Крепко наказывал близко держать, на виду непрестанно;
Сам, устремившись обратно, с передними стал на сраженье.

457-459 Тевкр же другую стрелу против Гектора мужеубийцы
Вынул; и, верно, принудил бы бой перервать пред судами,
Верно, стрелой у героя победного душу исторг бы;

460-464 Но не укрылся от промысла Зевсова: Зевс Приамида
Сам охранял и у Тевкра пылавшего славу похитил:
Тевкр наляцал, как на луке его превосходном крутую
Бог сокрушил тетиву, и у Тевкра умчалася мимо
Тяжкая медью стрела, и лук из руки его выпал.

465-469 Тевкр ужаснулся и к брату Аяксу немедля воскликнул:
«Горе! какой-то демон ратные замыслы наши
Все разрушает; и лук у меня он исторгнул из длани,
И расторг тетиву мне, которую свежую ныне
Я на лук навязал, чтобы вынесла частые стрелы».

470-472 Тевкру ответствовал быстро Аякс Теламонид великий:
«Друг, оставь ты в покое и лук, и крылатые стрелы,
Если их бог рассыпает, ахеянам храбрым враждебный.

473-476 С пикой огромной в руке и с щитом на плече, Теламонид,
Ратуй троян и дружины свои возбуждай к ратоборству.
Пусть нелегко, и победой гордяся, возьмут сопостаты
Наши суда доброснастные; вспомним ахейскую храбрость!»

477-480 Так говорил он — и Тевкр под кущею лук свой оставил;
Щит на плечо многобляшистый, четыреслойный набросил,
Шлем на главу удалую красивый надел, осененный
Гривою конскою; гребень ужасный над ним развевался.

481-485 Взяв наконец копие, повершенное острою медью,
Вышел назад и, примчася стремительно, стал близ Аякса.
Гектор едва усмотрел сокрушенными Тевкровы стрелы,
Звучно вскричал, и троян и ликиян еще возбуждая:
«Трои сыны, и ликийцы, и вы, рукоборцы дарданцы!

486-488 Будьте мужами, о други; воспомните рьяную храбрость
Здесь, пред судами ахеян! Своими очами я видел,
Славного воина стрелы и лук уничтожены богом!

489-492 Видимо ясно сынам человеков могущество бога,
Если кого Олимпиец высокою славой возносит
Или кого унижает, защиты своей не сподобив:
Так как теперь унижает ахеян, а нас возвышает.

493-498 В бой на суда! наступите всем воинством! Кто между вами,
Ранен мечом иль стрелой, роковою постигнется смертью,
Тот умирай! Не бесславно ему, защищая отчизну,
Здесь умереть; но останутся живы супруга и дети,
Дом и наследие целы останутся, если ахейцы
В черных судах унесутся к любезным отечества землям».

499-502 Так говоря, возбудил он и силу и мужество в каждом.
Сын Теламонов с другой стороны восклицал пред дружиной:
«Стыд вам, ахеяне! Лучше решитеся или погибнуть,
Или спастись, но беду отразить от судов мореходных!

503-506 Чаете ль вы, как возьмет корабли шлемоблещущий Гектор,
Каждый на землю родную пешком возвратится из Трои?
Слышите, с криком каким ополчения все возбуждает

Гектор, который сожечь корабли, разъяренный, стремится?

507-509 Верно, сии он толпы не на пляску зовет, а на битву!
Нам не осталось ни думы другой, ни решимости лучшей,
Как смесить с сопостатами руки и мужество наше!

510-512 Лучше мгновенной решимостью выкупить жизнь иль погибнуть,
Нежели долгие дни изнуряться жестокою бранью,
Так бесполезно средь стана, стесняясь народом слабейшим!»

513-516 Так говоря, возбудил он и силу и мужество ратных.
Гектор же мощный Схедия сразил, Перимедова сына,
Воинств фокейских вождя, но Аякс Лаодамаса свергнул,
Пеших бойцов предводителя, славную ветвь Антенора;

517-521 Полидамас же корысти добыл с килленейского Ота,
Друга Филидова, воинств вождя крепкодушных эпеян.
Мегес Филид налетел на убийцу; но в сторону прянул
Полидамас; не уметил в него, не судил дальновержец
Сыну Панфоеву славному пасть меж рядов первоборных.

522-526 Крезма Филид угодил сокрушительной пикою в перси;
С шумом он пал, и с рамен совлекал победитель доспехи.
Вдруг на Филида нагрянул Долопс Лампетид, илионский
Славный копейщик, которого сын Лаомедона доблий,
Ламп велемудрый родил, знаменитого доблестью бранной.

527-532 Он у Филида, нагрянувший близко, щита середину
Пикой пробил, но его защитил крепкосозданный панцирь,
Латами сомкнутый плотно: Филей в давнобытное время

Вывез доспех сей из града Эфиры, от вод Селлеиса,
Коим, как друга, его одарил там Эвфет скиптродержец,
В битвах кровавых носить от враждебных мужей обороной;

533-537 Он-то и сына его защитил от погибели грозной.
Мегес же Лампова сына по медному шлему под гребнем,
В самую выпуклость верхнюю, пикою острой ударил,
Гривистый гребень с основы сорвал, и на землю он целый
Пал и простерся во прахе, блистающий пурпуром свежим.

538-542 Но между тем, как сражался он пламенно, чая победы,
Сильный поборник явился ему, Менелай благородный;
С пикой, невидимый, стал в стороне, поразил Лампетида
С тыла в плечо; и сквозь перси пробилося бурное жало,
Рея вперед; и во прах Лампетид опрокинулся навзничь.

543-547 Прянули оба на павшего, медную, славную броню
С плеч совлекать. Но Гектор вскричал на Долопсовых ближних,
Их порицая, и более всех Гикетаона сына
Он укорял, Меланиппа, который прежде в Перкоте
Пас круторогих волов, до нашествия рати враждебной;

548-550 Но как скоро ахейцы в судах многовеслых приплыли,
Он прилетел в Илион и в дружинах троян отличался,
Жил у Приама и чествован был, как и сын, Дарданидом.

551-553 Гектор его укорял и к нему говорил, негодуя:
«Сын Гикетаонов! Так ли оставим? ужели нисколько
Сердце твое не болит за сраженного милого брата?

554-557 Или не видишь ты, как над доспехом Долопса трудятся?
Следуй за мною! не время с аргивцами издали биться;
Должно нам всех истребить их, покуда они с оснований
Трои высокой не свергли и граждан ее не избили!»

558-560 Рек — и понесся вперед, и муж с ним, богу подобный.
Аргоса воев Аякс возбуждал, Теламонид великий:
«Други, мужайтесь! Наполните сердце стыдом благородным!

561-563 Воина воин стыдися на поприще подвигов ратных!
Воинов, знающих стыд, избавляется боле, чем гибнет;
Но беглецы не находят ни славы себе, ни избавы!»

564-566 Так возбуждал, но и сами они защищаться пылали;
В сердце сложили героя слова и суда оградили
Медной стеной; но троян против них устремлял громовержец.

567-569 Храбрый Атрид Менелай возбуждал Антилоха младого:
«Нет, Антилох, никого ни моложе тебя из ахеян,
Ни быстрее для бега, ни силами крепче для боя.

570-576 Если бы, прянув вперед, поразил ты какого троянца!»
Так произнес и назад отступил, поощрив Антилоха.
Вылетел он из передних рядов и, кругом обозревши,
Бросил блистательный дрот; взволновались трояне, увидя
Мощный удар. И оружие он не напрасное ринул:
Ветвь Гикетаона, смелого сердцем вождя Меланиппа,
Гордо идущего в битву, в широкие перси уметил;

577-582 С шумом он грянулся в прах, и взгремели на падшем доспехи.
Несторов сын на него устремился, как пес на еленя
Скачет пронзенного, коего ловчий, едва он из лога
Прянул, стрелой поразил и подсек ему резвые ноги, —
Так на тебя, Меланипп, наскочил Антилох бранолюбец,
Алча доспехов твоих. Но от Гектора он не укрылся;

583-589 Гектор навстречу предстал, пролетев сквозь кипящую сечу.
Несторов сын не остался, как ни был горяч в ратоборстве;
С поля сбежал он, зверю подобный, свершившему пакость,
Зверю, который, пса или пастыря стадо сгубивши,
В лес убегает, покуда селян не собралась громада, —
Так убежал Несторид; на него и трояне и Гектор,
Страшные крики подняв, задождили свистящие стрелы.

590-594 Стал он лицом к сопротивным, достигнувши дружеских сонмов.
Тою порою трояне, как львы, пожиратели крови,
Бурно к судам устремлялись и Зевса судьбы совершали:
Он непрестанно их мужество высил, а воев ахейских
Дух поражал и победы лишал их, троян поощряя;

595-599 Гектору сердце его даровать, Приамиду желало
Грозную славу, да он на суда пожирающий пламень
Бурный повергнет, и так роковое Фетиды моленье
Все совершится; единого ждал промыслитель Кронион:
Первого судна горящего зарево с неба увидеть.

600-609 С оного времени Зевс от судов невозвратное бегство
Трои сынам присуждал, а данаям победную славу.
Так помышляющий, Гектора в бой на суда устремлял он,
Страшно и собственным влекшегось духом; свирепствовал Гектор,
Словно Арей, сотрясатель копья, или огнь истребитель,
Если меж гор он свирепствует, в чащах глубокого леса:
Пена клубилась из уст, под бровями угрюмыми очи
Грозным светились огнем; над главой, воздымаяся гребнем,
Страшно качался шелом у летавшего бурей по битве
Гектора! Сам бо герою был покровителем с неба

610-613 Зевс и его одного возвышал над толпой человеков
Честью и славою: ибо не долго жить оставалось
Сыну Приама; уже на него Тритогена Паллада
День роковой устремляла с победною силой Пелида.

614-621 Гектор пылал разорвать у данаев ряды и пытался
Всюду, где видел и гуще толпы, и оружие лучше;
Но разорвать их нигде он не мог, беспредельно пылавший:
В встречу данаи, сомкнувшися башней, стояли, как камень
Страшно высокий, великий, который у пенного моря
Гордо встречает и буйные вихрей свистящих набеги,
И надменные волны, которые противу хлещут, —
Так аргивяне встречали троян неподвижно, бесстрашно.

622-628 Он же, сияющий окрест огнем, налетел на фалангу;
Грозен упал, как волна на бегущий корабль упадает,
Мощная, бурей из туч возвращенная; весь потрясенный,
Пеной корабль покрывается; шумное бури дыханье

В парус гремит, и трепещут сердца корабельщиков бледных,
Страхом объятых; они из-под смерти едва уплывают, —
Так сердца трепетали в груди благородных данаев.

629-638 Он же, как лев истребитель, на юниц рогатых нашедший,
Коих по влажному лугу при блате обширном пасутся
Тысячи; пастырь при них, но, юный, еще не умеет
С зверем сразиться, дабы защитить круторогую краву:
Пастырь неопытный, около крав то передних, то задних
Мечется он беспрестанно, а хищник, в средину их бросясь,
Режет быка, и все разбегаются, — так аргивяне,
Свыше смятенные, в бег перед Гектора силой и Зевса
Все обратилися; он поразил одного Перифета,
Храброго сына Копрея, того, что, служа Эврисфею,

639-642 Вестником часто ходил от тирана к Гераклу герою:
Сей-то отец ничтожный родил знаменитого сына,
Доблестей полного: легкостью в беге, искусством в сраженьях,
В думах умом он блистал между всех благородных микенян;

643-645 Он Приамиду герою высокую славу доставил:
В бег обращаяся, задом, незапно на щит он споткнулся,
Им же держимый, огромный, до ног оборона от копий;

646-651 Он, на щит свой споткнувшися, навзничь упал, и ужасно
Грянул шелом вкруг висков при падении сильного мужа.
Гектор, увидевши то, прилетел и, став перед падшим,

В перси копьем поразил и пред сонмом друзей Перифету
Душу исторгнул; они не могли, и печальные, другу
Помощи дать: ужасалися Гектора мужеубийцы.

652-661 К ближним судам отступили; суда, извлеченные прежде,
Их оградили передние; Гектор и там утеснял их.
Нуждой ахеян сыны отступить от судов и передних,
Нуждой заставлены горькой; они перед кущами стали,
Вместе столпясь, рассеваться не мысля; удерживал вместе
Стыд их и страх; непрестанно они ободряли друг друга
Криками; Нестор особенно, страж престарелый ахеян,
Каждого мужа молил, именами родных заклиная:
«Будьте мужами, о други, почувствуйте стыд, аргивяне,
Стыд перед всеми народами! Вспомните сердцу любезных

662-665 Жен и детей, и стяжанья свои, и родителей милых,
Вспомните все, у которых родные живы и мертвы!
Именем их и отсутственных, я вас молю, аргивяне,
Стойте крепко противу врагов, не бросайтеся в бегство!»

666-669 Так говорил, и возжег он и крепость и мужество в каждом.
Облак у них пред очами Афина рассеяла мрачный,
Свыше ниспосланный: свет воссиял им, открылось пространство
Всё, и от черных судов и от поля погибельной битвы;

670-672 Гектор открылся ужасный, и все илионян дружины,
Сколько за ним, позади, не сражавшихся праздно стояло
И впереди, пред судами, неистовым билося боем.

673-677 Сердцу Аякса великого более нелюбо стало
Быть в тесноте, в какой оставались другие ахейцы;
Он по помостам судов устремился, широко шагая,
Шест корабельный в могучих руках потрясая огромный,
Крепко в составах сколоченный, двадцать два локтя длиною.

678-685 Словно как муж, ездок на конях необычно искусный,
Лучших из множества коней избрав четырех и связав их,
Правит и с поля далекого к граду великому гонит
Битой дорогой; толпою и мужи, и робкие жены
Смотрят дивуясь, а он беспрестанно и твердо и верно
Скачет, садяся с коня на коня, на бегу их ужасном, —
Так Теламонид Аякс с корабля на корабль по помостам
Прядал, широко шагая и крик подымая до неба;

686-688 Криком ужасным герой возбуждал беспрерывно данаев
Стан и суда боронить. Но в оное время и Гектор
Мощный уже не в толпе крепкобронных троян оставался.

689-694 Словно как бурный орел на стада ударяет пернатых,
Птиц перелетных, пасущихся мирно по брегу речному,
Диких гусей, журавлей иль стада лебедей долговыйных, —
Так Приамид нападал на данайский корабль черноносый,
Бурен кидаясь: его позади устремлял громовержец
Мышцей высокой, и с ним воеводою воинство двигал.

695-697 Снова у быстрых судов запылала свирепая битва.
Можно б сказать, что еще не усталые, свежие рати
В бой соступилися; так горячо ратоборцы сражались.

698-701 Духом таким управлялися воинства: мужи ахейцы
Боле не мнили избыть от беды и решились погибнуть;
Каждый, напротив, троянин, исполненный бодрости, чаял:
Ныне сожжем корабли и побьем героев ахейских.

702-711 Духом таким наполняясь, одни на других напирали.
Гектор могучей рукой за корму корабля ухватился;
Легкий, прекрасный корабль сей отважного Протесилая
В Трою принес, но в отечество вновь не повез ратоводца:
Окрест сего корабля и ахейцы смесясь и трояне,
В свалке ужасной сражалися врукопашь; боле не ждали
Издали стрел поражающих, или метательных копий:
Друг против друга стоящие, равным горящие духом,
Бились секирами тяжкими, взад и вперед с лезвиями,
Бились мечами и копьями, острыми сверху и снизу.

712-714 Множество пышных ножей, с рукоятками черными, наземь
Падало окрест, летя то из рук, то с рамен ратоборцев,
Яростно бившихся; черною кровью земля залилася.

715-717 Гектор, корабль захватив, пред кормою стоял неотступен;
Хвост кормовой он руками держал и кричал к ополченьям:
«Светочей, светочей дайте! и с криком сомкнувшися гряньте!

718-722 День, награждающий всё, даровал нам Зевес! присудил нам
Взять корабли, что, под Трою приплыв против воли бессмертных,
Столько нам бед сотворили по робости старцев советных:
Старцы, когда я хотел воевать корабли сопостатов,
В граде держали меня и троянский народ отвлекали.

723-725 Но если в оные дни омрачал громовержец Кронион
Наш рассудок, то ныне он сам и зовет и ведет нас!»
Рек, — и они на данаев ударили с бóльшим свирепством.

726-728 Сын Теламонов не выстоял: стрелы его засыпáли;
Тихо герой отступал, устрашась неизбежной тут смерти;
Вспять до скамьи семистопной сошел с кормового помоста.

729-732 Там он стоял, озираясь, и длинным копьем беспрерывно
Всех опрокидывал, кто наносил пожирающий пламень,
И беспрерывно ужасно кричал, убеждая данаев:
«Други, данаи герои, бесстрашные слуги Арея!

733-735 Будьте мужами, о други, вспомните бранную доблесть!
Может быть, мыслите вы, что поборники есть позади нам?
Или стена боевая, которая нас оборонит?

736-739 Нет никакого вблизи укрепленного башнями града,
Где защитились бы мы, замененные свежею силой.
Мы на троянских полях, перед войском троян твердобронных,
К морю прибиты стоим, далеко от отчизны любезной!

740-745 Наше спасение в наших руках, а не в слабости духа!»
Рек — и свирепый кругом нападал с длиннотенною пикой.
Каждого, кто из троян к корабельным кормам ни бросался
С пламенем бурным в руках, возбуждаемый Гектора криком,
Каждого он прободал, принимая огромною пикой:
Так их двенадцать из собственных рук заколол пред судами.

Une Sacra · издание 1 · unesacra.com · CC BY-NC-SA 4.0

ПЕСНЬ XVI

✦

1-4 Так непреклонно они за корабль крепкоснастный сражались.
Тою порою Патрокл предстал Ахиллесу герою,
Слезы горячие льющий, как горный поток черноводный
Мрачные воды свои проливает с утеса крутого.

5-11 Смотря на друга, исполнился жалости пастырь народа
И к нему возгласил, устремляя крылатые речи:
«Что ты расплакался, друг Менетид? как дева-младенец,
Если, за матерью бегая, на руки просится с плачем,
Ловит одежду ее, уходящую за полу держит,
Плачет и в очи глядит, чтобы на руки подняла матерь, —
Ты, как она, Менетид, проливаешь обильные слезы.

12-14 Может быть, что мирмидонцам иль мне объявить ты имеешь?
Может быть, весть о домашних из Фтии один ты прослышал?
Здравствует, сказуют, Акторов сын, отец твой Менетий;

15-18 Здравствует также и мой, Пелей Эакид в мирмидонах.
О, плачевна была б нам того иль другого кончина! —
Может быть, ты об ахеянах тужишь, что так злополучно
Подле своих кораблей за неправду свою погибают?

19-22 Молви, в душе не скрывай ничего, чтобы оба мы знали».
Тяжко вздохнувши, ответствовал ты, Менетид конеборец:
«О Пелейон, брапоносец храбрейший ахейский, прости мне
Слезы мои! Величайшее горе постигло ахеян!

23-25 Все между ими, которые в рати храбрейшими слыли,
В стане лежат, иль в стрельбе, или в битве пронзенные медью.
Ранен стрелою Тидид Диомед, воеватель могучий;

26-29 Врукопашь ранен копьем герой Одиссей, Агамемнон,
Ранен пернатой в бедро и блистательный сын Эвемонов.
Наши врачи, богатейшие злаками, вкруг их трудятся,
Раны врачуя. Но ты, Ахиллес, один непреклонен!

30-32 О, да не знаю я гнева такого, как ты сохраняешь,
Храбрый на бедствие! Кто же в тебе обретет заступленье,
Если не хочешь ахеян спасти от напасти позорной?

33-35 Немилосердый! Родитель твой был не Пелей благодушный,
Мать не Фетида; но синее море, угрюмые скалы
Миру тебя породили, сурового сердцем, как сами!

36-39 Если тебя устрашает какой-либо грозный оракул,
Если тебе от Кронида поведала что-либо матерь,
В бой отпусти ты меня и вверь мне своих мирмидонян:
Может быть, с помощью их для данаев светом я буду.

40-43 Дай рамена облачить мне твоим оружием славным:
Может быть, в брани меня за тебя принимая, трояне
Бой прекратят; а данайские воины в поле отдохнут,
Боем уже изнуренные; отдых в сражениях краток.

44-47 Мы, ополчение свежее, рать, истомленную боем,
К граду легко отразим от судов и от сеней ахейских».
Так он просил, неразумный! Увы, не предвидел, что будет
Сам для себя он выпрашивать страшную смерть и погибель!

48-50 Мрачно вздохнув, провещает к нему Ахиллес быстроногий:
«Сын благородный Менетия, что мне, Патрокл, говоришь ты?
Мало меня беспокоит оракул, который я слышал;

51-54 Мне ничего не внушала почтенная матерь от Зевса.
Но жестокий мне гнев наполняет и сердце и душу,
Если я вижу, что равного равный хочет ограбить,
Хочет награды лишить, потому лишь, что властью он выше!

55-59 Гнев мой жесток: после бедствий, какие в боях претерпел я,
Деву, которую мне в награжденье избрали ахейцы,
Ту, что копьем приобрел я, разрушивши град крепкостенный,
Деву ту снова из рук у меня самовластно исторгнул
Царь Агамемнон, как будто бы был я скиталец бесчестный!

60-63 Но, что случилось, оставим! И было бы мне неприлично
Гнев бесконечный в сердце питать; но давно объявил я:
Гнев мой не прежде смягчу, как уже перед собственным станом,
Здесь, пред судами моими раздастся тревога и битва.

64-73 Ты, соглашаюсь, моим облекися оружием славным,
Будь воеводой моих мирмидонян, пылающих боем:
Вижу, кругом уже черная туча троян обложила
Стан корабельный, ужасная; вижу, прибитые к морю
Держатся только на бреге, на узком, последнем пространстве
Рати ахеян; на них же обрушилась целая Троя,
Дерзкая: в поле не видят чела Ахиллесова шлема,

В очи светящего! Скоро б они полевые овраги
В бегстве наполнили трупами, если б ко мне Агамемнон
Был справедлив; но теперь, дерзновенные, стан осаждают!

74-79 Ибо уже не свирепствует в мощной руке Диомеда
Бурная пика его, чтобы смерть отражать от данаев;
Боле не слышится голос из уст ненавистных Атрида
В ратях данайских; но голос лишь Гектора людоубийцы
Звучный гремит между воинств троянских, и криком трояне
Всю наполняют долину, в бою побеждая данаев!

80-82 Так да не будет, Патрокл! Отрази от судов истребленье;
Храбро ударь, да огнем не сожгут у нас сопостаты
Наших судов и желанного нас не лишат возвращенья.

83-87 Но повинуйся, тебе я завет полагаю на сердце,
Чтобы меня ты и славой, и честью великой возвысил
В сонме данаев. И так, чтоб данаи прекрасную деву
Отдали сами и множество пышных даров предложили,
Брань от судов отрази и назад, Менетид, возвратися!

88-90 Даже когда бы и славы добыть даровал громовержец,
Ты без меня, Менетид, не дерзай поражать совершенно
Храбрых троян, да и более чести моей не унизишь.

91-94 Радуясь мужеством духа и славой победного боя,
Трои сынов истребляй, но полков не веди к Илиону,
Чтоб от Олимпа противу тебя кто-нибудь из бессмертных
В брань за троян не предстал; Аполлон беспредельно их любит.

95-100 Вспять возвратися ко мне, кораблям даровавши спасенье;
Рати ж ахеян оставь на полях боевых истребляться.
Если б, о вечный Зевес, Аполлон и Афина Паллада,
Если б и Трои сыны и ахеяне, сколько ни есть их,
Все истребили друг друга, а мы лишь, избывшие смерти,
Мы бы одни разметали троянские гордые башни!»

101-108 Так меж собой говорили они. Между тем нападенья
Боле Аякс не выдержал: стрелы его удручали.
Зевсова мощь побеждала героя и храбрость дарданцев,
Быстро разивших; ужасный, кругом головы его светлый
Шлем, поражаемый, звон издавал; поражали всечасно
В шлемные выпуки медные; шуйца Аякса замлела,
Крепко дотоле державшая щит переметный; но с места
Мощного сбить не могли, принуждавшие тучею копий.

109-111 Часто и сильно дышал Теламонион; пот беспрерывный
Лился ручьями по всем его членам; не мог ни на миг он
Вольно вздохнуть: отовсюду беда за бедой восставала.

112-118 Ныне поведайте, Музы, живущие в сенях Олимпа,
Как на суда аргивян упал истребительный пламень.
Гектор, нагрянувши, изблизи ясенный дрот у Аякса
Тяжким ударил мечом, и у медяной трубки копейной
Ратовье махом рассек; бесполезно Аякс Теламонид
Взнес, потрясая, обрубленный дрот: далеко от Аякса
Острая медь отлетела и о землю звукнула, павши.

119-123 Сын Теламонов познал по невольному трепету сердца
Дело богов, и, познав, что его все замыслы в брани
Зевс громоносный ничтожит, даруя троянам победу,
Он отступил; и троянцы немедленно бросили шумный
Огнь на корабль: с быстротой разлилося свирепое пламя.

124-126 Так запылала корма корабля. Ахиллес то увидел,
В гневе по бедрам ударил себя и вскричал к Менетиду:
«О, поспеши, Патрокл, поспеши, конеборец мой храбрый!

127-129 Зрю я, уже на судах истребительный пламень бушует!
Если возьмут корабли, не останется нам и ухода.
Друг, воружайся быстрее, а я соберу ополченья!»

130-132 Так произнес, — и Патрокл воружался блистающей медью.
И сперва положил он на быстрые ноги поножи
Пышные, кои серебряной плотно смыкались наглезной;

133-136 После поспешно броню надевал на широкие перси,
Звездчатый, вкруг испещренный доспех Эакида героя;
Сверху набросил на рамо ремень и меч среброгвоздный,
С медяным клинком; и щит перекинул огромный и крепкий;

137-139 Шлем на главу удалую сияющий пышно надвинул,
С конскою гривою; гребень ужасный над ним развевался.
Взял два крепкие дрота, какие споручнее были.

140-144 Не взял копья одного Ахиллеса героя; тяжел был
Крепкий, огромный сей ясень; его никто из ахеян
Двигать не мог, и один Ахиллес легко потрясал им,

Ясенем сим пелионским, который отцу его Хирон
Ссек с высоты Пелиона, на гибель враждебным героям.

145-147 Коней же быстро впрягать Автомедону дал повеленье,
Чтимому им наиболее после Пелида героя,
Верному более всех, чтоб выдерживать бранные грозы.

148-151 Сей Автомедон подвел под ярмо Ахиллесовых коней,
Ксанфа и Балия, быстрых, летающих с ветрами вместе.
Гарпия оных Подарга родила от Зефира ветра,
Им посещенная в пастве, при бурных струях Океана.

152-154 В припряжь завел он коня, знаменитого бегом Педаса,
Коего добыл Пелид, разгромивши град Этиона:
Смертный, с конями бессмертными он быстротою равнялся.

155-159 Тою порой Ахиллес, обходя мирмидонов по кущам,
Всех воружал их оружием к бою. Подобно как волки,
Хищные звери, у коих в сердцах беспредельная дерзость,
Кои еленя рогатого, в дебри нагорной повергнув,
Зверски терзают; у всех обагровлены кровию пасти;

160-167 После, стаею целой, к источнику черному рыщут;
Там языками их гибкими мутную воду потока
Лочут, рыгая кровь поглощенную; в персях их бьется
Неукротимое сердце, у всех их раздуты утробы, —
В брань таковы мирмидонян вожди и строители ратей
Реяли окрест Патрокла, слуги Эакида героя,
Боем пылая; в среде их стоял Ахиллес бранолюбец,
Криком кругом возбуждая коней и мужей щитоносцев.

168-170 В брань пятьдесят кораблей Эакид Ахиллес быстроногий,
Зевсов любимец, привел к Илиону; на каждом из оных
Ратных мужей пятьдесят человек при уключинах было.

171-176 Пять воевод он над ними поставил, которым и вверил
В войсках начальство, но сам он господствовал с властью державной.
Первым строем начальствовал пестродоспешный Менесфий,
Сперхия сын, реки пресловутой, от Зевса ниспадшей:
Тайно его Полидора, прекрасная дочерь Пелея,
С Сперхием бурным родила, жена, сочетавшаясь с богом;

177-183 Но, по молве, с Периеридом Бором, который и браком
С нею сопрягся торжественно, выдав несметное вено.
Строй второй предводил ратоводец воинственный Эвдор,
Девой рожденный; его Полимела, прелестная в плясках
Филаса дочь, родила: пленился веселою девой
Гермес бессмертный, увидевший в хоре ее сладкогласном
Пляшущей в праздник Фебеи, богини ловитв златострелой;

184-186 В терем с нею взошел и таинственно с девой сопрягся
Гермес незлобный; и дева родила отличного сына,
Эвдора, быстрого в беге и воина храброго в битвах.

187-190 Вскоре, едва Илифия, помощная мукам родящих,
Сына на свет извела, и узрел он сияние солнца,
Актора мощного сын, Эхеклес благородный, супругой
В дом свой поял Полимелу, несметное выдавши вено;

191-195 Эвдора ж Филас в чертогах своих, благодетельный старец,
Сам воспитал и взрастил, полюбивши сердечно, как сына.
Третьему строю предшествовал храбрый Пизандр воевода,
Мемалов сын; ни один мирмидонец, как он, не искусен
Биться на копьях, кроме Ахиллесова друга Патрокла.

196-203 Строем четвертым начальствовал конник испытанный Феникс;
Пятым — герой Алкимедон, Лаеркеев сын непорочный.
Всех их, вместе с вождями, Пелид быстроногий поставя
И красиво построя, вещал им владычнее слово:
«Каждый из вас, мирмидонцы, теперь да воспомнит угрозы,
Коими в стане, во дни моего справедливого гнева,
Вы угрожали врагам; и меня вы тогда оскорбляли:
— Лютый Пелид, говорили, от матери желчью ты вскормлен!

204-208 Бесчеловечный, друзей пред судами насильственно держишь!
Лучше назад с кораблями своими в дома возвратимся,
Ежели злоба тебе злополучная в сердце запала! —
Так вы мне часто, сходясь, говорили. Теперь вам предстало
Дело великое брани, которой вы столько жадали!

209-211 Каждый теперь, в ком отважное сердце, сражайся с врагами!»
Рек — и разжег еще более душу и мужество в каждом;
Крепче ряды их сгустилися, выслушав царские речи.

212-214 Словно как стену строитель из плотно слагаемых камней
В строимом доме смыкает, в отпору насильственных ветров, —
Так шишаки и щиты медноблящные сомкнуты были;

215-217 Щит со щитом, шишак с шишаком, человек с человеком
Плотно сходился; касалися светлыми бляхами шлемы,
Зыблясь на воинах, — так мирмидоняне густо сомкнулись.

218-224 Всех впереди, под оружием, два брагоносца стояли,
Храбрый Патрокл и герой Автомедон, горящие оба
В битву лететь впереди мирмидонян. Пелид же могучий
Входит под кущу и там отпирает ковчег велелепный,
Дар драгоценный, который герою в корабль мореходный
Матерь Фетида на путь положила, наполнив хитонов,
Мягких, косматых ковров и хлен, отражающих ветер.

225-227 Был в нем и кубок прекрасный: никто из мужей у Пелида
Черного не пил вина из него; никому из богов им
Он не творил возлияний, кроме молненосного Зевса.

228-235 Вынув сей кубок заветный, Пелид быстроногий сначала
Серой очистил, потом омывал светлоструйной водою;
Руки омыл и себе и, вином наполнивши кубок,
Стал посредине двора и молился, вино возливая,
На небо смотря; и не был невидим метателю грома:
«Зевс Пелазгийский, Додонский, далеко живущий владыка
Хладной Додоны, где селлы, пророки твои, обитают,
Кои не моют ног и спят на земле обнаженной!

236-238 Прежде уже ты, о Зевс, на мою преклонился молитву;
Много почтивши меня, покарал ты ужасно данаев.
Ныне еще, громовержец, сие мне исполни желанье!

239-241 Я остаюся до времени в стане моем корабельном;
Друга ж, любезного сердцу, и многих моих мирмидонян
В бой посылаю: победу ему ниспошли, о провидец!

242-245 Храброе сердце его укрепи, да узнает и Гектор,
Может ли с ним, и один, подвизаться служитель наш храбрый,
Или его необорные руки свирепствуют в брани
Только тогда, как и я выхожу на кровавые споры.

246-248 После, когда от судов отразит он пожар и убийство,
Дай, да из битв невредимый ко мне на суда возвратится,
С целым оружием нашим и храбрыми всеми друзьями!»

249-252 Так говорил он, молясь; и внимал промыслитель Кронион.
Дал Пелейону одно, а другое владыка отринул:
Другу его от судов отразить и пожар и убийство
Дал; но мольбу, да из битв невредим возвратится, отринул.

253-256 Он же, когда возлиял и моление Зевсу окончил,
В кущу вошел и, в ковчег положивши кубок заветный,
Вышел и стал перед кущею, движимый сердца желаньем
Видеть еще и троян и ахеян жестокую битву.

257-261 Тою порою, с Патроклом героем, готовые к битве,
Воины шли, чтоб на рать троянскую гордо ударить.
Быстро они высыпались вперед, как свирепые осы,
Подле дороги живущие, коих сердить приобыкли
Дети, вседневно тревожа в жилищах их придорожных;

262-267 Юность безумная общее зло навлекает на многих;
Ежели их человек, путешественник, мимо идущий,
Тронет нечаянно, быстро крылатые с сердцем бесстрашным
Все высыпаются вдруг на защиту детей и домов их, —
С сердцем и духом таким от своих кораблей мирмидонцы
Реяли в поле; воинственный крик их кругом раздавался.

268-270 Вождь, их еще ободряя, Патрокл вопиял громозвучно:
«Ныне, бойцы, мирмидонцы, друзья Ахиллеса героя,
Будьте мужами, любезные, вспомним кипящую храбрость!

271-274 Ныне прославим Пелида, который по доблести бранной
Первый в ахейских мужах, и храбрейшие вы его слуги!
Пусть и властитель могучий, Атрид Агамемнон, познает,
Сколь он преступен, ахейца храбрейшего так обесчестив!»

275-277 Так говоря, возбудил он и более мужество ратных.
Ринулись разом противу троян, и весь стан корабельный
С громом ужасным отгрянул воинственный клик мирмидонян.

278-282 Трои сыны лишь узрели Менетия сильного сына,
Вместе с клевретом его, под сияющим пышно доспехом,
Дрогнуло сердце у всех; всколебались густые фаланги,
Мысля, что праздный дотоле герой Ахиллес быстроногий
Гнев от сердца отринул и вновь преклонился на дружбу;

283-286 Каждый стал озираться на бегство от гибели грозной.
Сын же Менетиев первый ударил с сверкающей пикой
Прямо в средину враждебных, где гуще ряды их толпились,
Ратуя вкруг корабля благодушного Протесилая;

287-292 Там поразил он Пирехма, который отважных пеонов
Вывел из стран Амидона, где катится Аксий широкий:
В рамо его поразил; и Пирехм, опрокинувшись, оземь
Грянулся, жалостно стонущий; окрест его побежали
Други пеоняне: ужасом всех поразил Менетид их,
Свергнувши войск предводителя, мужа храбрейшего в битвах.

293-296 Сих он прогнав от судов, угасил распыхавшийся пламень.
Брошен врагами корабль полсожженный; ударились в бегство
С страшным смятеньем трояне; данаи ж рассыпались быстро
Между передних судов, — и кругом закипела тревога.

297-305 Словно когда от вершины горы огромно-высокой
Облак густой отодвинет перунов носитель Кронион,
Всё кругом открывается: холмы, высокие скалы,
Долы, небесный эфир разверзается весь беспредельный, —
Так, отразив от судов пожирающий огнь, отдыхали
Рати ахеян; но бранная буря еще не стихала:
Ибо трояне еще, перед храброю ратью ахеян
Вспять обратясь, не бежали от черных судов мореходных,
Бодро стояли еще, от судов отступивши по нужде.

306-309 Тут человек поражал человека в рассыпанной битве;
Каждый поверг воеводу; и первый Патрокл предводитель
Вдруг обратившегось в бег Ареилика пикою острой
Сзади в бедро поразил и насквозь смертоносную выгнал;

310-312 Кость раздробило копье, и лицом Ареилик на землю
Пал. Менелай между тем, ратоводца Фоаса ударив
В грудь обнаженную, мимо щита, сокрушил ему члены.

313-316 Мегес Амфикла, как тот на него устремлялся, приметя,
Вдруг упредил, поразил в бедро, где нога человека
Мышцей тучнейшей одета: копейное бурное жало
Жилы рассекло, и тьма пораженному очи покрыла.

317-320 Нестора старца сыны: Антилох улучил Атимния
Пикою острой; во внутренность медное жало погрузло;
Пал он у стоп победителя. Марис, копьем потрясая,
Прянул на внука Нелеева, вспыхнувший гневом за брата;

321-324 Стал перед телом; но быстро его Фразимед упреждает:
Прежде чем он поразил, Фразимед устремляет и верно
Ранит в плечо: острие копья у него оторвало
Руку от мышиц и самую кость совершенно разбило;

325-329 С громом он грянулся в прах, и взор его мраком покрылся.
Так злополучные братья, от братьев сраженные, оба
В мрачный Эреб низошли, Сарпедоновы храбрые други,
Дети стрельца Амизодара, мужа, который Химеру
Выкормил неукротимую, многим на пагубу смертным.

330-332 Сын Оилеев Аякс, налетев, Клеобула живого,
Толпищем сбитого с ног, захватил и на месте троянцу
Жизнь сокрушил, погрузя в него меч с рукояткой огромной;

333-336 В жаркой крови разогрелся весь меч, и упавшему там же
Очи смежили багровая Смерть и могучая Участь.
Тут Пенелей и Ликон на сраженье сбежалися: копья
Им обойм изменили, напрасно послали их оба;

337-341 Снова герои сошлись на мечах; и Ликон упреждает,
В шлем коневласый у бляхи разит, и при черепе медный
Меч, сокрушась, разлетелся; ахеец ударил под ухом,
В выю весь меч погрузил, и, оставшись на коже единой,
Набок повисла глава, и разрушилась крепость Ликона.

342-344 Вождь Мерион, Акамаса преследуя, быстрый настигнул
И, в колесницу входящего, в рамо десное ударил;
Он с колесницы слетел, и в очах его тьма разлилася.

345-350 Идоменей Эримаса жестокою медью уметил
Прямо в уста, и в противную сторону близко под мозгом
Вырвалась бурная медь: просадила в потылице череп,
Вышибла зубы ему; и у падшего, выпучась страшно,
Кровью глаза налились; из ноздрей и из уст растворенных
Кровь изрыгал он, пока не покрылся облаком смерти.

351-357 Так воеводы ахейские гордых врагов низлагали.
Словно свирепые волки на коз нападают иль агнцев,
Их вырывая из стад, которым неопытный пастырь
Дал по горам рассеяться; волки, едва их завидят,
Быстро напав, раздирают бессильных и трепетных тварей, —
Так на троян нападали ахейцы; но те лишь о бегстве
Думали шумном, а доблесть кипящую вовсе забыли.

358-361 Но Теламонид великий пылал непрестанно уметить
Гектора медноружного; тот же, испытанный в битвах,
Турьим огромным щитом закрывая широкие плечи,
Вкруг наблюдал и свистание стрел и жужжание копий;

362-369 И хотя уже видел, что им изменяет победа,
Но еще оставался, к защите сподвижников верных.
Словно когда от Олимпа подъемлется на небо туча
Воздухом ясным, как бурную грозу Кронион готовит, —
Так от судов поднялось и смятенье и шумное бегство:
Вспять, не в устройстве, чрез ров отступали. Но Гектора быстро
Вынесли кони с оружием; бросил троян он, которых
Сзади насильно задерживал ров пред судами глубокий.

370-376 Многие в пагубном рве колесничные быстрые кони,
Дышла сломивши, оставили в нем колесницы владык их.
Но Патрокл настигал, горячо возбуждая данаев,
Горе врагам замышляя; трояне и воплем и бегством
Все наполняли пути; от рассеянных войск их — до облак
Прах крутился столпом; расстилалися по полю кони,
К Трое обратно бежа от судов и от кущей ахейских.

377-379 Он же, герой, где смятения более видел бегущих,
С криком туда налетал; упадали стремглав под колеса
Мужи с своих колесниц, и валясь, колесницы гремели.

380-383 Прямо меж тем через ров перепрянули бурные кони,
Кони бессмертные, дар знаменитый бессмертных Пелею,
Пламенно мчася вперед; повелитель их Гектора ищет,

Свергнуть его он пылает; но Гектора кони умчали.

384-393 Словно земля, отягченная бурями, черная стонет
В мрачную осень, как быстрые воды с небес проливает
Зевс раздраженный, когда на преступных людей негодует,
Кои на сонмах насильственно суд совершают неправый,
Правду гонят и божией кары отнюдь не страшатся:
Все на земле сих людей наводняются быстрые реки,
Многие нависи скал отторгают разливные воды,
Даже до моря пурпурного с шумом ужасным несутся,
Прядая с гор, и кругом разоряют дела человека, —
С шумом и стоном подобным бежали троянские кони.

394-398 Сын же Менетиев быстрый, отрезав фаланги передних,
Снова обратно погнал и к судам их данайским притиснул;
Не дал пылающим в город войти; но в полях заключенных
Между судами, рекой и стеною ахейской высокой,
Быстро гонял, убивал и взыскал возмездие с многих.

399-405 Первого тут Пронооя копьем в обнаженные перси,
Мимо щита, поразил и кипящую силу разрушил;
С громом он пал; победитель на Фестора, Энопа сына,
Там же напал; в колеснице блистательной Фестор несчастный
Сжавшись сидел: оковал его ужас, из трепетных дланей
Вырвались вожжи; ему, налетевший, он медную пику
В правую челюсть вонзил и пробил Энопиду сквозь зубы;

406-410 Пикой его через край колесничный повлек он, как рыбарь,
Сидя на камне, нависнувшем в море, великую рыбу
Быстро из волн извлекает и нитью и медью блестящей, —
Так Энопида зиявшего влек он сверкающей пикой:
Сбросил на землю лицом, и от падшего жизнь отлетела.

411-414 Вслед Эриала, противу летящего, камнем с размаху
Грянул в средину главы, и она пополам раскололась
В крепком шеломе; об землю челом Эриал пораженный
Пал, и мгновенно над ним душегубная смерть распростерлась.

415-418 Тут же могучий Амфотера он, Эримаса, Эпальта,
Пира, Эхия, Дамастора сына, вождя Тлиполема,
Воя Эвиппа, Ифея и Аргея ветвь, Полимела,
Всех, одного за другим, положил на всеплодную землю.

419-422 Царь Сарпедон лишь увидел своих беспояснодоспешных
Многих друзей, Менетида Патрокла рукою попранных,
Громко воззвал, укоряя возвышенных духом ликиян:
«Стыд, о ликийцы! бежите? теперь вы отважными будьте!

423-425 С сим брапоносцем хочу я сойтися, хочу я увидеть,
Кто сей могучий? Уже он беды нам многие сделал.
Многим и храбрым троянам сломил уже крепкие ноги!»

426-430 Рек — и с своей колесницы с оружием прянул на землю.
Против него и Патрокл, лишь узрел, полетел с колесницы.
Словно два коршуна, с клевом покляпым, с кривыми когтями,
В бой, на утесе высоком, слетаются с криком ужасным, —
С криком подобным они устремилися друг против друга.

431-434 Видящий их, возболезновал сын хитроумного Крона
И провещал, обращаяся к Гере, сестре и супруге:
«Горе! Я зрю, Сарпедону, дражайшему мне между смертных,
Днесь суждено под рукою Патрокловой пасть побежденным!

435-438 Сердце мое между двух помышлений волнуется в персях:
Я не решился еще, живого ль из брани плачевной
Сына восхитив, поставлю в земле плодоносной ликийской
Или уже под рукою Патрокла смирю Сарпедона».

439-442 Быстро вещала в ответ волоокая Гера богиня:
«Мрачный Кронион! какие слова ты, могучий, вещаешь?
Смертного мужа, издревле уже обреченного року,
Ты свободить совершенно от смерти печальной желаешь?

443-447 Волю твори, но не все олимпийцы ее мы одобрим!
Слово иное реку я, и в сердце его сохрани ты.
Ежели сам невредимого в дом ты пошлешь Сарпедона,
Помни, быть может, бессмертный, как ты, и другой возжелает
Сына любезного в дом удалить от погибельной брани.

448-452 Многие ратуют здесь, пред великим Приамовым градом,
Чада бессмертных, которых ты ропот жестокий возбудишь.
Сколько ты сына ни любишь и в сердце его ни жалеешь,
Ныне ему попусти на побоище брани великой
Пасть под руками героя, вождя мирмидонян Патрокла.

453-455 После, когда Сарпедона оставит душа, повели ты
Смерти и кроткому Сну бездыханное тело героя
С чуждой земли перенесть в плодоносную Ликии землю.

456-461 Там и братья и други его погребут и воздвигнут
В память могилу и столп, с подобающей честью умершим».
Так говорила, и внял ей отец и бессмертных и смертных:
Росу кровавую с неба послал на троянскую землю,
Чествуя сына героя, которого в Трое холмистой
Должен Патрокл умертвить, далеко от отчизны любезной.

462-465 Оба героя сошлись, наступая один на другого.
Первый ударил Патрокл и копьем поразил Фразимела,
Мужа, который отважнейший был Сарпедонов служитель:
В нижнее чрево его поразил он и крепость разрушил.

466-471 Царь Сарпедон нападает второй; но сверкающий дротик
Мимо летит и коня у Патрокла пронзает Педаса
В правое рамо; конь захрипел, испуская дыханье,
Грянулся с ревом во прах, и могучая жизнь отлетела:
Два остальных расскочились, ярем затрещал, и бразды их
Спутались вместе, когда пристяжной повалился на землю.

472-474 Горю сему Автомедон пособие быстро находит:
Меч свой при тучном бедре из ножен долголезвенный вырвав,
Бросился он и отсек припряжного, нимало не медля;

475-477 Кони другие спрямились и стали под ровные вожжи.
Снова герои вступили в решительный спор смертоносный,
И опять Сарпедон промахнулся блистательной пикой;

478-481 Низко, над левым плечом острие пронеслось у Патрокла,
Но не коснулось его; и ударил оружием медным
Сильный Патрокл, и не праздно копье из руки излетело:

В грудь угодил, где лежит оболочка вкруг твердого сердца.

482-486 Пал воевода ликийский, как падает дуб или тополь,
Или огромная сосна, которую с гор древосеки
Острыми вкруг топорами ссекут, корабельное древо, —
Так Сарпедон пред своей колесницей лежал распростертый,
С скрипом зубов раздирая перстами кровавую землю.

487-494 Словно поверженный львом, на стадо незапно нашедшим,
Пламенный бык, меж волов тяжконогих величеством гордый,
Гибнет, свирепо ревя, под зубами могучего зверя, —
Так Менетидом воинственным, царь щитоносных ликиян,
Попранный, гордо стенал и вопил к знаменитому другу:
«Главк любезный, могучий из воинов! Ныне ты должен
Быть копьеборцем отважным и воином неустрашимым,
Должен пылать лишь свирепою бранию, ежели храбр ты!

495-497 Друг! поспеши и мужей предводителей смелых ликиян
Всех обойдя, возбуди за царя Сарпедона сражаться;
Стань за меня ты и сам и с ахейцами медью сражайся!

498-500 Или тебе, Гипполохиду, я поношеньем и срамом
Буду всегда и пред поздним потомством, когда аргивяне
Латы похитят с меня, пораженного пред кораблями!

501-505 Действуй сильно и все возбуди ополчения наши!»
Так произнесшему, смерти рука Сарпедону сомкнула
Очи и ноздри; Патрокл, наступивши пятою на перси,
Вырвал копье, — и за ним повлеклась оболочка от сердца:
Вместе и жизнь и копье из него победитель исторгнул.

506-508 Там же ахейцы и коней его изловили храпящих,
Прянувших в бег, как осталася праздной царей колесница.
Главка, при голосе друга, объяла жестокая горесть;

509-512 Сердце терзалось его, что помочь он нисколько не может;
Стиснул рукою он левую мышцу: ее удручала
Свежая рана, какую нанес воеводе стрелою
Тевкр со стены корабельной, беду от друзей отражая.

513-516 В скорби взмолился герой, обращаясь к царю Аполлону:
«Царь сребролукий, услышь! в плодоносном ли царстве ликийском
Или в Троаде присутствуешь, можешь везде ты услышать
Скорбного мужа, который, как я, удручается скорбью!

517-519 Стражду я раной жестокой; рука у меня повсеместно
Болью ужасной пронзается; кровь из нее беспрерывно
Хлещет, не могши уняться; рука до плеча цепенеет!

520-522 Твердо в бою не могу я ни дрота держать, ни сражаться,
Противоставши враждебным; а воин храбрейший погибнул,
Зевсов сын, Сарпедон! не помог громовержец и сыну!

523-526 Ты ж помоги мне, о царь! уврачуй жестокую рану;
Боль утоли и могущество даруй, да силою слова
Храбрых ликийских мужей возбужу я на крепкую битву
И за друга сраженного сам достойно сражуся!»

527-529 Так он молился; услышал его Аполлон дальновержец:
Быстро жестокую боль утолил, из мучительной раны
Черную кровь удержал и мужеством душу наполнил.

530-533 Сердцем почувствовал Главк и восхитился духом, что скоро
К гласу его моления бог преклонился великий.
Бросился вдаль, и вначале мужей ратоводцев ликийских
Всех обходя, возбуждал за царя Сарпедона сражаться;

534-538 После к дружинам троян устремился, широко шагая.
Там воеводе Агенору, Полидамасу являлся;
К сыну Анхиза и к меднодоспешному сыну Приама,
К Гектору он представал, устремляя крылатые речи:
«Гектор, оставил ты вовсе троянских союзников славных!

539-542 Храбрые ради тебя, далеко от друзей, от отчизны,
Души в бою полагают; а ты защищать их не хочешь!
Пал Сарпедон, щитоносных ликийских мужей предводитель,
Строивший землю ликийскую правдой и доблестью духа.

543-547 Медный Арей Сарпедона смирил копием Менетида.
Станьте, о храбрые други! наполнимся пламенной мести
И не позволим оружий совлечь и над мертвым ругаться
Сим мирмидонцам, на нас разъяренным за гибель данаев,
Коих у черных судов истребили мы копьями многих!»

548-551 Рек, — и троян до единого тяжкая грусть поразила,
Грусть безотрадная: Трои оплотом, хотя иноземец,
Был Сарпедон; многочисленных он на помогу троянам
Воинов вывел, и сам между них отличался геройством.

552-554 Яростно Трои сыны на данаев ударили; вел их
Гектор, за смерть Сарпедонову гневный; но дух у данаев
Воспламеняло Патроклово мужества полное сердце;

555-557 Первых бодрил он Аяксов, пылавших и собственным духом:
«Вам, о Аяксы, встретить врагов сих да будет приятно!
Будьте героями прежними, или храбрее и прежних!

558-561 Пал брaноносец, из первых взлетевший на стену данаев,
Пал Сарпедон! О когда б нам увлечь и над ним поругаться,
С персей доспехи сорвать и какого-нибудь из клевретов,
Тело его защищающих, свергнуть убийственной медью».

562-566 Так возбуждал, но Аяксы и сами сразиться пылали;
И, когда лишь фаланги с обеих сторон укрепили,
Трои сыны и ликийцы, ахеяне и мирмидонцы,
Все, соступившися, около мертвого с яростным воплем
Подняли бой, и кругом зазвучали оружия ратных.

567-569 Зевс ужасную ночь распростер над долиной убийства,
Брань за любезного сына сугубо ужасна да будет.
Первые Трои сыны быстрооких данаев отбили;

570-572 Пал пораженный от них не ничтожный в мужах мирмидонских,
Сын Агаклея почтенного, вождь Эпигей благородный.
Некогда властвовал он в многолюдном Будеоне граде;

573-576 Но, знаменитого сродника жизни лишивши убийством,
Странник, прибегнул к покрову Пелея царя и Фетиды;
Ими он вместе с Пелидом, фаланг разрывателем, послан
В Трою, конями богатую, ратовать царство Приама.

577-580 Он было тело схватил, но его шлемоблещущий Гектор
Грянул в голову камнем; она пополам раскололась
В крепком шеломе; лицом Эпигей на бездушное тело

Пал, и мгновенно над ним душегубная смерть распростерлась.

581-585 Гнев Менетида объял за убийство храброго друга;
Он сквозь ряды передние бросился прямо, как ястреб
Быстрый, который преследует робких скворцов или галок, —
Так на троян и ликиян ты, о Патрокл конеборец,
Прямо ударил, пылающий гневом за гибель клеврета!

586-592 Там Сфенелая сразил, Ифеменова храброго сына,
Камнем ударивши в выю и жилы расторгнувши обе.
Вспять отступили передних ряды и блистательный Гектор
Так далеко, как поверженный дротик большой пролетает,
Если его человек, испытующий силу на играх
Или в сражении, бросит на гордых врагов душегубцев, —
Так далеко отступили трояне: отбили данаи.

593-596 Главк между тем, воевода ликиян воинственных, первый
Вспять обратяся, убил Вафиклея, высокого духом,
Сына Халконова: домом живущий в цветущей Гелладе,
Счастием он и богатством блистал средь мужей мирмидонских;

597-600 Дротом его среди персей, не ждавшего, Главк поражает,
Вдруг обратясь, как его самого настигал он, гоняся.
С шумом он пал, — и печаль поразила данаев, узревших
Сильного мужа паденье; пергамлян же радость объяла;

601-607 Падшего тело они оступили толпой; но данаи
Доблести не забывали, вперед на врагов устремлялись.
Тут Мерион поразил Лаогона, доспешного мужа,
Сына Онетора, мужа, который жрецом в Илионе

Зевса Идейского был и как бог почитался народом:
Свергнул его, поразивши под челюсть и ухо; мгновенно
Кости оставила жизнь, и ужасная тьма окружила.

608-613 Сильный Эней на убийцу послал медножальную пику,
Чая уметить его, над щитом выступавшего круглым;
Тот, издалёка увидев, от меди убийственной спасся,
Быстро вперед наклонясь; за хребтом длиннотенная пика
В твердую землю вонзилась и верхним концом трепетала
Долго, пока не смирилася ярость стремительной меди.

614-618 Так Анхизидова медноогромная пика, сотрясшись,
В землю вошла, излетев бесполезно из длани могучей.
Гордый Эней, негодуя душою, вскричал к Мериону:
«Скоро б тебя, Мерион, несмотря, что плясатель ты быстрый,
Скоро б мой дрот укротил совершенно, когда б я уметил!»

619-622 Быстро ему возразил Мерион, знаменитый копейщик:
«Трудно тебе, Анхизид, и отлично могучему в битвах,
Дух укротить воевателя каждого, кто бы ни вышел
Силу измерить с тобою; и ты, как и прочие, смертен.

623-625 Если б и я угодил тебя в грудь изощренною медью,
Скоро б и ты, несмотря что могуч и на руки надежен,
Славу мне даровал, а властителю Тартара душу!»

626-629 Так говорил; но его порицал Менетид благородный:
«Что, Мерион, воинственный муж, расточаешь ты речи?
Верь, от речей оскорбительных гордые воины Трои
Тела не бросят, покуда кого-либо прах не покроет.

630-632 Руки решат кровавые битвы, а речи советы.
Ныне ахеянам должно не речи плодить, а сражаться!»
Рек — и вперед полетел; и за ним Мерион копьеборец.

633-637 Словно толпа древосеков секирами стук подымает
В горных лесах, на пространство далекое он раздается, —
Стук между воинств такой по земле раздавался пространной
Меди гремучей и кож неразрывных щитов волокожных,
Часто разимых мечами и копьями яростных воев.

638-640 Тут ни усерднейший друг — Сарпедона, подобного богу,
Боле не мог бы узнать: и стрелами, и кровью, и прахом
Весь от главы и до ног совершенно был он заметан.

641-645 Битва при нем беспрестанно кипела. Подобно как мухи,
Роем под кровлей жужжа, вкруг подойников полных толпятся
Вешней порой, как млеко изобильно струится в сосуды, —
Так ратоборцы вкруг тела толпилися. Зевс громодержец
С поля пылающей битвы очей не сводил светозарных;

646-650 Он непрестанно взирал на мужей, и в душе промыслитель
Много о смерти Патрокловой мыслил, волнуясь сомненьем:
Или уже и его в настоящем убийственном споре,
Тут, на костях Сарпедона великого, Гектор могучий
Медью смирит и оружия славные с персей похитит?

651-655 Или еще да продлит он подвиг, погибельный многим?
В сих волновавшемусь мыслях, угоднее Зевсу явилась
Дума, да храбрый служитель Пелеева славного сына

Воинство Трои и меднодоспешного их воеводу,
Гектора, к граду погонит и души у многих исторгнет.

656-658 Гектору первому Зевс послал малодушие в перси;
Он, в колесницу вскочив, побежал, повелев и троянам
К граду бежать: уступил он священным весам Олимпийца.

659-662 Тут ни ликийцы в бою не остались храбрые: в бегство
Все обратились, увидев царя их, пронзенного в сердце,
Грудою тел окруженного: много их вкруг Сарпедона
Пало с тех пор, как бой сей ужасный воздвиг Олимпиец.

663-665 Быстро с рамен Сарпедона данаи сорвали доспехи
Медные, пышноблестящие, кои к судам мирмидонским
Другам нести повелел Патрокл, конеборец могучий.

666-668 В оное время воззвал к Аполлону Кронид тучеводец:
«Ныне гряди, Аполлон, и, восхитив от стрел Сарпедона,
Тело от черной крови, от бранного праха очисти;

669-673 Вдаль перенесши к потоку, водою омой светлоструйной,
Миром его умасти и одень одеждой бессмертной.
Так совершив, повели ты послам и безмолвным и быстрым,
Смерти и Сну близнецам, да поспешно они Сарпедона
В край отнесут плодоносный, в пространное Ликии царство.

674-677 Тамо братия, други его погребут и воздвигнут
В память могилу и столп, с подобающей честью усопшим».
Рек громовержец, — и не был отцу Аполлон непокорен:
Быстро с Идейских вершин низлетел на ратное поле.

678-683 Там из-под стрел Сарпедона, подобного богу, похитил;
Вдаль перенесши к потоку, водою омыл светлоструйной,
Миром его умастил, одеял одеждой бессмертной,
И нести повелел он послам и безмолвным и быстрым,
Смерти и Сну близнецам, и они Сарпедона мгновенно
В край пренесли плодоносный, в пространное Ликии царство.

684-687 Тою порою Патрокл, возбуждая возницу и коней,
Гнал и троян и ликиян, и к собственной гибели мчался,
Муж неразумный! Когда б соблюдал Ахиллесово слово,
То избежал бы от участи горестной черныя смерти.

688-690 Но Кронида совет человеческих крепче советов:
Он устрашает и храброго, он и победу от мужа
Вспять похищает, которого сам же подвигнет ко брани;

691-693 Он и Патрокловы перси неистовым духом наполнил.
Кто же был первый и кто был последний, которых сразил ты,
Храбрый Патрокл, как тебя уже боги на смерть призывали?

694-696 Первого свергнул Адраста, за ним Автоноя, Эхекла,
Вслед Меланиппа, Эпистора, Мегаса отрасль, Перима,
Элаза, Мулия, врукопашь всех, и героя Пиларта.

697-701 Сих он сразил, а другие спасения в бегстве искали.
Взяли б в сей день аргивяне высокую башнями Трою
С сыном Менетия, — так впереди он свирепствовал пикой, —
Если бы Феб Аполлон не стоял на возвышенной башне,
Гибель ему замышляя и Трои сынам поборая.

702-704 Трижды Менетиев сын взбегал на высокую стену,
Дерзко-отважный, и трижды его отражал стреловержец,
Дланью своею бессмертной в блистательный щит ударяя;

705-709 Но когда он, как демон, в четвертый раз устремился, —
Голосом грознопретительным Феб стреловержец воскликнул:
«Храбрый Патрокл, отступи! Не тебе предназначено свыше
Град крепкодушных троян копием разорить; ни Пелиду,
Сыну богини, который тебя несравненно сильнейший!»

710-714 Рек, — и далеко назад Менетид отступил, избегая
Гнева могущего бога, стрелами разящего Феба.
Гектор же в Скейских воротах удерживал пышущих коней:
Думал, сражаться ль ему, устремившися к воинствам снова,
Или своим ратоборцам в стенах повелеть собираться?

715-719 В сих колебавшемусь думах предстал Аполлон Приамиду,
Образ цветущий приявши младого, могучего мужа,
Храброго Азия, Гектора, коней смирителя, дяди,
Брата родного Гекубы, отважного сына Димаса,
Жившего в тучной фригийской земле, при водах Сангария;

720-723 Образ приявши его, провещал Аполлон дальновержец:
«Битву оставил ты, Гектор? Поступок тебя не достоин!
Если б, сколь слаб пред тобою, столько могуществен был я,
Скоро б раскаялся ты, что кровавую битву оставил!

724-726 Вспять обратись, напусти на Патрокла коней быстролетных;
Может быть, славу победы тебе Аполлон уготовал!»
Рек — и вновь обратился бессмертный к борьбе человеков.

727-730 И немедленно Гектор велел Кебриону вознице
Коней бичом на сражение гнать. Аполлон же отшедший
В множестве ратных сокрылся, — и там меж ахеян воздвигнул
Страшную смуту, троянам и Гектору славу даруя.

731-733 Гектор ахеян других оставлял, никого не сражая;
Он на Патрокла летел, устремляя коней звуконогих.
Встречу ему и Патрокл соскочил с колесницы на землю;

734-736 Шуйцей держал он копье, а десницею камень подхитил,
Мармор лоснистый, зубристый, всю мощную руку занявший;
Бросил его, упершись, — и летел он не долго до мужа;

737-739 Послан не тщетно из рук: поразил Кебриона возницу,
Сына Приама побочного, дерзко гонящего бурных
Гектора коней: в чело поразил его камень жестокий;

740-743 Брови сорвала громада; ни крепкий не снес ее череп;
Кость раздробила; кровавые очи на пыльную землю
Пали к его же ногам; и стремглав, водолазу подобно,
Сам он упал с колесницы, и жизнь оставила кости.

744-748 Горько над ним издеваясь, воскликнул Патрокл конеборец:
«Как человек сей легóк! Удивительно быстро ныряет!
Если бы он находился и на море, рыбой обильном,
Многих бы мог удовольствовать, устриц ища, для которых
Прядал бы он с корабля, не смотря, что и море сердито.

749-754 Как он, будучи на поле, быстро нырнул с колесницы!
Есть, как я вижу теперь, и меж храбрых троян водолазы!»
Так издеваясь, на тело напал Кебриона героя,

Бурен, как лев разъяренный, который, загон истребляя,
В грудь прободен и бесстрашием собственным сам себя губит, —
Так на убитого ты, мирмидонянин, пламенный прянул.

755-761 Гектор навстречу ему соскочил с колесницы на землю;
Оба они за возницу, как сильные львы, состязались,
Кои на горном хребте, за единую мертвую серну,
Оба, гладом яримые, с гордым сражаются гневом, —
Так за труп Кебриона искусные два брагоносца,
Храбрый Патрокл Менетид и блистательный Гектор, сражаясь,
Жаждут единый другого пронзить беспощадною медью.

762-764 Гектор, схватив за главу, из рук не пускал, безотбойный;
Сын же Менетиев за ногу влек; и кругом их другие,
Трои сыны и данаи, смесилися в страшную сечу.

765-771 Словно два ветра, восточный и южный, свирепые спорят,
В горной долине сшибаясь, и борют густую дубраву;
Крепкие буки, высокие ясени, дерен користый
Зыблются, древо об древо широкими ветвями бьются
С шумом ужасным; кругом от крушащихся треск раздается, —
Так аргивяне, трояне, свирепо друг с другом сшибаясь,
Падали в битве; никто о презрительном бегстве не думал.

772-776 Множество вкруг Кебриона метаемых копий великих,
Множество стрел окрыленных, слетавших с тетив, водружалось;
Множество камней огромных щиты разбивали у воев
Окрест его; но величествен он, на пространстве великом,
В вихре праха лежал, позабывший искусство возницы.

777-782 Долго, доколе светило средину небес протекало,
Стрелы летали с обеих сторон и народ поражали.
Но лишь достигнуло солнце годины распряжки воловой,
Храбрость ахеян, судьбе вопреки, одолела противных:
Труп Кебриона они увлекли из-под стрел, из-под криков
Ярых троян и оружия пышные сорвали с персей.

783-785 Но Патрокл на троян, умышляющий грозное, грянул.
Трижды влетал он в средину их, бурному равный Арею,
С криком ужасным; и трижды сражал девяти брагоносцев.

786-790 Но когда он, как демон, в четвертый раз устремился,
Тут, о Патрокл, бытия твоего наступила кончина:
Против тебя Аполлон по побоищу шествовал быстро,
Страшен грозой. Не познал он бога, идущего в сонмах:
Мраком великим одеянный, шествовал встречу бессмертный.

791-793 Стал позади и ударил в хребет и широкие плечи
Мощной рукой, — и стемнев, закружилися очи Патрокла.
Шлем с головы Менетидовой сбил Аполлон дальновержец;

794-800 Быстро по праху катясь, зазвучал под копытами коней
Медяный шлем; осквернилися волосы пышного гребня
Черною кровью и прахом. Прежде не сужено было
Шлему сему знаменитому прахом земным оскверняться:
Он на прекрасном челе, на главе богомужней героя,
Он на Пелиде сиял, но Кронид соизволил, да Гектор
Оным украсит главу: приближалась бо к Гектору гибель.

801-803 Вся у Патрокла в руках раздробилась огромная пика,
Тяжкая, крепкая, медью набитая; с плеч у героя
Щит, до пят досягавший, с ремнем повалился на землю;

804-809 Медные латы на нем разрешил Аполлон небожитель.
Смута на душу нашла и на члены могучие томность;
Стал он, как бы обаянный. Приближился с острою пикой
С тыла его — и меж плеч поразил воеватель дарданский,
Славный Эвфорб Панфоид, который блистал между сверстных
Ног быстротой и метаньем копья, и искусством возницы;

810-815 Он уже в юности двадцать бойцов сразил с колесниц их,
Впервые выехав сам на конях, изучаться сраженьям.
Он, о Патрокл, на тебя устремил оружие первый,
Но не сразил; а исторгнув из язвы огромную пику,
Вспять побежал и укрылся в толпе; не отважился явно
Против Патрокла, уже безоружного, стать на сраженье.

816-821 Он же, и бога ударом, и мужа копьем укрощенный,
Вспять к мирмидонцам-друзьям отступал, избегающий смерти.
Гектор, едва усмотрел Менетида, высокого духом,
С боя идущего вспять, пораженного острою медью,
Прянул к нему сквозь ряды и копьем, упредивши, ударил
В пах под живот; глубоко во внутренность медь погрузилась;

822-825 Пал Менетид и в уныние страшное ввергнул данаев.
Словно как вепря могучего пламенный лев побеждает,
Если на горной вершине сражаются, гордые оба,
Возле ручья маловодного, жадные оба напиться;

826-828 Вепря, уже задыхавшегось, силою лев побеждает, —
Так Менетида героя, уже погубившего многих,
Гектор великий копьем низложил и душу исторгнул.

829-832 Гордый победой над ним, произнес он крылатые речи:
«Верно, Патрокл, уповал ты, что Трою нашу разрушишь,
Наших супруг запленишь и, лишив их священной свободы,
Всех повлечешь на судах в отдаленную землю родную!

833-836 Нет, безрассудный! За них-то могучие Гектора кони,
К битвам летя, расстилаются по полю; сам копием я
Между героев троянских блистаю, и я-то надеюсь
Рабство от них отразить! Но тебя растерзают здесь враны!

837-841 Бедный! тебя Ахиллес, несмотря что могуч, не избавил.
Верно, тебе он, идущему в битву, приказывал крепко:
Прежде не мысли ты мне, конеборец Патрокл, возвращаться
В стан мирмидонский, доколе у Гектора мужеубийцы
Брони, дымящейся кровию, сам на груди не расторгнешь!

842-845 Верно, он так говорил, и прельстил безрассудного душу».
Дышащий томно, ему отвечал ты, Патрокл благородный:
«Славься теперь, величайся, о Гектор! Победу стяжал ты
Зевса и Феба поспешеством: боги меня победили;

846-848 Им-то легко; от меня и доспехи похитили боги.
Но тебе подобные, если б мне двадцать предстали,
Все бы они полегли, сокрушенные пикой моею!

849-854 Пагубный рок, Аполлон, и от смертных Эвфорб дарданиец
В брани меня поразили, а ты уже третий сражаешь.
Слово последнее молвлю, на сердце его сохраняй ты:
Жизнь и тебе на земле остается не долгая; близко,
Близко стоит пред тобою и Смерть и суровая Участь
Пасть под рукой Ахиллеса, Эакова мощного внука».

855-857 Так говорящего, смертный конец осеняет Патрокла.
Тихо душа, излетевши из тела, нисходит к Аиду,
Плачась на жребий печальный, бросая и крепость и юность.

858-861 Но к Патроклу и к мертвому Гектор великий воскликнул:
«Что, мирмидонянин, ты предвещаешь мне грозную гибель?
Знает ли кто, не Пелид ли, сын среброногой Фетиды,
Прежде, моим копием пораженный, расстанется с жизнью?»

862-864 Так произнес он, и медную пику из мертвого тела
Вырвал, пятою нажав, и его опрокинул он навзничь.
После немедля против Автомедона с пикой понесся;

865-867 Мужа могучего он, Ахиллесовых коней возницу,
Свергнуть пылал; но возницу умчали быстрые кони,
Кони бессмертные, дар знаменитый бессмертных Пелею.

Une Sacra · издание 1 · unesacra.com · CC BY-NC-SA 4.0

ПЕСНЬ XVII

✦

1-8 Он не укрылся от сильного в бранях царя Менелая,
Храбрый Патрокл, пораженный троянами в пламенной битве.
Бросясь вперед, Менелай, ополченный сверкающей медью,
Около тела ходил, как вкруг юницы нежная матерь,
Первую родшая, прежде не знавшая муки рождений, —
Так вкруг Патрокла ходил герой Менелай светлокудрый,
Грозно пред ним и копье уставляя, и щит медноблящный,
Каждого, кто б ни приближился, душу исторгнуть готовый.

9-13 Но не мог пренебречь и Эвфорб, знаменитый копейщик,
Падшего в брани Патрокла героя; приближился к телу,
Стал и воскликнул к могучему в битвах царю Менелаю:
«Зевсов питомец, Атрид, повелитель мужей, удалися,
Тело оставь, отступись от моей ты корысти кровавой!

14-16 Прежде меня ни один из троян и союзников славных
В пламенной битве копьем не коснулся Патроклова тела.
Мне ты оставь меж троянами светлою славой гордиться;

17-19 Или, страшися, лишу и тебя я сладостной жизни!»
Вспыхнувши гневом, воскликнул Атрид, Менелай светлокудрый:
«Зевсом клянусь, не позволено так беспредельно кичиться!

20-23 Столько и лев не гордится могучий, ни тигр несмиримый,
Ни погибельный вепрь, который и большею, дикий,
Яростью в персях свирепствуя, грозною силою пышет,

Сколько Панфоевы дети, метатели копий, гордятся!

24-26 Но не спасла Гиперенора конника, гордого силой,
Младость его, как противу меня он с ругательством вышел:
Он вопиял, что презреннейший я меж данаями воин;

27-32 Но из битвы, я мню, не своими ногами пошел он
В доме возрадовать кровных своих и супругу младую.
Так и твою сокрушу я надменность, когда ты посмеешь
Ближе ко мне подойти! Но прими мой совет и скорее
Скройся в толпу; предо мною не стой ты, пока над тобою
Горе еще не сбылося! Событие зрит и безумный!»

33-37 Так он вещал; но Эвфорб непреклонный ответствовал снова:
«Нет, Менелай, расплатися теперь же со мной за убийство!
Брат мой тобою убит; и гордишься еще ты, что сделал
Горькой вдовою супругу его в новобрачном чертоге
И почтенных родителей в плач неутешный повергнул?

38-40 О! без сомнения, плачущим я утешением буду,
Если, сорвавши с тебя и главу и кровавые латы,
В руки отдам их Панфою и матери нашей Фронтисе.

41-43 Но почто остается досель не испытанным подвиг
И не решенными битвой меж нами и храбрость и робость!»
Так произнес — и ударил противника в щит меднобляшный;

44-48 Но, не проникшее меди, согнулось копейное жало
В твердом щите. И тогда устремился с убийственной медью
Царь Менелай, умоляющий пламенно Зевса владыку:

Вспять отскочившему он в основание горла Эвфорбу
Пику вонзил и налег, на могучую руку надежный;

Быстро жестокая медь пробежала сквозь нежную выю;
Грянулся оземь Эвфорб, и на нем загремели доспехи;
Кровью власы оросились, прекрасные, словно у граций,
Кудри держимые пышно златой и серебряной связью.

Словно как маслина древо, которое муж возлелеял
В уединении, где искипает ручей многоводный,
Пышно кругом разрастается; зыблют ее, прохлаждая,
Все тиховейные ветры, покрытую цветом сребристым;

Но незапная буря, нашедшая с вихрем могучим,
С корнем из ямины рвет и по черной земле простирает, —
Сына такого Панфоева, гордого сердцем Эвфорба,
Царь Менелай низложил и его обнажал от оружий.

Словно как лев, на горах возросший, могучестью гордый,
Если из стада пасомого лучшую краву похитит,
Выю он вмиг ей крушит, захвативши в крепкие зубы;

После и кровь и горячую внутренность всю поглощает,
Жадно терзая; кругом на ужасного псы и селяне,
Стоя вдали, подымают крик беспрерывный, но выйти
Против него не дерзают: бледный их страх обымает, —
Так из троянских мужей никого не отважило сердце
Против царя Менелая, высокого славою, выйти.

70-76 Скоро б к дружине понес велелепный доспех Панфоида
Сильный Атрид; но ему позавидовал Феб дальновержец:
Он на Атрида подвигнул подобного богу Арею
Гектора; в образе Мента, киконских мужей воеводы,
К Гектору Феб провещал, устремляя крылатые речи:
«Гектор! бесплодно ты рыщешь, преследуя неуловимых
Коней Пелида героя: Пелидовы кони жестоки!

77-81 Их укротить и управить для каждого смертного мужа
Трудно, кроме Ахиллеса, бессмертной матери сына!
Тою порой у тебя Атрейон, Менелай брановосный,
Труп защищая Патроклов, храбрейшего воина свергнул,
Бурную мощь обуздал он Панфоева сына Эвфорба».

82-86 Рек, — и вновь обратился бессмертный к борьбе человеков.
Гектору горесть жестокая мрачное сердце стеснила;
Окрест себя обозрел он ряды и мгновенно увидел
Мужа, похитить спешащего светлый доспех, и другого,
В прахе простертого: кровь изливалась из раны широкой.

87-89 Бросился Гектор вперед, ополченный сверкающей медью,
Звучно кричащий, и быстрый, как бурный пламень Гефестов.
И не укрылся от сына Атреева крик его звучный;

90-93 Думен Атрид совещался с своею душой благородной:
«Горе! когда я оставлю доспех сей прекрасный и брошу
Тело Патрокла, за честь мою положившего душу,
Каждый меня аргивянин осудит, который увидит!

94-96 Если ж на Гектора я и троян одинок ополчуся,
Бегства стыдяся, один окружен я множеством буду:
Всех троянцев сюда ведет шлемоблещущий Гектор.

97-99 Но почто у меня волнуется сердце в сих думах!
Кто, вопреки божеству, осмелится с мужем сражаться,
Богом хранимым, беда над главой того быстрая грянет.

100-105 Нет, аргивяне меня не осудят, когда уступлю я
Гектору сильному в брани: от бога воинствует Гектор.
Если ж Аякса я где-либо, духом бесстрашного, встречу,
С ним устремимся мы вновь и помыслим о пламенной битве,
Даже и противу бога, только бы тело Патрокла
Нам возвратить Ахиллесу; из зол бы то меньшее было».

106-114 Тою порою, как думы сии в уме обращал он,
Близко троян подступили ряды, и пред оными Гектор.
Вспять Менелай отступил и оставил Патроклово тело,
Часто назад озираясь, подобно как лев густобрадый,
Коего псы и народ от загона волов отгоняют
Копьями, криками; гордого зверя могучее сердце
Страхом стесняется; нехотя он от загона уходит, —
Так отошел от Патрокла герой Менелай светлокудрый,
Стал и назад обратился, приближася к сонму данаев.

115-118 Там он Аякса искал, Теламонова мощного сына;
Скоро увидел героя на левом крыле ратоборства,
Где он дружины свои ободрял, поощряя на битву:
Свыше ниспосланным ужасом их поразил дальновержец.

119-122 Он устремился к Аяксу и так восклицал, приближаясь:
«Друг Теламонид, сюда! за Патрокла сраженного в битву!
Может быть, сыну Пелееву мы возвратим хоть нагое
Тело его, а доспехи похитил убийственный Гектор».

123-127 Так говорил — и воинственный дух взволновал у Аякса.
Он устремился вперед, и при нем Менелай светлокудрый.
Гектор меж тем, обнаживши от славных доспехов Патрокла,
Влек, чтобы голову с плеч отрубить изощренною медью,
Труп же его изувеченный псам на съедение бросить.

128-131 Вдруг Теламонид, с щитом перед персями, башне подобным,
Грозный явился; и Гектор, назад отступивши к дружинам,
Прянул в свою колесницу; доспехи же отдал троянам
Несть в Илион, да хранятся ему на великую славу.

132-137 Но Теламонид, огромным щитом Менетида покрывши,
Грозен стоял, как становится лев пред своими детями,
Если ему, малосильных ведущему, в мрачной дубраве
Встретятся ловчие: он, раздражаясь, очами сверкает,
Хмурит чело до бровей, покрывая и самые очи, —
Сын Теламонов таков обходил Менетидово тело.

138-142 Подле его же, с другой стороны, Менелай брановосный
Мрачен стоял, величайшую горесть в сердце питая.
Главк между тем Гипполохид, ликийских мужей воевода,
Грозно взирая на Гектора, горькой язвил укоризной:
«Гектор, герой по наружности! как ты далек от геройства!

143-145 Суетно добрая слава идет о тебе, малодушный!
Думай о способах, как от враждебных и град свой, и замок
Можешь избавить один ты с мужами, рожденными в Трое.

146-148 Что до ликиян, вперед ни один не пойдет на данаев
Биться за град; никакой благодарности здесь не находит,
Кто ежедневно и ревностно с вашими бьется врагами.

149-151 Как же простого ты ратника в войске народном заступишь,
Муж злополучный, когда Сарпедона, и гостя и друга,
Предал без всякой защиты ахеянам в плен и добычу?

152-159 Мужа, толико услуг оказавшего в жизни как граду,
Так и тебе? Но и псов от него отогнать не дерзнул ты!
Если еще хоть один от ликийских мужей мне послушен,
Мы возвратимся в дома: приближается пагуба Трои! —
Если б имели трояне отважность и дух дерзновенный,
Дух, мужей обымающий, кои за землю родную
Против врагов и труды и жестокие битвы подъемлют,
Скоро бы мы увлекли в илионские стены Патрокла.

160-162 Если ж бы славный мертвец сей в обитель владыки Приама,
В град Илион перешел, среди боя захваченный нами,
Скоро б ахейцы нам выдали пышный доспех Сарпедона;

163-165 Мы и его самого принесли б в илионские стены:
Ибо повержен служитель героя, который славнее
Всех аргивян при судах и клевретов предводит храбрейших.

166-168 Ты ж не дерзнул Теламонову сыну, Аяксу герою,
Противостать и, бестрепетно смотря противнику в очи,
Прямо сразиться не смел: несравненно тебя он храбрее!»

169-172 Гневно на Главка взглянув, отвечал шлемоблещущий Гектор:
«Главк, и таков ты будучи, так говоришь безрассудно!
Мыслил, о друг, я доныне, что разумом ты превосходишь
Всех населяющих землю пространной державы ликийской;

173-175 Ныне ж твой ум совершенно порочу; и что ты вещаешь?
Ты вопиешь, что не смел я Аякса огромного встретить?
Нет, ни сраженья, ни топота конского я не страшился!

176-178 Но Кронида совет человеческих крепче советов:
Он устрашает и храброго, он и от мужа победу
Вспять похищает, которого сам же подвигнет ко брани.

179-182 Шествуй со мною, и стой близ меня, и рассматривай дело:
Целый ли день я останусь, как ты проповедуешь, робким;
Или какого-нибудь, и кипящего боем данайца,
Мужество я укрощу при защите Патроклова тела!»

183-185 Так произнес — и, троян возбуждающий, звучно воскликнул:
«Трои сыны, и ликийцы, и вы, рукоборцы дардане!
Будьте мужами, друзья, и воспомните бурную доблесть;

186-191 Я ж Ахиллеса героя оденуся бранным доспехом,
Славным, который добыл я, Патроклову мощь одолевши».
Так восклицающий, вышел из битвы пылающей Гектор,

Шлемом сияя; пустился бежать и настигнул клевретов
Скоро, еще не далеких, стремительно их догоняя,
Несших в святой Илион Ахиллесов доспех знаменитый.

192-197 Став от боя вдали, Приамид обменялся доспехом:
Свой разрешил и отдал, да несут в илионские стены
Верные други, а сам облекался доспехом бессмертным
Славного мужа Пелида, который небесные боги
Дали Пелею герою; Пелей подарил его сыну,
Старец; но сын под доспехом отца не успел состареться.

198-203 Зевс, олимпийский блистатель, узрев, как от битв удаленный
Гектор доспехом Пелида, подобного богу, облекся,
Мудрой главой покивал и в душе своей проглаголал:
«Ах, злополучный, душа у тебя и не чувствует смерти,
Близкой к тебе! Облекаешься ты бессмертным доспехом
Сильного мужа, которого все брагоносцы трепещут!

204-208 Ты умертвил у него кроткодушного, храброго друга
И доспехи героя с главы и с рамен недостойно
Сорвал! Но дам я тебе одоление крепкое в брани
Мздою того, что из рук от тебя, возвратившегось с боя,
Славных оружий Пелида твоя Андромаха не примет!»

209-214 Рек — и манием черных бровей утвердил то Кронион.
Гектора тело доспех обольнул, и вступил ему в сердце
Бурный, воинственный дух; преисполнились все его члены

Силой и крепостью. Он к знаменитым друзьям Илиона
Шествовал с криком могучим, и взорам всех представлялся,
В блеске доспехов бессмертных, самим Ахиллесом великим.

215-218 Так обходящий ряды, ободрял воевод он речами:
Месфла, Ферсилоха, Медона, ветвь Гипполохову Главка,
Гиппофоя, Дезинора, Астеропея героя,
Хромия, Форка и славного в птицегаданье Эннома;

219-222 Сих возбуждал он вождей, устремляя крылатые речи:
«Слушайте, сонмы несметные наших друзей и соседей!
Я не искал многолюдства, и, нужду не в оном имея,
Вас из далеких градов собирал я в священную Трою.

223-226 Нет, но чтоб вы и супруг, и детей неповинных троянских
Ревностно мне защищали от бранолюбивых данаев.
С мыслию сею и данями я, и припасами корма
Свой истощаю народ, чтобы мужество ваше возвысить.

227-232 Станьте ж в лицо сопротивных; и каждый из вас или гибни,
Или спасай свой живот! таково состояние ратных!
Кто между вами Патрокла, хотя и убитого, ныне
К сонму троян привлечет, и пред кем Теламонид отступит,
Тот половину корыстей возьмет, половина другая
Будет моею; но славою он, как и я, да гордится».

233-235 Гектор сказал, — и они на данаев обрушились прямо,
Копья поднявши; надеждою гордой ласкалось их сердце
Тело Патрокла отбить у Аякса, твердыни данаев.

236-239 Мужи безумные! многим при теле исторгнул он душу.
Их усмотревши, Аякс возгласил к Менелаю герою:
«Друг Менелай, питомец Зевеса! едва мы, как мыслю,
Сами успеем с тобой возвратиться живые из битвы!

240-244 Я беспокоюсь не столько о теле Менетия сына:
Скоро несчастный насытит и псов и пернатых троянских, —
Сколько страшусь о главе и своей и твоей, чтобы горе
Их не постигнуло; тучею брани здесь все покрывает
Гектор; и нам, очевидно, грозит неизбежная гибель!

245-251 Кличь, о любезный, данайских героев; быть может, услышат».
Так говорил, и послушал его Менелай светловласый, —
Голосом громким вскричал, призывая на помощь данаев:
«Други, вожди и правители мудрые храбрых данаев,
Вы, которые в пиршествах с нами, сынами Атрея,
Вместе народное пьете, и каждый народом подвластным
Правите: власть бо и славу приемлете свыше от Зевса!

252-255 Каждого ныне из вас распознать предводителя воинств
Мне невозможно: сражения пламень кругом нас пылает!
Сами спешите сюда и, наполняся гордого гнева,
Быть Патроклу не дайте игралищем псов илионских!»

256-259 Так восклицал он, — и ясно услышал Аякс Оилеев;
Первый предстал к Менелаю, побоищем быстро пробегший:
Следом за ним Девкалид и сопутник царя Девкалида,
Муж Мерион, Эниалию равный, губителю смертных.

260-262 Прочих мужей имена кто мог бы на память поведать,
После пришедших и быстро восставивших битву данаев?
Прежде трояне напали громадой; предшествовал Гектор.

263-271 Словно как в устьях реки, от великого Зевса ниспадшей,
Вал, при истоке, огромный ревет, и высокие окрест
Воют брега от валов, изрыгаемых морем на сушу, —
Столько был шумен подъятый троянами клик; но данаи
Вкруг Менетида стояли, единым кипящие духом,
Крепко сомкнувшись щитами их медными. Свыше над ними,
Окрест их шлемов сияющих, страшный разлил громодержец
Мрак; никогда Менетид ненавистен владыке бессмертных
Не был, доколе дышал и служил Эакиду герою;

272-274 Не было богу угодно, чтоб снедию псов илионских
Стал Менетид, — и воздвиг он друзей на защиту героя.
Первые сбили трояне ахейских сынов быстрооких.

275-280 Тело оставя, побегли они; но ни воя меж ними
Трои сыны не сразили, надменные, как ни пылали;
Тело ж они увлекли; но вдали от него и данаи
Были не долго: их всех обратил с быстротою чудесной
Сын Теламона, и видом своим, и своими делами
Всех аргивян превышающий, после Пелида героя.

281-287 Ринулся он сквозь передних, могучестью вепрю подобный,
Горному вепрю, который и псов и младых звероловцев
Всех, обращаяся быстро, легко рассыпает по дебри, —
Так Теламона почтенного сын, Аякс благородный,

Бросясь, рассыпал легко сопротивных густые фаланги,
Кои уже окружили Патрокла и сердцем пылали
В стены градские увлечь и великою славой покрыться.

288-290 Тело уж Гиппофоой, пеласгийского Лефа рожденье,
За ногу торопко влек по кровавому поприщу боя,
Около глезны, у жил, обвязавши ремнем перевесным;

291-294 Гектору сим и троянам хотел угодить он; но быстро
Гибель пришла, и не спас ни один из друзей пламеневших.
Грозный Аякс на него, сквозь разорванных толпищ обрушась,
Пикою врукопашь грянул по медноланитному шлему;

295-303 И расселся шелом густогривый под медяным жалом,
Быв поражен и огромным копьем, и рукою могучей.
Мозг по Аякса копью побежал из главы раздробленной,
Смешанный с кровью: исчезла могучесть; из трепетных дланей
Ногу Патрокла героя на землю пустил, и на месте
Сам он, лицом повалившися, пал подле мертвого мертвый,
Пал далеко от Лариссы родной; ни родителям бедным
Он не воздал за труды воспитания; век его краток
Был на земле, Теламонова сына копьем пресеченный.

304-310 Гектор меж тем на Аякса направил сияющий дротик.
Тот, хоть и в пору завидел, от быстронесущейся меди
Чуть уклонился; но Гектор Схедия, Ифитова сына,
Храброго мужа фокеян, который в славном Панопе

Домом богатым владел и властвовал многим народом, —
Мужа сего поразил под ключом: совершенно сквозь выю
Бурное жало копья и сквозь рамо вверху пробежало;

311-315 С шумом упал он на дол, и взгремели на падшем доспехи.
Мощный Аякс бранодушного Форка, Фенопсова сына,
Труп защищавшего Гиппофоя, ударил в утробу:
Лату брони просадила и внутренность медь сквозь утробу
Вылила; в прах повалившись, хватает рукою он землю.

316-318 Вспять отступили передних ряды и сияющий Гектор.
Крикнули громко данаи, и Гиппофоя и Форка
Разом тела увлекли и с рамен их сорвали доспехи.

319-325 Скоро опять бы трояне от бранолюбивых данаев
Скрылися в град, побежденные собственной слабостью духа;
Славу ж стяжали б данаи, противу судеб громодержца,
Силой своею и доблестью; но Аполлон на данаев,
Гневный, Энея воздвигнул, образ прияв Перифаса,
Сына Эпитова: он при отце престарелом Энея,
Вестником быв, состарелся, исполненный кротких советов;

326-330 Образ приявши его, Аполлон провещал ко Энею:
«Как же, могли б вы, Эней, защитить, вопреки и бессмертным,
Град Илион, как я некогда видел других человеков,
Крепко надежных на силу, на твердость сердец и на храбрость,
С меньшей дружиной своею, превысшею всякого страха!

331-335 Нам же и самый Кронид благосклоннее, чем аргивянам,
Хощет победы; но вы лишь трепещете, стоя без битвы!»
Так провещал, — и Эней пред собою познал Аполлона,
В очи воззревший, и крикнул он Гектору голосом звучным:
«Гектор, и вы, воеводы троян и союзных народов!

336-339 Стыд нам, когда мы вторично от бранолюбивых данаев
Скроемся в град, побежденные собственной слабостью духа!
Нет, божество говорит, — предо мною оно предстояло, —
Зевс, промыслитель верховный, нам благосклонствует в брани!

340-342 Прямо пойдем на данаев! Пускай сопостаты спокойно
К черным своим кораблям не приближатся с телом Патрокла!»
Рек — и, из ряду переднего вылетев, стал перед войском.

343-345 Трои сыны обратились и стали в лицо аргивянам.
Тут благородный Эней, ополченный копьем, Леокрита,
Сына Аризбанта, сверг, Ликомедова храброго друга.

346-351 В жалость о падшем пришел Ликомед, благодушный воитель;
К телу приближился, стал и, сияющий ринувши дротик,
Он Апизаона, сына Гиппасова, сил воеводу,
В печень под сердцем пронзил и сломил ему крепкие ноги,
Мужу, который притек от цветущих полей пеонийских
И на битвах блистал, как храбрейший по Астеропее.

352-355 В жалость пришел о поверженном Астеропей бранодушный;
Прямо и он на данаев ударил, пылая сразиться:
Тщетная доблесть! Кругом, как стеной, ограждались щитами
Окрест Патрокла стоящие, острые копья уставив.

356-358 Их непрестанно Аякс обходил, убеждающий сильно:
Шагу назад отступать не приказывал сын Теламонов;
С места вперед не идти, чтоб вдали от дружины сражаться;

359-363 Крепко у тела стоять и при нем с нападающим биться.
Так убеждал их великий Аякс. Между тем заливалась
Кровью багряной земля, упадали одни на другие
Трупы как храбрых троян и союзников их знаменитых,
Так и данайских мужей; и они не без крови сражались;

364-369 Меньше лишь гибнуло их; помышляли они беспрестанно,
Как им друг друга в толпе защищать от опасности грозной.
Битва пылала, как огнь пожирающий; каждый сказал бы, —
Верно, на тверди небесной не цело ни солнце, ни месяц:
Мраком таким на побоище были покрыты герои,
Кои кругом Менетида, его защищая, стояли.

370-373 Прочие ж рати троян и красивопоножных данаев
Вольно сражались, под воздухом ясным; везде разливался
Пламенный солнечный свет, над равниною всей, над горами
Не было облака; с отдыхом частым сражалися войски;

374-380 Стороны обе свободно от стрел уклонялися горьких,
Ратуясь издали. Здесь же, в средине, во мраке и сече
Горе терпели; нещадно жестокая медь поражала
Воев храбрейших. Но к двум брапоносцам еще не достигла,
К славным мужам, Фразимеду и брату его Антилоху,
Весть, что не стало Патрокла; еще они мнили, что храбрый
Жив и пред первой фалангою ратует гордых пергамлян.

381-383 Оба они, от друзей отвращая убийство и бегство,
В поле отдельно сражалися; так заповедовал Нестор,
В бой могучих сынов от ахейских судов посылая.

384-388 Те ж с одинаким неистовством спорили в страшном убийстве
Целый сей день; от труда непрерывного потом и прахом
Были колена и ноги и голени каждого воя,
Были и руки и очи покрыты на битве, пылавшей
Вкруг знаменитого друга Пелеева быстрого сына.

389-398 Словно когда человек вола огромного кожу
Юношам сильным дает растянуть, напоенную туком;
Те, захвативши ее и кругом расступившися, тянут
В разные стороны; влага выходит, а тук исчезает,
И, от многих влекущих, кругом расширяется кожа, —
Так и сюда и туда Менетида, на узком пространстве,
Те и другие влекли: несомненной надеждой пылали
Трои сыны к Илиону увлечь, а данайские мужи
К быстрым судам; и кругом его тела кипел ратоборный
Бурный мятеж; ни Арей, возжигатель мужей, ни Афина,

399-402 Видя его, не хулу б изрекла, и горящая гневом.
Подвиг такой за Патрокла, и воям и коням жестокий,
В день сей устроил Зевес. Но дотоле о смерти Патрокла
Вовсе не ведал герой Ахиллес, бессмертным подобный;

403-407 Рати далеко уже от ахейских судов воевали,
Близко троянской стены; не имел он и дум, что сподвижник
Пал; уповал он, что жив и, приближась к вратам Илиона,

Вспять возвратится; он ведал и то, что Приамова града,
Трои, Патрокл без него не разрушит, ни с ним совокупно.

408-411 Часто о том он слышал от матери: в тайных беседах
Сыну она возвещала совет великого Зевса;
Но беды жесточайшей, грозившей ему, не открыла
Нежная матерь: погибели друга, дражайшего сердцу.

412-419 Те ж неотступно у тела, уставивши острые копья,
Беспрерывно сшибались, один поражая другого.
Так восклицали иные от меднодоспешных данаев:
«Други данаи! бесславно для нас возвратиться отсюда
К нашему стану! На этом пусть месте утроба земная,
Мрачная, всех нас поглотит! И то нам отраднее будет,
Нежели тело сие попустить конеборцам троянам
С поля увлечь в Илион и сияющей славой покрыться!»

420-422 Так же иной говорил и в дружине троян крепкодушных:
«Други, хотя бы нам должно у трупа сего и погибнуть
Всем до последнего, с поля сего не сходи ни единый!»

423-425 Так восклицали трояне — и дух у друзей распаляли.
Яростно бились воины; гром, раздаваясь, железный
К медному небу всходил по пустынным пространствам эфира.

426-428 Кони Пелеева сына, вдали от пылающей битвы,
Плакали стоя, с тех пор как почуяли, что их правитель
Пал, низложенный во прах, под убийственной Гектора дланью.

429-433 Сын Диореев на них Автомедон, возатай искусный,
Сильно и с быстрым бичом налегал, понуждающий к бегу,
Много и ласк проговаривал, много и окриков делал:
Но ни назад, к Геллеспонту широкому, в стан мирмидонский,
Кони бежать не хотели, ни в битву к дружинам ахейским.

434-443 Словно как столп неподвижен, который стоит на кургане,
Мужа усопшего памятник или жены именитой, —
Так неподвижны они в колеснице прекрасной стояли,
Долу потупивши головы; слезы у них, у печальных,
Слезы горючие с вежде́й на черную капали землю,
С грусти по храбром правителе; в стороны пышные гривы
Выпав из круга ярма, у копыт осквернялися прахом. —
Коней печальных узрев, милосердовал Зевс промыслитель
И, главой покивав, в глубине проглаголал душевной:
«Ах, злополучные, вас мы почто даровали Пелею,

444-447 Смертному сыну земли, не стареющих вас и бессмертных?
Разве, чтоб вы с человеками бедными скорби познали?
Ибо из тварей, которые дышат и ползают в прахе,
Истинно в целой вселенной несчастнее нет человека.

448-450 Но не печальтеся: вами отнюдь в колеснице блестящей
Гектор не будет везом торжествующий: не попущу я!
Иль не довольно, что он Ахиллеса доспехом гордится?

451-455 Вам же я новую крепость вложу и в колена и в сердце;
Вы Автомедона здравым из пламенной брани спасите
К черным судам, а троянам еще я славу дарую

Рать побивать, доколе судов мореходных достигнут,
И закатится солнце, и мраки священные снидут».

456-458 Так произнес он — и коням вдохнул благородную силу.
Кони, от грив пресмыкавшихся прах отряхнувши на землю,
Вдруг с колесницею быстрой меж двух ополчений влетели.

459-462 Ими напал Автомедон, хотя и печальный по друге;
Он на конях налетал, как на стаю гусиную коршун.
Быстро и вспять убегал от свирепости толпищ троянских,
Быстро скакал и вперед, обращающий толпища в бегство.

463-465 Но, в погоню бросаяся, он не сражал сопротивных;
Не было средства ему, одному в колеснице священной,
Вдруг и копье устремлять, и коней укрощать быстролетных.

466-470 Скоро увидел его мирмидонянин, сердцу любезный,
Искренний друг Алкимедон, Лаеркея сын Эмонида;
Сзади приближился он и вещал к Автомедону громко:
«Друг Автомедон, какой из бессмертных совет бесполезный
В сердце тебе положил и суждение здравое отнял?

471-473 Что ты противу троян, впереди, одинокий воюешь?
Друг у тебя умерщвлен, а бронею, с него совлеченной,
Перси покрыв, величается Гектор, броней Ахиллеса!»

474-476 Быстро ему с колесницы вещал Диорид Автомедон:
«Кто, Алкимедон могучий, как ты, из ахеян искусен
Коней бессмертных в деснице держать и покорность и ярость?

477-480 Был Менетид, искусством ристателя, в дни своей жизни,
Равный богам; но великого смерть и судьба одолела!
Шествуй, любезный; и бич, и блестящие конские вожжи
В руки прими ты; а я с колесницы сойду, чтоб сражаться».

481-485 Так произнес; Алкимедон на бранную стал колесницу;
Разом и бич и бразды захватил в могучие руки;
Но Диорид соскочил; и узрел их сияющий Гектор,
И к Энею герою, стоящему близко, воскликнул:
«Храбрый Эней, меднолатный дарданцев советник верховный!

486-490 Я примечаю коней быстроногого мужа Пелида,
В битве явившихся вновь, но с возницами, робкими духом.
Я уповаю добыть их, когда и твое совокупно
Сердце готово; уверен, когда нападем мы с тобою,
Противостать не посмеют они, чтобы с нами сразиться».

491-493 Рек, — и послушался Гектора сын знаменитый Анхизов:
Бросился прямо, уставив пред персями тельчие кожи,
Крепкие кожи сухие, покрытые множеством меди.

494-496 С ними и Хромий герой, и Арет, красотой небожитель,
Бросились оба; надеждою верной ласкалось их сердце
И возниц поразить, и угнать их коней крутовыйных.

497-499 Мужи безумцы! они не без крови должны возвратиться
Вспять от возниц. Автомедон едва помолился Крониду,
Силою в нем и отвагой наполнилось мрачное сердце.

500-506 Быстро воззвал Диорид к Алкимедону, верному другу:
«Друг Алкимедон! держись от меня недалече с конями;
Пусть за хребтом я слышу их пышущих: ибо уверен,
Гектор, на нас устремленный, едва ль обуздает свирепство,
Прежде пока не взойдет на коней Ахиллесовых бурных,
Нас обоих умертвив, и покуда рядов не погонит
Воинств ахейских иль сам пред рядами не ляжет сраженный!»

507-509 Так произнесши, к Аяксам воззвал и к царю Менелаю:
«Царь Менелай и аргивских мужей воеводы Аяксы!
Храбрым другим аргивянам поверьте заботу о мертвом;

510-513 Пусть окружают его и враждебных ряды отражают;
Вы же от нас, от живых, отразите грозящую гибель!
Здесь нападают на нас, окруженных плачевным убийством,
Гектор герой и Эней, храбрейшие воины Трои!

514-517 Впрочем, еще то лежит у бессмертных богов на коленах:
Мчись и мое копие, а Кронион решит остальное!»
Рек он — и, мощно сотрясши, поверг длиннотенную пику
И ударил Арета в блистательный щит круговидный;

518-524 Щит копия не сдержал: сквозь него совершенно проникло
И сквозь запон блистательный в нижнее чрево погрузло.
Так, если юноша сильный, с размаху секирою острой
В голову, между рогами, степного тельца поразивши,
Жилу совсем рассечет; подскочивши, телец упадает, —
Так подскочил он и навзничь упал; изощренная — сильно
Медь у Арета в утробе сотрясшись, разрушила крепость.

525-529 Гектор пустил в Автомедона пикой своею блестящей;
Тот же, приметив ее, избежал угрожающей меди,
Быстро вперед наклонясь; за хребтом длиннотенная пика
В черную землю вонзилась и верхним концом трепетала
Долго, пока не смирилася ярость убийственной меди.

530-532 И они б на мечах рукопашно сразиться сошлися,
Но Аяксы могучие пламенных их разлучили,
Оба пришедши сквозь сечу на дружеский голос призывный.

533-539 Их устрашася могучих, стремительно вспять отступили
Гектор герой, и Эней Анхизид, и божественный Хромий;
Друга Арета оставили там, прободенного в сердце,
В прахе лежащего; сын Диореев, Арею подобный,
С тела оружия сорвал и так, торжествуя, воскликнул:
«Ах, наконец хоть несколько я о Патрокловой смерти
Горесть от сердца отвел, хотя и слабейшего свергнув!»

540-542 Рек — и, подняв, в колесницу корысти кровавые бросил;
Быстро поднялся и сам, по рукам и ногам отовсюду
Кровью облитый, как лев истребительный, тура пожравший.

543-546 Окрест Патрокла с свирепостью новою брань загоралась.
Тяжкая, многим плачевная; бой распаляла Афина,
С неба нисшедши: ее ниспослал промыслитель Кронион
Дух аргивян возбудить: обратилося к ним его сердце.

547-552 Словно багряную радугу Зевс простирает по небу,
Смертным являющий знаменье или погибельной брани,
Или годины холодной, которая пахарей нудит

В поле труды прерывать, на стада же унылость наводит, —
Дочь такова громодержца, в багряный одетая облак,
К сонму данаев сошла и у каждого дух распаляла.

553-558 К первому сыну Атрея богиня, помощная в бранях,
Бывшему ближе других, Менелаю герою воззвала,
Феникса старца приявшая образ и голос могучий:
«Стыд и позор, Менелай, на тебя упадет вековечный,
Если Пелида великого верного друга Патрокла
Здесь, под стеною троянскою, быстрые псы растерзают!

559-562 Действуй решительно, все возбуди ополченья данаев!»
Быстро ответствовал ей Менелай, знаменитый воитель:
«Феникс, отец, давнородшийся старец! да даст Тритогена
Крепость деснице моей и спасет от убийственных копий!

563-566 В сечу готов я лететь, готов отстаивать тело
Друга Патрокла: глубоко мне смерть его тронула душу!
Но свирепствует Гектор, как бурный огонь; непрестанно
Все истребляет кругом: громовержец его прославляет!»

567-573 Рек, — и наполнилась радостью дочь светлоокая Зевса:
Ибо ее от бессмертных, молящийся, первую призвал.
Крепость ему в рамена и в колена богиня послала,
Сердце ж наполнила смелостью мухи, которая, мужем
Сколько бы крат ни была, дерзновенная, согнана с тела,
Мечется вновь уязвить, человеческой жадная крови, —
Смелость такая Атриду наполнила мрачное сердце.

574-577 Бросился он к Менетиду и ринул блестящую пику.
Был меж троянами воин Подес, Этионова отрасль,
Муж и богатый и славный, отлично меж граждан троянских
Гектором чтимый, как друг, и в пирах собеседник любезный.

578-581 Мужа сего, обратившегось в бегство, Атрид светловласый
В запон копьем поразил, и насквозь его медь просадила;
С шумом он грянулся в прах; и Атрид Менелай дерзновенно
Мертвого к сонму друзей от троян повлек одинокий.

582-584 Гектора тою порой возбуждал стреловержец, явяся,
Фенопса образ приявши, который Приамову сыну
Другом любезнейшим был, Абидоса приморского житель;

585-589 Образ приявши его, провещал Аполлон стреловержец:
«Кто ж еще более, Гектор, тебя устрашит из данаев,
Ежели ты Менелая трепещешь? Был он доныне
Воин в сражениях слабый, а ныне один от пергамлян
Тело влечет! У тебя умертвил он любезного друга.

590-592 Храброго, в первом ряду, Этионова сына, Подеса!»
Рек, — и покрыло Гектора облако мрачное скорби;
Он устремился вперед, потрясая сверкающей медью.

593-596 В оное время Кронион приял свой эгид бахромистый,
Пламеннозарный, и, тучами черными Иду покрывши,
Страшно блеснул, возгремел и потряс громовержец эгидом,
Вновь посылая победу троянам и бегство данаям.

597-600 Бегство ужасное начал вождь Пенелей беотиец.
Он, беспрестанно вперед устремляяся, в рамо был ранен
Сверху скользнувшим копьем; но рассекло тело до кости
Полидамаса оружие: он его врукопашь ранил.

601-604 Гектор ударом копья Алектриона сыну, Леиту,
Руку близ кисти пронзил и унял его рьяную храбрость;
Он побежал, озираяся; более в сердце не чаял
Острою пикой владеть и сражаться с народом троянским.

605-609 Гектора ж Идоменей, на Леита летевшего, прямо
В грудь, у сосца, по блестящему панцирю пикой ударил:
Пика сломилась у трубки огромная; крикнула громко
Сила троянская. Гектор направил копье в Девкалида
(Он в колеснице стоял) и немного в него не уметил;

610-618 Керана он поразил, Мерионова друга-возницу,
Мужа, который за ним из цветущего следовал Ликта.
(Пешим сперва Девкалид от судов мореходных явился
В битву, и верно б троянам великую славу доставил,
Если бы Керан скорее коней не пригнал быстроногих:
Светом царю он явился, годину отвел роковую,
Сам же — дух свой предал под убийственной Гектора дланью.)
Гектор его копием улучает под челюсть, и зубы
Вышибла острая медь и язык посредине рассекла;

619-622 Он с колесницы падет и бразды разливает по праху.
Их Мерион, наклоняся поспешно, своими руками
С праха земного подъял и воскликнул к царю Девкалиду:

«Быстро гони, Девкалион, пока до судов не домчишься!

623-625 Ныне ты видишь и сам, что победа уже не ахеян!»
Рек, — и бичом Девкалион хлестнул по коням лепогривым,
Правя к судам; боязнь Девкалиону пала на сердце.

626-630 В оное ж время постиг и Аякс и Атрид светловласый
Волю Кронида, что Трои сынам даровал он победу.
Слово пред воинством начал Аякс Теламонид великий:
«Горе, о други! Теперь уж и тот, кто совсем малосмыслен,
Ясно постигнет, что славу Кронион троянам дарует!

631-633 Стрелы троянские, кто б ни послал их, и слабый и сильный,
Все поражают: Кронид без различия все направляет;
Стрелы же наши у всех бесполезно валятся на землю!

634-639 Но решимся, данаи, и сами помыслим о средстве,
Как Менетидово тело увлечь от враждебных, и вместе
Как, и самим возвратяся, друзей нам возрадовать милых,
Кои, взирая на нас, сокрушаются; более, мыслят,
Гектора мужеубийцы ни силы, ни рук необорных
Мы не снесем, но в суда мореходные бросимся к бегству.

640-642 О, если б встретился друг, к объявлению вести способный
Сыну Пелееву; он, как я думаю, вовсе не слышал
Вести жестокой, не знает, что друг его милый погибнул.

643-645 Но никого я такого не вижу в дружине ахейской.
Мраком покрыты глубоким и ратные мужи и кони!
Зевс, наш владыка, избавь аргивян от ужасного мрака!

646-649 Дневный свет возврати нам, дай нам видеть очами!
И при свете губи нас, когда уж так восхотел ты!»
Так говорил, — и слезами героя отец умилился:
Быстро и облак отвел, и мрак ненавистный рассеял;

650-655 Солнце с небес засияло, и битва кругом осветилась.
И Аякс Теламонид воззвал к Менелаю Атриду:
«Ныне смотри, Менелай благородный, и если живого
Можешь обресть Антилоха, почтенного Нестора сына,
Сам убеди, да скорее идет Ахиллесу герою
Весть объявить, что любезнейший друг его в брани погибнул!»

656-658 Так говорил, — и послушал его Менелай светловласый;
Но уходил от побоища, словно как лев от загона,
Где наконец истомился, и псов и мужей раздражая.

659-667 Зверю они не дающие тука от стад их похитить,
Целую ночь стерегут, а он, алкающий мяса,
Мечется прямо, но тщетно ярится: из рук дерзновенных
С шумом летят, устремленному в сретенье, частые копья,
Главни горящие; их устрашается он, и свирепый,
И со светом зари удаляется, сердцем печален, —
Так от Патрокла герой отошел, Менелай светловласый,
С сильным в душе нехотением: он трепетал, да ахейцы,
В пагубном страхе, Патрокла врагам не оставят в добычу;

668-672 Сильно еще убеждал Мериона и храбрых Аяксов:
«Други Аяксы и ты, Мерион, аргивян воеводы!
Вспомните кротость душевную бедного друга Патрокла,

Вспомните все вы; доколе дышал, приветен со всеми
Быть он умел, но теперь он постигнут судьбою и смертью!»

673-681 Так говорящий друзьям, уходил Менелай светловласый,
Смотря кругом, как орел быстропарный, который, вещают,
Видит очами острее всех поднебесных пернатых:
Как ни высоко парит, от него не скрывается заяц
Легкий, под темным кустом притаившийся; он на добычу
Падает, быстро уносит и слабую жизнь исторгает, —
Так у тебя, Менелай благородный, светлые очи
Быстро вращались кругом по великому сонму ахеян,
Жадные встретить живого еще Антилоха младого.

682-686 Скоро его он увидел на левом краю ратоборства,
Где ободрял он друзей, возбуждая на крепкую битву.
Близко к нему подходя, возгласил Менелай светловласый:
«Шествуй сюда, Антилох, услышишь ты, Зевсов питомец,
Горькую весть, какой никогда не должно бы свершаться!

687-689 Ты, я уверен, и собственным взором уже наблюдая,
Видишь, какое бедствие бог на данаев обрушил!
Видишь, победа троян! Поражен аргивянин храбрейший;

690-693 Пал наш Патрокл! Беспредельная горесть данаев постигла!
Друг, к кораблям фессалийским немедля беги, Ахиллесу
Весть объявить; не успеет ли он спасти хоть нагое
Тело Патрокла: доспехи совлек торжествующий Гектор!»

694-696 Так говорил; Антилох ужаснулся, услышавши речи;
Долго стоял он, от ужаса нем; но у юноши очи
Быстро наполнились слез, и поднявшийся голос прервался.

697-699 Но не презрел он и так повелений царя Менелая:
Бросился, ратный доспех Лаодоку любезному вверив,
Другу, державшему подле коней его твердокопытых.

700-704 Быстро, лиющего слезы, несли его ноги из боя,
Чтобы сыну Пелея ужасное слово поведать.
Сердцу, Атрид, твоему не угодно, божественный, было
Тех утесненных друзей защищать, которых оставил
Несторов сын: в сокрушении горьком остались пилосцы;

705-710 К ним Менелай послал Фразимеда, подобного богу;
Сам же опять полетел на защиту Патрокла героя:
Вместе с Аяксами стал и вещал к ним крылатое слово:
«Я Антилоха послал к мирмидонским судам мореходным,
С вестию сыну Пелееву быстрому; но, я уверен,
Он не придет, хоть и страшно на Гектора мощного гневен.

711-714 Как он, лишенный оружия, в битву с троянами вступит?
Сами собою, данаи, придумаем способ надежный,
Как и сраженного друга спасем от враждебных, и сами
Как под грозою троян от судьбы и от смерти избегнем».

715-721 И Атриду ответствовал сын Теламона великий:
«Все справедливо, что ты ни вещал, Менелай знаменитый.
Бросьтеся ж, ты и Молид Мерион; наклонитеся быстро
Тело поднять и несите из боя; а мы позади вас

Будем сражаться с народом троянским и Гектором мощным,
Мы, равносильные, мы, соименные, кои и прежде
Бурные грозы Арея, друг с другом сложась, выносили».

722-724 Рек, — и они, от земли подхвативши, подняли тело
Вверх и высоко и мощно; ужасно завóпили сзади
Трои сыны, лишь узрели данаев, подъемлющих тело;

725-727 Бросились прямо, подобно как псы на пустынного вепря,
Если он ранен, летят впереди молодых звероловцев;
Быстро сначала бегут, растерзать нетерпеньем пылая;

728-731 Но, едва он на них оборотится, силою гордый,
Мечутся вспять и кругом рассыпаются друг перед другом, —
Так и трояне сначала толпой неотступно неслися,
В тыл аргивянам колебля мечи и двуострые копья;

732-734 Но едва лишь Аяксы, на них обратясь, становились, —
Лица бледнели троян, и от них не дерзал ни единый
Выйти вперед, чтоб с оружием в длани за тело сразиться.

735-737 Так усердно они уносили Патрокла из боя
К стану судов мореходных; но бой возрастал по следам их,
Бурный, подобно как огнь, устремленный на град человеков;

738-741 Вспыхнувши вдруг, пожирает он всё; рассыпаются зданья
В страшном пожаре, который шумит, раздуваемый ветром, —
Так и коней колесничных и воинов меднодоспешных
Бранный, неистовый шум по следам удалявшихся несся.

742-748 Те ж, как яремные мески, одетые крепкою силой,
Тянут с высокой горы, по дороге жестокобугристой,
Брус корабельный иль мачту огромную; рьяные, вместе
Страждут они от труда и от пота, вперед поспешая, —
С рвеньем таким аргивяне Патрокла несли. Позади их
Бой отражали Аяксы, как холм — разъяренные воды,
Лесом поросший, чрез целое поле протяжно лежащий;

749-754 Он и могучие реки, с свирепостью волн их встречая,
Держит и, весь их напор отражая, в долины другие
Гонит; его же не в силах могучие реки расторгнуть, —
Так непрестанно Аяксы, держась позади, отражали
Битву троян; но враги наступали, и два наипаче,
Мощный Эней Анхизид и шлемом сверкающий Гектор.

755-759 И как туча скворцов или галок испуганных мчится
С криками ужаса, если увидят сходящего сверху
Ястреба, страшную смерть наносящего мелким пернатым, —
Так пред Энеем и Гектором юноши рати ахейской
С воплем ужасным бежали, забывши воинскую доблесть.

760-761 Множество пышных оружий усеяли ров и окрестность
В пагубном бегстве данаев; и бранная буря не молкла.

Une Sacra · издание 1 · unesacra.com · CC BY-NC-SA 4.0

ПЕСНЬ XVIII

✦

1-4 Так ратоборцы сражались, огням подобно свирепым.
Но Антилох к Ахиллесу стремительно с вестью приходит,
Видит его одного: при судах островерхих сидел он,
В сердце о том размышляющий, что перед ним совершалось.

5-7 Тихо вздохнув, говорил он с своею душою великой:
«Горе! что думать? почто кудревласые чада Эллады
Снова назад к кораблям в беспорядке бегут по долине?

8-11 О, не свершили ли боги несчастий, ужаснейших сердцу,
Кои мне матерь давно предвещала; она говорила:
В Трое, прежде меня, мирмидонянин, в брани храбрейший,
Должен под дланью троянской расстаться с солнечным светом.

12-14 Боги бессмертные, умер Менетиев сын благородный!
Ах, злополучный! А я умолял, чтоб, огонь отразивши,
Он возвратился и с Гектором в битву вступать не дерзал бы!»

15-19 Тою порою, как думы сии в уме обращал он,
Несторов сын знаменитый к нему приближается грустный,
Слезы горячие льющий, и страшную весть произносит:
«Горе мне, храбрый, любезный Пелид! От меня ты услышишь
Горькую весть, какой никогда не должно бы свершиться!

20-22 Пал наш Патрокл! и уже загорелася битва за тело;
Он уже наг; совлек все оружие Гектор могучий!»
Рек, — и Пелида покрыло мрачное облако скорби.

23-25 Быстро в обе он руки схвативши нечистого пепла,
Голову всю им осыпал и лик осквернил свой прекрасный;
Риза его благовонная вся почернела под пеплом.

26-31 Сам он, великий, пространство покрывши великое, в прахе
Молча простерся и волосы рвал, безобразно терзая.
Жены младые, которых и он и Патрокл полонили,
В грусти глубокой завóпили громко и, быстро из сени
Все к Ахиллесу великому выбежав, руки ломали,
Билися в перси, доколе у всех подломилися ноги.

32-34 Подле младой Антилох тосковал, обливаясь слезами,
И Ахиллеса, стенящего горестно, руку держал он,
В страхе, да выи железом себе не пронзит исступленный.

35-40 Страшно он, плача, вопил; услышала вопль его матерь
В безднах глубокого моря, в чертогах родителя старца;
Горько сама возопила; и к ней собирались богини,
Все из моря глубокого сестры ее, нереиды:
Вдруг Кимодока явилась, Фалия нимфа, и Главка,
Спея, Несея, и Фоя, и Галия, светлая взором;

41-43 Вслед Кимофоя спешила, и с ней Лимнория, Актея,
Нимфа Мелита, Иера, Агава, за ней Амфифоя,
Дота, Прота, Феруза, Орифия и Амфинома;

44-46 Каллианира пришла, Дексамена с младой Динаменой;
Нимфа Дориса, Панопа, краса нереид Галатея,
Нимфа Нимерта, Апсевда и нежная Каллианасса;

47-49 Там и Климена была, Ианира с младой Ианассой,
Мера и с ней Амафея, роскошноволосая нимфа;
Все из моря глубокого сестры ее, нереиды.

50-52 Ими вертеп серебристый наполнился; все они вместе
Бились в перси, и громко меж них возопила Фетида:
«Сестры мои, нереиды, внемлите вы все мне, богини!

53-57 Все вы узнайте, какие печали терзают мне душу!
Горе мне бедной, горе несчастной, героя родившей!
Так, родила я душой благородного, храброго сына,
Первого между героев! Возрос он, как пышная отрасль,
Я воспитала его, как прекраснейший цвет в вертограде;

58-60 Юного в быстрых судах отпустила на брань к Илиону
Ратовать храбрых троян, и его никогда не увижу
В доме отеческом, в светлых чертогах супруга Пелея!

61-64 Но, пока и живет он, и солнца сияние видит,
Должен страдать; и ему я помочь не могу и пришедши!
Но иду я, чтоб милого сына увидеть, услышать,
Горесть какая постигла его, непричастного брани!»

65-69 Так произнесши, вертеп оставляет; за нею и сестры
Плача выходят, и вкруг нереид расступаются с шумом
Волны морские. Они, плодоносной достигнувши Трои,

Тихо одна за другою выходят на берег, где рядом
Все корабли мирмидонян стояли кругом Ахиллеса.

70-77 Нежная матерь к нему, стенящему горько, предстала.
С горестным воплем главу обхватила у милого сына
И, рыдая сама, говорила крылатые речи:
«Что ты, о сын мой, рыдаешь? Какая печаль посетила
Душу твою? Не скрывайся, скажи! Громовержец исполнил
Всё, о чем ты его умолял с воздеянием дланей:
Все до корм корабельных данайские прогнаны рати,
Жаждут тебя одного и позорные бедствия терпят».

78-81 Ей, тяжело воздохнув, отвечал Ахиллес быстроногий:
«Знаю, о матерь, Зевес громовержущий все мне исполнил.
Но какая в том радость, когда потерял я Патрокла,
Милого друга! Его из друзей всех больше любил я;

82-85 Им, как моею главой, дорожил; и его потерял я!
Гектор убийца похитил с него и доспех тот огромный,
Дивный, богами дарованный, дар драгоценный Пелею
В день, как, богиню, тебя на смертного ложе повергли.

86-93 О, почто не осталась ты нимфой бессмертною моря!
О, почто и Пелей не избрал себе смертной супруги!
Должно теперь и тебе бесконечную горесть изведать,
Горесть о сыне погибшем, которого ты не увидишь
В доме отеческом! ибо и сердце мое не велит мне

Жить и в обществе быть человеческом, ежели Гектор,
Первый, моим копием пораженный, души не извергнет
И за грабеж над Патроклом любезнейшим мне не заплатит!»

94-96 Матерь, слезы лиющая, снова ему говорила:
«Скоро умрешь ты, о сын мой, судя по тому, что вещаешь!
Скоро за сыном Приама конец и тебе уготован!»

97-100 Ей, тяжело воздохнув, отвечал Ахиллес быстроногий:
«О, да умру я теперь же, когда не дано мне и друга
Спасть от убийцы! Далёко, далёко от родины милой
Пал он; и, верно, меня призывал, да избавлю от смерти!

101-106 Что же мне в жизни? Я ни отчизны драгой не увижу,
Я ни Патрокла от смерти не спас, ни другим благородным
Не был защитой друзьям, от могучего Гектора падшим:
Праздный сижу пред судами; земли бесполезное бремя,
Я, которому равного между героев ахейских
Нет во брани, хотя на советах и многие лучше.

107-110 О, да погибнет вражда от богов и от смертных, и с нею
Гнев ненавистный, который и мудрых в неистовство вводит.
Он в зарождении сладостней тихо струящегось меда,
Скоро в груди человека, как пламенный дым, возрастает!

111-113 Гневом таким преисполнил меня властелин Агамемнон.
Но забываем мы всё прежде бывшее, как ни прискорбно;
Гнев оскорбленного сердца в груди укрощаем, по нужде.

114-116 Я выхожу, да главы мне любезной губителя встречу,
Гектора! Смерть же принять готов я, когда ни рассудят
Здесь мне назначить ее всемогущий Кронион и боги!

117-119 Смерти не мог избежать ни Геракл, из мужей величайший,
Как ни любезен он был громоносному Зевсу Крониду;
Мощного рок одолел и вражда непреклонная Геры.

120-124 Так же и я, коль назначена доля мне равная, лягу,
Где суждено; но сияющей славы я прежде добуду!
Прежде еще не одну между жен полногрудых троянских
Вздохами тяжкими грудь раздирать я заставлю и в горе
С нежных ланит отирать руками обеими слезы!

125-129 Скоро узнают, что долгие дни отдыхал я от брани!
В бой выхожу; не удерживай, матерь; ничем не преклонишь!»
Вновь отвечала ему среброногая матерь Фетида:
«Ты говоришь справедливо, любезнейший сын: благородно
Быть для друзей угнетенных от бед и от смерти защитой.

130-133 Но доспех твой прекрасный во власти троян напыщенных;
Медяным, светлосияющим им шлемоблещущий Гектор
Перси покрыв, величается! Но уповаю, не долго
В нем величаться троянцу: погибель его не далёко!

134-137 Но и ты, мой сын, не вступай в боевую тревогу,
Снова пока не приду я и сам ты меня не увидишь:
Завтра я рано сюда с восходящим солнцем явлюся
И прекрасный доспех для тебя принесу от Гефеста».

138-144 Так говоря, отвратилась богиня от скорбного сына
И, обратяся к сестрам, нереидам морским, говорила:
«Сестры мои, погрузитеся в лоно пространного моря,
В дом возвратитесь отца, и, увидевши старца морского,
Всё вы ему возвестите, а я на Олимп многохолмный,
Прямо к Гефесту иду: не захочет ли славный художник
Дать моему Ахиллесу блистательных славных оружий».

145-147 Так изрекла, — и они погрузилися в волны морские,
Прямо на светлый Олимп устремилась богиня Фетида,
Быстро идя, чтоб принесть оружия милому сыну;

148-150 Быстро к Олимпу ее возносили стопы. Но ахейцы
С криком ужасным тогда, перед Гектором людоубийцей
В страхе бежа, к кораблям и зыбям Геллеспонта примчались.

151-154 Тщетно ахеяне меднопоножные рвались Патрокла
Спасть из-под вражеских стрел, Ахиллесова мертвого друга,
Снова Патрокла настигли толпы и народа и коней,
С коими Гектор вослед его гнался, как бурное пламя.

155-160 За ноги трижды хватал шлемоблещущий Гектор Патрокла,
Вырвать пылая, и страшно кричал он, троян призывая;
Трижды Аяксы его отражали от тела своею
Бурною силой; но Гектор упорно, на силу надежный,
То нападал на столпившихся, то становился и громким
Криком своим призывал; но назад отступить он не думал.

161-164 Словно как пылкого льва отпугнуть от кровавого трупа
Пастыри в поле ночные, яримого гладом, не могут, —
Так не могли совокупные, храбрые оба Аяксы
Гектора, Трои вождя, отогнать от Патроклова тела.

165-168 Он овладел бы, покрылся бы он беспредельною славой,
Если б герою Пелиду подобная вихрям Ирида
С вестью, да к брани воздвигнется, быстро с небес не явилась,
Тайно от Зевса и прочих богов, устремленная Герой.

169-177 Вестница стала пред ним и крылатые речи вещала:
«К брани воздвигнись, ужаснейший муж, Пелейон быстроногий!
Тело Патрокла спаси; за него пред судами восстала
Бурная сеча; неистово в ней убивают друг друга:
Мужи ахейские, чтоб отстоять бездыханное тело,
Мужи троянские, чтоб овладеть и умчать к Илиону,
Пламенно рвутся; но пламенней всех бронеблещущий Гектор
Жаждет увлечь, и Патроклову голову он замышляет
С белой выи срубить и на кол вонзить в поруганье.

178-180 Шествуй, не время покоиться; ужас ты в сердце почувствуй,
Если Патрокл твой будет игралищем псов илионских!
Срам на тебе, если тело его искаженное придет!»

181-186 К ней, воздохнув, говорил быстроногий Пелид знаменитый:
«Кем ты, бессмертная, вестницей мне послана от бессмертных?»
Вновь отвечала ему подобная ветрам Ирида:

«Гера меня ниспослала, священная Зевса супруга,
Тайно; не знает сего ни высокопрестольный Кронион,
Ни другой из бессмертных, на снежном Олимпе живущих».

187-191 Ей ответствовал вновь быстроногий Пелид знаменитый:
«Как мне в сражение выйти? Доспех мой у них, у враждебных!
Матерь же милая мне возбранила на бой ополчаться
Прежде, поколе ее возвратившуюся здесь не увижу,
Мне обещая принесть от Гефеста доспех велелепный.

192-195 Здесь же не ведаю, чьим мне облечься оружием крепким?
Щит мне споручен один — Теламонова сына Аякса;
Но и сам он, я мню, подвизается между передних,
Пикой врагов истребляя вокруг Менетидова тела».

196-201 Вновь отвечала герою подобная ветрам Ирида:
«Знаем мы все, что твоим овладели оружием славным.
Но без оружий приближься ко рву, покажися троянам:
Лик твой узрев, ужаснутся трояне и, может быть, бросят
Пламенный бой; а данайские храбрые мужи отдохнут,
Боем уже истомленные; краток в сражениях отдых».

202-204 Так говоря, отлетела подобная ветрам Ирида.
И восстал Ахиллес, громовержцу любезный; Паллада
Мощные плечи его облачила эгидом кистистым;

205-214 Облак ему вкруг главы обвила золотой Тритогена
И кругом того облака пламень зажгла светозарный,
Словно как дым, подымаясь от града, восходит до неба,
С острова дальнего, грозных врагов окруженного ратью,

Где, от утра до вечера, споря в ужасном убийстве,
Граждане бьются со стен; но едва сокрывается солнце,
Всюду огни зажигают маячные; свет их высоко
Всходит и светит кругом, да живущие окрест увидят
И в кораблях, отразители брани, скорее примчатся, —
Так от главы Ахиллесовой блеск подымался до неба.

215-218 Вышед за стену, он стал надо рвом; но с народом ахейским,
Матери мудрой завет соблюдая, герой не мешался;
Там он крикнул с раската; могучая вместе Паллада
Крик издала; и троян обуял неописанный ужас.

219-221 Сколь поразителен звук, как труба загремит, возвещая
Городу приступ врагов душегубцев, его окруживших, —
Столь поразителен был воинственный крик Эакида.

222-224 Трои сыны лишь услышали медяный глас Эакидов,
Всех задрожали сердца; долгогривые кони их сами
Вспять с колесницами бросились; гибель зачуяло сердце.

225-227 В ужас впали возницы, узрев огонь неугасный,
Окрест главы благородной подобного богу Пелида
Страшно пылавший; его возжигала Паллада богиня.

228-234 Трижды с раската ужасно вскричал Ахиллес быстроногий;
Трижды смешалися войски троян и союзников славных.
Тут средь смятенья, от собственных коней и копий, двенадцать
Сильных погибло троянских мужей. Между тем аргивяне

Весело, к радости всех, из-под копий умчавши Патрокла,
Тело на одр положили; его окружили, рыдая,
Грустные други; за ними пошел Ахиллес благородный;

235-238 Теплые слезы он пролил, увидевши верного друга,
Медью пронзенного острой, на смертном простертого ложе, —
Друга, которого сам с колесницей своей и с конями
В битву послал, но живого, пришедшего с битвы, не встретил.

239-242 Тою порою Солнцу, в пути неистомному, Гера,
Противу воли его, в Океан низойти повелела.
Солнце сокрылося в волны, и рать благородных данаев
Вся от тревоги и общегубительной брани почила.

243-245 Трои сыны на другой стороне с ратоборного поля
Быстро сошли, от ярм отрешили коней долгогривых
И, не мысля о вечери, вдруг на совет собирались.

246-248 Стоя троянские мужи держали совет; ни единый
Сесть не дерзал; ужасались они, что Пелид быстроногий
Вновь показался, давно уклонявшийся грозного боя.

249-251 Полидамас Панфоид им начал советовать мудрый:
Он бо один и минувшее знал, и грядущее видел;
Другом Гектора был и в единую ночь с ним родился;

252-256 Но, как речами был он, так Гектор оружием славен;
Муж благомысленный, так он троянам советовать начал:
«Тщательно, други, размыслите; я вам советую ныне ж
В град с ополченьем войти, а не ждать Авроры священной
В поле, близ самых судов: далеко мы стоим от твердыни.

257-259 В дни, как сей муж враждовал на Атрида, владыку народов,
В битвах не столько нам тягостны были данайские рати.
Я веселился и сам, при судах мореходных ночуя;

260-265 Чаял, что скоро возьмем мы суда меднолатных данаев,
Ныне ж, как вы, я страшуся Пелеева быстрого сына;
Знаю я душу Пелидову бурную; он не захочет
Медлить на этих полях, где трояне, с сынами ахеян
В битвах сходяся, равно разделяли свирепство Арея:
Града и наших супруг добывать он битвою будет.

266-272 В град возвратимся немедля; поверьте мне, так совершится!
Ныне от битв удержала Пелеева бурного сына
Ночь благовонная; если и завтра нас здесь он застанет,
Завтра нагрянув с оружием, — о! не один Ахиллеса
Скоро узнает; войдет не без радости в Трою святую,
Кто избежит от могучего: многих троян растерзают
Враны и псы; но не дайте мне, боги, подобное слышать!

273-276 Если вы мне покоритесь, хотя и прискорбно то сердцу,
Ночь проведем мы на площади с силой; а городу стены,
Башни, ворота высокие, оных огромные створы,
Длинные, гладкие, крепко сплоченные, будут защитой.

277-279 Утром же мы на заре, ополчася оружием медным,
Станем на башнях; и горе надменному, если захочет
Он, от судов устремившися, с нами вкруг града сражаться!

280-282 Вспять к судам возвратится, когда он коней крутовыйных
В долгих бегах истомит, перед градом их праздно гоняя;
В стены ворваться ни гордое сердце ему не позволит;

283-286 Их не разрушит он; быстрые псы его прежде изгложут!»
Грозно взглянув на него, отвечал шлемоблещущий Гектор:
«Все для меня неприятное, Полидамас, ты вещаешь, —
Ты, убеждающий вспять отступить и в Трое скрываться!

287-290 Или в стенах заключенными быть вам еще не постыло?
Прежде Приамов сей град племена ясновещие смертных
Все нарицали счастливым, богатым и златом и медью:
Скрылося всё, что в домах драгоценного, пышного было!

291-295 Сколько во Фригию или в Меонию, славную землю,
Продано наших сокровищ с тех пор, как прогневан Кронион!
Ныне ж, когда благодеющий мне даровал громовержец
Славу стяжать при судах, отразив к Геллеспонту ахеян,
Мысли такие, безумец, стыдись открывать пред народом!

296-298 Их ни один из троян не послушает: я не позволю!
Слушайте, други, вы слово мое и ему повинуйтесь:
Ныне вы все вечеряйте по стану, отряд близ отряда;

299-302 Помните стражу ночную и бодрствуйте каждый на страже.
Кто ж из троян о богатствах домашних безмерно крушится,
Пусть соберет и отдаст на народ, да народ их истратит:
Пусть кто-нибудь из своих наслаждается, но не ахейцы!

303-309 Завтра ж, еще на заре, ополчася оружием ратным,
Мы на суда многовеслые боем решительным грянем.
Ежели истинно к брани восстал Ахиллес быстроногий,
Худо ему, как желает он, будет! Не стану я больше
В битве ужасной его избегать, но могучего смело
Встречу. С победною славою он или я возвращуся:
Общий у смертных Арей; и разящего он поражает!»

310-312 Гектор вещал, а трояне шумно кругом восклицали.
Мужи безумные! разум у них помрачила Паллада.
С Гектором все согласились, народу беды совещавшим;

313-315 С Полидамасом — никто, совет предлагавшим полезный.
В поле они вечеряли всем воинством. Но мирмидонцы
Целую ночь провели над Патроклом, стеня и рыдая.

316-320 Царь Ахиллес среди сонма их плач свой рыдательный начал;
Грозные руки на грудь положив бездыханного друга,
Часто и тяжко стенал он, — подобно как лев густобрадый,
Ежели скимнов его из глубокого леса похитит
Ланей ловец; возвратяся он поздно, по детям тоскует;

321-325 Бродит из дебри в дебрь и следов похитителя ищет,
Жалобно стонущий; горесть и ярость его обымают, —
Так стеная, Пелид говорил посреди мирмидонян:
«Боги, боги! бесплодное слово из уст изронил я
В день, как старался утешить героя Менетия в доме!

326-328 Я говорил, что в Опунт приведу ему славного сына
Трои рушителем крепкой, участником пышной добычи.
Нет, не все помышления Зевс человекам свершает!

329-332 Нам обоим предназначено землю одну окровавить
Здесь, на троянском брегу! И меня, возвратившегось с боя,
В доме отцов никогда ни Пелей престарелый не встретит,
Ни любезная матерь, но здесь покроет могила!

333-335 Если же после тебя, о Патрокл мой, в могилу сойти мне,
С честью тебя погребу; но не прежде, как здесь я повергну
Броню и голову Гектора, гордого смертью твоею!

336-338 Окрест костра твоего обезглавлю двенадцать плененных
Трои краснейших сынов, за убийство тебя отомщая!
Ты ж до того, Менетид, у меня пред судами покойся!

339-342 Окрест тебя полногрудые жены троян и дарданцев,
Коих с тобой мы добыли копьем и могучестью нашей,
Грады руша цветущие бранолюбивых народов,
Пусть рыдают, и ночи и дни обливаясь слезами».

343-345 Так говорил, — и друзьям повелел Ахиллес благородный
Медный великий треножник поставить на огнь и скорее
Тело Патрокла омыть от запекшейся крови и праха.

346-348 Мужи сосуд омовений, поставив на светлое пламя,
Налили полный водою и дров на огонь подложили;
Дно у тренога огонь обхватил, согревалася влага.

349-351 И когда закипевшая в звонкой меди зашумела, —
Тело омыли водой, умастили светлым елеем,
Язвы наполнили мастью драгой, девятигодовою;

352-355 После, на одр положив, полотном его тонким покрыли
С ног до главы и сверху одели покровом блестящим.
Целую ночь потом вкруг Пелида царя мирмидонцы,
Стоя толпой, о Патрокле крушились, стеня и рыдая.

356-359 Зевс на Олимпе воззвал к златотронной сестре и супруге:
«Сделала ты, что могла, волоокая, гордая Гера!
В брань подняла быстроногого сына Пелеева. Верно,
Родоначальница ты кудреглавых народов Эллады».

360-363 Быстро воззвала к нему волоокая Гера царица:
«Мрачный Кронион! какие слова ты, могучий, вещаешь?
Как? человек человеку свободно злодействовать может,
Тот, который и смертен и столько советами скуден.

364-367 Я ж, которая здесь почитаюсь богиней верховной,
Славой сугубой горжусь, что меня и сестрой и супругой
Ты нарицаешь, — ты, над бессмертными всеми царящий, —
Я не должна, на троян раздраженная, бед устроять им?»

368-371 Так божества олимпийские между собою вещали.
Тою порою Фетида достигла Гефестова дома,
Звездных, нетленных чертогов, прекраснейших среди Олимпа,
Кои из меди блистательной создал себе хромоногий.

372-374 Бога, покрытого потом, находит в трудах, пред мехами
Быстро вращавшегось: двадцать треножников вдруг он работал,
В утварь поставить к стене своего благолепного дома.

375-377 Он под подножием их золотые колеса устроил,
Сами б собою они приближалися к сонму бессмертных,
Сами б собою и в дом возвращалися, взорам на диво.

378-381 В сем они виде окончены были; одних не приделал
Хитроизмышленных ручек: готовил, и гвозди ковал к ним.
Тою порою, как их он по замыслам творческим делал,
В дом его тихо вошла среброногая мать Ахиллеса.

382-386 Вышла, увидев ее, под покровом блестящим Харита,
Прелестей полная, бога хромого супруга младая;
За руку с лаской взяла, говорила и так вопрошала:
«Что ты, Фетида, покровом закрытая, в дом наш приходишь,
Милая нам и почтенная? редко ты нас посещаешь.

387-390 Но войди ты в чертог, да тебя угощу я, богиню».
Так произнесши, Харита во внутренность вводит Фетиду.
Там сажает богиню на троне серебряногвоздном,
Пышном, изящно украшенном, с легкой подножной скамьею.

391-394 После голосом громким Гефеста художника кличет:
«Выди, Гефест, до тебя у Фетиды Нереевой просьба».
Ей немедля ответствовал славный Гефест хромоногий:
«Мощная в доме моем и почтенная вечно богиня!

395-399 Ею мне жизнь спасена, как страдал я, заброшенный с неба
Волею матери Геры: бесстыдная скрыть захотела
Сына хромого. Тогда потерпел бы я горе на сердце,
Если б Фетида меня с Эвриномой не приняли в недра,
Дщери младые катящегось вкруг Океана седого.

400-404 Там украшения разные девять годов я ковал им,
Кольца витые, застежки, уборы волос, ожерелья,
В мрачной глубокой пещере; кругом Океан предо мною
Пенный, ревущий бежал, неизмеримый; там ни единый
Житель меня олимпийский, ни муж земнородный не ведал;

405-407 Только Фетида с сестрой Эвриномою, спасшие жизнь мне.
Ныне мой дом посетила бессмертная; должен отдать я
Долг за спасение жизни прекрасноволосой Фетиде.

408-413 Чествуй, супруга моя, угощением пышным Фетиду;
Я не замедлю, меха соберу и другие снаряды».
Рек — и от наковальни великан закоптелый поднялся
И, хромоногий, медлительно двигал увечные ноги:
Снял от горна меха и снаряды, какими работал,
Собрал все и вложил в красивый ларец среброковный;

414-420 Губкою влажною вытер лицо и могучие руки,
Выю дебелую, жилистый тыл и косматые перси;
Ризой оделся и, толстым жезлом подпираясь, в двери
Вышел хромая; прислужницы, под руки взявши владыку,

Шли золотые, живым подобные девам прекрасным,
Кои исполнены разумом, силу имеют и голос,
И которых бессмертные знанию дел изучили.

421-425 Сбоку владыки они поспешали, а он, колыхаясь,
К месту прибрел, где Фетида сидела на троне блестящем;
За руку взялся рукой, называл и так говорил ей:
«Что ты, Фетида, покровом закрытая, в дом наш приходишь,
Милая нам и почтенная? редко ты нас посещаешь.

426-431 Молви, чего ты желаешь? исполнить же сердце велит мне,
Если исполнить могу я и если оно исполнимо».
И Гефесту Фетида, залившись слезами, вещала:
«Есть ли, Гефест, хоть одна из богинь на пространном Олимпе,
Столько на сердце своем перенесшая горестей тяжких,
Сколько мне, злополучной, послал сокрушений Кронион!

432-435 Нимфу морскую, меня покорил человеку земному,
Сыну Эака; и я испытала объятия мужа,
Как ни противилось сердце: уже тяжелая старость
В доме его изнуряет. Но скорбь у меня и другая!

436-438 Зевс даровал мне родить и взлелеять единого сына,
Первого между героев! Возрос он, как пышная отрасль;
Я воспитала его, как прекраснейший цвет в вертограде;

439-441 Юного в быстрых судах отпустила на брань к Илиону
Ратовать храбрых троян; и его никогда я не встречу
В доме отеческом, в светлых чертогах супруга Пелея!

442-445 Ныне, хотя и живет он, и солнца сияние видит,
Должен страдать; и ему я помочь не могу и пришедши!
Деву, которую сыну избрали в награду ахейцы,
Снова из рук у него исторг властелин Агамемнон.

446-449 Грустный по ней, сокрушал он печалию сердце; ахеян
Сила троян до судов отразила и в стан заключенным
Им выходить не давала. Старейшины воинств ахейских
Сына молили и множество славных даров предлагали.

450-452 Сам он, правда, от воинств беду отразить отказался,
Но героя Патрокла своим он доспехом одеял;
Друга на битву послал и великое воинство вверил.

453-456 Бились целый день перед крепкою башнею Скейской.
Был бы в тот день Илион завоеван, когда бы могучий
Феб разносившего гибель Менетия храброго сына
В первых рядах не повергнул и славы Гектору не дал.

457-461 Вот для чего прихожу и к коленам твоим припадаю;
Может быть, сжалишься ты над моим краткожизненным сыном;
Может быть, дашь ты Пелиду и щит, и шелом, и поножи,
Также и латы: свои потерял он, как друг его верный
Пал от троян; и теперь — по земле он простертый тоскует!»

462-467 Ей немедля ответствовал Амфигией знаменитый:
«Будь спокойна и более сердцем о том не крушися.
О! да могу Ахиллеса от смерти ужасной далеко

Столь же легко я укрыть, когда рок его мощный постигнет,
Сколь мне легко для него изготовить доспехи, которым
Каждый от смертных бесчисленных будет дивиться, узревший!»

468-473 Так произнесши, оставил ее и к мехам приступил он.
Все на огонь обратил их и действовать дал повеленье.
Разом в отверстья горнильные двадцать мехов задыхали,
Разным из дул их дыша раздувающим пламень дыханьем,
Или порывным, служа поспешавшему, или спокойным,
Смотря на волю творца и на нужду творимого дела.

474-477 Сам он в огонь распыхавшийся медь некрушимую ввергнул,
Олово бросил, сребро, драгоценное злато; и после
Тяжкую наковальню насадил на столп, а в десницу
Молот огромнейший взял, и клещи захватил он другою.

478-480 И вначале работал он щит и огромный и крепкий,
Весь украшая изящно; кругом его вывел он обод
Белый, блестящий, тройной; и приделал ремень серебристый.

481-487 Щит из пяти составил листов и на круге обширном
Множество дивного бог по замыслам творческим сделал.
Там представил он землю, представил и небо, и море,
Солнце, в пути неистомное, полный серебряный месяц,
Все прекрасные звезды, какими венчается небо:
Видны в их сонме Плеяды, Гиады и мощь Ориона,
Арктос, сынами земными еще колесницей зовомый;

488-491 Там он всегда обращается, вечно блюдет Ориона
И единый чуждается мыться в волнах Океана.
Там же два града представил он ясноречивых народов:
В первом, прекрасно устроенном, браки и пиршества зрелись.

492-496 Там невест из чертогов, светильников ярких при блеске,
Брачных песней при кликах, по стогнам градским провожают.
Юноши хорами в плясках кружатся; меж них раздаются
Лир и свирелей веселые звуки; почтенные жены
Смотрят на них и дивуются, стоя на крыльцах воротных.

497-500 Далее много народа толпится на торжище; шумный
Спор там поднялся; спорили два человека о пене,
Мзде за убийство; и клялся един, объявляя народу,
Будто он все заплатил; а другой отрекался в приеме.

501-504 Оба решились, представив свидетелей, тяжбу их кончить.
Граждане вкруг их кричат, своему доброхотствуя каждый;
Вестники шумный их крик укрощают; а старцы градские
Молча на тесаных камнях сидят средь священного круга;

505-508 Скипетры в руки приемлют от вестников звонкоголосых;
С ними встают, и один за другим свой суд произносят.
В круге пред ними лежат два таланта чистого злата,
Мзда для того, кто из них справедливее право докажет.

509-512 Город другой облежали две сильные рати народов,
Страшно сверкая оружием. Рати двояко грозили:
Или разрушить, иль граждане с ними должны разделиться
Всеми богатствами, сколько цветущий их град заключает.

513-517 Те не склонялись еще и готовились к тайной засаде.
Стену стеречь по забралам супруг поставив любезных,
Юных сынов и мужей, которых постигнула старость,
Сами выходят; вождями их идут Арей и Паллада,
Оба златые, одетые оба златою одеждой;

518-522 Вид их прекрасен, в доспехах величествен, сущие боги!
Всем отличны они; человеки далёко их ниже.
К месту пришедшие, где им казалась удобной засада,
К брегу речному, где был водопой табунов разнородных,
Там заседают они, прикрываясь блестящею медью.

523-526 Два соглядатая их, отделясь, впереди заседают.
Смотрят кругом, не узрят ли овец и волов подходящих.
Скоро стада показалися; два пастуха за стадами,
Тешась цевницею звонкой, идут, не предвидя коварства.

527-529 Быстро, увидевши их, нападают засевшие мужи;
Грабят и гонят рогатых волов и овец среброрунных:
Целое стадо угнали и пастырей стада убили.

530-532 В стане, как скоро услышали крик и тревогу при стаде,
Вои, на площади стражей стоящие, быстро на коней
Бурных вскочили, на крик поскакали и вмиг принеслися.

533-537 Строем становятся, битвою бьются по брегу речному;
Колют друг друга, метая стремительно медные копья.
Рыщут и Злоба, и Смута, и страшная Смерть между ними:
Держит она то пронзенного, то не пронзенного ловит,
Или убитого за ногу тело волочит по сече;

538-540 Риза на персях ее обагровлена кровью людскою.
В битве, как люди живые, они нападают и бьются,
И один пред другим увлекают кровавые трупы.

541-543 Сделал на нем и широкое поле, тучную пашню.
Рыхлый, три раза распаханный пар; на нем землепашцы
Гонят яремных волов, и назад и вперед обращаясь;

544-547 И всегда, как обратно к концу приближаются нивы,
Каждому в руки им кубок вина, веселящего сердце,
Муж подает; и они, по своим полосам обращаясь,
Вновь поспешают дойти до конца глубобраздного пара.

548-551 Нива, хотя и златая, чернеется сзади орющих,
Вспаханной ниве подобясь: такое он чудо представил.
Далее выделал поле с высокими нивами; жатву
Жали наемники, острыми в дланях серпами сверкая.

552-557 Здесь полосой беспрерывною падают горстни густые;
Там перевязчики их в снопы перевязлами вяжут.
Три перевязчика ходят за жнущими; сзади их дети,
Горстая быстро колосья, одни за другими в охапах
Вяжущим их подают. Властелин между ними, безмолвно,
С палицей в длани, стоит на бразде и душой веселится.

558-560 Вестники одаль, под тению дуба, трапезу готовят;
В жертву заклавши вола, вкруг него суетятся; а жены
Белую сеют муку для сладостной вечери жнущим.

561-563 Сделал на нем отягченный гроздием сад виноградный,
Весь золотой, лишь одни виноградные кисти чернелись;
И стоял он на сребряных, рядом вонзенных подпорах.

564-566 Около саду и ров темно-синий и белую стену
Вывел из олова; к саду одна пролегала тропина,
Коей носильщики ходят, когда виноград собирают.

567-572 Там и девицы и юноши, с детской веселостью сердца,
Сладостный плод носили в прекрасных плетеных корзинах.
В круге их отрок прекрасный по звонкорокочущей лире
Сладко бряцал, припевая прекрасно под льняные струны
Голосом тонким; они же вокруг его пляшучи стройно,
С пеньем, и с криком, и с топотом ног хороводом несутся.

573-576 Там же и стадо представил волов, воздымающих роги:
Их он из злата одних, а других из олова сделал.
С ревом волы из оград вырываяся, мчатся на паству,
К шумной реке, к камышу густому по влажному брегу.

577-581 Следом за стадом и пастыри идут, четыре, златые,
И за ними следуют девять псов быстроногих.
Два густогривые льва на передних волов нападают,
Тяжко мычащего ловят быка; и ужасно ревет он,
Львами влекомый; и псы на защиту и юноши мчатся;

582-584 Львы повалили его и, сорвавши огромную кожу,
Черную кровь и утробу глотают; напрасно трудятся
Пастыри львов испугать, быстроногих псов подстрекая.

585-589 Псы их не слушают; львов трепеща, не берут их зубами:
Близко подступят, залают на них и назад убегают.
Далее — сделал роскошную паству Гефест знаменитый:
В тихой долине прелестной несчетных овец среброрунных
Стойла, под кровлей хлева, и смиренные пастырей кущи.

590-592 Там же Гефест знаменитый извил хоровод разновидный,
Оному равный, как древле в широкоустроенном Кноссе
Выделал хитрый Дедал Ариадне прекрасноволосой.

593-596 Юноши тут и цветущие девы, желанные многим,
Пляшут, в хор круговидный любезно сплетяся руками.
Девы в одежды льняные и легкие, отроки в ризы
Светло одеты, и их чистотой, как елеем, сияют;

597-601 Тех — венки из цветов прелестные всех украшают;
Сих — золотые ножи, на ремнях чрез плечо серебристых.
Пляшут они, и ногами искусными то закружатся,
Столь же легко, как в стану колесо под рукою испытной,
Если скудельник его испытует, легко ли кружится;

602-605 То разовьются и пляшут рядами, одни за другими.
Купа селян окружает пленительный хор и сердечно
Им восхищается; два среди круга их головоходы,
Пение в лад начиная, чудесно вертятся в средине.

606-609 Там и ужасную силу представил реки Океана,
Коим под верхним он ободом щит окружил велелепный.
Так изукрашенно выделав щит и огромный и крепкий,
Сделал Гефест и броню, светлее, чем огненный пламень;

610-612 Сделал и тяжкий шелом, Пелейона главе соразмерный,
Пышный, кругом изукрашенный, гребнем златым повершенный;
После из олова гибкого сделал ему и поножи.

613-616 И когда все доспехи сковал олимпийский художник,
Взяв, пред Пелидовой матерью их положил он на землю.
И, как ястреб, она с осребренного снегом Олимпа
Бросилась, мча от Гефеста блестящие сыну доспехи.

Une Sacra · издание 1 · unesacra.com · CC BY-NC-SA 4.0

ПЕСНЬ XIX

✦

1-3 В ризе багряно-златистой из волн Океана денница
Вышла, несущая свет и бессмертным и смертным: Фетида
К сеням пришла мирмидонским с блистательным даром от бога.

4-9 Там она сына нашла: над Патроклом своим распростертый,
Громко рыдал он; и многие окрест друзья мирмидонцы
Плакали. Став между них, среброногая матерь-богиня
За руку сына взяла, называла и так говорила:
«Сын мой! оставим мертвого, как ни прискорбно то сердцу,
С миром лежать: всемогущих богов он волей повержен.

10-13 Встань и прими, Пелейон, от Гефеста доспех велелепный,
Дивный, какой никогда не сиял вкруг рамен человека».
Так произнесши, Фетида на землю доспех положила
Пред Ахиллесом; и весь зазвучал он, украшенный дивно.

14-17 Вздрогнули все мирмидонцы; не мог ни один на доспехи
Прямо смотреть, отвратились они; Ахиллес же могучий
Только взглянул — и сильнейшим наполнился гневом: ужасно
Очи его из-под веждей, как огненный пыл, засверкали.

18-22 С радостью взяв, любовался он даром сияющим бога;
И, когда свое сердце нарадовал, смотря на чудо,
К матери сребороногой крылатую речь устремил он:
«Матерь! доспех сей бессмертного дар; несомнительно должен
Быть он творением бога, не смертного мужа он дело.

23-27 Ныне ж я вооружаюся. Но об одном беспокойно
Сердце мое, чтобы тою порою в Патрокловом теле
Мухи, проникши в глубокие, медью пробитые раны,
Алчных червей не родили; они исказят его образ
(Жизнь от него отлетела!), и тление тело обымет!»

28-31 Вновь говорила ему среброногая матерь Фетида:
«Сын мой! заботой о сем не тревожь ты более сердца.
Я попекусь отгонять от него кровожадные сонмы
Мух, которые тело убитых мужей пожирают;

32-35 И хотя бы лежал он в течение круглого года,
Тело его невредимо и даже прекраснее будет.
Ты же, мой сын, на собранье созвавши героев ахейских,
Гнев прекрати на Атреева сына, владыку народов;

36-39 Быстро на бой ополчись и могучестью вновь облекися».
Так говорила — и дух дерзновеннейший сыну вдохнула.
Другу ж его и амброзию в ноздри, и нектар багряный
Тихо влияла, да тело его невредимо пребудет.

40-46 Быстро по берегу моря пошел Ахиллес быстроногий,
Голосом страшным крича; и всех взволновал он ахеян.
Мужи, которые прежде всегда при судах оставались,
Все корабельщики, кои судов управляли кормилом,
Даже зажитники ратных дружин, раздаватели хлеба, —
Все поспешили в собранье, когда Ахиллес благородный
Вновь показался, столь долго чуждавшийся брани кровавой.

47-49 Двое хромаючи шли, знаменитые слуги Арея,
Царь Одиссей и Тидид Диомед, воеватель могучий,
Шли, опираясь на копья, неся еще тяжкие раны.

50-53 Оба, пришедши, они на местах передних воссели;
Вслед их притек и Атрид, повелитель мужей Агамемнон,
Раной недужный: зане и его среди бурного боя
Ранил Коон Антенорид огромною пикою медной.

54-58 И, когда уже все на собранье сошлися ахейцы,
Встал между ними и так говорил Ахиллес быстроногий:
«Царь Агамемнон! полезнее было бы, если бы прежде
Так поступили мы оба, когда, в огорчении нашем,
Гложущей душу враждой воспылали за пленную деву!

59-62 О! почто Артемида сей девы стрелой не пронзила
В день, как ее между пленниц избрал я, Лирнесс разоривши:
Столько ахейских героев земли не глодало б зубами,
Пав под руками враждебных, когда я упорствовал в гневе!

63-66 Гектор и Трои сыны веселятся о том, а данаи
Долго, я думаю, будут раздор наш погибельный помнить.
Но совершившееся прежде оставим в прискорбии нашем,
Гордое сердце в груди укротим, как велит неизбежность.

67-69 Ныне я гнев оставляю решительно; я не намерен
Сердца крушить враждой бесконечною. Царь Агамемнон,
В битву подвигни скорее медянодоспешных данаев;

70-73 Дай мне скорее идти на троян и еще испытать их,
Иль и теперь ночевать пред судами намерены? Нет, уповаю,
Радостно каждый из них утомленные склонит колена,
Каждый, на пламенной битве от наших оружий избывший!»

74-78 Так говорил, — и наполнились радостью все аргивяне,
Слыша, что гнев навсегда оставляет Пелид благородный.
Начал тогда говорить повелитель мужей Агамемнон,
С места восстав, где сидел, но стоять на средину не вышел:
«Други, данаи герои, бесстрашные слуги Арея!

79-82 Вставшего надобно слушать; начавшего слово не должно
Перерывать: затруднится и самый искусный вития.
В шумном народном говоре можно ли что-либо слышать,
Или сказать? — заглушится вития, как ни был бы громок.

83-85 С сыном Пелеевым я объясняюся; вы же, ахейцы,
Слушайте все со вниманьем и речи мои вразумите. —
Часто о деле мне сем говорили ахейские мужи;

86-89 Часто винили меня, но не я, о ахейцы, виновен;
Зевс Эгиох, и Судьба, и бродящая в мраках Эриннис:
Боги мой ум на совете наполнили мрачною смутой
В день злополучный, как я у Пелида похитил награду.

90-94 Что ж бы я сделал? Богиня могучая всё совершила,
Дщерь громовержца, Обида, которая всех ослепляет,
Страшная; нежны стопы у нее: не касается ими
Праха земного; она по главам человеческим ходит,
Смертных язвя; а иного и в сети легко уловляет.

95-99 Древле она ослепила и Зевса, который превыше
Всех земнородных и всех небожителей: даже и Зевса
Гера, хотя и жена, но коварством своим обманула
В день, как готова была счастливая матерь Алкмена
Силу Геракла родить в опоясанных башнями Фивах.

100-107 Зевс, величаясь уже, говорил пред собором бессмертных:
— Слушайте слово мое, и боги небес, и богини;
Я вам поведать желаю, что в персях мне сердце внушает:
Ныне, родящих помощница, в свет изведет Илифия
Мужа, который над всеми окрестными царствовать будет,
Ветвь человеков великих, от крови моей исходящих. —
Зевсу, коварное мысля, вещала владычица Гера:
— Ложь, Эгиох! никогда своего не исполнишь ты слова.

108-113 Или дерзни, поклянись, Олимпиец, великою клятвой,
Что над всеми окрестными царствовать будет
Смертный, который в сей день упадет на колена родившей,
Ветвь человеков великих, от крови твоей исходящих. —
Так говорила, но Зевс не почувствовал козней супруги:
Клятвой поклялся святой и раскаялся, горько прельщенный.

114-116 Гера, стремительно бросаясь, оставила холмы Олимпа;
Быстро достигла ахейского Аргоса, где уже прежде
Знала богиня супругу царя Персеида Сфенела.

117-119 Сына царица седьмой уже месяц в утробе носила:
Гера его до срока на свет извела; но Алкмены
В срок удержала роды, удаливши помощных Илифий.

120-129 С вестью о том перед Зевса предстала сама и вещала:
— Зевс сребромолненный! слово тебе полагаю на сердце:
Смертный рожден знаменитый, что царствовать в Аргосе должен,
Муж Эврисфей, Персеида Сфенела геройская отрасль,
Племя твое; не будет он Аргосу царь недостойный. —
Так изрекла, — и жестокая горесть ударила в сердце
Зевса. Схватил он Обиду за пышноблестящие кудри,
Страшным пылающий гневом, и клялся великою клятвой,
Что на холмистый Олимп и звездами венчанное небо
Ввек не взыдет Обида, которая всех ослепляет.

130-136 Так произнес он, и махом десницы от звездного неба
Ринул ее, — и упала она на дела человека.
Зевс от нее же стенал, как любезного сына он видел,
Низкое иго носящего, в подвигах для Эврисфея. —
Так-то и я, как великий, шеломом сверкающий Гектор
Рати ахейских сынов истреблял при кормах корабельных,
Сам не мог позабыть я Обиды, меня ослепившей.

137-139 Но, как уже погрешил я и Зевс мой разум похитил,
Сам то загладить хочу и воздать многоценною мздою.
Храбрый, воздвигнись на бой, возбуди и другие дружины!

140-142 Что до даров, я все их представлю, какие ходивший
Прошлого дня пред тобой исчислял Одиссей благородный.
Если же хочешь, помедли ты, сколько ни жаждущий боя;

143-146 Слуги мои те дары, в корабле собравши, представят,
И увидишь ты, что я тебе, угождая, дарую».
Сыну Атрея ответствовал царь Ахиллес благородный:
«Славою светлый Атрид, повелитель мужей Агамемнон!

147-149 Хочешь ли мне дары примиренья, как должно, доставить,
Иль удержать их, — ты властен; теперь же о битве помыслим
Без отлагательств: и что в рассуждениях время нам тратить?

150-153 Что нам здесь медлить? еще не свершилось великое дело!
Пусть, кто желает, опять впереди Ахиллеса увидит,
Медною пикой фаланги крушащего ратей троянских,
И, подобно ему, да пылает с врагами сражаться!»

154-159 Но Пелиду царю возразил Одиссей многоумный:
«Нет; сколь ни мужествен ты, Ахиллес, бессмертным подобный,
Воинств ахейских, голодных еще, не веди к Илиону
Биться с троянами храбрыми! Нет, не на краткое время
Битва завяжется, если троян и ахеян фаланги
В сечу сойдутся и бог им вдохнет одинакую храбрость.

160-163 Прежде ахейским сынам повели ты насытиться в стане
Хлебом, вином: оно человеку и бодрость и крепость.
Муж ни один во весь день, от восхода до запада солнца,
Пищею не подкрепленный, не в силах выдерживать боя.

164-166 Сердцем в груди неистомным хотя б и пылал он сражаться,
Члены у тощего все тяжелеют, его беспокоит
Жажда и глад, у него на пути запинаются ноги.

167-170 Но человек, укрепяся вином и насытяся пищей,
Может весь день под оружием с силой враждебных сражаться.
Дух в его персях и крепок и бодр, и усталости члены
Прежде не слышат, доколе с побоища все не соступят.

171-174 Так, Ахиллес! распусти аргивян и вели им готовить
Завтрак. Дары для тебя повелитель мужей Агамемнон
Пусть пред собранье народа представит, да все их данаи
Узрят очами, и сам ты свое да возрадуешь сердце.

175-177 Пусть поклянется тебе, пред народом восстав, что доныне
К деве на одр не всходил, не сближался с младой Брисеидой
Так, как мужам и женам свойственно меж человеков.

178-180 Ты же и сам укротися душою и будь благосклонен.
Пусть напоследок тебя угостит он торжественным пиром
В кущах своих, чтобы должное ты получил без урона.

181-183 Ты, Агамемнон могучий, вперед и к другому ахейцу
Сам справедливее будь: унижения нет властелину
С мужем искать примиренья, которого сам оскорбил он».

184-186 Сыну Лаэрта немедля ответствовал царь Агамемнон:
«Радуясь, речи твои, Лаэртид благородный, я слушал;
Истину ты говорил и о всем рассуждал справедливо.

187-189 Клятву готов произнесть я, как самое сердце велит мне,
И перед богом клятву неложную! Сын же Пелеев
Здесь между тем да останется, сколько ни жаждущий боя;

190-192 Здесь и другие останьтесь, ахейцы, пока из-под сеней
Придут дары и пока совершу я священные клятвы.
Дело сие, Одиссей, на тебя самого возлагаю.

193-195 Ты, благороднейших юношей в стане ахейском избравши,
Все те дары, что вчера обещали мы дать Ахиллесу,
Сам принеси с корабля моего и жен приведи нам.

196-199 Ты ж мне, Талфибий, скорее в ахейском стане обширном
Вепря нашед, уготовь на заклание Зевсу и Солнцу».
Сыну Атрея ответствовал вновь Ахиллес быстроногий:
«Славою светлый Атрид, повелитель мужей Агамемнон!

200-202 После, в другое время о том вам заботиться лучше,
В час, как отдых короткий от тягостной брани случится,
И как гнев в моем сердце не столько свирепствовать будет.

203-208 Трупы еще перед нами лежат пораженных, которых
Гектор свирепый убил, как Зевс даровал ему славу, —
Вы же народ приглашаете к пище! Не так бы я думал:
Я бы теперь же советовал в битву идти аргивянам,
Гладным и тощим; и только вечерний, пред западом солнца,
Пир уготовить всеобщий, когда мы отмстим поруганье.

209-214 Прежде сего никакое питье, никакая мне пища
Верно в уста не войдет, перед другом моим бездыханным!
Он у меня среди кущи, истерзанный медью жестокой,
К двери ногами лежит распростертый: кругом его други
Плачут печальные! Нет, у меня в помышленьи не пища:
Битва, и кровь, и врагов умирающих страшные стоны!»

215-219 Вновь, обратяся к нему, говорил Одиссей многоумный:
«О Ахиллес Пелейон, величайший воитель ахейский!
Ты знаменитей меня, а не меньше того и сильнее
В битве копьем; но тебя, о герой, превзойду я далеко
Знанием: прежде родился я, больше тебя я изведал.

220-222 Пусть же душа у тебя укротится моим убежденьем:
Скоро сердце людей пресыщается в битве убийством,
Где уже множество класов медь по земле разостлала;

223-227 Жатва становится скудной, как скоро весы наклоняет
Зевс Эгиох, меж племен человеческих браней решитель.
Нет, не утробою должно ахейцам крушиться о мертвых:
Много ахейских сынов, ежедневно ряды над рядами,
Падают: кто ж и когда бы успел отдохнуть от печали?

228-234 Долг наш земле предавать испустившего дух человека,
Твердость в душе сохраняя, поплакавши день над умершим;
Тем же, которые живы от гибельных битв остаются,
Должно питьем и едой укрепляться, чтоб с ревностью новой
Каждому против врагов и всегда без усталости биться,
Медью покрывшися крепкою. Нет, да никто из народа
В стане не медлит, приказа для войск ожидая другого!

235-237 Пагубен будет приказ сей для каждого, кто б ни остался,
Между судов укрываяся. Нет, на троян конеборных
Ныне мы все пойдем и воздвигнем жестокую битву!»

238-240 Рек — и с собою сынов знаменитого Нестора взял он,
Мегеса, отрасль Филея, вождя Мериона, Фоаса
И Меланиппа вождя с Ликомедом, Крейоновым сыном.

241-243 Вместе они поспешили царя Агамемнона к сени.
Скоро, как было сказано слово, исполнено дело:
Семь Ахиллесу обещанных в сени треножников взяли;

244-246 Двадцать блестящих лаханей, двенадцать коней пышногривых;
Вывели вместе и жен непорочных, работниц искусных
Семь, и осьмую румяноланитую Брисову дочерь.

247-251 С златом же сам Одиссей, отвесивши десять талантов,
Шел впереди; а юноши следом с другими дарами.
Их пред собраньем они положили. Атрид Агамемнон
Встал; провозвестник Талфибий, голосом богу подобный,
Вепря руками держа, предстал пред владыку народа.

252-256 Царь Агамемнон, стремительно нож обнаживши десною,
Острый, всегда у него при влагалище мечном висящий,
С вепря щетины отсек для начатков и, руки воздевши,
Зевсу владыке молился. Ахеяне окрест сидели
Тихо, с приличным вниманием слушая слово царево;

257-260 Он же, моляся, вещал, на пространное небо взирая:
«Зевс да будет свидетелем, бог высочайший, сильнейший!
Солнце, Земля и Эриннии, те, что в жилищах подземных
Грозно карают смертных, которые ложно клялися!

261-263 Я здесь клянусь, что на Брисову дочь руки я не поднял,
К ложу неволя ее, иль к чему бы то ни было нудя;
Нет, безмятежной она под моим оставалася кровом!

264-266 Если ж поклялся я ложно, да боги меня покарают
Всеми бедами, какими карают они вероломных!»
Рек — и гортань кабана отсекает суровою медью.

267-270 Жертву Талфибий в пучину глубокую моря седого
Рыбам на снедь, размахавши, поверг. Ахиллес быстроногий
Думен восстал и так говорил между сонма данаев:
«Зевс! беды жестокие ты посылаешь на смертных!

271-274 Нет, никогда б у меня Агамемнон властительный в персях
Сердца на гнев не подвиг; никаким бы сей девы коварством
Он против воли моей не похитил; но Зевс, несомненно,
Зевс восхотел толь многим ахеянам смерть уготовить!

275-277 К завтраку, други, спешите, и после начнем нападенье!»
Так произнесши, собрание быстрое он распускает.
Все рассеваются, к куще своей удаляется каждый.

278-280 Тою порой мирмидонцы, принявши дары примиренья,
С ними пошли к кораблю Ахиллеса, подобного богу;
Их положили под кущей героя, а жен посадили;

281-285 Коней погнали в табун Ахиллесовы верные слуги.
Брисова дочь, златой Афродите подобная ликом,
Только узрела Патрокла, пронзенного медью жестокой,
Вкруг мертвеца обвилась, возрыдала и с воплями стала
Перси терзать, и нежную выю, и лик свой прелестный.

286-288 Плача, жена, как богиня прекрасная, так говорила:
«О мой Патрокл! о друг, для меня, злополучной, бесценный!
Горе, живого тебя я оставила, сень покидая;

289-292 В сень возвратясь, обретаю мертвого, пастырь народа!
Так постигают меня беспрерывные бедство за бедством!
Мужа, с которым меня сочетали родитель и матерь,
Видела я перед градом пронзенного медью жестокой;

293-299 Видела братьев троих (родила нас единая матерь),
Всех одинако мне милых, погибельным днем поглощенных.
Ты же меня и в слезах, когда Ахиллес градоборец
Мужа сразил моего и обитель Минеса разрушил,
Ты утешал, говорил, что меня Ахиллесу герою
Сделаешь милой супругой, что скоро во фтийскую землю
Сам отвезешь и наш брак с мирмидонцами праздновать будешь.

300-302 Пал ты, тебя мне оплакивать вечно, юноша милый!»
Так говорила, рыдая; стенали и прочие жены,
С виду, казалось, о мертвом, но в сердце о собственном горе.

303-305 Тою порой к Ахиллесу ахейские старцы сходились,
Пищей прося укрепиться; но он отвергал их, стенящий:
«Други! молю вас, когда еще есть мне друг здесь послушный;

306-308 Нет, не просите меня, чтоб питьем, чтоб какой-либо пищей
Я насладился: жестокая горесть меня раздирает!
Солнце пока не зайдет, не приму, не коснуся я пищи!»

309-313 Так говоря, отпустил от себя властелинов ахейских.
Только Атриды остались и сын многоумный Лаэртов,
Нестор, Идоменей и божественный Феникс; но тщетно
Вместе они утешали печального; сердцем он весел
Не был, покуда не бросился в бездну кровавыя брани.

314-318 Думал он лишь о Патрокле, об нем говорил воздыхая:
«Прежде, бывало, мне ты, злополучный, любезнейший друг мой,
Сам под кущей моею приятную снедь предлагаешь
Скоро всегда и заботливо, если, бывало, ахейцы
Брань многослезную снова троянам нанесть поспешают.

319-325 Ныне лежишь ты пронзенный, и сердце мое отвергает
Здесь изобильную снедь и питье, по тебе лишь тоскуя!
Нет, не могло бы меня поразить жесточайшее горе,
Если б печальную весть и о смерти отца я услышал,
Старца, который, быть может, льет горькие слезы во Фтии,
Помощи сына лишенный, тогда как в земле чужелюдной
Ради презренной Елены сражаюсь я с чадами Трои;

326-330 Даже когда б я услышал о смерти и сына в Скиросе,
Милого, если он жив еще, Неоптолем мой прекрасный!
Прежде меня утешала хранимая в сердце надежда,
Что умру я один, далеко от отчизны любезной,
В чуждой троянской земле, а ты возвратишься во Фтию;

331-333 Ты, уповал я, мне сына в своем корабле быстролетном
В дом привезешь из Скироса и юноше всё там покажешь:
Наше владенье, рабов и высокие кровлей палаты.

334-337 Ибо Пелей, говорит мое сердце, уже или умер,
Или, быть может, едва уже дышит, согбенный под игом
Старости скорбной и грусти, и ждет обо мне беспрестанно
Вести убийственной сердцу, когда о погибшем услышит!»

338-342 Так говорил он и плакал; кругом воздыхали герои,
Каждый о том вспоминая, что милого в доме оставил.
С неба печальных узрев, милосердовал Зевс промыслитель,
И к Афине Палладе крылатую речь обратил он:
«Или ты вовсе, о дочь, отступилась от славного мужа?

343-346 Или нисколько уже не заботишься ты о Пелиде?
Се он, сидя один при своих кораблях прямокормных,
Горестный плачет по друге любезном. Все аргивяне
Пищу вкушают; а он остается и гладный и тощий.

347-354 Шествуй, Афина; и нектаром светлым с амброзией сладкой
Грудь ороси Ахиллесу, да немощь его не обымет».
Рек — и подвигнул Афину, давно пламеневшую сердцем:
Быстро она, как орел звонкогласый, ширококрылатый,
С неба слетела по воздуху. Тою порою ахейцы
Воинством всем ополчались по стану. Пелееву сыну
Нектаром Зевсова дочь и амброзией сладкой незримо
Грудь оросила, да немощь от глада его не обымет;

355-361 И сама на Олимп вознеслась к медноздданному дому
Зевса. Ахейцы ж неслись от черных судов мореходных.
Словно как снежные клоки летят от Зевеса густые,
Быстро гонимые хладным, эфир проясняющим ветром, —

Так от ахейских судов неисчетные в поле неслися
Шлемы, игравшие блеском, щиты, воздымавшие бляхи,
Крепко сплоченные брони и ясеня твердого копья.

362-364 Блеск восходил до небес; под пышным сиянием меди
Окрест смеялась земля; и весь берег гремел под стопами
Ратных мужей. Посреди их Пелид ополчался великий.

365-368 Зубы его скрежетали от гнева; быстрые очи
Страшно, как пламень, светились; но сердце ему раздирала
Грусть нестерпимая. Так на троян он, пышущий гневом,
Бога дарами облекся, Гефеста созданием дивным.

369-371 Прежде всего положил он на быстрые ноги поножи
Пышные, кои серебряной плотно смыкались наглезной;
После на мощную грудь надевал испещренные латы;

372-374 Бросил меч на плечо с рукояткой серебряногвоздной,
С лезвием медяным; взял, наконец, и огромный и крепкий
Щит: далеко от него, как от месяца, свет разливался.

375-383 Словно как по морю свет мореходцам во мраке сияет,
Свет от огня, далеко на вершине горящего горной,
В куще пустынной; а их против воли и волны и буря,
Мча по кипящему понту, несут далеко от любезных, —
Так от щита Ахиллесова, пышного, дивного взорам,
Свет разливался по воздуху. Шлем многобляшный поднявши,
Крепкий надел на главу; засиял, как звезда, над главою
Шлем коневласый; и грива на нем закачалась златая,
Густо Гефестом разлитая окрест высокого гребня.

384-386 Так Ахиллес ополчался, испытывать начал доспехи,
Впору ли стану, легки и свободны ли членам красивым:
И, как крылья, они подымали владыку народа.

387-391 Взял, наконец, из ковчега копье он отцовское — ясень,
Крепкий, огромный, тяжелый: его из героев ахейских
Двигать не мог ни один; но легко Ахиллес потрясал им,
Ясенем сим пелионским, который отцу его Хирон
Ссек с высоты Пелиона, на грозную гибель героям.

392-396 Коней меж тем Автомедон и сильный Алким снаряжали;
В пышных поперсьях к ярму припрягли их; у́дила в морды
Втиснули им и, бразды натянув, к колеснице прекрасной
Их укрепили за кузов. Тогда, захвативши рукою
Гибкий блистательный бич, в колесницу вскочил Автомедон.

397-400 Сзади, готовый к сражению, стал Ахиллес быстроногий,
Весь под доспехом сияя, как Гиперион лучезарный.
Крикнул он голосом грозным на быстрых отеческих коней:
«Ксанф мой и Балий, Подарги божественной славные дети!

401-403 Иначе вы постарайтеся вашего вынесть возницу
К ратному сонму данаев, когда мы насытимся боем;
Вы, как Патрокла, его на побоище мертвым не бросьте!»

404-408 Рек он, — как вдруг под упряжью конь взговорил бурноногий,
Ксанф; понуривши морду и пышною гривой своею,
Выпавшей вон из ярма, досягнув до земли, провещал он
(Вещим его сотворила лилейнораменная Гера):
«Вынесем, быстрый Пелид, тебя еще ныне живого;

409-414 Но приближается день твой последний! Не мы, повелитель,
Будем виною, но бог всемогущий и рок самовластный.
Нет, не медленность наша, не леность дала сопостатам
С персей Патрокла героя доспех знаменитый похитить:
Бог многомощный, рожденный прекрасною Летой, Патрокла
Свергнул в передних рядах и Гектора славой украсил.

415-417 Мы же, хотя бы летать, как дыхание Зефира, стали,
Ветра быстрейшего всех, но и сам ты, назначено роком,
Должен от мощного бога и смертного мужа погибнуть!»

418-420 С сими словами Эриннии голос коня перервали.
Мрачен и гневен к коню говорил Ахиллес быстроногий:
«Что ты, о конь мой, пророчишь мне смерть? Не твоя то забота!

421-423 Слишком я знаю и сам, что судьбой суждено мне погибнуть
Здесь, далеко от отца и от матери. Но не сойду я
С боя, доколе троян не насыщу кровавою бранью».

424 Рек — и с криком вперед устремил он коней звуконогих.

Une Sacra · издание 1 · unesacra.com · CC BY-NC-SA 4.0

ПЕСНЬ XX

✦

1-3 Так при судах дуговерхих блестящие медью ахейцы
Строились окрест тебя, Пелейон, ненасытимый бранью.
Их ожидали трояне, заняв возвышение поля.

4-7 Зевс же отец повелел, да Фемида бессмертных к совету
Всех призывает с холмов олимпийских; она, обошед их,
Всем повелела в Кронионов дом собираться. Сошлися
Все, и Потоки, и Реки, кроме Океана седого;

8-12 Самые нимфы явились, живущие в рощах прекрасных,
И в источниках светлых, и в злачноцветущих долинах.
В дом олимпийский собравшися тучегонителя Зевса,
Сели они в переходах блестящих, которые Зевсу
Сам Гефест хромоногий по замыслам творческим создал.

13-16 Так собиралися к Зевсу бессмертные; сам Посейдаон
Не был Фемиде преслушен: из моря предстал он с другими,
Сел посредине бессмертных и Зевса выспрашивал волю:
«Что, сребромолненный, паки богов на собор призываешь?

17-21 Хощешь ли что рассудить о троянах или аргивянах?
Брань между ними близка, и немедленно бой запылает».
Слово к нему обращая, вещал громовержец Кронион:
«Так, Посейдаон! проник ты мою сокровенную волю,
Ради которой вас собрал: пекусь и о гибнущих смертных.

22-24 Но останусь я здесь и, воссев на вершине Олимпа,
Буду себя услаждать созерцанием. Вы же, о боги,
Ныне шествуйте все к ополченьям троян и ахеян;

25-27 Тем и другим поборайте, которым желаете каждый.
Если один Ахиллес на троян устремится, ни мига
В поле не выдержать им Эакидова бурного сына.

28-30 Трепет и прежде их всех обымал при одном его виде;
Ныне ж, когда он и гневом за друга пылает ужасным,
Сам я страшусь, да, судьбе вопреки, не разрушит он Трои».

31-35 Так он вещал — и возжег неизбежную брань меж богами.
К брани, душой несогласные, боги с небес понеслися.
Гера к ахейским судам, и за нею Паллада Афина,
Царь Посейдон многомощный, объемлющий землю, и Гермес,
Щедрый податель полезного, мыслей исполненный светлых.

36-40 С ними к судам и Гефест, огромный и пышущий силой,
Шел хромая; с трудом волочил он увечные ноги.
К ратям троян устремился Арей, шеломом блестящий,
Феб, не стригущий власов, Артемида, гордая луком,
Лета, стремительный Ксанф и с улыбкой прелестной Киприда.

41-43 Все то время, пока божества не приближились к смертным,
Бодро стояли ахеяне, гордые тем, что явился
Храбрый Пелид, уклонявшийся долго от брани печальной.

44-46 В рати ж троянской у каждого сердце в груди трепетало,
Страхом объемлясь, что видят опять Пелейона героя,
Грозно доспехом блестящего, словно Арей смертоносный.

47-50 Но едва олимпийцы приближились к ратям, Эрида
Встала свирепая, брань возжигая; вскричала Афина,
То пред ископанным рвом за великой стеною ахейской,
То по приморскому берегу шумному крик подымая.

51-53 Страшно, как черная буря, завыл и Арей меднолатный,
Звучно троян убеждающий, то с высоты Илиона,
То пробегая у вод Симоиса, по Калликолоне.

54-58 Так олимпийские боги, одних на других возбуждая,
Рати свели и ужасное в них распалили свирепство.
Страшно громами от неба отец и бессмертных и смертных
Грянул над ними; а долу под ними потряс Посейдаон
Вкруг беспредельную землю с вершинами гор высочайших.

59-61 Все затряслось, от кремнистых подошв до верхов многоводных
Иды: и град Илион, и суда меднобронных данаев.
В ужас пришел под землею Аид, преисподних владыка;

62-65 В ужасе с трона он прянул и громко вскричал, да над ним бы
Лона земли не разверз Посейдон, потрясающий землю,
И жилищ бы его не открыл и бессмертным и смертным,
Мрачных, ужасных, которых трепещут и самые боги.

66-68 Так взволновалося всё, как бессмертные к брани сошлися!
Против царя Посейдаона, мощного Энносигея,
Стал Аполлон длиннокудрый, носящий крылатые стрелы;

69-71 Против Арея — с очами лазурными дева Паллада;
Противу Геры пошла златолукая ловли богиня,
Гордая меткостью стрел Артемида, сестра Аполлона;

72-74 Противу Леты стоял благодетельный Гермес крылатый;
Против Гефеста — поток быстроводный, глубокопучинный,
Ксанфом от вечных богов нареченный, от смертных — Скамандром.

75-78 Так устремлялися боги противу богов. Ахиллес же,
Гектора только бы встретить, пылал в толпы погрузиться;
Сердце его беспредельно горело Приамова сына
Кровью насытить Арея, убийством несытого воя.

79-83 Но Аполлон, возжигатель народа, героя Энея
Против Пелида подвигнул, наполнивши мужеством душу.
Голос и образ приняв Ликаона, Приамова сына,
К сыну Анхиза предстал и вещал Аполлон дальновержец:
«Где же угрозы твои, Анхизид, предводитель дарданцев?

84-88 Или не ты в Илионе, с царями за чашей пируя,
Гордо грозился, что с сыном Пелеевым станешь на битву?»
Быстро ему возражая, воскликнул Эней предводитель:
«Что ты меня, Приамид, против воли моей принуждаешь
С сыном Пелеевым, гордым могучестью, боем сражаться?

89-91 Ныне не в первый бы раз быстроногому сыну Пелея
Противостал я: меня он и прежде копьем Пелиасом
С Иды согнал, как нечаян нагрянул на пажити наши;

92-96 Он разорил и Педас и Лирнесс. Но меня Олимпиец
Спас, возбудивши во мне и силы, и быстрые ноги;
Верно, я пал бы от рук Ахиллеса и мощной Паллады,
Всюду предтекшей ему, подавшей совет и могучесть
Медным копьем побивать крепкодушных троян и лелегов.

97-102 Нет, никогда человек с Ахиллесом не может сражаться:
С ним божество неотступно, и гибель оно отражает.
Дрот из руки Ахиллесовой прямо летит и не слабнет
Прежде, чем крови врага не напьется. Но, если бессмертный
В битве присудит нам равный конец, не легко и Энея
Он одолеет, хотя и гордится, что весь он из меди!»

103-107 Сыну Анхизову вновь провещал Аполлон дальновержец:
«Храбрый! почто ж и тебе не молиться богам вековечным,
Столько ж могущим! И ты, говорят, громовержца Зевеса
Дщерью Кипридой рожден, а Пелид сей — богинею низшей:
Та от Зевеса исходит, Фетида — от старца морского.

108-111 Стань на него с некрушимою медью; отнюдь не смущайся,
Встретясь с Пелидом, ни шумною речью, ни гордой угрозой!»
Рек — и бесстрашного духа исполнил владыку народов:
Он устремился вперед, ополченный сверкающей медью.

112-116 Но не укрылся герой от лилейнораменныя Геры,
Против Пелеева сына идущий сквозь толпища ратных.
Быстро созвавши богов, златотронная Гера вещала:
«Царь Посейдон и Афина Паллада, размыслите, боги,
Разумом вашим размыслите, что из деяний сих будет?

117-124 Видите ль, гордый Эней, ополченный сияющей медью,
Против Пелида идет: наустил его Феб стреловержец.
Должно немедленно, боги, отсюда обратно отвлечь нам
Сына Анхизова: или единый из нас да предстанет
Сыну Пелея и силой исполнит, да в крепости духа

Он не скудеет и чувствует сам, что его, браноносца,
Любят сильнейшие боги; а те, что издавна доныне
Трои сынам поборают в сей брани жестокой, — бессильны!

125-128 Все мы оставили небо, желая присутствовать сами
В брани, да он от троян ничего не претерпит сегодня;
После претерпит он всё, что ему непреклонная Участь
С первого дня, как рождался от матери, выпряла с нитью.

129-131 Если того из глагола богов Ахиллес не познает,
Он устрашится, когда на него кто-нибудь от бессмертных
Станет в сражении: боги ужасны, явившиесь взорам».

132-135 Гере немедля ответствовал мощный земли колебатель:
«Так безрассудно свирепствовать, Гера, тебя недостойно!
Я не желаю бессмертных сводить на неравную битву,
Нас и других здесь присутственных; мы их могуществом выше.

136-143 Лучше, когда, совокупно сошед мы с пути боевого,
Сядем на холме подзорном, а брань человекам оставим.
Если ж Арей нападенье начнет или Феб луконосец,
Если препятствовать станут Пелееву сыну сражаться,
Там же немедля и мы сопротивникам битву воздвигнем,
Битву ужасную: скоро, надеюсь, они, разойдяся,
Вспять отойдут на Олимп и сокроются в сонме бессмертных,
Наших десниц, против воли своей, укрощенные силой».

144-148 Так говоря, пред Афиною шествовал царь черновласый
К валу тому насыпному Геракла, подобного богу,
В поле, который герою троянские мужи с Афиной

Древле воздвигли, чтоб он от огромного кита спасался,
Если ужасный за ним устремлялся от берега в поле.

149-152 Там Посейдон черновласый и прочие боги воссели,
Окрест рамен распростершие непроницаемый облак;
Боги другие напротив, по калликолонским вершинам,
Окрест тебя, Аполлон, и громителя твердей Арея.

153-155 Так на обеих странах небожители-боги сидели,
Думая думы; печальную брань начинать олимпийцы
Медлили те и другие; но Зевс от небес возбуждал их.

156-160 Ратями поле наполнилось всё, засияло от меди
Воев, коней, колесниц; задрожала земля под стопами
Толп, устремлявшихся к бою; но два знаменитые мужа
Войск обоих на среду выходили, пылая сразиться,
Славный Эней Анхизид и Пелид Ахиллес благородный.

161-163 Первый Эней выступал, угрожающий; страшно качался
Тяжкий шелом на главе Анхизидовой; щит легкометный
Он перед грудью держал и копьем потрясал длиннотенным.

164-169 Против него Ахиллес устремился, как лев истребитель,
Коего мужи-селяне решася убить непременно,
Сходятся, весь их народ; и сначала он, всех презирая,
Прямо идет; но едва его дротиком юноша смелый
Ранит, — напучась он к скоку, зияет; вкруг страшного зева
Пена клубится; в груди его стонет могучее сердце;

170-175 Гневно косматым хвостом по своим он бокам и по бедрам
Хлещет кругом и себя самого подстрекает на битву;
Взором сверкает и вдруг, увлеченный свирепством, несется
Или стрельца растерзать, или в толпище первым погибнуть, —
Так поощряла Пелида и сила и мужество сердца
Противостать возвышенному духом Энею герою.

176-182 Чуть соступились они, устремляяся друг против друга,
Первый к нему взговорил Ахиллес, бессмертным подобный:
«Что ты, Эней, на такое пространство отшедши от рати,
Стал? Не душа ли тебя сразиться со мной увлекает
В гордой надежде, что ты над троянами царствовать будешь,
Чести Приама наследник? Но, если б меня и сразил ты,
Верно, Приам не тебе свое достояние вверит.

183-186 Есть у него сыновья; и в намереньях тверд он, незыбок.
Или троянцы тебе обещают удел знаменитый,
Лучшее поле для стада и пашен, чтоб им обладал ты,
Если меня одолеешь? Тяжел, я надеюся, подвиг!

187-190 Ты уж и прежде, я помню, бежал пред моим Пелиасом.
Или забыл, как, тебя одного изловив я у стада,
Гнал по Идейским горам, и с какой от меня быстротою
Ты убегал? И назад оглянуться не смел ты, бегущий!

191-194 С гор убежал ты и в стены Лирнесса укрылся; но в прах я
Град сей рассыпал, ударив с Афиной и Зевсом Кронидом;
Множество жен полонил и, лишив их жизни свободной,
В рабство увлек; а тебя от погибели спас громовержец.

195-198 Ныне тебя не спасет он, надеюсь, как ты полагаешь
В сердце своем! Но прими мой совет и отсюда скорее
Скройся в толпу; предо мною не стой ты, пока над тобою
Горе еще не сбылося: событие зрит и безумный!»

199-202 Но Эней знаменитый ответствовал так Ахиллесу:
«Сын Пелеев! напрасно меня, как младенца, словами
Ты застращать уповаешь: так же легко и свободно
Колкие речи и дерзости сам говорить я умею.

203-205 Знаем взаимно мы род и наших родителей знаем,
Сами сказания давние слыша из уст человеков;
Но в лицо, как моих ты, равно и твоих я не ведал.

206-209 Ты, говорят, благородного мужа Пелея рожденье;
Матерь — Фетида тебе, лепокудрая нимфа морская.
Я же единственным сыном высокого духом Анхиза
Славлюся быть; а матерь моя Афродита богиня.

210-212 Те иль другие должны неизбежно сегодня оплакать
Сына любезного: ибо не мню я, чтоб детские речи
Нас развели и чтоб с бранного поля мы так разошлися.

213-217 Если ж ты хочешь, скажу я тебе и об роде, чтоб знал ты
Наш знаменитый род: человекам он многим известен.
Нашего предка Дардана Зевс породил громовержец:
Он основатель Дардании; сей Илион знаменитый
В поле еще не стоял, ясноречных народов обитель;

218-222 Жили еще на погориях Иды, водами обильной.
Славный Дардан Эрихфония сына родил, скиптроносца,
Мужа, который меж смертных властителей был богатейший:
Здесь у него по долинам три тысячи коней паслося,
Тучных, младых кобылиц, жеребятами резвыми гордых.

223-225 К ним не раз и Борей разгорался любовью на паствах;
Многих из них посещал, набегая конем черногривым;
Все понесли, и двенадцать коней от Борея родили.

226-229 Бурные, если они по полям хлебородным скакали,
Выше земли, сверх колосьев носилися, стебля не смявши;
Если ж скакали они по хребтам беспредельного моря,
Выше воды, сверх валов рассыпавшихся, быстро летали.

230-232 Царь Эрихфоний родил властелина могучего Троса;
Тросом дарованы свету три знаменитые сына:
Ил, Ассарак и младой Ганимед, небожителям равный.

233-235 Истинно, был на земле он прекраснейший сын человеков!
Он-то богами и взят в небеса, виночерпцем Зевесу,
Отрок прекрасный, дабы обитал среди сонма бессмертных.

236-238 Илом почтенным рожден непорочный душой Лаомедон;
Царь Лаомедон родил знаменитых: Тифона, Приама,
Клития, Лампа и отрасль Арееву, Гикетаона.

239-241 Капис, ветвь Ассарака, родил властелина Анхиза;
Я от Анхиза рожден, от Приама — божественный Гектор.
Вот и порода и кровь, каковыми тебе я хвалюся!

242-245 Доблесть же смертных властительный Зевс и величит и малит,
Как соизволит провидец: зане он единый всесилен.
Но довольно о сем; разговаривать больше, как дети,
Стоя уже на средине гремящего боя, не будем.

246-249 Нам обоим легко насказать оскорблений взаимных
Столько, что тяжести их не подымет корабль стоскамейный.
Гибок язык человека; речей для него изобильно
Всяких; поле для слов и сюда и туда беспредельно.

250-252 Что человеку измолвишь, то от него и услышишь.
Но к чему нам послужат хулы и обидные речи,
Коими, стоя, друг друга в лицо мы ругаем, как жены.

253-255 Жены одни, распылавшися злостью, сердце грызущей,
Шумно ругаются между собою, на улицу вышед;
Правду и ложь расточают; гнев до чего не доводит!

256-258 Ты от желанного боя словами меня не отклонишь,
Прежде чем медью со мной не сразишься. Начнем и скорее
Силы один у другого на острых изведаем копьях!»

259-266 Рек он — и медною пикою в щит и чудесный и страшный
Мощно ударил, — и весь он, огромный, взревел под ударом.
Быстро Пелид и далеко рукою дебелой от персей
Щит отклонил устрашася; он думал, что дрот длиннотенный
Может пробиться легко, устремленный могучим Энеем:
Он, неразумный, о том ни душой, ни умом не размыслил,
Что не может легко небожителей дар благородный
Смертным мужам уступать, ни могучестью их сокрушаться.

267-269 Пущенный сильным Энеем щита досточудного бурный
Дрот не пробил, обессиленный златом, божественным даром.
Две полосы просадил он; но три их еще оставалось;

270-277 Пять в нем полос сочетал хромоногий художник небесный:
Две для поверхности медяных, две оловянных в средине
И одну золотую: она-то копье удержала. —
После герой Ахиллес послал длиннотенную пику
И ударил противника в щит его выпуклобляшный,
Около обода, где и тончайшая медь оббегала,
Где и тончайшая кожа лежала воловья: насквозь их
Ясень прорвал пелионский; весь щит затрещал под ударом.

278-287 Сгорбясь, приникнул Эней и стремительно щит над собою
В страхе поднял; и копье, засвистев у него над спиною,
Стало, вонзившися в землю, насквозь прохватившее оба
Плотные круги щита. Ускользнув от убийственной меди,
Стал Анхизид, и в очах его черная мгла разлилася
С ужаса, как недалёко от смерти он был. Ахиллес же
Пламенный, крикнувши страшно и выхватив меч изощренный,
Бросился; но сопротивник рукой подхватил уже камень,
Страшное дело, какого не подняли б два человека,
Ныне живущих; а он и один им размахивал быстро.

288-291 Тут Ахиллеса напавшего — камнем Эней поразил бы
В шлем или в щит, но они от него отразили бы гибель;
Сын же Пелеев мечом у Энея исторгнул бы душу,
Если б того не узрел Посейдон, потрясающий землю.

292-296 Быстро к бессмертным богам устремил он крылатое слово:
«Боги! печаль у меня о возвышенном духом Энее!
Скоро герой, Ахиллесом сраженный, сойдет к Аидесу,
Ложных советов послушав царя Аполлона, который
Сам, безрассудный, его не избавит от гибели грозной.

297-299 Но за что же теперь, неповинный, он бедствовать будет?
Казнь понесет за вины чужие? Приятные жертвы
Часто приносит богам он, на небе великом живущим.

300-305 Боги, решимся и сами его из-под смерти исторгнем.
Может, и Зевс раздражится, когда Ахиллес у Энея
Жизнь пресечет: предназначено роком — Энею спастися,
Чтобы бесчадный, пресекшийся род не погибнул Дардана,
Смертного, Зевсу любезного более всех человеков,
Коих от крови его породили смертные жены;

306-308 Род бо Приама владыки давно ненавидит Кронион.
Будет отныне Эней над троянами царствовать мощно,
Он, и сыны от сынов, имущие поздно родиться».

309-312 Быстро ему отвечала богиня верховная Гера:
«Землю колеблющий, собственным разумом сам размышляй ты,
Должно ль избавить тебе иль оставить троянца Энея
Пасть под рукой Ахиллеса великого, как он ни славен.

313-317 Мы, Посейдаон, богини, и я и Паллада Афина,
Тысячу крат перед всеми бессмертными клятвой клялися
Трои сынов никогда не спасать от грозящей напасти,

Даже когда Илион пожирающим пламенем бурным
Весь запылает, зажженный светочьми храбрых данаев».

318-320 Геры услышавши речь, Посейдаон, земли колебатель,
Встал, устремился сквозь шумную битву и трескот оружий
К месту, где храбрый Эней и герой Ахиллес подвизались.

321-327 Быстро, как бог, разлил он ужасную тьму пред очами
Сына Пелеева; ясень пелийский, сияющий медью,
Вырвавши сам из щита у высокого духом Энея,
Тихо его положил близ Пелидовых ног, а Энея
Мощной рукою поднял от земли и по воздуху бросил:
Многие толпища воинов, многие толпища коней
Быстро Эней перепрянул, рукой божества устремленный.

328-333 Он долетел до пределов кипящего битвою поля,
Где ополченья кавконов готовились двинуться в сечу.
Там Анхизиду предстал Посейдаон, колеблющий землю,
И к нему возгласил, устремляя крылатые речи:
«Кто из бессмертных, Эней, тебя ослепил и подвигнул
С сыном Пелеевым бурным сражаться и меряться боем?

334-336 Он и сильнее тебя, и любезнее жителям неба.
С ним и вперед повстречавшися, вспять отступай перед грозным;
Или, судьбе вопреки, низойдешь ты в обитель Аида.

337-339 После, когда Ахиллес рокового предела достигнет, —
Смело геройствуй, Эней, и в рядах первоборных сражайся,
Ибо другой из ахеян с тебя не похитит корыстей».

340-346 Так Посейдон заповедав, на месте оставил Энея.
В то же мгновение бог от очей Ахиллеса рассеял
Облак чудесный; и, ясно прозрев, он кругом оглянулся,
Гневно вздохнул и вещал к своему благородному сердцу:
«Боги! великое чудо моими очами я вижу:
Дрот предо мною лежит на земле; но не зрю человека,
Против которого бросил, которого свергнуть пылал я!

347-350 Верно, и сей Анхизид божествам олимпийским любезен!
Он, полагал я, любовию их напрасно гордится.
Пусть он скитается! Мужества в нем, чтоб со мною сразиться,
Больше не будет; и ныне он рад, убежавши от смерти.

351-354 Но устремимся; данаев воинственных рать возбудивши,
Противостанем врагам и других мы троян испытаем».
Рек он — и прянул к рядам и мужей возбуждал, восклицая:
«Днесь вы не стойте вдали от троян, аргивяне герои!

355-357 Муж против мужа иди и без отдыха пламенно бейся!
Трудно мне одному, и с великою силой моею,
Столько воюющих толп обойти и со всеми сражаться!

358-361 Нет, ни Арей, невзирая, что бог, ни Афина Паллада
Бездны сражений такой не могли б обойти, подвизаясь!
Сколько, однако ж, смогу я, руками, ногами и силой
Действовать буду и в рвении, льщусь, ни на миг не ослабну;

362-366 Прямо везде сквозь ряды я пройду; и никто из дарданцев
Весел не будет, который подступит к копью Ахиллеса!»
Так возбуждал их герой; а троян шлемоблещущий Гектор

Криком бодрил и грозился идти он против Ахиллеса:
«Храбрые Трои сыны! не страшитеся вы Пелейона.

367-369 Сам я словами готов и противу бессмертных сразиться;
Но копьем тяжело: божества человеков сильнее.
Речи не все и Пелид приведет в исполнение, гордый;

370-372 Но одни совершит, а другие, не кончив, оставит.
Я на Пелида иду, хоть огню его руки подобны,
Руки подобны огню, а душа и могучесть — железу!»

373-376 Рек он, — и грозно трояне в противников подняли копья;
Храбрость смесилась мужей, и воинственный крик их раздался.
Тут, явившися Гектору, Феб возгласил сребролукий:
«Гектор! еще не дерзай впереди с Ахиллесом сражаться.

377-380 Стой меж рядов, поражай из толпы, да тебя и далёко
Он не уметит копьем или близко мечом не ударит».
Рек он, — и Гектор опять погрузился в волны народа,
С трепетом сердца услышавши голос вещавшего бога.

381-383 Тут Ахиллес на троян, облеченный всей силою духа,
С криком ударил: и первого он Ифитиона свергнул,
Храброго сына Отринтова, сильных дружин воеводу;

384-387 Нимфа наяда его родила градоборцу Отринту,
Около снежного Тмола, в цветущем селении Гиды.
Прямо летящего в встречу, его Ахиллес быстроногий
В голову пикою грянул, и надвое череп расселся.

388-392 С громом на землю он пал, и вскричал Ахиллес, величаясь:
«Лег ты, Отринтов сын, ужаснейший между мужами!
Умер ты здесь, на чужбине! а родину бросил далёко,
Возле Гигейского озера, бросил отцовские нивы,
Около рыбного Гилла и быстропучинного Герма!»

393-400 Так величался, а очи сраженного тьма осенила;
Тело же кони ахеян колесами вкруг истерзали,
Павшее в первом ряду. Ахиллес Демолеона там же,
В брани противника сильного, славную ветвь Антенора,
Пикой в висок поразил, сквозь шелом его медноланитный:
Крепкая медь не сдержала удара; насквозь пролетела
Пика могучая, кость проломила и, в череп ворвавшись,
С кровью смесила весь мозг и смирила его в нападенье.

401-406 Вслед Гипподама, который, на дол соскочив с колесницы,
Бросился в бег перед ним, поразил он копьем в междуплечье;
Он, испуская свой дух, застонал, как вол темночелый
Стонет, кругом алтаря геликийского мощного бога
Юношей силой влекомый, и бог Посейдон веселится, —
Так застонал он, и дух его доблестный кости оставил.

407-412 Тот же с копьем полетел на питомца богов Полидора,
Сына Приамова. Старец ему запрещал ратоборство;
Он из сынов многочисленных был у Приама юнейший,
Старцев любимейший сын; быстротою всех побеждал он,
И, с неразумия детского, ног быстротою тщеславясь,
Рыскал он между передних, пока погубил свою душу.

413-415 Медяным дротом младого его Ахиллес быстроногий,
Мчавшегось мимо, в хребет поразил, где застежки златые
Запон смыкали и где представлялася броня двойная;

416-418 Дрот на противную сторону острый пробился сквозь чрево;
Вскрикнув, он пал на колена; глаза его тьма окружила
Черная; внутренность к чреву руками прижал он, поникший.

419-425 Гектор едва лишь увидел, что брат Полидор, прободенный,
Внутренность держит руками, к кровавому долу приникший, —
Свет помрачился в очах Приамидовых: боле не смог он
В дальних рядах оставаться; пошел он против Ахиллеса,
Острым, как пламень светящим, колебля копьем. Ахиллес же,
Чуть лишь увидел, подпрянул и с радостью гордой воскликнул:
«Вот человек сей, который глубоко пронзил мое сердце!

426-429 Вот сей убийца друга любезного! Радуюсь: больше
Друг мы от друга не будем по бранному поприщу бегать!»
Рек — и, свирепо взглянув, к благородному Гектору вскрикнул:
«Ближе приди, да скорее дойдешь к роковому пределу!»

430-433 И ему, не смущаясь, ответствовал Гектор великий:
«Сын Пелеев! меня, как младенца, напрасно словами
Ты устрашить ласкаешься: так же легко и свободно
Колкие речи и дерзости сам говорить я умею.

434-437 Ведаю, сколько могуч ты и сколько тебя я слабее.
Но у богов всемогущих лежит еще то на коленах,
Гордую душу тебе не я ли, слабейший, исторгну
Сим копием; на копье и моем остра оконечность!»

438-444 Рек — и, ужасно сотрясши, копье он пустил; но Афина
Духом отшибла его от Пелеева славного сына,
В сретенье тихо дохнув; и назад к Приамиду герою
Дрот прилетел, и бессильный у ног его пал. Ахиллес же,
Пламенный, с криком ужасным, убить нетерпеньем горящий,
Ринулся с пикой; но Феб Аполлон Приамида избавил
Быстро, как бог: осенил он героя мраком глубоким.

445-450 Трижды могучий Пелид на него нападал, ударяя
Пикой огромной, и трижды вонзал ее в мрак лишь глубокий.
Но в четвертый он раз еще налетевши, как демон,
Крикнул голосом страшным, крылатые речи вещая:
«Снова ты смерти, о пес, избежал! Над твоей головою
Гибель висела, и снова избавлен ты Фебом могучим!

451-453 Феба обык ты молить, выходя на свистящие копья!
Скоро, однако, с тобою разделаюсь, встретяся после,
Если и мне меж богов-небожителей есть покровитель!

454-456 Ныне пойду на других и повергну, которых постигну!»
Рек — и Дриопа убил он, ударивши пикою в выю;
Тот, зашатавшись, у ног его пал; но его он оставил;

457-459 Демуха ж Филеторида, огромного, сильного мужа,
Дротом, в колено вонзив, удержал устремленного; после
Медноогромным мечом поразил и исторг ему душу.

460-462 Вслед на Биаса детей, Лаогона и Дардана, вместе
К битве скакавших, напал он и вместе их сбил с колесницы,
Первого пикой пронзив, а другого мечом поразивши.

463-465 Трос же, Аласторов сын, подбежал и колена герою
Обнял, не даст ли пощады и в плен не возьмет ли живого:
Может быть, думал, меня не убьет, над ровесником сжалясь.

466-469 Юноша бедный! не знал он, что жалости ждет бесполезно.
Был перед ним не приветный муж и не мягкосердечный, —
Муж непреклонный и пламенный! Трос обхватил лишь колена,
Мысля молить, как весь нож Ахиллес погрузил ему в печень;

470-477 Печень в груди отвалилася; кровь, закипевши из раны,
Перси наполнила; очи его, испустившего душу,
Мрак осенил; а Пелид, устремившися, Мулия грянул
В ухо копьем, и стремительно вышло сквозь ухо другое
Медное жало. За ним он Эхеклу, Агенора сыну,
Череп разнес пополам мечом с рукояткой огромной:
Весь разогрелся под кровию меч; и Эхеклу на месте
Очи смежила багровая Смерть и могучая Участь.

478-483 После сразил Девкалиона: где на изгибистом локте
Жилы сплетаются, там ему руку насквозь прохватила
Острая пика, и стал Девкалион, с рукою повисшей,
Видящий близкую смерть: Ахиллес пересек ему выю,
Голову с шлемом, сотрясши, поверг; из костей позвоночных
Выскочил мозг; обезглавленный труп по земле протянулся.

484-486 Он же немедля напал на Пиреева славного сына,
Ригма, который пришел из фракийской земли плодоносной;
Дротом его поразил; острие углубилось в утробу;

487-489 Он с колесницы слетел; а Пелид Арейфою вознице,
Коней назад обращавшему, в плечи сияющий дротик
Вбил и сразил с колесницы; и в страхе смешалися кони.

490-493 Словно как страшный пожар по глубоким свирепствует дебрям,
Окрест сухой горы, и пылает лес беспредельный;
Ветер, бушуя кругом, развевает погибельный пламень, —
Так он, свирепствуя пикой, кругом устремлялся, как демон;

494-496 Гнал, поражал; заструилося черною кровию поле.
Словно когда земледелец волов сопряжет крепкочелых
Белый ячмень молотить на гумне округленном и гладком;

497-503 Быстро стираются класы мычащих волов под ногами, —
Так под Пелидом божественным твердокопытные кони
Трупы крушили, щиты и шеломы: забрызгались кровью
Снизу вся медная ось и высокий полкруг колесницы,
В кои, как дождь, и от конских копыт, и от ободов бурных
Брызги хлестали; пылал он добыть между смертными славы,
Храбрый Пелид, и в крови обагрял необорные руки.

Une Sacra · издание 1 · unesacra.com · CC BY-NC-SA 4.0

ПЕСНЬ XXI

✦

1-9 Но лишь трояне достигли брода реки светлоструйной,
Ксанфа сребристопучинного, вечным рожденного Зевсом,
Там их разрезал Пелид; и одних он погнал по долине
К граду, и тем же путем, где ахейцы в расстройстве бежали
Прошлого дня, как над ними свирепствовал Гектор могучий, —
Там и трояне, рассеясь, бежали; но Гера глубокий
Мрак распростерла, им путь заграждая. Другие толпами,
Бросясь к реке серебристопучинной, глубокотекущей,
Падали с шумом ужасным: высоко валы заплескали;

10-16 Страшно кругом берега загремели; упадшие с воплем
Плавали с места на место, крутяся по бурным пучинам.
Словно как пруги, от ярости огненной снявшися с поля,
Тучей к реке устремляются: вдруг загоревшийся бурный
Пышет огонь, и они устрашенные падают в воду, —
Так от Пелида бегущие падали кони и вои,
Ток наполняя гремучий глубокопучинного Ксанфа.

17-19 Он же, божественный, дрот свой огромный оставил на бреге,
К ветвям мирики склонивши, и сам устремился, как демон,
С страшным мечом лишь в руках: замышлял он ужасное в сердце;

20-28 Начал вокруг им рубить: поднялися ужасные стоны
Вкруг поражаемых; кровию их забагровели волны.
Словно дельфина огромного мелкие рыбы всполошась

И бежа от него в безопасные глуби залива,
Кроются робкие: всех он глотает, какую ни схватит, —
Так от Пелида трояне в ужасном потоке Скамандра
Крылись под кручей брегов. Но герой, утомивши убийством
Руки, живых средь потока двенадцать юношей выбрал,
Чтоб за смерть отомстить благородного друга Патрокла;

29-31 Вывел из волн, обезумленных страхом, как юных еленей;
Руки им сзади связал разрезными, крутыми ремнями,
Кои в сражениях сами носили при бронях кольчатых;

32-38 Так повелел мирмидонцам вести их к судам мореходным.
Сам же опять на врагов устремился, убийства алкая.
Там он Приамова сына, чудясь, Ликаона младого
Встретил, из волн уходящего, коего некогда сам он
В плен, невзирая на вопль, из отцова увлек вертограда,
Ночью напавши: царевич смоковницы ветви младые
Острою медью тесал, чтобы в круги согнуть колесницы;

39-41 Вдруг на него налетела беда — Ахиллес быстроногий.
Он Ликаона, в судах своих быстрых уславши на Лемнос,
Продал: Эвней Язонид предложил за царевича выкуп;

42-44 Друг же его и оттуда, Геэтион, Имбра владыка,
Многое дав, искупил и в священную выслал Арисбу.
Скоро, бежавши оттуда, в отеческий дом возвратился.

45-48 Дома одиннадцать дней веселился с друзьями своими,
После возврата из Лемна; в двенадцатый бог его паки
В руки привел Ахиллеса, которому сужено было

В царство Аида низринуть — идти не хотящую душу.

49-54 Быстрый могучий Пелид, лишь узрел Приамида нагого
(Он без щита, без шелома и даже без дротика вышел;
По полю все разбросал, из реки убегающий; пóтом
Он изнурился, с истомы под ним трепетали колена),
Гневно вздохнул и вещал со своею душой благородной:
«Боги! великое чудо моими очами я вижу!

55-59 Стало быть, Трои сыны, на боях умерщвленные мною,
Паки воскреснут и паки из мрака подземного выйдут,
Ежели сей возвращается; черного дня избежал он,
Проданный в Лемнос; его не могла удержать и пучина
Бурного моря, которое многих насильственно держит.

60-63 Но нападем, и пускай острия моего Пелиаса
Днесь он отведает: видеть хочу и увериться сердцем,
Так же ли он и оттуда воротится, или троянца
Матерь удержит земля, которая держит и сильных».

64-66 Так размышлял и стоял он; а тот подходил полумертвый,
Ноги Пелиду готовый обнять: несказанно желал он
Смерти ужасной избегнуть и близкого черного рока.

67-70 Дрот между тем длиннотенный занес Ахиллес быстроногий,
Грянуть готовый; а тот подбежал и обнял ему ноги,
К долу припав; и копье, у него засвистев над спиною,
В землю воткнулось дрожа, человеческой жадное крови.

71-74 Юноша левой рукою обнял, умоляя, колена,
Правой копье захватил и, его из руки не пуская,
Так Ахиллеса молил, устремляя крылатые речи:
«Ноги объемлю тебе, пощади, Ахиллес, и помилуй!

75-77 Я пред тобою стою как молитель, достойный пощады!
Вспомни, я у тебя насладился дарами Деметры,
В день, как меня полонил ты в цветущем отца вертограде.

78-87 После ты продал меня, разлучив и с отцом и с друзьями,
В Лемнос священный: тебе я доставил стотельчия цену;
Ныне ж тройной искупился б ценою! Двенадцатый день лишь
С оной мне светит поры, как пришел я в священную Трою,
Много страдавши; и в руки твои опять меня ввергнул
Пагубный рок! Ненавистен я, верно, Крониону Зевсу,
Если вторично им предан тебе; кратковечным родила
Матерь меня Лаофоя, дочь престарелого Альта, —
Альта, который над племенем царствует храбрых лелегов,
Градом высоким, Педасом, у вод Сатниона владея.

88-90 Дочерь его Лаофоя, одна из супруг Дарданида,
Двух нас Приаму родила, и ты обоих умертвишь нас!
Брата уже ты сразил в ополчениях наших передних;

91-93 Острым копьем заколол Полидора, подобного богу.
То ж и со мною несчастие сбудется! Знаю, могучий!
Рук мне твоих не избегнуть, когда уже бог к ним приближил!

94-96 Слово иное скажу я, то слово прими ты на сердце:
Не убивай меня; Гектор мне брат не единоутробный,
Гектор, лишивший тебя благородного, нежного друга!»

97-99 Так говорил убеждающий сын знаменитый Приамов,
Так Ахиллеса молил; но услышал не жалостный голос:
«Что мне вещаешь о выкупах, что говоришь ты, безумный?

100-102 Так, доколе Патрокл наслаждался сиянием солнца,
Миловать Трои сынов иногда мне бывало приятно.
Многих из вас полонил, и за многих выкуп я принял.

103-105 Ныне пощады вам нет никому, кого только демон
В руки мои приведет под стенами Приамовой Трои!
Всем вам, троянам, смерть, и особенно детям Приама!

106-108 Так, мой любезный, умри! И о чем ты столько рыдаешь?
Умер Патрокл, несравненно тебя превосходнейший смертный!
Видишь, каков я и сам, и красив, и величествен видом;

109-113 Сын отца знаменитого, матерь имею богиню;
Но и мне на земле от могучей судьбы не избегнуть;
Смерть придет и ко мне поутру, ввечеру или в полдень,
Быстро, лишь враг и мою на сражениях душу исторгнет,
Или копьем поразив, иль крылатой стрелою из лука».

114-119 Так произнес, — и у юноши дрогнули ноги и сердце.
Страшный он дрот уронил и, трепещущий, руки раскинув,
Сел; Ахиллес же, стремительно меч обоюдный исторгши,

В выю вонзил у ключа, и до самой ему рукояти
Меч погрузился во внутренность; ниц он по черному праху
Лег, распростершися; кровь захлестала и залила землю.

120-125 Мертвого за ногу взявши, в реку Ахиллес его бросил,
И, над ним издеваясь, пернатые речи вещал он:
«Там ты лежи, между рыбами! Жадные рыбы вкруг язвы
Кровь у тебя нерадиво оближут! Не матерь на ложе
Тело твое, чтоб оплакать, положит; но Ксанф быстротечный
Бурной волной унесет в беспредельное лоно морское.

126-129 Рыба, играя меж волн, на поверхность чернеющей зыби
Рыба всплывет, чтоб насытиться белым царевича телом.
Так погибайте, трояне, пока не разрушим мы Трои,
Вы — убегая из битвы, а я — убивая бегущих!

130-132 Вас не спасет ни могучий поток, серебристопучинный
Ксанф. Посвящайте ему, как и прежде, волов неисчетных;
В волны бросайте живых, как и прежде, коней звуконогих;

133-135 Все вы изгибнете смертию лютой; заплатите вы мне
Друга Патрокла за смерть и ахейских сынов за убийство,
Коих у черных судов без меня вы избили на сечах!»

136-138 Так говорил он, — и Ксанф на него раздражался жестоко;
Стал волноваться он думами, как удержать от свирепства
Бурного сына Пелея, спасая троян от убийства.

139-143 Но Пелейон между тем, потрясая копьем длиннотенным,
Прянул ужасный, убить пылающий Астеропея,
Ветвь Пелегона, которого Аксий широкотекущий

С юной родил Перибоей, Акессаменовой дщерью
(Старшею: с нею поток сочетался глубокопучинный).

144-147 Быстро Пелид устремлялся, а тот из реки на Пелида
Вышел, двумя потрясающий копьями: дух пеонийцу
Ксанф возбуждал: раздражался бессмертный за юношей красных,
Коих в пучинах его Ахиллес убивал без пощады.

148-150 Чуть соступились они, устремляяся друг против друга,
Первый к Астеропею вскричал Ахиллес быстроногий:
«Кто ты, откуда ты, смертный, дерзающий встречу мне выйти?

151-153 Дети одних несчастных встречаются с силой моею!»
И ему отвечал воинственный сын Пелегонов:
«Сын знаменитый Пелеев, почто вопрошаешь о роде?

154-156 Я из Пеонии муж, из страны плодоносной, далекой;
Вождь я пеонян огромнокопейных. Двенадцатый день мне
Светит с оной поры, как пришел я в Приамову Трою.

157-160 Родоначальник мой славный — Аксий широкотекущий,
Аксий, водою прекраснейшей недра земные поящий:
Он Пелегона родил; от него, копьеносца, вещают,
Я порожден. Но сразися со мной, Ахиллес благородный!»

161-165 Так он, грозя, говорил; и занес Ахиллес быстроногий
Крепкий свой ясень пелийский; но дротами вдруг обоими
Сын Пелегонов пустил: копьеборец он был оборучный:
В щит Ахиллесов одним угодил, но сквозь щит не проникнул
Дрот медножальный, удержанный златом, божественным даром.

166-168 Дротом другим, близ локтя пронесшимся, ссаднил десную:
Черная кровь заструилась, и дрот позади Ахиллеса
В землю вонзился, горящий насытиться телом героя.

169-172 Вслед Пелейон Ахиллес, размахнув прямолетный свой ясень,
В Астеропея пустил, сопостата низвергнуть пылая;
Но, не попав в Пелегонида, в берег высокий ударил
И вогнал до средины огромное дерево в берег.

173-175 Сам между тем, исторгнувши меч из влагалища острый,
Яр на противника прянул, а тот Ахиллесовский ясень
Вырвать из берега тщетно рукой напрягался дебелой.

176-185 Трижды его колыхал, из стремнины исторгнуть пылая,
Трижды силы терял; но в четвертый он раз лишь рванулся,
Чая согнуть и сломить Эакидов убийственный ясень, —
Тот налетел и мечом у надменного душу исторгнул:
Чрево близ пупа ему разрубил, и из чрева на землю
Вылилась внутренность вся, и ему, захрипевшему, очи
Смертная тьма осенила; Пелид же, на грудь его бросясь,
Пышные латы срывал и вещал, величаясь победой:
«В прахе лежи! Тебе тяжело всемогущего Зевса
Спорить с сынами, хотя и рожден ты рекою великой!

186-189 Ты от реки широкой своим величаешься родом;
Я от владыки бессмертных, от Зевса, рождением славлюсь.
Жизнь даровал мне герой, мирмидонян владыка державный,
Отрасль Эака, Пелей; Эак же рожден от Зевеса.

190-193 Сколько Зевес многомощнее рек, убегающих в море,
Столько пред чадами рек многомощнее чада Зевеса!
Здесь, пред тобой — и река могучая; пусть испытает
Помощь подать: невозможно сражаться с Кронионом Зевсом.

194-197 С ним, громовержцем, ни царь Ахелой не дерзает равняться,
Ни, могуществом страшный, седой Океан беспредельный,
Тот, из которого всякий источник и всякое море,
Реки, ключи и глубокие кладези все истекают;

198-200 Но трепещет и он всемогущего Зевса перунов
И ужасного грома, когда от Олимпа он грянет».
Рек — и из брега стремнистого вырвал огромную пику.

201-204 Бросил врага, у которого гордую душу исторгнул,
В прахе простертого: там его залили мутные волны;
Вкруг его тела и рыбы и угри толпой закипели,
Почечный тук обрывая и жадно его пожирая.

205-208 Сын же Пелеев пошел на пеонян, воинов конных,
Кои по берегу Ксанфа пучинного бросились в бегство,
Чуть лишь увидели мужа сильнейшего, в битве ужасной
Мощно сраженного грозной рукой и мечом Ахиллеса.

209-212 Там он убил Ферсилоха, Эния вождя и Мидона,
Сверг Астипила и Фразия, сверг Офелеста и Мнесса.
Многих еще бы пеонян сразил Ахиллес быстроногий,
Если бы голоса в гневе Скамандр пучинный не поднял.

213-215 В образе смертного бог возгласил из глубокой пучины:
«О Ахиллес! и могуществом сил, и грозою деяний
Выше ты смертного! Боги всегда по тебе поборают.

216-218 Если Кронион троян на погибель всех тебе предал,
Выгони их из меня и над ними ты в поле свирепствуй.
Трупами мертвых полны у меня светлоструйные воды;

219-221 Более в море священное волн проливать не могу я,
Трупами спертый троянскими: ты истребляешь, как гибель!
О, воздержись! и меня изумляешь ты, пастырь народа!»

222-226 Ксанфу немедля ответствовал царь Ахиллес быстроногий:
«Будет, как ты заповедуешь, Ксанф, громовержцев питомец!
Я перестану троян истреблять, но не прежде, как гордых
В стены вобью, и не прежде, как Гектора мощь испытаю,
Он ли меня укротит, иль надменного сам укрощу я».

227-232 Так говоря, на троян устремился ужасный, как демон.
К Фебу тогда возопила река из пучины глубокой:
«Бог сребролукий, Крониона сын, не блюдешь ты заветов
Зевса Кронида! Не он ли тебе повелел, Олимпиец,
Трои сынов защищать неотступно, пока не простреться
Сумрак вечерний и тенью холмистых полей не покроет».

233-236 Так говорила; Пелид же бесстрашный в средину пучины
Прянул с крутизны. Река поднялася, волнами бушуя.
Вся, всклокотавши, до дна взволновалась и мертвых погнала,
Коими волны ее Ахиллес истребитель наполнил;

237-239 Мертвых, как вол ревущая, вон извергла на берег;
Но, живых укрывая в пучинных пещерах широких,
Их защитила своими катящимись пышно водами.

240-247 Страшное вкруг Ахиллеса волнение бурное встало;
Зыблют героя валы, упадая на щит; на ногах он
Боле не мог удержаться; руками за вяз ухватился
Толстый, раскидисто росший; и вяз, опрокинувшись с корнем,
Берег обрушил с собой, заградил быстротечные воды
Ветвей своих густотой и, как мост, по реке протянулся,
Весь на нее опрокинясь. Герой, исскоча из пучины,
Бросился в страхе долиной лететь на ногах своих быстрых.

248-250 Яростный бог не отстал; но, поднявшись, за ним он ударил
Валом черноголовым, горя обуздать Ахиллеса
В подвигах бранных и Трои сынов защитить от убийства.

251-256 Он же, герой, проскакал на пространство копейного лёта,
Быстро, как мощный орел, черноперый ловец поднебесный,
Самый сильнейший и самый быстрейший из рода пернатых:
Равный орлу он стремился; блестящая медь всеоружий
Страшно вкруг персей звучала; бежа от реки, он бросался
Вбок, а река по следам его с ревом ужасным крутилась.

257-259 Словно когда водовод от ключа, изобильного влагой,
В сад, на кусты и растения, ров водотечный проводит,
Заступ острый держа и копь от препон очищая;

260-264 Рвом устремляется влага; под нею все мелкие камни
С шумом катятся; источник бежит и журчит, убыстренный
Местом покатистым; он и вождя далеко упреждает, —
Так непрестанно преследовал вал черноглавый Пелида,
Сколько ногами ни быстрого: боги могучее смертных.

265-267 Несколько раз покушался герой Ахиллес быстроногий
Противостать и увидеть, не все ли его уже боги
Гонят, не всё ль на него ополчилось великое небо?

268-271 Несколько раз его вал излиянного Зевсом Скамандра,
Сверху обрушася, в плечи хлестал; негодуя, высоко
Прядал Пелид, но река удручала могучие ноги,
Бурная под ноги била и прах из-под стоп вырывала.

272-275 Крикнул Пелид наконец, на высокое небо взирая:
«Зевс! так никто из богов милосердый меня не предстанет
Спасть из реки злополучного? После и всё претерпел бы...
Но кого осуждаю я, кто из небесных виновен?

276-278 Матерь единая, матерь меня обольщала мечтами,
Матерь твердила, что здесь, под стенами троян броненосных,
Мне от одних Аполлоновых стрел быстролетных погибнуть;

279-281 Что не убит я Гектором! Сын Илиона славнейший,
Храброго он бы сразил и корыстью гордился бы, храбрый!
Ныне ж бесславною смертью судьбой принужден я погибнуть;

282-285 Лечь в пучинах реки, как младой свинопас, поглощенный
Бурным потоком осенним, который хотел перебресть он!»
Так говорил, — и незапно ему Посейдон и Афина

Вместе явились, приближились, образ приняв человеков;

286-288 За руку взяли рукой и словами его уверяли.
Первый к нему провещал Посейдон, потрясающий землю:
«Храбрый Пелид! ничего не страшися, ничем не смущайся.

289-291 Мы от бессмертных богов, изволяющу Зевсу Крониду,
Мы твои покровители, я и Паллада Афина.
Роком тебе не назначено быть побежденным рекою;

292-297 Скоро она успокоится, бурная, сам ты увидишь.
Мы же, когда ты послушаешь, мудрый совет предлагаем:
Рук не удерживай ты от убийства и общего боя
Прежде, доколе троян не вобьешь в илионские стены
Всех, кто спасется; и после ты, Гектора душу исторгнув,
В стан возвратися; дадим мы тебе вожделенную славу».

298-300 Так возгласивши, бессмертные вновь удалились к бессмертным.
Он полетел, беспредельно глаголом богов ободренный,
В поле; а поле водою разлившеюсь всё понималось.

301-304 Множество пышных оружий, множество юношей красных
Плавало мертвых. Высоко скакал он, бежа от стремленья
Прямо гонящихся волн разъяренных; не мог его больше
Бурный поток удержать, облеченного в крепость Афиной.

305-310 Но и Скамандр не обуздывал гнева; против Ахиллеса
Пуще свирепствовал бог; захолмивши валы на потоке,
Он воздымался высоко и с ревом вопил к Симоису:

«Брат мой, воздвигнися! Мужа сего совокупно с тобою
Мощь обуздаем; иль скоро обитель владыки Приама
Он разгромит; устоять перед грозным трояне не могут!

311-314 Помощь скорее подай мне; поток свой наполни водами
Быстрых источников горных, и все ты воздвигни потоки!
Страшные волны поставь, закрути с треволнением шумным
Бревна и камни, чтобы обуздать нам ужасного мужа!

315-318 Он побеждает теперь и господствует в брани, как боги!
Но не помогут, надеюсь, ему ни краса, ни могучесть,
Ни оружия пышные, кои в болоте глубоком
Лягут и черной покроются тиною, ляжет и сам он.

319-321 Я и его под песком погребу и громадою камней
Страшной кругом замечу; не сберут и костей Ахиллеса
Чада ахеян: такой самого его тиной покрою!

322-325 Там и могила его, и не нужно ахеянам будет
Холма над ним насыпать, воздавая надгробную почесть!»
Рек — и напал на него, клокоча и высоко бушуя,
С ревом бросая и пеной, и кровью, и трупами мертвых.

326-329 Быстро багровые волны реки, излиявшейся с неба,
Стали стеной, обхватили кругом Пелейона героя.
Крикнула Гера богиня, страшась, чтоб Пелеева сына
В хляби свои не умчала река, излиянная Зевсом;

330-332 Быстро к Гефесту, любезному сыну, она возгласила:
«В бой, хромоногий! воздвигнись, о сын мой! С тобою сразиться
Мы почитаем достойным глубокопучинного Ксанфа.

333-335 Противостань и скорее открой пожирающий пламень!
Я же иду, чтобы Зефира ветра и хладного Нота
Быстро от брега морского жестокую бурю воздвигнуть;

336-339 Буря сожжет и главы и доспехи троян ненавистных,
Страшный пожар разносящая. Ты по брегам у Скамандра
Жги дерева и на воду огонь устреми; не смягчайся
Ласковой речью его, не смущайся угрозами бога;

340-342 И не смиряй ты пламенной силы, пока не подам я
Знаменья криком; тогда укротишь ты огонь неугасный».
Так повелела, — и сын устремил пожирающий пламень.

343-345 В поле сперва разгорался огонь, и тела пожирал он
Многих толпами лежащих троян, Ахиллесом убитых.
Поле иссохло, и стали в течении светлые воды.

346-348 Словно как в осень Борей вертоград, усыренный дождями,
Скоро сушит и его удобрителя радует сердце, —
Так иссушилося целое поле, тела погорели.

349-352 Бог на реку обратил разливающий зарево пламень.
Вспыхнули окрест зеленые ивы, мирики и вязы;
Вспыхнули влажные трости, и лотос, и кипер душистый,
Кои росли изобильно у Ксанфовых вод светлоструйных;

353-355 Рыбы в реке затомились, и те по глубоким пучинам
Те по прозрачным струям и сюда и туда заныряли,
В пламенном духе томясь многоумного Амфигиея.

356-358 Вспыхнул и самый поток, и, пылающий, так возопил он:
«Нет, о Гефест, ни единый бессмертный тебя не осилит!
Нет, никогда не вступлю я с тобой, огнедышащим, в битву!

359-361 Кончи ты брань! А троян хоть из града Пелид быстроногий
Пусть изженет; отрекаюсь их распрь, не хочу поборать им!»
Так говорил, и горел; клокотали прекрасные воды.

362-365 Словно клокочет котел, огнем подгнетенный великим,
Если он, вепря огромного тук растопляя блестящий,
Полный ключом закипит, раскаляемый пылкою сушью, —
Так от огня раскалялися волны, вода клокотала.

366-371 Стала река, протекать не могла, изнуренная знойной
Силою бога Гефеста. Скамандр к торжествующей Гере
Голос простер умоляющий, быстрые речи вещая:
«Гера! за что твой сын, на поток мой свирепо обрушась,
Мучит меня одного? Пред тобою не столько виновен
Я, как другие бессмертные, кои троян защищают.

372-376 Я укрощуся, о Гера владычица, если велишь ты;
Пусть и Гефест укротится! Клянуся я клятвой бессмертных:
Трои сынов никогда не спасать от суровой годины,
Даже когда и Троя губительным пламенем бурным
Вся запылает, зажженная светочьми храбрых данаев!»

377-380 Речи такие услышав, лилейнораменная Гера
Быстро, богиня, к Гефесту, любезному сыну, вещала:
«Полно, Гефест, укротися, мой сын знаменитый! Не должно
Так беспощадно за смертных карать бессмертного бога!»

381-384 Так повелела, — и бог угасил пожирающий пламень.
Вспять покатились к потоку прекрасно струящиеся воды.
Так обуздана Ксанфова мощь; успокоились оба,
Ксанф и Гефест: укротила их Гера, кипящая гневом.

385-387 Но меж другими бессмертными вспыхнула страшная злоба,
Бурная: чувством раздора их души в груди взволновались.
Бросились с шумной тревогой; глубоко земля застонала;

388-390 Вкруг, как трубой, огласилось великое небо. Услышал
Зевс, на Олимпе сидящий; и с радости в нем засмеялось
Сердце, когда он увидел богов, устремившихся к брани.

391-394 Сшедшися, боги не долго стояли в бездействии: начал
Щиторушитель Арей, налетел на Палладу Афину,
Медным колебля копьем, изрыгая поносные речи:
«Паки ты, наглая муха, на брань небожителей сводишь?

395-398 Дерзость твоя беспредельна! Ты вечно свирепствуешь сердцем!
Или не помнишь, как ты побудила Тидеева сына
Ранить меня, и сама, перед всеми копьем ухвативши,
Прямо в меня устремила и тело мое растерзала?

399-401 Ныне за всё, надо мной совершенное, мне ты заплатишь!»
Рек — и ударил копьем в драгоценный эгид многокистный,
Страшный, пред коим бессилен и пламенный гром молневержца;

402-405 В оный копьем длиннотенным ударил Арей исступленный.
Зевсова дочь отступила и мощной рукой подхватила
Камень, в поле лежащий, черный, зубристый, огромный,
В древние годы мужами положенный поля межою;

406-411 Камнем Арея ударила в выю и крепость сломила.
Семь десятин он покрыл, распростершись: доспех его медный
Грянул, и прахом оделись власы. Улыбнулась Афина
И, величаясь над ним, устремила крылатые речи:
«Или доселе, безумный, не чувствовал, сколь пред тобою
Выше могуществом я, что со мною ты меряешь силы?

412-414 Так отягчают тебя проклятия матери Геры,
В гневе тебе готовящей кару за то, что, изменник,
Бросил ахейских мужей и стоишь за троян вероломных!»

415-417 Так говоря, от него отвратила ясные очи.
За руку взявши его, повела Афродита богиня,
Тяжко и часто стенящего; в силу он с духом собрался.

418-420 Но, Афродиту увидев, лилейнораменная Гера
К Зевсовой дщери Афине крылатую речь устремила:
«Непобедимая дщерь воздымателя облаков Зевса!

421-423 Видишь, бесстыдная паки губителя смертных Арея
С битвы пылающей дерзко уводит! Скорее преследуй!»
Так изрекла, — и Афина бросилась с радостью в сердце;

424-426 Быстро напав на Киприду, могучей рукой поразила
В грудь; и мгновенно у ней обомлело и сердце и ноги.
Оба они пред Афиною пали на злачную землю.

427-431 И, торжествуя над падшими, вскрикнула громко Афина:
«Если б и все таковы защитители Трои высокой
Были, на брань выходя против медноружных данаев,

Столько ж отважны и сильны душой, какова Афродита
Вышла, Арея союзница, в крепости спорить со мною!

432-434 О, давно бы от грозной войны успокоились все мы,
Град сей разруша, высокотвердынную Трою Приама!»
Так говорила, — и тихо осклабилась Гера богиня.

435-438 И тогда к Аполлону вещал Посейдон земледержец:
«Что, Аполлон, мы стоим в отдалении? Нам неприлично!
Начали боги другие. Постыдно, когда мы без боя
Оба придем на Олимп, в медноздданный дом Олимпийца!

439-445 Феб, начинай; ты летами юнейший, — но мне неприлично:
Прежде тебя я родился, и боле тебя я изведал.
О безрассудный, беспамятно сердце твое! Позабыл ты,
Сколько трудов мы и бед претерпели вокруг Илиона,
Мы от бессмертных одни? Повинуяся воле Кронида,
Здесь Лаомедону гордому мы, за условную плату,
Целый работали год, и сурово он властвовал нами.

446-449 Я обитателям Трои высокие стены воздвигнул,
Крепкую, славную твердь, нерушимую града защиту.
Ты, Аполлон, у него, как наемник, волов круторогих
Пас по долинам холмистой, дубравами венчанной Иды.

450-452 Но, когда нам условленной платы желанные Горы
Срок принесли, Лаомедон жестокий насильно присвоил
Должную плату и нас из пределов с угрозами выслал.

453-455 Лютый, тебе он грозил оковать и руки и ноги
И продать, как раба, на остров чужой и далекий;
Нам обоим похвалялся отсечь в поругание уши.

456-460 Так удалилися мы, на него негодуя душою.
Царь вероломный завет сотворил и его не исполнил!
Феб, не за то ль благодеешь народу сему и не хочешь
Нам поспешать, да погибнут навек вероломцы трояне,
Бедственно все да погибнут, и робкие жены и дети!»

461-467 Но ему отвечал Аполлон, сребролукий владыка:
«Энносигей! не почел бы и сам ты меня здравоумным,
Если б противу тебя ополчался я ради сих смертных,
Бедных созданий, которые, листьям древесным подобно,
То появляются пышные, пищей земною питаясь,
То погибают, лишаясь дыхания. Нет, Посейдаон,
Распри с тобой не начну я; пускай человеки раздорят!»

468-473 Так произнес Аполлон — и назад обратился, страшася
Руки поднять на царя, на могучего брата отцова.
Тут Аполлона сестра, Артемида, зверей господыня,
Шумом ловитв веселящаясь, гневно его укоряла:
«Ты убегаешь, стрелец! и царю Посейдону победу
Всю оставляешь, даешь ненаказанно славой гордиться?

474-477 Что ж, малодушный, ты носишь сей лук, для тебя бесполезный?
С сей я поры чтоб твоих не слыхала в чертогах Кронида
Гордых похвал, как, бывало, ты хвалишься между богами
С Энносигеем, земли колебателем, выйти на битву».

478-484 Так говорила; сестре не ответствовал Феб сребролукий.
Но раздражилася Гера, супруга почтенная Зевса,
И словами жестокими так Артемиду язвила:
«Как, бесстыдная псица, и мне уже ныне ты смеешь
Противостать? Но тебе я тяжелой противницей буду,
Гордая луком! Тебя лишь над смертными женами львицей
Зевс поставил, над ними свирепствовать дал тебе волю.

485-488 Лучше и легче тебе поражать по горам и долинам
Ланей и диких зверей, чем с сильнейшими в крепости спорить.
Если ж ты хочешь изведать и брани, теперь же узнаешь,
Сколько тебя я сильнее, когда на меня ты дерзаешь!»

489-496 Так лишь сказала и руки богини своею рукою
Левой хватает, а правою, лук за плечами сорвавши,
Луком, с усмешкою горькою, бьет вкруг ушей Артемиду:
Быстро она отвращаясь, рассыпала звонкие стрелы
И, наконец, убежала в слезах. Такова голубица,
Ястреба, робкая, взвидя, в расселину камня влетает,
В темную нору, когда ей не сужено быть уловленной, —
Так Артемида в слезах убежала и лук свой забыла.

497-499 Лете, богине, тогда возгласил возвестительный Гермес:
«Лета! сражаться с тобой ни теперь я, ни впредь не намерен:
Трудно сражаться с супругами тучегонителя Зевса.

500-503 Можешь, когда ты желаешь, торжественно между бессмертных,
Можешь хвалиться, что силой ты страшной меня победила».
Так говорил он, а Лета сбирала и лук, и из тула

Врознь по песчаным зыбям разлетевшиесь легкие стрелы.

504-506 Все их собравши, богиня пошла за печальною дщерью.
Та же взошла на Олимп, в медноздданный чертог громовержца;
Села, слезы лия, на колени родителя дева;

507-510 Риза на ней благовонная вся трепетала. Кронион
К сердцу дочерь прижал и вещал к ней с приятной усмешкой:
«Дочь моя милая! кто из бессмертных тебя дерзновенно
Так оскорбил, как бы явное ты сотворила злодейство?»

511-513 Зевсу прекрасновенчанная ловли царица вещала:
«Гера, твоя супруга, родитель, меня оскорбила,
Гера, от коей и распря и брань меж богами пылает».

514-517 Так небожители боги, сидя на Олимпе, вещали.
Тою порой Аполлон вступил в священную Трою:
Сердцем заботился он, да твердынь благозданного града
Сила данаев, судьбе вопреки, не разрушит в день оный.

518-521 Прочие все на Олимп возвратилися вечные боги,
Гневом пылая одни, а другие славой сияя.
Сели они вкруг отца громоносного. Сын же Пелеев
В грозном бою истреблял и мужей, и коней звуконогих.

522-525 Словно как дым от пожара столпом до высокого неба
Всходит над градом пылающим, гневом богов воздвизаем:
Всем он труды и печали несчетные многим наносит, —
Так Ахиллес наносил и труды и печали троянам.

526-533 Царь Илиона, Приам престарелый, на башне священной
Стоя, узрел Ахиллеса ужасного: все пред героем
Трои сыны, убегая, толпилися; противоборства
Более не было. Он зарыдал — и, сошедши на землю,
Громко приказывал старец ворот защитителям славным:
«Настежь ворота в руках вы держите, пока ополченья
В город все не укроются, с поля бегущие: близок
Грозный Пелид, их гонящий! Приходит нам тяжкая гибель!

534-536 Но, как скоро вбегут и в стенах успокоятся рати,
Вновь затворите ворота и плотные створы заприте.
Я трепещу, чтобы муж сей погибельный в град не ворвался!»

537-539 Рек он, — и стражи, отдвинув запор, распахнули ворота.
Многим они, растворенные, свет даровали; навстречу
Вылетел Феб, чтоб от Трои сынов отразить истребленье.

540-543 Рати ж троянские к городу прямо, к твердыне высокой,
Жаждой палимые, прахом покрытые, с бранного поля
Мчалися; бурно их гнал он копьем; непрестанно в нем сердце
Страшным пылало свирепством, неистово славы алкал он.

544-546 Взяли б в сей день аргивяне высоковоротную Трою,
Если бы Феб Аполлон не воздвигнул Агенора мужа,
Ветвь Антенора сановника, славного, сильного в битвах.

547-549 Феб ему сердце наполнил отвагой и сам недалеко
Стал, чтоб над мужем удерживать руки тяжелые Смерти,
К дереву буку склонясь и покрывшися облаком темным.

550-555 Тот же, как скоро увидел рушителя стен Ахиллеса,
Стал; но не раз у него колебалось тревожное сердце.
Тяжко вздохнув, говорил он с своей благородной душою:
«Горе мне! ежели я, оробев, пред ужасным Пелидом
В бег обращусь, как бегут и другие, смятенные страхом, —
Быстрый догонит меня и главу, как у робкого, снимет!

556-559 Если же сих, по долине бегущих, преследовать дам я
Сыну Пелея, а сам одинокий в сторону града
Брошусь бежать по Илийскому полю, пока не достигну
Иды лесистых вершин и в кустарнике частом не скроюсь?

560-562 Там я, как вечер наступит, в потоке омоюсь от пота
И, освежася, под сумраком вновь в Илион возвращуся.
Но не напрасно ль ты, сердце, в подобных волнуешься думах?

563-565 Если меня вдалеке он от города, в поле увидит?
Если, ударясь в погоню, меня быстроногий нагонит?
О! не избыть мне тогда от сурового рока и смерти!

566-568 Сей человек несравненно могучее всех человеков!
Если ж ему самому перед градом я противостану?..
Тело его, как и всех, проницаемо острою медью;

569-572 Та ж и одна в нем душа, и от смертных зовется он смертным;
Но Кронид лишь ему и победу и славу дарует!»
Так произнес — и, уставясь на бой, нажидал Ахиллеса:
Храброе сердце стремило его воевать и сражаться.

573-575 Словно как смелый барс из опушки глубокого леса
Прямо выходит на мужа ловца, и, не ведущий страха,
Он не смущается, он не бежит при раздавшемся лае;

576-580 Даже когда и стрелой иль копьем его ловчий уметит,
Он, невзирая, что сам копьем прободен, не бросает
Пламенной битвы, пока не сразит или сам не простреться, —
Так Антеноров сын, воеватель бесстрашный Агенор,
С поля сойти не решался, пока не изведал Пелида.

581-584 Он, перед грудью уставивши выпуклый щит круговидный,
Метил копьем на него и грозился, крича громозвучно:
«Верно, надежду ты в сердце питал, Ахиллес знаменитый,
Нынешний день разорить обитель троян благородных?

585-589 Нет, безрассудный, бедам еще многим свершиться за Трою!
Много еще нас во граде мужей и бесстрашных и сильных,
Кои готовы для наших отцов, для супруг и младенцев
Град Илион защищать, пред которым найдешь ты погибель, —
Ты, и страшнейший в мужах, и душою отважнейший воин!»

590-594 Рек — и сияющий дрот он рукою могучею ринул,
И не прокинул: уметил его в подколенное берцо;
Окрест ноги оловянная, новая ковань, поножа
Страшный звон издала; но суровая медь отскочила
Вспять от ноги; не прошла, отраженная божеским даром.

595-598 Тут Ахиллес на подобного богу Агенора прянул,
Пламенный; но Аполлон ему славой украситься не дал:
Быстро похитил троянца и, мраком покрывши глубоким,

Мирно ему от боя опасного дал удалиться;

599-607 Сам же Пелеева сына коварством отвлек от народа:
Образ принявши Агенора, бог Аполлон сребролукий
Стал пред очами его, и за ним он ударился гнаться. —
Тою порой, как Пелид по равнине, покрытой пшеницей,
Феба преследовал, вспять близ глубокопучинного Ксанфа
Чуть уходящего, — хитростью бог обольщал человека,
Льстя беспрестанной надеждой, что он, быстроногий, нагонит, —
Тою порою трояне, бегущие с поля, толпами
Радостно к граду примчались; бегущими град наполнялся.

608-611 Все укрывались, никто не дерзал за стеною, вне града,
Ждать остальных и разведывать, кто из товарищей спасся,
Кто на сраженье погиб; но в радости сердца, как волны,
Хлынули в город, которых спасли только быстрые ноги.

Une Sacra · издание 1 · unesacra.com · CC BY-NC-SA 4.0

ПЕСНЬ XXII

✦

С ужасом в город вбежав, как олени младые, трояне
Пот прохлаждали, пили и жажду свою утоляли,
Вдоль по стене на забрала склоняяся; но аргивяне
Под стену прямо неслися, щиты к раменам преклонивши.

Гектор же в оное время, как скованный гибельным роком,
В поле остался один перед Троей и башнею Скейской.
Бог Аполлон между тем провещал к Пелейону герою:
«Что ты меня, о Пелид, уповая на быстрые ноги,
Смертный, преследуешь бога бессмертного? Или доселе
Бога во мне не узнал, что без отдыха пышешь свирепством?

Ты пренебрег и опасность троян, пораженных тобою:
Скрылись они уже в стены; а ты здесь по полю рыщешь.
Но отступи; не убьешь ты меня, не причастен я смерти».

Вспыхнувши гневом, ему отвечал Ахиллес быстроногий:
«Так, обманул ты меня, о зловреднейший между богами!
В поле отвлек от стены! Без сомнения, многим еще бы
Землю зубами глодать до того, как сокрылися в Трою!

Славы прекрасной меня ты лишил; а сынов Илиона
Спас без труда, ничьего не страшася отмщения после...
Я отомстил бы тебе, когда б то возможно мне было!»

21-24 Так произнес он — и к граду с решимостью гордой понесся,
Бурный, как конь с колесницей, всегда победительный в беге,
Быстро несется к мете, расстилаясь по чистому полю, —
Так Ахиллес оборачивал быстро могучие ноги.

25-30 Первый старец Приам со стены Ахиллеса увидел,
Полем летящего, словно звезда, окруженного блеском;
Словно звезда, что под осень с лучами огнистыми всходит
И, между звезд неисчетных горящая в сумраках ночи
(Псом Ориона ее нарицают сыны человеков),
Всех светозарнее блещет, но знаменьем грозным бывает;

31-36 Злые она огневицы наносит смертным несчастным, —
Так у героя бегущего медь вкруг персей блистала.
Вскрикнул Приам; седую главу поражает руками,
К небу длани подъемлет и горестным голосом вопит,
Слезно молящий любезного сына; но тот пред вратами
Молча стоит, беспредельно пылая сразиться с Пелидом.

37-40 Жалобно старец к нему и слова простирает и руки:
«Гектор, возлюбленный сын мой! Не жди ты сего человека
В поле один, без друзей, да своей не найдешь ты кончины,
Сыном Пелея сраженный: тебя он могучее в битвах!

41-43 Лютый! когда бы он был и бессмертным столько ж любезен,
Сколько мне: о, давно б уже труп его псы растерзали!
Тяжкая горесть моя у меня отступила б от сердца!

44-46 Сколько сынов у меня он младых и могучих похитил,
Или убив, иль продав племенам островов отдаленных!
Вот и теперь, Ликаона нет, и нет Полидора;

47-50 Их обоих я не вижу в толпах, заключившихся в стены,
Юношей милых, рожденных царицею жен Лаофоей.
О! если живы они, но в плену, — из ахейского стана
Их мы искупим и медью и златом: обильно их дома;

51-53 Много сокровищ за дочерью выдал мне Альт знаменитый.
Если ж погибли они и уже в Айдесовом доме,
Горе и мне и матери, кои на скорбь их родили!

54-58 Но народу троянскому горести менее будет,
Только бы ты не погиб, Ахиллесом ужасным сраженный.
Будь же ты с нами, сын милый! Войди в Илион, да спасешь ты
Жен и мужей илионских, да славы не даруешь громкой
Сыну Пелея, и жизни сладостной сам не лишишься!

59-65 О! пожалей и о мне ты, пока я дышу еще, бедном,
Старце злосчастном, которого Зевс пред дверями могилы
Казнью ужасной казнит, принуждая все бедствия видеть:
Видеть сынов убиваемых, дщерей в неволю влекомых,
Домы Пергама громимые, самых младенцев невинных
Видеть об дол разбиваемых в сей разрушительной брани,
И невесток, влачимых руками свирепых данаев!..

66-68 Сам я последний паду, и меня на пороге домашнем
Алчные псы растерзают, когда смертоносною медью
Кто-либо в сердце уметит и душу из персей исторгнет;

69-73 Псы, что вскормил при моих я трапезах, привратные стражи,
Кровью упьются моей и, унылые сердцем, на праге
Лягут при теле моем искаженном! О, юноше славно,
Как ни лежит он, упавший в бою и растерзанный медью, —
Всё у него, и у мертвого, что ни открыто, прекрасно!

74-76 Если ж седую браду и седую главу человека,
Ежели стыд у старца убитого псы оскверняют, —
Участи более горестной нет человекам несчастным!»

77-79 Так вопиял, и свои сребристые волосы старец
Рвал на главе, но у Гектора сына души не подвигнул.
Матерь за ним на другой стороне возопила, рыдая;

80-82 Перси рукой обнажив, а другой на грудь указуя,
Сыну, лиющая слезы, крылатую речь устремляла:
«Сын мой! почти хоть сие, пожалей хоть матери бедной!

83-85 Если я детский твой плач утоляла отрадною грудью,
Вспомни об оном, любезнейший сын, и ужасного мужа,
В стены вошед, отражай; перед ним ты не стой одинокий!

86-89 Если, неистовый, он одолеет тебя, о мой Гектор,
Милую отрасль мою, ни я на одре не оплачу,
Ни Андромаха супруга; далёко от нас от обеих,
В стане тебя мирмидонском свирепые псы растерзают!»

90-92 Так, рыдая, они говорили к любезному сыну,
Так умоляли, — но Гектора в персях души не подвигли:
Он ожидал Ахиллеса великого, несшегось прямо.

93-97 Словно как горный дракон у пещеры ждет человека,
Трав ядовитых нажравшись и черной наполняся злобой,
В стороны страшно глядит, извиваяся вкруг над пещерой, —
Гектор таков, несмиримого мужества полный, стоял там,
Выпуклосветлым щитом упершись в основание башни;

98-102 Мрачно вздохнув, наконец говорил он в душе возвышенной:
«Стыд мне, когда я, как робкий, в ворота и стены укроюсь!
Первый Полидамас на меня укоризны положит:
Полидамас мне советовал ввесть ополчения в город
В оную ночь роковую, как вновь Ахиллес ополчился.

103-105 Я не послушал, но, верно, полезнее было б послушать!
Так троянский народ погубил я своим безрассудством.
О! стыжуся троян и троянок длинноодежных!

106-110 Гражданин самый последний может сказать в Илионе:
— Гектор народ погубил, на свою понадеявшись силу! —
Так илионяне скажут. Стократ благороднее будет
Противостать и, Пелеева сына убив, возвратиться
Или в сражении с ним перед Троею славно погибнуть!

111-113 Но... и почто же? Если оставлю щит светлобляшный,
Шлем тяжелый сложу и, копье прислонивши к твердыне,
Сам я пойду и предстану Пелееву славному сыну?

114-118 Если ему обещаю Елену и вместе богатства
Все совершенно, какие Парис в кораблях глубодонных
С нею привез в Илион, — роковое раздора начало! —

Выдать Атридам и вместе притом разделить аргивянам
Все остальные богатства, какие лишь Троя вмещает?

119-121 Если с троян, наконец, я потребую клятвы старейшин:
Нам ничего не скрывать, но представить все для раздела
Наши богатства, какие лишь град заключает любезный?..

122-125 Боги! каким предаюся я промыслам? Нет, к Ахиллесу
Я не пойду как молитель! Не сжалится он надо мною,
Он не уважит меня; нападет и меня без оружий
Нагло убьет он, как женщину, если доспех я оставлю.

126-128 Нет, теперь не година с зеленого дуба иль с камня
Нам с ним беседовать мирно, как юноша с сельскою девой:
Юноша, с сельскою девою свидясь, беседует мирно;

129-132 Нам же к сражению лучше сойтись! и немедля увидим,
Славу кому между нас даровать Олимпиец рассудит!»
Так размышляя, стоял; а к нему Ахиллес приближался,
Грозен, как бог Эниалий, сверкающий шлемом по сече;

133-135 Ясень отцов пелионский на правом плече колебал он
Страшный; вокруг его медь ослепительным светом сияла,
Будто огнь распылавшийся, будто всходящее солнце.

136-138 Гектор увидел, и взял его страх; оставаться на месте
Больше не мог он; от Скейских ворот побежал, устрашенный.
Бросился гнаться Пелид, уповая на быстрые ноги.

139-144 Словно сокол на горах, из пернатых быстрейшая птица,
Вдруг с быстротой несказанной за робкой несется голубкой;
В стороны вьется она, а сокол по-над нею; и часто
Разом он крикнет и кинется, жадный добычу похитить, —
Так он за Гектором, пламенный, гнался, а трепетный Гектор
Вдоль под стеной убегал и быстро оборачивал ноги.

145-148 Мимо холма и смоковницы, с ветрами вечно шумящей,
Оба, вдали от стены, колесничной дорогою мчались;
Оба к ключам светлоструйным примчалися, где с быстротою
Два вытекают источника быстропучинного Ксанфа.

149-152 Теплой водою струится один, и кругом непрестанно
Пар от него подымается, словно как дым от огнища;
Но источник другой и средь лета студеный катится,
Хладный, как град, как снег, как в кристалл превращенная влага.

153-156 Там близ ключей водоемы широкие, оба из камней,
Были красиво устроены; к ним свои белые ризы
Жены троян и прекрасные дщери их мыть выходили
В прежние, мирные дни, до нашествия рати ахейской.

157-160 Там пристали они, и бегущий, и быстро гонящий.
Сильный бежал впереди, но преследовал много сильнейший,
Бурно несясь; не о жертве они, не о коже воловой
Спорились бегом: обычная мзда то ногам бегоборцев;

161-166 Нет, об жизни ристалися Гектора, конника Трои.
И, как на играх, умершему в почесть, победные кони
Окрест меты беговой с быстротою чудесною скачут, —

Славная ждет их награда, младая жена иль треножник, —
Так троекратно они пред великою Троей кружились,
Быстро носящиеся. Все божества на героев смотрели;

167-169 Слово меж оными начал отец и бессмертных и смертных:
«Горе! любезного мужа, гонимого около града,
Видят очи мои, и болезнь проходит мне сердце!

170-173 Гектор, муж благодушный, тельчие, тучные бедра
Мне возжигал в благовоние часто на Иде холмистой,
Часто на выси пергамской; а днесь Ахиллес градоборец
Гектора около града преследует, бурный ристатель.

174-176 Боги, размыслите вы и советом сердец положите,
Гектора мы сохраним ли от смерти, или напоследок
Сыну Пелея дадим победить знаменитого мужа».

177-180 Зевсу немедля рекла светлоокая дева Паллада:
«Молниеносный отец, чернооблачный! Что ты вещаешь?
Смертного мужа, издревле судьбе обреченного общей,
Хочешь ты, Зевс, разрешить совершенно от смерти печальной?

181-184 Волю твори, но не все на нее согласимся мы, боги!»
Ей немедля ответствовал тучегонитель Кронион:
«Бодрствуй, Тритония, милая дочь! Не с намереньем в сердце
Я говорю, и с тобою милостив быть я желаю.

185-187 Волю твори и желание сердца немедля исполни».
Рек — и возжег еще боле пылавшую сердцем Афину;
Бурно она понеслась, от Олимпа высокого бросясь.

188-190 Гектора ж, в бегстве преследуя, гнал Ахиллес непрестанно.
Словно как пес по горам молодого гонит оленя,
С лога подняв, и несется за ним чрез кусты и овраги;

191-193 Даже и скрывшегось, если он в страхе под куст припадает,
Чуткий следит и бежит беспрестанно, покуда не сыщет, —
Так Приамид от Пелида не мог от быстрого скрыться.

194-198 Сколько он раз ни пытался, у врат пробегая Дарданских,
Броситься прямо к стене, под высоковершинные башни,
Где бы трояне его с высоты защитили стрелами, —
Столько раз Ахиллес, упредив, отбивал Приамида
В поле, а сам непрестанно, держася твердыни, летел он.

199-201 Словно во сне человек изловить человека не может,
Сей убежать, а другой уловить напрягается тщетно, —
Так и герои, ни сей не догонит, ни тот не уходит.

202-204 Как бы и мог Приамид избежать от судьбы и от смерти,
Если б ему, и в последний уж раз, Аполлон не явился:
Он укреплял Приамиду и силы, и быстрые ноги.

205-207 Войскам меж тем помавал головою Пелид быстроногий,
Им запрещая бросать против Гектора горькие стрелы,
Славы б не отнял пронзивший, а он бы вторым не явился.

208-211 Но лишь в четвертый раз до Скамандра ключей прибежали,
Зевс распростер, промыслитель, весы золотые; на них он
Бросил два жребия Смерти, в сон погружающей долгий:
Жребий один Ахиллеса, другой — Приамова сына.

212-218 Взял посредине и поднял: поникнул Гектора жребий,
Тяжкий к Аиду упал; Аполлон от него удалился.
Сыну ж Пелея, с сияющим взором, явилась Паллада,
Близко пришла и к нему провещала крылатые речи:
«Ныне, надеюсь, любимец богов, Ахиллес благородный,
Славу великую мы принесем на суда мирмидонян:
Гектора мы поразим, ненасытного боем героя.

219-221 Более, мню я, от нашей руки не избыть Приамиду,
Сколько ни будет о том Аполлон стрелометный трудиться,
Распростирающийся пред могучим отцом громовержцем.

222-225 Стань и вздохни, Пелейон; Приамида сведу я с тобою,
И сама преклоню, да противу тебя он сразится».
Так говорила; Пелид покорился и, радости полный,
Стал, опершись на сияющий ясень свой медноконечный.

226-230 Зевсова дочь устремилася, Гектора быстро настигла
И, уподобясь Дейфобу и видом, и голосом звучным,
Стала пред ним и крылатые речи коварно вещала:
«Брат мой почтенный! жестоко тебя Ахиллес утесняет,
Около града Приамова бурным преследуя бегом.

231-234 Но остановимся здесь и могучего встретим бесстрашно!»
Ей ответствовал сильный, шеломом сверкающий Гектор:
«О Дейфоб! и всегда ты, с младенчества, был мне любезен
Более всех моих братьев, Приама сынов и Гекубы;

235-237 Ныне ж и прежнего более должен тебя почитать я:
Ради меня ты отважился, видя единого в поле,
Выйти из стен, тогда как другие в стенах остаются».

238-241 Вновь говорила ему светлоокая дочь громовержца:
«Гектор, меня умоляли отец и почтенная матерь,
Ноги мои обнимая; меня и друзья умоляли
С ними остаться: таким они все преисполнены страхом.

242-246 Но по тебе сокрушалось тоскою глубокою сердце.
Станем надежно теперь и сразимся мы пламенно: копий
Не к чему боле щадить; и увидим теперь, Ахиллес ли
Нас обоих умертвит и кровавые наши корысти
К черным судам повлечет, иль копьем он твоим укротится!»

247-250 Так вещая, коварно вперед выступала Паллада.
Оба героя сошлись, устремленные друг против друга;
Первый к Пелиду воскликнул шеломом сверкающий Гектор:
«Сын Пелеев! тебя убегать не намерен я боле!

251-253 Трижды пред градом Приамовым я пробежал, не дерзая
Встретить тебя нападавшего; ныне же сердце велит мне
Стать и сразиться с тобою; убью или буду убит я!

254-257 Прежде ж богов призовем во свидетельство; лучшие будут
Боги свидетели клятв и хранители наших условий:
Тела тебе я не буду бесчестить, когда громовержец
Дарует мне устоять и оружием дух твой исторгнуть;

258-261 Славные только доспехи с тебя, Ахиллес, совлеку я,
Тело ж отдам мирмидонцам; и ты договор сей исполни».
Грозно взглянул на него и вскричал Ахиллес быстроногий:
«Гектор, враг ненавистный, не мне предлагай договоры!

262-267 Нет и не будет меж львов и людей никакого союза;
Волки и агнцы не могут дружиться согласием сердца;
Вечно враждебны они и зломышленны друг против друга, —
Так и меж нас невозможна любовь; никаких договоров
Быть между нами не может, поколе один, распростертый,
Кровью своей не насытит свирепого бога Арея!

268-272 Все ты искусство ратное вспомни! Сегодня ты должен
Быть копьеборцем отличным и воином неустрашимым!
Бегства тебе уже нет; под моим копьем Тритогена
Скоро тебя укротит; и заплатишь ты разом за горе
Другов моих, которых избил ты, свирепствуя, медью!»

273-277 Рек он — и, мощно сотрясши, послал длиннотенную пику.
В пору завидев ее, избежал шлемоблещущий Гектор;
Быстро приник он к земле, и над ним пролетевшая пика
В землю вонзилась; но, вырвав ее, Ахиллесу Паллада
Вновь подала, невидима Гектору, коннику Трои.

278-280 Гектор же громко воскликнул к Пелееву славному сыну:
«Празден удар! и нимало, Пелид, бессмертным подобный,
Доли моей не узнал ты от Зевса, хотя возвещал мне;

281-286 Но говорлив и коварен речами ты был предо мною
С целью, чтоб я, оробев, потерял и отважность и силу.
Нет, не бежать я намерен; копье не в хребет мне вонзишь ты,
Прямо лицом на тебя устремленному грудь прободи мне,
Ежели бог то судил! Но копья и сего берегися
Медного! Если бы, острое, в тело ты все его принял!

287-290 Легче была бы кровавая брань для сынов Илиона,
Если б тебя сокрушил я, — тебя, их лютейшую гибель!»
Рек он — и, мощно сотрясши, копье длиннотенное ринул,
И не прокинул: в средину щита поразил Ахиллеса;

291-293 Но далеко оружие щит отразил. Огорчился
Гектор, узрев, что копье бесполезно из рук излетело,
Стал и очи потупил: копья не имел он другого.

294-297 Голосом звучным на помощь он брата зовет Деифоба,
Требует нового дротика острого: нет Деифоба.
Гектор постиг то своею душою, и так говорил он:
«Горе! к смерти меня всемогущие боги призвали!

298-300 Я помышлял, что со мною мой брат, Деифоб нестрашимый;
Он же в стенах илионских: меня обольстила Паллада.
Возле меня — лишь Смерть! и уже не избыть мне ужасной!

301-303 Нет избавления! Так, без сомнения, боги судили,
Зевс и от Зевса родившийся Феб; милосердые прежде
Часто меня избавляли; судьба наконец постигает!

304-307 Но не без дела погибну, во прах я паду не без славы;
Нечто великое сделаю, что и потомки услышат!»
Так произнес — и исторг из влагалища нож изощренный,
С левого боку висящий, нож и огромный и тяжкий;

308-311 С места, напрягшися, бросился, словно орел небопарный,
Если он вдруг из-за облаков сизых на степь упадает,
Нежного агнца иль зайца пугливого жадный похитить, —
Гектор таков устремился, махая ножом смертоносным.

312-316 Прянул и быстрый Пелид, и наполнился дух его гнева
Бурного; он перед грудью уставил свой щит велелепный,
Дивно украшенный; шлем на главе его четверобляшный
Зыблется светлый, волнуется пышная грива златая,
Густо Гефестом разлитая окрест высокого гребня.

317-321 Но, как звезда меж звездами в сумраке ночи сияет,
Геспер, который на небе прекраснее всех и светлее, —
Так у Пелида сверкало копье изощренное, коим
В правой руке потрясал он, на Гектора жизнь умышляя,
Места на теле прекрасном ища для верных ударов.

322-326 Но у героя все тело доспех покрывал медноковный,
Пышный, который похитил он, мощь одолевши Патрокла.
Там лишь, где выю ключи с раменами связуют, гортани
Часть обнажалася, место, где гибель душе неизбежна:
Там, налетевши, копьем Ахиллес поразил Приамида;

327-329 Прямо сквозь белую выю прошло смертоносное жало;
Только гортани ему не рассек сокрушительный ясень
Вовсе, чтоб мог, умирающий, несколько слов он промолвить;

330-336 Грянулся в прах он, — и громко вскричал Ахиллес, торжествуя:
«Гектор, Патрокла убил ты — и думал живым оставаться!
Ты и меня не страшился, когда я от битв удалялся,
Враг безрассудный! Но мститель его, несравненно сильнейший,
Нежели ты, за судами ахейскими я оставался,
Я, и колена тебе сокрушивший! Тебя для позора
Птицы и псы разорвут, а его погребут аргивяне».

337-339 Дышащий томно, ему отвечал шлемоблещущий Гектор:
«Жизнью тебя и твоими родными у ног заклинаю.
О! не давай ты меня на терзание псам мирмидонским;

340-343 Меди, ценного злата, сколько желаешь ты, требуй;
Вышлют тебе искупленье отец и почтенная матерь;
Тело лишь в дом возврати, чтоб трояне меня и троянки,
Честь воздавая последнюю, в доме огню приобщили».

344-347 Мрачно смотря на него, говорил Ахиллес быстроногий:
«Тщетно ты, пес, обнимаешь мне ноги и молишь родными!
Сам я, коль слушал бы гнева, тебя растерзал бы на части,
Тело сырое твое пожирал бы я, — то ты мне сделал!

348-350 Нет, человеческий сын от твоей головы не отгонит
Псов пожирающих! Если и в десять, и в двадцать крат мне
Пышных даров привезут и столько ж еще обещают;

351-353 Если тебя самого прикажет на золото взвесить
Царь Илиона Приам, и тогда — на одре погребальном
Матерь Гекуба тебя, своего не оплачет рожденья;

354-357 Птицы твой труп и псы мирмидонские весь растерзают!»
Дух испуская, к нему провещал шлемоблещущий Гектор:
«Знал я тебя; предчувствовал я, что моим ты моленьем
Тронут не будешь: в груди у тебя железное сердце.

358-360 Но трепещи, да не буду тебе я божиим гневом
В оный день, когда Александр и Феб стреловержец,
Как ни могучего, в Скейских воротах тебя ниспровергнут!»

361-363 Так говорящего, Гектора мрачная Смерть осеняет:
Тихо душа, из уст излетевши, нисходит к Аиду,
Плачась на долю свою, оставляя и младость и крепость.

364-366 Но к нему, и к умершему, сын быстроногий Пелеев
Крикнул еще: «Умирай! а мою неизбежную смерть я
Встречу, когда ни пошлет громовержец и вечные боги!»

367-369 Так произнес — и из мертвого вырвал убийственный ясень,
В сторону бросил его и доспех совлекал с Дарданида,
Кровью облитый. Сбежались другие ахейские мужи.

370-374 Все, изумляясь, смотрели на рост и на образ чудесный
Гектора и, приближаяся, каждый пронзал его пикой.
Так говорили иные, один на другого взглянувши:
«О! несравненно теперь к осязанию мягче сей Гектор,
Нежели был, как бросал на суда пожирающий пламень!»

375-378 Так не один говорил — и копьем прободал, приближаясь.
Но, его между тем обнажив, Ахиллес быстроногий
Стал средь ахеян, и к ним устремил он крылатые речи:
«Други, герои ахейцы, бесстрашные слуги Арея!

379-381 Мужа сего победить наконец даровали мне боги,
Зла сотворившего более, нежели все илионцы.
Ныне с оружием мы покусимся на град крепкостенный;

382-384 Граждан троянских изведаем помыслы, как полагают:
Бросить ли замок высокий, сраженному сыну Приама;
Или держаться дерзают, когда и вождя их не стало?

385-388 Но каким помышлениям сердце мое предается!
Мертвый лежит у судов, не оплаканный, не погребенный,
Друг мой Патрокл! Не забуду его, не забуду, пока я
Между живыми влачусь и стопами земли прикасаюсь!

389-392 Если ж умершие смертные память теряют в Аиде,
Буду я помнить и там моего благородного друга!
Ныне победный пеан воспойте, ахейские мужи:
Мы же пойдем, волоча и его, к кораблям быстролетным.

393-398 Добыли светлой мы славы! Повержен божественный Гектор!
Гектор, которого Трои сыны величали, как бога!»
Рек — и на Гектора он недостойное дело замыслил:
Сам на обеих ногах проколол ему жилы сухие
Сзади от пят и до глезн и, продевши ремни, к колеснице
Тело его привязал, а главу волочиться оставил;

399-404 Стал в колесницу и, пышный доспех напоказ подымая,
Коней бичом поразил; полетели послушные кони.
Прах от влекомого вьется столпом; по земле, растрепавшись,
Черные кудри крутятся; глава Приамида по праху
Бьется, прекрасная прежде; а ныне врагам Олимпиец
Дал опозорить ее на родимой земле илионской!

405-407 Вся голова почернела под перстию. Мать увидала,
Рвет седые власы, дорогое с себя покрывало
Мечет далеко и горестный вопль подымает о сыне.

408-411 Горько рыдал и отец престарелый; кругом же граждане
Подняли плач; раздавалися вопли по целому граду.
Было подобно, как будто, от края до края, высокий
Весь Илион от своих оснований в огне рассыпался!

412-417 Мужи держали с трудом исступленного горестью старца,
Рвавшегось в поле вратами Дарданскими выйти из града.
Он умолял их, тоскующий, он расстилался по праху,
Он говорил, называя по имени каждого мужа:
«Други, пустите меня одного, не заботясь, пустите
Выйти из града! Один я пойду к кораблям мирмидонским;

418-422 Буду молить я губителя, мрачного сердцем злодея.
Может быть, лета почтит он, над старостью, может быть, дряхлой
Сжалится: он человек, отца он такого ж имеет,
Старца Пелея, который его породил и взлелеял
К горю троян и стократ к жесточайшему горю Приама!

423-426 Сколько сынов у меня он похитил во цвете их жизни!
Но обо всех сокрушаюсь я менее, чем об едином!
Горесть о нем неутешная скоро сведет меня к гробу,
Горесть о Гекторе! О, хоть на сих бы руках он скончался!

427-429 Мы бы хоть душу насытили плачем над ним и рыданьем,
Я, безотрадный отец, и его злополучная матерь!»
Так говорил он, рыдая; и с старцем стенали трояне.

430-436 Но меж троянок Гекуба плачевнейший вопль подымает:
«Сын мой, мне, злополучной, почто еще жить для страданий,
Все потерявшей с тобою! Моею и дни ты и ночи
Славою был в Илионе, всеобщей надеждою в царстве
Жен и мужей илионских! Тебя, как хранителя бога,
Всюду встречали они; величайшею был ты их славой
В жизни своей и тебя, нам бесценного, смерть обымает!»

437-439 Плакала мать. Но еще ничего не слыхала супруга
В доме об Гекторе; вестник еще не являлся к ней верный
Весть объявить, что супруг за вратами в поле остался.

440-444 Ткала одежду она в отдаленнейшем тереме дома,
Яркую ткань, и цветные по ней рассыпала узоры.
Прежде ж дала повеленье прислужницам пышноволосым
Огнь развести под великим треногом, да будет готова
Гектору теплая ванна, как с боя он в дом возвратится.

445-448 Бедная! дум не имела, что Гектор далеко от дома
Пал под рукой Ахиллеса, смирён светлоокой Афиной.
Вдруг Андромаха услышала крики и вопли на башне,

Вздрогнула вся и челнок из руки на помост уронила;

449-452 Встала и к двум говорила прислужницам пышноволосым:
«Встаньте, идите за мной; посмотрю я, что совершилось?
Слышу почтенной свекрови я крик: подымается сердце,
Бьется, как вырваться хочет; колена мои цепенеют!

453-456 Близкая, верно, беда Дарданида сынам угрожает?..
О! удалися от слуха подобная весть! Но от страха
Я трепещу... Не бесстрашного ль Гектора богу подобный
В поле, отрезав от стен, Ахиллес одинокого гонит?

457-459 Боги! уже не смиряет ли храбрость его роковую,
Коей он дышит? В толпе никогда не останется Гектор:
Первый вперед полетит, никому не уступит в геройстве!»

460-465 Так произнесши, из терема бросилась, будто менада,
С сильно трепещущим сердцем, и обе прислужницы следом;
Быстро на башню взошла и, сквозь сонм пролетевши народный,
Стала, со стен оглянулась кругом и его увидала
Тело, влачимое в прахе: безжалостно бурные кони
Полем его волокли к кораблям быстролетным ахеян.

466-469 Темная ночь Андромахины ясные очи покрыла;
Навзничь упала она и, казалося, дух испустила.
Спала с нее и далёко рассыпалась пышная повязь,
Ленты, прозрачная сеть и прекрасноплетеные тесмы;

470-472 Спал и покров, блистательный дар золотой Афродиты,
Данный в день оный царевне, как Гектор ее меднолатный
Из дому взял Этиона, отдавши несметное вено.

473-481 Вкруг Андромахи невестки ее и золовки, толпяся,
Бледную долго держали, казалось, убитую скорбью.
В чувство пришедши она и дыхание в персях собравши,
Горько навзрыд зарыдала и так среди жен говорила:
«Гектор, о горе мне, бедной! Мы с одинакою долей
Оба родилися: ты в Илионе, в Приамовом доме,
Я, злополучная, в Фивах, при скатах лесистого Плака,
В доме царя Этиона; меня возрастил он от детства,
Смертный несчастный несчастную. О, для чего я родилась!

482-486 Ты, о супруг мой, в Аидовы домы, в подземные бездны
Сходишь навек и меня к неутешной тоске покидаешь
В доме вдовою; а сын, злополучными нами рожденный,
Бедный и сирый младенец! Увы, ни ему ты не будешь
В жизни отрадою, Гектор, — ты пал! — ни тебе он не будет!

487-489 Ежели он и спасется в погибельной брани ахейской,
Труд беспрерывный его, бесконечное горе в грядущем
Ждут беспокровного: чуждый захватит сиротские нивы.

490-495 С днем сиротства сирота и товарищей детства теряет;
Бродит один с головою пониклой, с заплаканным взором.
В нужде приходит ли он к отцовым друзьям и, просящий,
То одного, то другого смиренно касается ризы, —
Сжалясь, иной сиротливому чару едва наклоняет,
Только уста омочает и нёба в устах не омочит.

496-501 Чаще ж его от трапезы счастливец семейственный гонит,
И толкая рукой, и обидной преследуя речью:
— Прочь ты исчезни! не твой здесь отец пирует с друзьями! —
Плачущий к матери, к бедной вдовице дитя возвратится,
Астианакс мой, который всегда у отца на коленах
Мозгом лишь агнцев питался и туком овец среброрунных;

502-504 Если же сон обнимал, утомленного играми детства,
Сладостно спал он на ложе при лоне кормилицы нежном,
В мягкой постели своей, удовольствием сердца блистая.

505-509 Что же теперь испытает, лишенный родителя, бедный
Астианакс наш, которого так называют трояне,
Ибо один защищал ты врата и троянские стены,
Гектор; а ныне у вражьих судов, далеко от родимых,
Черви тебя пожирают, раздранного псами, нагого!

510-512 Наг ты лежишь! а тебе одеяния сколько в чертогах,
Риз и прекрасных и тонких, сотканных руками троянок!
Все их теперь я, несчастная, в огненный пламень повергну!

513-515 Сделал ты их бесполезными, в них и лежать ты не будешь!
В сонме троян и троянок сожгу их, тебе я во славу!»
Так говорила, рыдая; и с нею стенали троянки.

Une Sacra · издание 1 · unesacra.com · CC BY-NC-SA 4.0

ПЕСНЬ XXIII

✦

1-3 Так сокрушались трояне по граду. В то время ахейцы,
К черным своим кораблям возвратяся, на брег Геллеспонта,
Быстро рассеялись все по широкому ратному стану.

4-6 Но мирмидонцам своим расходиться Пелид не позволил;
Став посредине дружин их воинственных, он говорил им:
«Быстрые конники, верные други мои, мирмидонцы!

7-9 Мы от ярма отрешать не станем коней звуконогих;
Мы на конях, в колесницах, приближимся все и оплачем
Друга Патрокла: почтим подобающей мертвого честью.

10-12 Но, когда мы сердца удовольствуем горестным плачем,
Здесь, отрешивши коней, вечерять неразлучные будем».
Рек — и рыдание начал; и все зарыдали дружины.

13-16 Трижды вкруг тела они долгогривых коней обогнали
С воплем плачевным: Фетида их чувства на плач возбуждала.
Вкруг орошался песок, орошались слезами доспехи
Каждого воина; так был оплакиван вождь их могучий.

17-19 Царь Ахиллес между ними рыдание горькое начал,
Грозные руки на грудь положив бездыханного друга:
«Радуйся, храбрый Патрокл! и в Аидовом радуйся доме!

20-23 Все для тебя совершаю я, что совершить обрекался:
Гектор сюда привлечен и повергнется псам на терзанье;
Окрест костра твоего обезглавлю двенадцать славнейших
Юных троянских сынов, за смерть твою отомщая!»

24-29 Рек, — и на Гектора он недостойное дело замыслил:
Ниц пред Патрокла одром распростер Дарданиона в прахе.
Тою порой мирмидонцы с рамен светозарные брони
Сняли; от ярм отрешили гремящих копытами коней
И, неисчетные, близ корабля Ахиллеса героя
Сели; а он учреждал им блистательный пир похоронный.

30-34 Множество сильных тельцов под ударом железа ревело,
Вкруг поражаемых; множество коз и агнцев блеющих;
Множество туком цветущих закланных свиней белоклыких
Окрест разложено было на ярком огне обжигаться:
Кровь как из чанов лилася вокруг Менетидова тела.

35-37 Но царя Эакида, Пелеева быстрого сына,
К сыну Атрея царю повели воеводы ахеян,
С многим трудом убедив, огорченного гневом за друга.

38-41 Сонму пришедшему к сени Атреева мощного сына,
Царь повелел немедленно вестникам звонкоголосым
Медный треножник поставить к огню, не преклонится ль к просьбе
Царь Ахиллес, чтоб омыться от бранного праха и крови.

42-47 Он отрекался решительно, клятвою он заклинался:
«Нет, Зевесом клянусь, божеством высочайшим, сильнейшим!
Нет, моей головы не коснется сосуд омовений

Прежде, чем друга огню не предам, не насыплю могилы
И власов не обрежу! Другая подобная горесть
Сердца уже не пройдет мне, пока средь живых я скитаюсь!

48-51 Но поспешим и приступим немедля к ужасному пиру.
Ты, владыка мужей, повели, Агамемнон, заутра
Леса к костру навозить и на береге все уготовить,
Что мертвецу подобает, сходящему в мрачные сени.

52-54 Пусть Менетида скорее священное пламя Гефеста
Скроет от взоров моих, и воинство к делу приступит».
Так говорил, — и, внимательно слушав, ему покорились.

55-58 Скоро под сенью Атридовой вечерю им предложили;
Все наслаждались, довольствуя сердце обилием равным;
И, когда питием и пищею глад утолили,
Все разошлись успокоиться, каждый под сень уклонился.

59-61 Только Пелид на брегу неумолкношумящего моря
Тяжко стенящий лежал, окруженный толпой мирмидонян,
Ниц на поляне, где волны лишь мутные бились в берег.

62-64 Там над Пелидом сон, сердечных тревог укротитель,
Сладкий разлился: герой истомил благородные члены,
Гектора быстро гоня пред высокой стеной Илиона.

65-67 Там Ахиллесу явилась душа несчастливца Патрокла,
Призрак, величием с ним и очами прекрасными сходный;
Та ж и одежда, и голос тот самый, сердцу знакомый.

68-70 Стала душа над главой и такие слова говорила:
«Спишь, Ахиллес! неужели меня ты забвению предал?
Не был ко мне равнодушен к живому ты, к мертвому ль будешь?

71-73 О! погреби ты меня, да войду я в обитель Аида!
Души, тени умерших, меня от ворот его гонят
И к теням приобщиться к себе за реку не пускают;

74-76 Тщетно скитаюся я пред широковоротным Аидом.
Дай мне, печальному, руку: вовеки уже пред живущих
Я не приду из Аида, тобою огню приобщенный!

77-79 Больше с тобой, как бывало, вдали от друзей мирмидонских
Сидя, не будем советы советовать: рок ненавистный,
Мне предназначенный с жизнью, меня поглотил невозвратно.

80-82 Рок — и тебе самому, Ахиллес, бессмертным подобный,
Здесь, под высокой стеною троян благородных, погибнуть!
Слово еще я реку, завещанью внимай и исполни.

83-88 Кости мои, Ахиллес, да не будут розно с твоими;
Вместе пусть лягут, как вместе от юности мы возрастали
В ваших чертогах. Младого меня из Опунта Менетий
В дом ваш привел, по причине печального смертоубийства,
В день злополучный, когда, маломысленный, я ненарочно
Амфидамасова сына убил, за лодыги поссорясь.

89-92 В дом свой приняв благосклонно меня, твой отец благородный
Нежно с тобой воспитал и твоим товарищем назвал.
Пусть же и кости наши гробница одна сокрывает,
Урна златая, Фетиды матери дар драгоценный!»

93-96 Быстро к нему простираясь, воскликнул Пелид благородный:
«Ты ли, друг мой любезнейший, мертвый меня посещаешь?
Ты ль полагаешь заветы мне крепкие? Я совершу их,
Радостно все совершу и исполню, как ты завещаешь.

97-99 Но приближься ко мне, хоть на миг обоймемся с любовью
И взаимно с тобой насладимся рыданием горьким!»
Рек, — и жадные руки любимца обнять распростер он;

100-104 Тщетно: душа Менетида, как облако дыма, сквозь землю
С воем ушла. И вскочил Ахиллес, пораженный виденьем,
И руками всплеснул, и печальный так говорил он:
«Боги! так подлинно есть и в Аидовом доме подземном
Дух человека и образ, но он совершенно бесплотный!

105-107 Целую ночь, я видел, душа несчастливца Патрокла
Все надо мною стояла, стенающий, плачущий призрак;
Всё мне заветы твердила, ему совершенно подобясь!»

108-113 Так говорил — и во всех возбудил он желание плакать.
В плаче нашла их Заря, розоперстая вестница утра,
Около тела печального. Царь Агамемнон с зарею
Месков яремных и ратников многих к свезению леса
Выслал из стана ахейского; с ними пошел и почтенный
Муж Мерион, Девкалида героя служитель разумный.

114-116 Взяв топоры древорубные в руки и верви крутые,
Воины к рощам пускаются; мулы идут перед ними,
Часто с крутизн на крутизны, то вкось их, то вдоль переходят.

117-122 К холмам пришедши лесистым обильной потоками Иды,
Все изощренною медью высоковершинные дубы
Дружно рубить начинают; кругом они с треском ужасным
Падают; быстро древа, рассекая на бревна, данаи
К мулам вяжут; и мулы, землю копытами роя,
Рвутся на поле ровное выйти сквозь частый кустарник.

123-126 Все древосеки несли совокупно тяжелые бревна:
Так Мерион повелел, Девкалидов служитель разумный;
Кучей сложили на берег, где Ахиллес указал им,
Где и Патроклу великий курган и себе он назначил.

127-131 Страшную леса громаду сложив на брегу Геллеспонта,
Там аргивяне остались и сели кругом. Ахиллес же
Дал повеленье своим мирмидонянам бранолюбивым
Медью скорей препоясаться всем и коней в колесницы
Впрячь; поднялися они и оружием быстро покрылись;

132-135 Все на свои колесницы взошли, и боец и возница;
Начали шествие, спереди конные, пешие сзади,
Тучей; друзья посредине несли Менетида Патрокла,
Всё посвященными мертвому тело покрыв волосами.

136-139 Голову сзади поддерживал сам Ахиллес благородный,
Горестный: друга он верного в дом провожал Аидеса.
К месту пришедши, которое сам Ахиллес им назначил,
Одр опустили и быстро костер наметали из леса.

140-142 Думу иную тогда Пелейон быстроногий замыслил:
Став при костре, у себя он обрезал русые кудри, —
Волосы, кои Сперхию с младости нежной растил он;

143-148 Очи на темное море возвел и, вздохнувши, воскликнул:
«Сперхий! напрасно отец мой, моляся тебе, обрекался,
Там, когда я возвращусь в любезную землю родную,
Кудри обрезать мои и тебе принести с гекатомбой
И тебе ж посвятить пятьдесят овнов плодородных,
Возле истоков, где роща твоя и алтарь благовонный.

149-151 Так обрекался Пелей, но его ты мольбы не исполнил.
Я никогда не увижу драгого отечества! Пусть же
Храбрый Патрокл унесет Ахиллесовы кудри в могилу!»

152-157 Рек — и, обрезавши волосы, в руки любезному другу
Сам положил, и у всех он исторгнул обильные слезы.
Плачущих их над Патроклом оставило б, верно, и солнце,
Если бы скоро Пелид не простер к Агамемнону слова:
«Царь Агамемнон, твоим повеленьям скорей покорятся
Мужи ахейские: плачем и после насытиться можно.

158-160 Всех отошли от костра и вели, да по стану готовят
Вечерю; мы ж озаботимся делом, которого больше
Требует мертвый. Ахеян вожди да останутся с нами».

161-164 Выслушав речи его, повелитель мужей Агамемнон
Весь немедля народ отпустил к кораблям мореходным.
С ними остались одни погребатели: лес наваливши,
Быстро сложили костер, в ширину и длину стоступенный;

165-169 Сверху костра положили мертвого, скорбные сердцем;
Множество тучных овец и великих волов криворогих,
Подле костра заколов, обрядили; и туком, от всех их
Собранным, тело Патрокла покрыл Ахиллес благодушный
С ног до главы; а кругом разбросал обнаженные туши;

170-172 Там же расставил он с медом и с светлым елеем кувшины,
Все их к одру прислонив; четырех он коней гордовыйных
С страшною силой поверг на костер, глубоко стеная.

173-176 Девять псов у царя, при столе его вскормленных, было;
Двух и из них заколол и на сруб обезглавенных бросил;
Бросил туда ж и двенадцать троянских юношей славных,
Медью убив их: жестокие в сердце дела замышлял он.

177-179 После, костер предоставивши огненной силе железной,
Громко Пелид возопил, именуя любезного друга:
«Радуйся, храбрый Патрокл, и в Аидовом радуйся доме!

180-183 Все для тебя совершаю я, что совершить обрекался:
Пленных двенадцать юношей, Трои сынов знаменитых,
Всех с тобою огонь истребит; но Приамова сына,
Гектора, нет! не огню на пожрание — псам я оставлю!»

184-187 Так угрожал он; но к мертвому Гектору псы не касались:
Их от него удаляла и денно и нощно Киприда;
Зевсова дочь умастила его амброзическим маслом
Роз благовонных, да будет без язв, Ахиллесом влачимый.

188-191 Облако темное бог Аполлон преклонил над героем
С неба до самой земли и пространство, покрытое телом,
Тению все осенил, да от силы палящего солнца
Прежде на нем не иссохнут телесные жилы и члены.

192-195 Но костер между тем не горел под мертвым Патроклом.
Сердцем иное тогда Пелейон быстроногий замыслил:
Став от костра в отдалении, начал молиться он ветрам,
Ветру Борею и Зефиру, жертвы для них обещая.

196-203 Часто кубком златым возливал он вино и молил их
К полю скорей принестися и, пламенем сруб воспаливши,
Тело скорее сожечь. Златокрылая дева Ирида,
Слыша молитвы его, устремилася вестницей к ветрам,
Кои в то время, собравшись у Зефира шумного в доме,
Весело все пировали. Ирида, принесшися быстро,
Стала на каменном праге; и ветры, увидев богиню,
Все торопливо вскочили, и каждый к себе ее кликал.

204-207 С ними сидеть отказалась богиня и так говорила:
«Некогда, ветры; еще полечу я к волнам Океана,
В край эфиопов далекий; они гекатомбы приносят
Жителям неба, и я приношений участницей буду.

208-211 Мощный Борей и Зефир звучащий! вас призывает
Быстрый ногами Пелид, обещая прекрасные жертвы,
Если возжечь поспешите костер Менетида Патрокла,
Где он лежит и об нем сокрушаются все аргивяне».

212-216 Так говоря, от порога взвилася. Воздвиглися ветры,
С шумом ужасным несяся и тучи клубя пред собою.
К понту примчались, неистово дуя, и пенные волны
Встали под звонким дыханием; Трои холмистой достигли,
Все на костер налегли, — и огонь загремел, пожиратель.

217-221 Ветры всю ночь волновали высоко крутящееся пламя,
Шумно дыша на костер; и всю ночь Ахиллес быстроногий,
Черпая кубком двудонным вино из сосуда златого,
Окрест костра возливал и лицо орошал им земное,
Душу еще вызывая бедного друга Патрокла.

222-225 Словно отец сокрушается, кости сжигающий сына,
В гроб женихом нисходящего, к скорби родителей бедных, —
Так сокрушался Пелид, сожигающий кости Патрокла,
Окрест костра пресмыкаясь и сердцем глубоко стеная.

226-228 В час, как утро земле возвестить Светоносец выходит,
И над морем заря расстилается ризой златистой,
Сруб под Патроклом истлел, и багряное пламя потухло.

229-232 Ветры назад устремились, к вертепам своим полетели
Морем Фракийским; и море шумело, высоко бушуя.
Грустный Пелид наконец, от костра уклонясь недалеко,
Лег изнуренный; и сладостный сон посетил Пелейона.

233-236 Тою порой собиралися многие к сыну Атрея;
Топот и шум приходящих нарушили сон его краткий;
Сел Ахиллес, приподнявшись, и так говорил воеводам:
«Царь Агамемнон, и вы, предводители воинств ахейских!

237-240 Время костер угасить; вином оросите багряным
Все пространство, где пламень пылал, и на пепле костерном
Сына Менетия мы соберем драгоценные кости,
Тщательно их отделив от других; распознать же удобно.

241-244 Друг наш лежал на средине костра; но далёко другие
С краю горели, набросаны кучей, и люди и кони.
Кости в фиале златом, двойным покрывши их туком,
В гроб положите, доколе я сам не сойду к Аидесу.

245-248 Гроба над другом моим не хочу я великого видеть,
Так, лишь пристойный курган; но широкий над ним и высокий
Вы сотворите, ахеяне, вы, которые в Трое
После меня при судах мореходных останетесь живы».

249-251 Так говорил; и они покорились герою Пелиду.
Сруб угасили, багряным вином поливая пространство
Всё, где пламень ходил; и обрушился пепел глубокий;

252-254 Слезы лиющие, друга любезного белые кости
В чашу златую собрали и туком двойным обложили;
Чашу под кущу внеся, пеленою тонкой покрыли;

255-259 Кругом означили место могилы и, бросив основы
Около сруба, поспешно насыпали рыхлую землю.
Свежий насыпав курган, разошлися они. Ахиллес же
Там народ удержал и, в обширном кругу посадивши,
Вынес награды подвижникам: светлые блюда, треноги;

260-266 Месков представил, и быстрых коней, и волов крепкочелых,
И красноопоясанных жен, и седое железо.
Первые быстрым возницам богатые бега награды
Он предложил: в рукодельях искусная дева младая,
Медный, ушатый с боков, двадцатидвухмерный треножник
Первому дар; кобылица второму шестигодовая,
Неукрощенная, гордая, в недрах носящая меска;

267-269 Третьему мздою — не бывший в огне умывальник прекрасный,
Новый еще, сребровидный, четыре вмещающий меры;
Мздою четвертому золота два предложил он таланта;

270-272 Пятому новый, не бывший в огне фиал двусторонный.
Стал наконец Ахиллес и так говорил меж ахеян:
«Царь Агамемнон и пышнопоножные мужи ахейцы!

273-275 Быстрых возниц ожидают сии среди круга награды.
Если бы в память другого, ахеяне, вы подвизались,
Я, без сомнения, первые в подвигах взял бы награды.

276-278 Знаете, сколь превосходны мои благородные кони,
Дети породы бессмертной: отцу моему их, Пелею,
Сам Посейдон даровал; а отец мой мне подарил их.

279-282 Но не вступаю я в спор, ни мои звуконогие кони.
О! потеряли они знаменитого их властелина,
Друга, который, бывало, сам их волнистые гривы
Чистой водой омывал и умащивал светлым елеем.

283-286 Ныне они по вознице тоскуют; стоят, разостлавши
Гривы по праху, стоят неподвижно, унылые сердцем.
К играм другие устройтеся, каждый из воев ахейских,
Кто лишь на быстрых коней и свою колесницу надежен».

287-289 Так Ахиллес говорил им, — и быстрые встали возницы:
Первый поднялся Эвмел, повелитель мужей знаменитый,
Сын скиптроносца Адмета, искусством возничества славный.

290-292 После него укротитель коней Диомед нестрашимый;
Тросских коней он подвел под ярмо, у Энея которых
В брани отбил; а Энея тогда Аполлон лишь избавил.

293-299 Третий восстал копьеносный Атрид, Менелай светлокудрый,
Зевсова отрасль; коней под ярем он подвел быстролетных:
Эфу царя Агамемнона с собственным верным Подаргом,
Эфу, которую в дар Эхепол Анхизид Атрейону
Дал, чтоб ему не идти на войну под ветристую Трою,
Но наслаждаться спокойствием дома: богатством от Зевса
Был одарен он великим и жил в Сикионе обширном;

300-308 Эфу сию запрягал он, дрожащую, рвущуюсь к бегу.
Вслед и младой Антилох снарядил коней пышногривых,
Сын знаменитый Нелида, высокого духом владыки,
Нестора старца; пилосские кони его колесницу
Быстрые мчали. Отец приступил и советы благие
Начал советовать, опытный старец разумному сыну:

«Сын Антилох! тебя от юности боги любили,
Зевс и благой Посейдон, и в ристательной хитрости всякой
Сами наставили; много тебя наставлять мне не нужно.

309-312 Мастер ты коней ворочать вкруг мет; но пилосские наши
Кони в бегу тяжелы; опасаюсь, беды б не случилось.
Всех соискателей кони резвее; но сами возницы
Меньше искусны, чем ты, в изобретенье быстром пособий.

313-315 Так не робей; приготовься, любезный: душою искусство
Всё обойми, да из рук не упустишь наград знаменитых.
Плотник тебя превосходит искусством своим, а не силой;

316-318 Кормщик таким же искусством по бурному черному понту
Легкий правит корабль, игралище буйного ветра:
Так и возница искусством одним побеждает возницу.

319-321 Слишком иной положась на свою колесницу и коней,
Гонит, безумец, сюда и туда беспрестанно виляя;
Кони по поприщу носятся, он и сдержать их бессилен.

322-325 Но возница разумный, коней управляя и худших,
Смотрит на цель беспрестанно, вблизи лишь ворочает, знает,
Как от начала ристания конскими править браздами:
Держит их крепко и зорко вперед уходящего смотрит.

326-328 Цель я тебе укажу; просмотреть берегися: ты видишь,
Столп деревянный стоит, от земли, как сажень маховая,
Сосна сухая иль дуб, под дождями не скоро гниющий;

329-332 Справа и слева при цели той врыты два белые камня,
В самой теснине дороги; кругом же ристалище гладко.
То — иль надгробный столп давно погребенного мужа,
Или подобная ж цель у старинных была человеков;

333-342 Столп сей и ныне метою избрал Ахиллес быстроногий.
К оной ты близко примчась, на бегу заворачивай коней;
Сам же, крепко держась в колеснице красивоплетеной,
Влево легко наклонись, а коня, что под правой рукою,
Криком гони и бичом и бразды попусти совершенно,
Левый же конь твой пускай подле самой меты обогнется
Так, чтоб, казалось, поверхность ее колесо очертило
Ступицей жаркою. Но берегись, не ударься о камень:
Можешь коней изувечить или раздробить колесницу,
В радость ристателям всем, а тебе одному в посрамленье!

343-348 Будь, мой сын, рассудителен, будь осторожен, любезный!
Если уже близ меты возьмешь ты перед и погонишь,
Верь — ни один из возниц ни догонит тебя, ни обскачет,
Даже хоть следом бы он на ужасном летел Арейоне,
Бурном Адраста коне, порождении крови бессмертной,
Иль на конях Лаомедона, славных Троады питомцах!»

349-351 Так произнесши, Нелид, знаменитый конник геренский,
Сел на месте, важнейшее все изъяснив Антилоху.
Пятый — герой Мерион снарядил коней пышногривых.

352-354 Все в колесницы взошли и бросили жребии; в шлем их
Принял Пелид и сотряс; и вылетел вдруг Антилоху,
Нестора сыну; второй выпадает Эвмелу владыке;

355-357 Третий Атрееву сыну, царю аргивян Менелаю;
Выпал за ним Мериону вождю; но последнему жребий
Сыну Тидееву храброму гнать колесницы достался.

358-361 Стали порядком; мету им далекую на́ поле чистом
Царь Ахиллес указал; но вперед повелел, да при оной
Старец божественный Феникс, отеческий оруженосец,
Сядет и бег наблюдает, и после им истину скажет.

362-366 Разом возницы на коней бичи занесли для ударов;
Разом браздами хлестнули и голосом крикнули грозным,
Полные рвенья; и разом помчалися по полю кони
Вдаль от судов с быстротою ужасною: пыль из-под стоп их
Стала, взвиваясь на воздух, как туча, как сумрачный вихорь.

367-372 Длинные гривы коней развеваются веяньем ветра;
Их колесницы летящие то до земли прикоснутся,
То высоко, отраженные, взбросятся; гордо возницы
В пышных стоят колесницах; трепещет у каждого сердце,
Жадное славы; каждый коней ободрительным криком
Гонит; и кони летят, по ристалищу пыль подымая.

373-376 Но, когда уже кони в последний конец обратились,
К морю седому, тогда-то ристателя каждого доблесть
Вдруг обнаружилась; конская прыть ускорилась, и быстро
Легкие вымчались вдаль кобылицы Эвмела героя.

377-379 Вслед кобылиц выносились вперед жеребцы Диомеда,
Тросские кони, и, чуть лишь отставшие, мчалися близко,
Так что, казалось, хотят на Эвмела вскочить колесницу;

380-383 Жарким дыханьем широкий хребет нагревали герою
И, на плечах Адметида лежа головами, летели.
Он, Диомед, обскакал бы иль равною б сделал победу,
Если б Тидееву сыну не Феб враждовал раздраженный;

384-386 Феб из руки побеждавшего бич блистательный вышиб.
Слезы из глаз Диомедовых брызнули, слезы от гнева:
Видел он — боле еще уходили вперед кобылицы;

387-390 Кони ж его отставали, ударов бича не бояся.
Но от Афины очей Аполлон не укрылся, вредящий
Сыну Тидея: настигла богиня царя Диомеда,
Бич подала и новую рьяность коням вдохнула;

391-393 К сыну ж Адмета она устремившися, полная гнева,
Конский разбила ярем, и его кобылицы лихие
Бросились дико с дороги, и выпало дышло на землю;

394-397 Сам, с колесницы сорвавшись, чрез обод он грянулся оземь,
До крови локти осаднил, изранил и губы и ноздри,
Сильно разбил над бровями чело; у него от удара
Брызнули слезы из глаз и поднявшийся голос прервался.

398-400 Мимо его Диомед проскакал на конях звуконогих
И далеко впереди заблистал перед всеми: Афина
Крепость вдохнула коням и ему торжество даровала.

401-403 После Тидида скакал Атрейон, Менелай светлокудрый.
Но Антилох настигал и кричал на отеческих коней:
«О, выноситесь вперед, расстилайтеся, кони, быстрее!

404-406 Я не насилую вас быстротой состязаться с конями
Сына Тидеева храброго, коим Паллада богиня
Легкость сама даровала и славой возницу покрыла.

407-409 Нет, лишь коней Менелая догоним, друзья, не отстанем!
Быстро вперед! чтобы вас всенародно стыдом не покрыла
Эфа: она кобылица, а вы, дорогие, отстали!

410-413 Вам говорю я, и слово мое совершится сегодня:
Более неги себе от владыки народов Нелида
Дома не ждите: убьет вас сегодня же острою медью,
Если по лености вашей награду последнюю снищем.

414-416 О, настигайте скорее, как можно скорее скачите!
Я ж постараюся сам и искусно выгадывать буду,
Как обскакать нам на узкой дороге; в обман я не вдамся».

417-421 Так говорил Антилох, — и, страшася угроз властелина,
Кони резвее скакали, но время не долгое: скоро
Тесной дороги ухаб Антилох, бранолюбец, приметил:
Рытвина там пролегала; вода, накопляясь зимою,
Там чрез дорогу прорвалась и место кругом углубила.

422-424 Правил туда Менелай, колесниц опасаяся сшибки.
Но Антилох, своротивши, направил коней звуконогих
Мимо дороги и, близко держась, догонял Менелая.

425-427 Царь Менелай устрашился и к Нестора сыну воскликнул:
«Правишь без разума, Несторов сын! Удержи колесницу!
Видишь, дорога тесна; впереди обгоняй, по широкой;

428-430 Здесь лишь и мне и себе повредишь: колесницы сшибутся!»
Так говорил он; но Несторов сын обскакать горячился;
Коней стрекалом колол, Менелая как будто не слыша.

431-437 Сколько пространства, с плеча повергаемый, диск пробегает,
Брошенный мужем младым, испытующим юную силу, —
Столько вперед ускакал Антилох; кобылицы отстали
Сына Атреева; их запускать и сам перестал он
В страхе, что узкой дорогой бегущие кони столкнутся,
Их колесницы, сшибясь, опрокинутся, и среди поля
Сами слетят на прах, за победой приставшие оба.

438-440 Гневный меж тем Несторида ругал Менелай светлокудрый:
«Нет, Антилох, человека вреднее тебя зломышленьем!
Мчись! недостойно тебя называют разумным ахейцы!

441-443 Средством, однако ж, таким не получишь ты мзды без присяги!»
Так произнес он и громким голосом крикнул на коней:
«Что у меня отстаете и что унываете, кони?

444-447 Прежде пилосских коней истомятся колена и силы,
Нежели ваши: давно их обоих покинула младость!»
Так восклицал, — и они, устрашася угроз властелина,
Прытче пустились бежать и скоро передних догнали.

448-450 Тою порою ахейцы, на площади сидя, смотрели
Коней, которые по полю, пыль подымая, летели.
Первый Идоменей распознал приближавшихся коней;

451-455 Ибо сидел не в кругу, но высоко, на холме подзорном;
Крик на коней колесничника он и далекий услышав,
Мужа узнал и приметил коня в обгоняющей паре,
Сильно отличного: весь багряногнедый, на челе лишь
Признак имел он родимый, как месяц, и светлый и круглый.

456-458 Идоменей приподнялся и так говорил к аргивянам:
«Други любезные, ратей ахейских вожди и владыки!
Я ли один примечаю коней, или видите все вы?

459-461 Чьи-то другие, мне кажется, скачут передними кони?
Кто-то другой и возница? Но те, кобылицы Эвмела,
Чем-то задержаны в поле; а прежде они отличались;

462-464 Первые, видел я сам, кобылицы мету обогнули;
Ныне же видеть нигде не могу их, куда ни бросаю
Вкруг по троянскому полю моих испытательных взоров.

465-468 Верно, из рук Адметида бразды убежали; не мог он
Бега сдержать у меты и коней повернул неудачно:
Там он, быть может, упал, колесница его сокрушилась,
И умчались с дороги его обуялые кони.

469-472 Но подымитесь, друзья, и всмотритесь вы сами: быть может,
Вижу не ясно, но кажется мне, что ристатель передний —
Муж этолийский, воинственный царь ополчений аргосских,
Сын конеборца Тидея, герой Диомед благородный».

473-475 Грубо ему отвечал быстроногий Аякс Оилеев:
«Что наперед, Девкалион, болтаешь ты? Те ж кобылицы
Всех впереди, звуконогие, по полю чистому скачут!

476-479 Ты между нами, ахейцами, вовсе не младший годами!
Очи твоей головы не острее других проницают!
Но и всегда ты лишь праздно болтаешь! Тебе неприлично
Здесь пустословить: и лучше тебя здесь присутствуют мужи!

480-484 Те ж впереди кобылицы, которые были и прежде,
Сына Адметова; сам он и едет и правит браздами».
Вспыхнувши гневом, Аяксу ответствовал Крита властитель:
«Спорщик первейший, Аякс злоречивый! но в прочем последний
Между ахейских мужей: человек необузданно грубый!

485-487 Спорь, и положим в заклад умывальницу или треножник;
Спора свидетелем мы изберем Агамемнона оба:
Кони чьи впереди, ты узнаешь, заклад заплатив мне!»

488-493 Так говорил он, — и быстро поднялся Аякс Оилеев,
Пышущий гневом, готовый ответствовать речью суровой.
И зашла бы далеко меж ними обидная распря,
Если бы сам Ахиллес не восстал, говоря воеводам:
«Идоменей, Оилид, говорить перестаньте в народе
Злые, обидные речи: вас недостойное дело!

494-498 Сами осудите вы и других, начинающих то же.
Сядьте, друзья, и на месте спокойно смотрите на коней;
Скоро и сами они, распаленные жаждой победы,

К нам принесутся; тогда вы без спора узнаете каждый,
Чьи впереди и чьи позади между коней ахейских».

499-501 Он говорил, — как летящий к концу Диомед показался.
Хлещет сплеча он бичом по коням: а дымящиеся кони
Скачут высоко и с скоростью дивной летят по дороге;

502-506 Брызги песка от копыт беспрерывные прыщут в возницу;
Пышная оловом, златом нарядная вкруг колесница
Быстро за бурными конями катится; след за собою
Шины колесные, тяжкие медью, по тонкому праху
Чуть оставляют: с такою горячностью кони летели!

507-511 Стал среди круга ристатель торжественный; с пламенных коней
Пот и от вый и от персей потоками лился на землю.
Быстро на дол Диомед с колесницы сияющей прянул,
Бич к ярму прислонил; и не медлил сподвижник героя,
Сильный Сфенел: прибежал и с веселием взял он награду;

512-515 Но служителям храбрым жену и треножник ушатый
К куще представить велел он, а сам распрягал колесницу.
После Тидида младой Антилох пригнал колесницу,
Хитростью только, не скоростью, взявши перед у Атрида;

516-518 Но Атрид от него не отстал на конях быстроногих;
Близко летел, как от обода конь, в колесницу впряженный
И во весь свой опор по полям властелина несущий;

519-523 Хвост у него медноблещущей шины касается краем;
Так он близко бежит и таким расстоянием малым
Он отделен от колес, по широкому полю бегущий, —

Столько же мало отстал от Нелеева славного внука
Царь Менелай: на вержение диска сперва оставался;

524-527 После он скоро догнал: возрастала в бегу беспрестанно
Крепость и жар кобылицы Атридовой, пламенной Эфы,
Так что, когда бы еще обоих продолжилось ристанье,
Верно б, Атрид обскакал и победы не сделал бы спорной.

528-530 Но Мерион, предводителя критян могучий сподвижник,
Гнал, на полет копия от царя Менелая отставши:
Медленны были его долгогривые критские кони;

531-533 Мало искусен и сам управлять колесницей в ристаньях.
Сын же Адмета явился последним, гоня пред собою
Быстрых коней и прекрасную сзади влача колесницу.

534-536 В жалость пришел, Адметида увидев, Пелид благородный;
Встал, и к ахейским царям устремил он крылатые речи:
«Первый ристатель последним гонит коней звуконогих!

537-539 Но, аргивяне, дадим, как достойно, вторую награду
Сыну Адмета; а первая следует сыну Тидея».
Так говорил, — и одобрили все Ахиллесово слово;

540-545 Отдал бы он кобылицу, с согласия сонма, Эвмелу,
Если б почтенного Нестора сын, Антилох, оскорбленный,
Быстро не встал; справедливо герой возразил Ахиллесу:
«Царь Ахиллес, огорчуся я жестоко, если исполнишь
Слово твое! Награду отнять у меня побужден ты
Тем, что постигла беда колесницу и коней Эвмела?

546-549 И что возница он славный? Почто же богов всемогущих
Он не молил: никогда не пришел бы возницей последним.
Если Эвмела жалеешь и столько тебе он любезен, —
Есть у тебя в кораблях изобильно и злата и меди;

550-552 Есть и рабыни, и овцы, и твердокопытные кони:
Выбрав из них, отличи ты его хоть и большей наградой
После, и даже теперь, чтоб тебя похвалили данаи;

553-556 Сей же из рук я не выдам, — а кто из ахеян желает,
Пусть подойдет и со мной за нее рукопашно сразится!»
Так говорил; улыбнулся божественный внук Эакидов,
Радуясь другом младым: Антилоха любил он, как друга.

557-559 Юноше он отвечая, крылатую речь устремляет:
«Требуешь ты, Антилох, чтоб из собственной сени другую
Дал я награду Эвмелу: охотно и то я исполню.

560-562 Дам ему латы, которые добыл я с Астеропея,
Медные; их оконечность литая струя окружает
Олова светлого; будет сей дар Эвмела достоин».

563-565 Так произнесши, Пелид повелел Автомедону другу
Вынесть из кущи; и тот, устремившися, вынес и отдал
В руки Адметова сына; и он их, радуясь, принял.

566-570 Тут Менелай светлокудрый поднялся, душой огорченный,
Жестоко гневный на сына Нелидова. Вестник Атридов
Скиптр властелину представил, безмолвствовать знак аргивянам
Подал; и стал говорить воинственник, богу подобный:
«Что, Антилох, ты сделал, всегда рассудительным слывший?

571-574 Славу мою помрачил и коней у меня ты расстроил,
Хитростью взявший перед на конях, несравненно слабейших!
Но рассудите, ахеян владыки и мужи совета,
Нас обоих наравне рассудите вы, но без потворства.

575-580 Пусть обо мне ни один меднобронный ахеец не скажет:
— Царь Менелай, Антилоха одной пересиля неправдой,
Юноши мздою, конем завладел: Менелаевы кони
Были слабее, лишь сам он могучее властью и силой. —
Слушайте, други; я сам рассужу, и меня, я надеюсь,
В сонме не будет никто укорять: справедлив приговор мой.

581-585 Несторов сын благородный, приближься сюда и, как должно,
Стань пред своими конями; возьми, как следует, в руки
Бич тот гибкий, с которым сегодня ристал, и бичом ты
Коней касаясь, клянись Посейдаоном, землю держащим,
Что неумышленной хитростью ты мне запнул колесницу».

586-588 Умный младой Антилох отвечал Менелаю Атриду:
«Светлый Атрид, укротися; юноша я пред тобою.
Ты, о царь Менелай, и летами и доблестью выше;

589-595 Ведаешь, как легко в заблуждения младость впадает:
Ум молодой опрометчив, короток рассудок незрелый.
Сердце смягчи, Менелай; а награду мою, кобылицу,
Сам я тебе отдаю; и когда б из моих достояний
Боле чего ты потребовал, с радостью я и теперь же
Выдал бы, нежели мне у тебя, питомец Кронида,
Выйти из сердца навеки и быть пред богами виновным!»

596-600 Рек, — и, подведши коня, младой Несторид благородный
В руки отдал Менелаю герою; и в персях Атрида
Сердце растаяло с радости, словно роса по колосьям
Зреющей нивы, когда цепенеют от зноя долины, —
Так у тебя, Менелай, растаяло с радости сердце.

601-604 К юноше он возгласил, устремляя крылатые речи:
«Ныне я сам, невзирая на гнев мой, тебе уступаю,
Несторов сын! Никогда безрассуден, ниже легкомыслен
Ты не бывал: победила рассудок единая младость.

605-608 После сего, Антилох, опасайся обманывать старших.
Нет, не легко бы меня укротил другой из данаев;
Но довольно терпел и довольно под Троею сделал
Сам ты, и храбрый отец твой, и брат, за меня подвизаясь.

609-611 К просьбе твоей снисхожу и награду мою, кобылицу,
Я уступаю тебе: пускай и другие с тобою
Помнят, что я никогда ни надмен, ни немилостив не был».

612-621 Так произнес — и коня Менелай Антилохову другу
Отдал Ноемону; сам же избрал рукомойник блестящий.
Злато, четвертую мзду, получил Мерион по заслуге,
Коней четвертым пригнавши. Но пятая мзда оставалась,
Круглый фиал двусторонный: его Ахиллес быстроногий,
Сонмом данаев пронесши, Нестору подал, вещая:
«Дар сей тебе, божественный старец! и ты сохрани сей

Памятник грустный Патрокловых похорон: между живыми
Больше его не увидишь! Тебе же награду победы
Так я даю; ни в борьбу ты, Нелид, ни в кулачную битву,

622-624 Верно, не вступишь; ни в меткой стрельбе ты, ни в легкости бега
Спорить не будешь: тебя удручает тяжелая старость».
Рек — и фиал ему подал; и старец приял, веселяся;

625-628 Быстрые речи крылатые он устремил к Ахиллесу:
«Истину, сын, говоришь, и всё ты разумно вещаешь.
Члены мои ослабели; ни ноги, любезный, ни руки
Так на моих раменах, как бывало, не движутся быстро.

629-631 Если бы молод я был! и если бы силой блистал я
Оных годов, как эпейцы в Вупрасе царю Амаринку
Тризны творили, а дети царя предложили награды!

632-634 Там не сравнился со мной ни один человек из эпеян,
Даже из храбрых пилосцев и духом высоких этолян.
Там я кулачною битвой бойца одолел Клитомеда;

635-637 Трудной борьбою борца ниспроверг плевронийца Анкея;
Ног быстротой превзошел знаменитого бегом Ификла;
Дротиком двух победил: Полидора и мужа Филея.

638-640 Только одними конями меня премогли Актириды;
Но числом одолели, завидуя в сей мне победе;
Ибо славнейшая всех за нее оставалась награда;

641-645 Стали вдвоем на меня, и как первый лишь правил конями,
Только лишь правил, другой их, гоня, бичевал без пощады.
Прежде таков я бывал! Но теперь молодым оставляю
Трудные подвиги славы; пора, пора уступить мне
Старости скорбной: в чреду я свою блистал меж героев!

646-649 Но продолжай и друга усопшего играми чествуй.
Дар благодарно приемлю и радуюсь сердцем, что столько
Помнишь меня ты, старца смиренного, что не забыл ты
Честью приличной почтить и его пред народом ахейским.

650-652 Боги тебе за сие воздадут воздаяньем желанным!»
Так произнес, — и Пелид сквозь великие сонмы ахеян
Вновь возвратился, приветствие выслушав Нестора старца.

653-655 Тут предложил он награды кулачного страшного боя:
Выслав пред круг, привязал шестилетнего, сильного меска;
Игом еще не смиренный, жесток для смирения был он.

656-658 Меск — победителю мзда; побежденному — кубок двудонный.
Стал наконец среди сонма и так говорил аргивянам:
«Чада Атрея, и вы, меднолатные мужи ахейцы!

659-662 Ныне подвижников двух призываем, которые сильны,
Руки поднять на кулачную битву. Кому стреловержец
Даст устоять и кого победителем все мы признаем,
Тот к своему кораблю поведет терпеливого меска;

663-665 Кубок же сей двоедонный боец побежденный получит».
Рек он, — и быстро восстал человек и огромный и мощный,
Славный кулачный боец, Панопеева отрасль, Эпеос.

666-669 Меска рукой жиловатой за гриву схватил и кричал он:
«Выступи тот, кто намерен кубок унесть двоедонный.
Меска ж, надеюся я, не отвяжет никто из ахеян,
В битве кулачной победный: горжуся, боец я здесь первый!

670-673 Будет того, что меж вами я воин не лучший, — что делать:
Смертному в каждом деянии быть невозможно отличным.
Что до битвы, объявляю при всех, и исполнено будет:
Плоть до костей прошибу я и кости врагу изломаю.

674-676 Пусть за моим сопротивником все попечители выйдут,
Чтоб из битвы унесть укрощенного силой моею».
Так говорил он, — и все, онемевши, молчанье хранили.

677-680 Богу подобный один Эвриал на него подымался,
Внук скиптроносца Талая, сын Мекистея героя,
Некогда в Фивы ходившего, к играм надгробным Эдипу,
Падшему в оное время, и всех победившего кадмян.

681-684 К битве его снаряжал Диомед, копьеборец могучий,
Дружеской речью бодря и сердечно желая победы:
Бросил он запон ему, и красиво кроенные после
Подал ремни из степного вола, убитого силой.

685-687 Так опоясавшись оба, выходят бойцы на средину.
Разом один на другого могучие руки заносят,
Сшиблись; смешалися быстро подвижников тяжкие руки.

688-691 Стук кулаков раздается по челюстям; пот по их телу
Льется ручьями; как вдруг приподнялся могучий Эпеос,
Резко врага оглянувшегось грянул в лицо, — и не мог он

Больше стоять; подломившися, рухнулись крепкие члены.

692-697 Словно с порывом Бореевым прядает рыба из моря
На берег мшистый и вдруг покрывается мутной волною, —
Так пораженный упал Эвриал. Добродушный Эпеос
За руку поднял его; а усердные други, представши,
С поприща в стан повели, по земле волочащего ноги,
Кровь извергавшего ртом и бросавшего голову набок.

698-703 В омрак он впал; и его меж своими друзья посадивши,
Сами пошли и на поприще подняли кубок двудонный.
Сын же Пелеев немедленно новые, третьи, награды
Выставил сонму, награды борьбы, изнурительной силам:
Мздой победителю вынес огонный треножник, огромный,
Медный, — в двенадцать волов оценили его аргивяне;

704-707 Мздой побежденному он рукодельницу юную вывел,
Пленную деву, — в четыре вола и ее оценили.
Стал наконец перед сонмом и так говорил аргивянам:
«Встаньте, которым угодно и сей еще подвиг изведать!»

708-710 Он произнес, — и немедленно встал Теламонид великий;
Встал и герой Одиссей, вымышлятель хитростей умный.
Чресла свои опоясав, борцы на средину выходят;

711-713 Крепко руками они под бока подхватили друг друга,
Словно стропила, которые в кровле высокого дома
Умный строитель смыкает, в отпору насильственных ветров.

714-718 Сильно хребты захрустели, могучестью стиснутых рук их
Круто влекомые; крупный пот заструился по телу;
Частые полосы вкруг по бокам и хребтам их широким
Вышли багровые; с ревностью в гордых сердцах одинакой
Оба алкали они и победы, и славной награды.

719-724 Долго ни царь Одиссей не смогал опрокинуть Аякса,
Ни Аякс не смогал одолеть Одиссеевой силы.
И когда, уж соскучив, ахеян сыны зароптали,
Вскрикнул к царю Одиссею великий Аякс Теламонид:
«Сын благородный Лаэртов, герой Одиссей многоумный,
Ты подымай, или я подыму; а решит Олимпиец!»

725-728 Так произнес и поднял; Одиссей не забыл ухищренья:
Вдруг в подколенок ударил пятой и подшиб ему ноги,
Навзничь его опрокинул; но сам он Аяксу на перси
Пал. Удивился народ, изумились все аргивяне.

729-731 После пытал и Аякса поднять Одиссей терпеливый;
Вновь обхватил и лишь несколько сдвинул с земли, но не поднял:
Ноги его подогнулись, и на землю рухнулись оба;

732-735 Пали один близ другого и прахом покрылися темным.
Встали, и в третий бы раз устремились подвижники спорить,
Если бы сам Ахиллес не воздвигнулся; он удержал их:
«Кончите вашу борьбу и трудом не томитесь жестоким.

736-739 Ваша победа равна; и, награды вы равные взявши,
С поля сойдите: пускай и другие в подвиги вступят».
Рек, — и, почтительно выслушав, оба они покорились:

С поля сошли и, от праха очистясь, надели хитоны.

740-743 Сын же Пелеев другие за бег предлагает награды:
Первая — сребряный, пышный сосуд, шестимерная чаша,
Чудной своей красотой помрачавшая в целой вселенной
Славные чаши, сидонян искусных изящное дело.

744-747 Мужи ее финикийцы, по мглистому плавая понту,
В Лемнос продать привезли, но как дар предложили Фоасу;
Царь же Эвней Язонид, выкупая Приамова сына,
Падшего в плен Ликаона, отдал Менетиду Патроклу.

748-750 Царь Ахиллес и ту чашу выставил, чествуя друга,
Мздою тому, что быстрейшим окажется в беге ногами;
Мздою второму — тельца откормленного, тяжкого туком;

751-753 Но последнему золота он полталанта назначил.
Стал наконец среди сонма и так говорил аргивянам:
«Встаньте, которым угодно и сей еще подвиг изведать!»

754-756 Рек, — и немедленно встал Оилеев Аякс быстроногий;
Встал Одиссей многоумный, и Несторов сын знаменитый
Встал Антилох: побеждал он юношей всех быстротою.

757-766 Стали порядком; Пелид указал им далекую мету.
Бег их сперва от черты начинался; и первый всех дальше
Быстрый умчался Аякс; но за ним Одиссей знаменитый
Близко бежал, как у женщины ткущей с пряжею ходит
Цевка у персей, которую ловко руками бросает,
Нить за уток пропуская, и близко пред персями держит, —
Так Одиссей за Аяксом близко бежал; беспрестанно

Следом в следы ударял он, прежде чем прах с них ссыпался,
И дыханье свое изливал на главу Оилида,
Быстро и ровно бежа; восклицали кругом аргивяне,

767-770 Жажду его победить в ревновавшем еще умножая.
Но когда приближались к концу уже бега, взмолился
В сердце герой Одиссей светлоокий Палладе богине:
«Дочь Эгиоха, услышь! убыстри, милосердая, ноги!»

771-776 Так он, молясь, произнес, — и услышала дочь Эгиоха;
Члены ему сотворила легкими, ноги и руки.
И уже добегали, чтоб только им прянуть к награде, —
Вдруг на бегу поскользнулся Аякс: повредила Афина —
В влажный ступил он помет, из волов убиенных разлитый,
Коих Патроклу в честь закалал Пелейон благородный;

777-779 Тельчим пометом наполнились ноздри и рот у Аякса.
Чашу, награду свою, подхватил Одиссей терпеливый,
Первый примчась; а вола захватил Оилид знаменитый;

780-782 Стал и, рукою держася за роги вола полевого,
Он выплевывал кал и так говорил аргивянам:
«Дочь громовержца, друзья, повредила мне ноги, Афина!

783-785 Вечно, как матерь, она Одиссею на помощь приходит!»
Так произнес он, — и смех по собранью веселый раздался.
Несторов сын получил последнюю бега награду;

786-788 Взял и к ахейским мужам, улыбаяся, так говорил он:
«Знающим всем говорю вам, друзья, что всегда, как и ныне,
Боги бессмертные чествуют смертных, старейших летами.

789-792 Сын Оилеев меня годами немногими старше;
Сей же из прежнего рода, от прежнего племени отрасль;
Но зелена, говорят, Одиссеева старость; и трудно
В беге с ним спорить ахейским героям, кроме Ахиллеса».

793-796 Так говорил, прославляя Пелеева быстрого сына.
Но Ахиллес немедленно сам отвечал Антилоху:
«Друг Антилох! твоя похвала не бесплодною будет:
Злата к награде твоей полталанта еще прибавляю».

797-800 Так произнес — и вручил; и юноша, радуясь, принял.
Тут Ахиллес быстроногий, копье длиннотенное взявши,
Вынес на поприще, вынес и щит, и шелом светозарный,
Весь Сарпедонов доспех, с пораженного взятый Патроклом.

801-804 Стал наконец перед сонмом и так говорил аргивянам:
«Ныне подвижников двух вызываем, отлично могучих,
В бранный облекшись доспех, ополчившись пронзительной медью,
Выйти один на один и измерить их мощь пред народом.

805-808 Кто у другого скорее пронзит благородное тело
И сквозь доспехи коснется и членов и крови багряной,
Тот победитель, — тому подарю я сей нож среброгвоздный,
Славный, фракийский, который похитил я с Астеропея;

809-811 Что до оружий, подвижники оба их вместе получат;
Вместе под сенью моей и блистательный пир им устрою».
Так говорил, — и поднялся великий Аякс Теламонид;

812-814 Быстро по нем и Тидид восстал, Диомед нестрашимый.
Скоро, в концах отдаленных народной толпы ополчася,
Оба они на средину выходят, пылая сразиться;

815-817 Грозно друг на друга смотрят; страх обымает ахеян.
Быстро сошедшись, они, устремленные друг против друга,
Трижды бросались и врукопашь трижды оружием сшиблись.

818-821 Сын Теламонов копье сопротивнику в щит круговидный
Вбил, но тела не тронул: оно защищалося броней.
Сын же Тидеев поверх семикожного круга щитного
Вые Аякса грозил беспрестанно сверкающим жалом.

822-825 Все, трепеща за Аякса, вскричали ахейские мужи,
Бой прекратить и равные взять им велели награды.
Но Ахиллес Диомеда ножом наградил среброгвоздным,
Вместе с ножнами его и с ремнем красиво кроенным.

826-829 Тут Ахиллес предложил им круг самородный железа;
Прежде метала его Этионова крепкая сила;
Но когда Этиона убил Ахиллес градоборец,
Круг на своих кораблях он с другими корыстями вывез.

830-835 Стал наконец он пред сонмом и так говорил аргивянам:
«Встаньте, которым угодно и сей еще подвиг изведать!
Сколько бы кто ни имел и далеких полей и широких, —
На пять круглых годов и тому на потребы достанет
Глыбы такой; у него никогда оскуделый в железе
В град не пойдет ни оратай, ни пастырь, но дома добудет».

836-838 Так говорил он, — и встал Полипет, бранодышащий воин;
Встала и грозная мощь Леонтея, подобного богу;
Встал и Аякс Теламонид, и сильный Эпеос огромный.

839-841 Стали порядком; и первый тот круг подымает Эпеос;
Долго махал он и бросил; и хохот раздался по сонму.
После поверг Леонтей, благородная отрасль Арея;

842-847 Третий, сын Теламонов, схвативши железную тягость,
Бросил могучей рукой, и за знаки он всех перекинул.
Но, когда тот круг подхватил Полипет брановоносный,
Так далеко, как пастух свой закривленный посох бросает,
Он же вертится кругом и летит через тельчее стадо, —
Так далеко перекинул за круг он; вскричали данаи.

848-851 Быстро толпой набежавши, друзья Полипета героя
Радостно к черным судам понесли награду владыки.
Сын же Пелеев для лучников темное вынес железо:
Десять секир двуострых и десять простых им наградой.

852-856 Выставил целью стрельбы — корабля черноносого мачту
В дальнем конце, на песке; а на самой вершине голубку
За ногу тонким снуром привязал; и по птице велел он
Метить стрелкам: «Который уметит по робкой голубке,
Все топоры двуострые в сень понесет победитель;

857-859 Кто же улучит по снуру одному, не уметивши птицы,
Тот, как стрелок побежденный, секиры простые получит».
Так говорил, — и восстало могущество Тевкра владыки;

860-864 Встал и герой Мерион, повелителя критян сподвижник.
Бросили жребии в медный шелом, сотрясли их, и Тевкру
Вылетел первому жребий стрелять; и немедля стрелу он
С страшною силой послал, но не сделал обета владыке
Фебу в жертву принесть первородных овнов гекатомбу.

865-869 В птицу герой не попал: воспрепятствовал Феб раздраженный;
В снур близ ноги он уметил, которым привязана птица:
Привязь у самой ноги пересекла стрела; встрепенулась,
К небу взвилась голубица свободная; привязь по ветру
На землю вся опустилася; громко вскричали данаи.

870-873 Быстро тогда Мерион у печального Тевкра из длани
Выхватил лук, а стрелу наготове держал, чтоб направить;
В сердце обет сотворил метателю стрел Аполлону
Первенцев агнцев ему в благодарность принесть гекатомбу;

874-881 И, высоко под облаком робкую птицу завидев,
Быстро кружащуюсь, в бок под крыло угодил он стрелою:
Вверх сквозь крыло пролетела стрела и, обратно на землю
Пав, пред ногой Мериона вонзилася в дол; а голубка,
С выси лазурной на мачту спустясь черноносого судна,
Выю к груди преклонила, густые развесила крылья,
Быстро из персей дух испустила и с мачты далеко
Пала на прах; удивился народ и кругом изумлялся.

882-888 Все топоры двуострые взял Мерион победитель;
Тевкр, побежденный, простые понес к кораблям мореходным.
Сын же Пелеев огромный дрот и сосуд рукомойный,

Чистый, в огне не бывалый, ценою в вола, расцвеченный,
Вынес пред сонм; и восстали могучие два копьеборца:
Первый пространнодержавный восстал Атрейон Агамемнон,
После герой Мерион, предводителя критян сподвижник;

889-891 Но, между храбрыми став, говорил Ахиллес благородный:
«Царь Агамемнон, мы ведаем, сколько ты всех превосходишь,
Сколько и мощью твоей и метанием копий отличен.

892-894 Но прими ты награду и с нею, Атрид, возвратися
К быстрым судам; а копье отдадим Мериону герою,
Если твоей то приятно душе; но так бы я думал».

895-897 Рек, — и ему не противился сын скиптроносный Атрея.
Дрот Ахиллес Мериону вручил; а герой Агамемнон
В руки Талфибия вестника пышную отдал награду.

Une Sacra · издание 1 · unesacra.com · CC BY-NC-SA 4.0

ПЕСНЬ XXIV

✦

1-6 Сонм распущён; и народ по своим кораблям быстролетным
Весь рассеялся; каждый спешил укрепиться под сенью
Пищей вечерней и сладостным сном. Но Пелид неутешный
Плакал, о друге еще вспоминая; к нему не касался
Все усмиряющий сон; по одру беспокойно метаясь,
Он вспоминал Менетидово мужество, дух возвышенный;

7-9 Сколько они подвизались, какие труды подымали,
Боев с мужами ища и свирепость морей искушая;
Все вспоминая в душе, проливал он горячие слезы.

10-13 То на хребет он ложился, то на бок, то ниц обратяся,
К ложу лицом припадал; напоследок бросивши ложе,
Берегом моря бродил он, тоскующий. Там и Денницу
Встретил Пелид, озарившую пурпуром берег и море.

14-21 Быстро тогда он запряг в колесницу коней быстроногих;
Гектора, чтобы влачить, привязал позади колесницы;
Трижды его обволок вкруг могилы любезного друга,
И наконец успокоился в куще; а Гектора бросил,
Ниц распростерши во прахе. Но Феб от него, покровитель,
Феб и от мертвого вред отклонял; о герое и мертвом
Бог милосердовал: тело его золотым он эгидом
Все покрывал, да не будет истерзан, Пелидом влачимый.

22-24 Так над божественным Гектором в гневе своем он ругался.
Жалость объяла бессмертных, на оное с неба взиравших;
Тело похитить зоркого Гермеса все убеждали;

25-29 Всем то казалось угодным; но только не Гере богине,
Ни Посейдону царю, ни блистательноокой Афине;
Им, как и прежде, была ненавистною Троя святая,
Старец Приам и народ, за вину Приамида Париса:
Он богинь оскорбил, приходивших в дом его сельский;

30-34 Честь он воздал одарившей его сладострастием вредным.
Вестница утра, в двенадцатый раз восходила Денница;
И средь сонма богов провещал Аполлон сребролукий:
«Боги жестокие, неблагодарные! Гектор не вам ли
Недра тельцов и овнов сожигал в благовонные жертвы?

35-38 Вы ж не хотите и мертвое тело героя избавить;
Видеть его не даете супруге, матери, сыну,
Старцу отцу и гражданам, которые славного мужа
Предали б скоро огню и последнею честью почтили!

39-41 Вы Ахиллесу губителю быть благосклонны решились,
Мужу, который из мыслей изгнал справедливость, из сердца
Всякую жалость отверг и, как лев, о свирепствах лишь мыслит.

42-45 Лев, и душой дерзновенной, и дикою силой стремимый,
Только и рыщет, чтоб стадо найти и добычу похитить, —
Так сей Пелид погубил всю жалость, и стыд потерял он,
Стыд, для сынов человеческих столько полезный и вредный.

46-49 Смертный иной и более милого сердцу теряет,
Брата единоутробного или цветущего сына;
Плачет о трате своей и печаль наконец утоляет:
Дух терпеливый Судьбы даровали сынам человеков.

50-52 Он же, богу подобного Гектора жизни лишивши,
Мертвого вяжет к коням и у гроба любезного друга
В прахе волочит! Не славное он и не лучшее выбрал!

53-57 Разве что нашу он месть на себя, и могучий, воздвигнет:
Землю, землю немую неистовый муж оскорбляет!»
Гневом пылая, ему отвечала державная Гера:
«Слово твое совершилось бы, луком серебряным гордый,
Если б равно Ахиллеса и Гектора сами вы чтили!

58-61 Гектор — сын человека, сосцами жены он воспитан;
Но Ахиллес — благородная отрасль: богиню Фетиду
Я возлелеяла, я возрастила и милой супругой
Мужу вручила Пелею, любезному всем нам, бессмертным.

62-65 Все вы, бессмертные, были на браке; и ты ликовал там
С лирой в руках, нечестивых наперсник, всегда вероломный!»
Ей обратился ответствовать тучегонитель Кронион:
«Гера супруга! Не гневайся вовсе на жителей неба.

66-68 Честь брaноносцам не равная будет; однако и Гектор
Между сынов Илиона любезнейший был олимпийцам,
Так же и мне! Никогда не небрег он о жертвах приятных;

69-73 Жертвенник мой никогда не скудел в приношеньях обильных
Туков, вин, благовоний: сия бо нам честь подобает.
Но похищенье оставим; возможности нет от Пелида
Гектора славного тайно похитить: к Пелееву сыну
Матерь Фетида приходит и ночью и днем непрестанно.

74-76 Лучше Фетиду ко мне призови кто-нибудь из бессмертных;
Мудрое слово богине реку, да Пелид быстроногий
Выкуп возьмет от Приама и Гектора тело отпустит».

77-79 Рек, — и как вихрь устремилась Ирида крылатая с вестью;
Между священного Сама и грозноутесного Имбра
Бросилась в черный понт; и под ней застонала пучина;

80-82 Быстро в пучину Ирида, подобно свинцу, погрузилась,
Ежели он, прикрепленный под рогом вола степового,
Мчится, коварный, рыбам прожорливым гибель несущий.

83-86 Там в пещере глубокой находит Фетиду и с нею
Многих богинь Океана. Она посреди их сидела,
Плача об участи храброго сына, которому должно
В Трое холмистой погибнуть, далеко от милой отчизны.

87-91 Став пред Фетидой, вещала посланница Зевса: «Фетида!
Зевс призывает тебя, непреложных советов строитель».
Ей отвечая, рекла среброногая дочерь Нерея:
«Что заповедует мне повелитель бессмертных? Стыжуся
Светлым являться богам, угнетенная мрачной печалью!

92-94 Но повинуюсь; и тщетен не будет глагол, им реченный».
Так говоря, облеклася Фетида одеждой печали,
Черным покровом, чернейшим из всех у нее одеяний.

95-97 Так устремилась; пред нею подобная ветрам Ирида
Быстро пошла; расступалися окрест их волны морские.
На берег вышед, богини к высокому бросились небу.

98-100 Там обрели громовержца Кронида; пред ним воссидели
Все, на совет собравшись, блаженные вечные боги.
Села Фетида близ Зевса отца: уступила Афина;

101-104 Гера же чашу златую, прекрасную, подала в руки
И утешала словами. Фетида, испив, возвратила.
Слово меж оными начал отец и бессмертных и смертных:
«Ты на Олимп, Фетида, пришла, и печальная сердцем;

105-108 Знаю, скорбь неутешную в персях ты носишь, богиня;
Но возвещу, для чего на Олимп я тебя призываю.
Девять дней, как меж нами, бессмертными, распря восстала:
Гектор герой и Пелид градоборец богов разделяют.

109-111 Тело похитить склоняют бессмертные Гермеса бога;
Я же, напротив, ту славу хочу даровать Ахиллесу,
Нежность к тебе и почтение в сердце навек сохраняя.

112-115 Шествуй к ахейскому стану и сыну, богиня, поведай:
Все божества на него негодуют; но я от бессмертных
Более всех огорчаюсь, что он в исступлении гнева
Гектора возле судов, не приемлющий выкупа, держит.

116-119 Если страшится меня, да немедля отпустит он тело.
Я ж посылаю Ириду к Приаму царю с повеленьем
В стан мирмидонский идти к искуплению милого сына,
Несть и дары Ахиллесу, приятные сердцу героя».

120-124 Так произнес, — и ему покорилась Фетида богиня;
Быстро помчалась, с вершины Олимпа высокого бросясь.
Скоро достигла Пелидова стана; и в куще находит
Сына, печально стенящего; многие в куще героя
Окрест его суетились друзья и готовили завтрак;

125-129 Ими закланный лежал на помосте овен густорунный.
Подле печального сына воссела почтенная матерь;
Тихо ласкала рукой, вопрошала и так говорила:
«Милое чадо, почто ты себе, и стеня и тоскуя,
Сердце крушишь; не помыслишь о пище, ниже о покое?

130-132 Но приятно с женой опочить и любви насладиться.
Жить же недолго тебе; пред тобою, любезнейший сын мой,
Близко стоит неизбежная Смерть и суровая Участь.

133-136 Выслушай слово; его я тебе возвещаю от Зевса:
Боги, он рек, на тебя прогневляются; он же, владыка,
Более всех негодует, что ты в исступлении гнева
Гектора возле судов, не приемлющий выкупа, держишь.

137-140 Выдай его, Ахиллес, и за тело прими искупленье».
Ей отвечая, вещал быстроногий Пелид знаменитый:
«Пусть предстает предлагающий выкуп, — и тело получит,
Если решительно так заповедует мне Олимпийский».

141-144 Тою порою, как матерь и сын у судов мирмидонских
Многие между собою вещали крылатые речи,
Зевс посылал Ириду к Приамовой Трое священной:
«Шествуй, Ирида крылатая, холмы оставив Олимпа;

145-147 Весть в Илионе святом возвести Дарданиду Приаму:
Пусть к искуплению сына идет к кораблям он ахейским,
Пусть и дары он несет, чтоб смягчить Ахиллесово сердце.

148-151 Но да единый, никем не сопутствуем, шествует старец;
Токмо глашатай старейший да будет при нем, чтобы править
Месками в быстром возу и вспять из ахейского стана
Мертвого ввезть в Илион, убиенного сильным Пелидом.

152-154 Помысл о смерти и страх да не взыдет на сердце Приаму:
Старцу такого пошлем мы сопутника, Гермеса бога;
Он поведет и проводит, пока не представит к Пелиду;

155-157 И, когда приведет он Приама пред очи героя,
Рук на него не подымет Пелид, ни других не допустит:
Он ни безумен, ни нагл, ни обыкший к грехам нечестивец;

158-160 Он завсегда милосердо молящего милует мужа».
Рек, — и с небес устремилась подобная вихрям Ирида;
К дому Приама сошла; и нашла там вопль и рыданье.

161-163 Окрест отца все сыны, на дворе пред хоромами сидя,
Токами слез обливали одежды; в средине их старец,
Ризой покрытый, лежал, обвивающей все его тело;

164-168 Выю и голову персть покрывала державного старца,
Коею сам он себя, пресмыкаяся в прахе, осыпал.
Дщери его и невестки, в домах своих сидя, рыдали,
Тех поминая и многих и сильных защитников царства,
Кои уже под руками ахейскими предали души.

169-171 Быстрая вестница Зевса, приближася тихо к Приаму,
Голосом тихим (но трепет объял Дарданидовы члены)
Так говорила: «Дерзай, Дарданид, и меня не страшися!

172-174 Я для тебя не зловещая ныне схожу от Олимпа,
Нет, но душой доброхотная вестница Зевса тебе я:
Он о тебе, и далекий, душою болит и печется.

175-177 Выкупить Гектора тело тебе он велит, Олимпиец.
Шествуй, неси и дары, чтоб смягчить Ахиллесово сердце;
Но да никто из троян не сопутствует, шествуй один ты;

178-180 Токмо глашатай старейший да будет с тобой, чтобы править
Месками в быстром возу и вспять из ахейского стана
Мертвого ввезть в Илион, убиенного сильным Пелидом.

181-183 Мысль же о смерти, ни страх тебе да не взыдет на сердце:
Спутник такой за тобою последует, Гермес бессмертный;
Гермес пойдет и проводит, пока не приближит к Пелиду;

184-186 И, когда он тебя представит пред очи героя,
Рук на тебя не подымет Пелид, ни других не допустит:
Он ни безумен, ни нагл, ни обыкший к грехам нечестивец;

187-190 Он завсегда милосердо молящего милует мужа».
Так говоря, отлетела подобная вихрям Ирида.
Старец Приам повелел, чтоб немедля сыны снарядили
Муловый воз быстрокатный и короб к нему привязали.

191-194 Сам же поспешно взошел в почивальню, терем душистый,
Кедровый, с кровлей высокой, где много хранилось сокровищ;
Призвал туда и Гекубу супругу и так говорил ей:
«Бедная! мне олимпийская вестница Зевса явилась;

195-197 Выкупить сына велела идти к кораблям мирмидонским;
Несть и дары Ахиллесу, которые б сердце смягчили.
Молви, супруга любезная, что ты о сем помышляешь?

198-202 Сильно меня самого побуждает и сердце и дума
Ныне ж идти к кораблям и великому стану ахеян».
Так говорил; зарыдала жена и ему отвечала:
«Горе! погиб ли твой разум, которым в минувшее время
Славился ты и у чуждых народов, и в собственном царстве?

203-205 Хочешь один ты, старец, идти к кораблям мирмидонским?
Мужу предстать перед очи, который и многих и сильных
Наших сынов умертвил? У тебя не железное ль сердце?

206-214 В руки едва залучит, пред очами тебя лишь увидит
Сей кровопийца, неверный сей муж, милосерд он не будет;
Он не уважит тебя! В отдалении лучше поплачем,
В храмине сидя; такую, знать, долю суровая Парка
Выпряла нашему сыну, как я несчастливца родила, —
Долю, чтоб псов он насытил, вдали от родных, пред очами

Лютого мужа, которого внутренность, если б могла я,
Впившись в грудь, пожирать, отомстила б за то, что он сделал
С сыном моим! Не как ратник бесчестный, мой Гектор убит им;

215-219 Он за отечество, он за мужей и за жен илионских
Бился, герой, ни о страхе в бою, ни о бегстве не мысля!»
Снова Гекубе ответствовал старец Приам боговидный:
«Воле моей не противься, Гекуба, и в собственном доме
Птицей зловещей не будь: отвратить меня не успеешь.

220-222 Если бы дело такое внушал мне какой-либо смертный
Жрец, иль пророк илионский, или фимиамогадатель,
Ложью почли бы мы то и с презрением, верно б, отвергли.

223-227 Слышал богиню я сам, пред собою бессмертную видел;
В стан я иду, и не тщетно мне будет вещание бога.
Если ж назначил мне рок умереть пред судами ахеян, —
Рад! и пускай он меня, душегубец, зарежет, как скоро,
Милого сына обнявши, рыданием сердце насыщу!»

228-231 Так произнес — и, поднявши красивые крыши ковчегов,
Вынул из них Дарданион двенадцать покровов прекрасных,
Хлен двенадцать простых и столько ж ковров драгоценных,
Верхних плащей превосходных и тонких хитонов исподних;

232-240 Злата, весами отвесивши, выложил десять талантов;
Вынул четыре блюда и два светозарных тренога;
Вынул и пышный сосуд, ему, как посланнику, древний
Дар фракиян, драгоценность великая! даже и оной
Старец щадить не хотел: столь сильно пылал он душою

Выкупить милого сына. Но всех он троян приходивших
Гневный гонял от крыльца, и грозя и поносно ругая:
«Прочь, проклятое племя презренное! Разве и дома
Мало печали у вас, что меня огорчать вы идете?

241-246 Или вам радость, что старца Кронид поражает бедою,
Гибелью сына храбрейшего? Скоро вы цену сей траты
Сами узнаете; легче стократ, как не стало героя,
Будете сами избиты ахеями! Я же, о боги,
Прежде, нежели град разоренный и в прах обращенный —
Трою святую — увижу, да скроюсь в обитель Аида!»

247-251 Так говоря, прогонял их жезлом; от грозящего старца
Все удалилися. Он же вскричал, сыновей порицая,
Клита, Гелена, Париса, питомца богов Агафона,
Паммона, Гиппофоя, Дейфоба вождя, Антифона,
Храброго сына Полита и славного мужеством Дия;

252-254 Грозно на сих сыновей и кричал и приказывал старец:
«Живо, негодные дети, бесстыдники! Лучше бы всем вам
Вместо единого Гектора пасть пред судами ахеян!

255-258 О, злополучный я смертный! имел я в Трое обширной
Храбрых сынов, и от них ни единого мне не осталось!
Нет боговидного Местора, нет конеборца Троила,
Нет и тебя, мой Гектор, тебя, между смертными бога!

259-262 Так, не смертного мужа казался он сыном, но бога!
Храбрых Арей истребил, а бесстыдники эти остались,
Эти лжецы, плясуны, знаменитые лишь в хороводах,

Эти презренные хищники коз и агнцев народных!

263-267 Долго ли будете вы снаряжать колесницу и в короб
Скоро ли вложите всё, чтобы мог я немедленно ехать?»
Так говорил, — и сыны, устрашася угрозы отцовой,
Бросились быстро и вывезли муловый воз легкокатный,
Новый, красивый; и короб глубокий на нем привязали;

268-272 Сняли с гвоздя блестящий ярем, приспособленный к мулам,
Буковый, с бляхою сверху и с кольцами, слаженный хитро;
Привязь яремную вместе с ярмом девятилоктевую
Вынесли, ловко ярмо положили на гладкое дышло
В самом конце и на крюк поперечный кольцо наложили;

273-278 Трижды бляху ярма обмотали кругом; напоследок
Прочее все обвязали, концы же узла подогнули.
После, нося из покоев, на муловый воз легкокатный,
Весь уложили за голову Гектора выкуп бесценный,
Мулов в него запрягли возовозных, дебелокопытных,
Некогда в дар подведенных владыке Приаму от мизов.

279-282 Но к колеснице Приамовой вывели коней, которых
Сам он с отменной заботой лелеял у тесаных яслей;
Их в колесницу впрягали пред домом высоковершинным
Вестник и царь, обращая в уме их мудрые думы.

283-285 Тою порою приходит Гекуба, печальная сердцем;
В правой руке царица вина, веселящего сердце,
Кубок несла золотой, чтоб супруг, не возлив, не уехал;

286-289 Стала она пред конями и так говорила Приаму:
«Зевсу возлей, мой супруг, и молись, чтобы дал всемогущий
В дом от врагов возвратиться, когда уже смелое сердце
Старца тебя, против воли моей, к кораблям устремляет.

290-293 Так, помолися, Приам, чернотучному Кронову сыну,
Богу, который от Иды на всю призирает Троаду.
Птицы проси, быстрокрылого вестника, мощью своею
Первой из птиц и любезнейшей всех самому громовержцу;

294-298 С правой страны чтоб слетела, и сам бы ее ты увидя,
С верой в нее отошел к кораблям быстроконных данаев.
Если ж тебе не пошлет своего посла громовержец,
Буду тебя, мой супруг, убеждать и советом и просьбой
В стан не ходить к мирмидонянам, как ты ни твердо решился».

299-301 Ей немедля ответствовал старец Приам боговидный:
«Я твоего не отрину совета разумного: благо
Длани к владыке богов воздевать, да помилует нас он».

302-304 Рек, — и прислужнице ключнице дал повеление старец
На руки чистой воды возлиять; и прислужница быстро
С блюдом в руках и с кувшином воды пред владыку предстала.

305-308 Старец, руки омывши, кубок принял от супруги,
Стал посредине двора и молился, вино возливая,
На небо взор возводя; и, возвысивши голос, воскликнул:
«Зевс, наш отец, обладающий с Иды, славнейший, сильнейший!

309-311 Дай мне прийти к Ахиллесу угодным и жалостным сердцу;
Птицу пошли, быстролетного вестника, мощью своею
Первую в птицах, любимую более всех и тобою;

312-314 С правой страны ниспошли; да сходящую сам я увидя,
С верой в нее отойду к кораблям конеборных данаев!»
Так умолял, — и услышал его промыслитель Кронион;

315-321 Быстро орла ниспослал, между вещих вернейшую птицу,
Темного, коего смертные черным ловцом называют.
Словно огромная дверь почивальни высоковершинной
В доме богатого мужа, замком утвержденная крепким, —
Крылья орла таковы распростерлись, когда он явился,
Вправе над Троею быстро парящий. Они лишь узрели,
В радость пришли, расцвело упованием каждого сердце.

322-328 С живостью старец взошел в колесницу свою и немедля
Коней погнал от преддверья и гулких навесов крылечных.
Мески пошли впереди под повозкой четыреколесной
(Ими Идей управлял, благомысленный вестник); а сзади
Борзые кони, которых бичом Дарданид престарелый
Гнал через город; его провожали все близкие сердцу,
Плача по нем неутешно, как будто на смерть отходящем.

329-332 Скоро, из замка спустяся, они очутилися в поле;
Все провожавшие их возвратились печальные в Трою,
Дети и сродники. Сами ж они не сокрылись от Зевса:
В поле увидел он их и исполнился милости к старцу;

333-335 И к любезному сыну, к Гермесу, так возгласил он:
«Сын мой, Гермес! Тебе от богов наипаче приятно
В дружбу вступать с человеком; ты внемлешь, кому пожелаешь.

336-338 Шествуй и Трои царя к кораблям быстролетным ахеян
Так проводи, да никто не узрит и никто не узнает
Старца в ахейских дружинах, доколе к Пелиду не придет».

339-342 Так произнес, — и ему повинуется Гермес посланник:
Под ноги вяжет прекрасную обувь, плесницы златые,
Вечные; бога они и над влажною носят водою,
И над землей беспредельною, быстро, с дыханием ветра;

343-345 Жезл берет он, которым у смертных, по воле всесильной,
Сном смыкает он очи или отверзает у спящих;
Жезл сей прияв, устремляется аргоубийца могучий.

346-348 Скоро он к граду троян и к зыбям Геллеспонта принесся;
Полем пошел, благородному юноше видом подобный,
Первой брадой опушенному, коего младость прелестна.

349-351 Путники вскоре, проехав великую Ила могилу,
Коней и месков своих удержали, чтобы напоить их
В светлой реке; тогда уже сумрак спускался на землю.

352-355 Тут, оглянувшися, Гермеса вестник Идей прозорливый
Близко увидел, и так возгласил к Дарданиду владыке:
«Взглянь, Дарданид! осторожного разума требует дело:
Мужа я вижу; и мнится мне, нас он убить умышляет!

356-358 Должно бежать; на конях мы ускачем; или, подошедши,
Ноги ему мы обнимем и будем молить о пощаде!»
Рек он, — и старцево сердце смутилося; он ужаснулся;

359-363 Дыбом власы у него поднялися на сгорбленном теле;
Он цепенея стоял. Эриуний приближился к старцу,
Ласково за руку взял и вещал, вопрошая Приама:
«Близко ль, далеко ль, отец, направляешь ты коней и месков,
В час усладительной ночи, как смертные все почивают?

364-367 Иль не страшишься убийствами дышащих, гордых данаев,
Кои так близко стоят, неприязненны вам и свирепы?
Если тебя кто увидит под быстрыми мраками ночи,
Столько сокровищ везущего, что твое мужество будет?

368-371 Сам ты не молод, и старец такой же тебя провожает.
Как защитишься от первого, кто лишь обидеть захочет?
Я ж не тебя оскорблю, но готов от тебя и другого
Сам отразить: моему ты родителю, старец, подобен!»

372-377 Гермесу бодро ответствовал старец Приам боговидный:
«Все справедливо, любезнейший сын мой, что ты говоришь мне;
Но еще и меня хранит покровительной дланью
Бог, который дает мне такого сопутника встретить,
Счастья примету, тебя, красотою и образом дивный,
Редким умом одаренный; блаженных родителей сын ты!»

378-382 Вновь Дарданиду вещал благодетельный Гермес посланник:
«Истинно всё и разумно ты, старец почтенный, вещаешь.
Но скажи мне еще, и сущую правду поведай:

Ты высылаешь куда-либо столько богатств драгоценных
К чуждым народам, дабы хоть они у тебя уцелели?

383-385 Верно, объятые страхом, уже покидаете все вы
Трою святую? Таков знаменитый защитник погибнул,
Сын твой! В сражениях был он не ниже героев ахейских!»

386-388 Гермесу быстро воскликнул старец Приам боговидный:
«Кто ты таков, от кого происходишь ты, юноша добрый,
Так мне прекрасно напомнивший смерть злополучного сына?»

389-393 Старцу ответствовал вновь благодетельный Гермес посланник:
«Ты испытуешь меня, вопрошая о Гекторе дивном.
Часто, часто я сам на боях, прославляющих мужа,
Гектора видел, и даже в тот день, как, к судам отразивши,
Он побеждал аргивян, истребляя крушительной медью.

394-396 Стоя вдали, удивлялись мы Гектору; с вами сражаться
Нам Ахиллес запрещал, на царя Агамемнона гневный.
Я Ахиллесов служитель, в одном корабле с ним приплывший;

397-399 Родом и я мирмидонец; родитель мой храбрый Поликтор;
Муж он богатый и старец, как ты, совершенно маститый.
Шесть у Поликтора в доме сынов, а седьмой пред тобою;

400-402 Жребий меж братьев упал на меня, чтоб идти с Ахиллесом.
Ныне осматривать поле пришел от судов я: заутра
Боем на город пойдут быстроокие мужи ахейцы.

403-409 Все негодуют они на долгую праздность; не могут
Бранного пыла мужей обуздать воеводы ахеян».
Гермесу паки ответствовал старец Приам боговидный:
«Ежели подлинно ты Ахиллеса Пелида служитель,
Друг, не сокрой от меня, умоляю, поведай мне правду:
Сын мой еще ль при судах, иль уже Ахиллес быстроногий
Тело его рассеченное псам разметал мирмидонским?»

410-415 Старцу ответствовал вновь благодетельный Гермес посланник:
«Старец, ни псы не терзали, ни птицы его не касались;
Он и поныне лежит у судов Ахиллеса, под кущей,
Всё, как и был, невредимый: двенадцатый день, как лежит он
Мертвый, — но тело не тлеет, к нему не касаются черви,
Быстрые черви, которые падших в бою пожирают.

416-421 Правда, его ежедневно, с восходом Денницы священной,
Он беспощадно волочит вкруг гроба любезного друга;
Но мертвец невредим; изумишься ты сам, как увидишь:
Свеж он лежит, как росою умытый; нет следа от крови,
Члена не видно нечистого; язвы кругом затворились,
Сколько их ни было: много суровая медь нанесла их.

422-425 Так милосердуют боги о сыне твоем знаменитом,
Даже и мертвом: любезен он сердцу богов олимпийских».
Рек он, — и старец, наполняся радости, быстро воскликнул:
«Благо, мой сын, приносить небожителям должные дани!

426-428 Гектор, — о если бы жил он! — всегда в благоденственном доме
Помнил бессмертных богов, на великом Олимпе живущих;
Боги за то и по смертной кончине его помянули.

429-431 Но преклонися, прими от меня ты прекрасный сей кубок
И, охраняя меня, проводи, под покровом бессмертных,
В стан мирмидонский, пока не приду к Ахиллесовой куще».

432-434 Вновь Дарданиду ответствовал Гермес, посланник Зевеса:
«Младость мою соблазняешь ты, старец, но я не склонюся
Дара, какой предлагаешь мне, тайно принять от Пелида.

435-437 Я уважаю Пелида и сердцем страшусь от героя
Дар похищать, чтобы после меня беда не постигла;
Но с тобою сопутствовать рад я землею и морем;

438-440 Рад я тебя проводить и до славного Аргоса града;
И с таким путеводцем к тебе не приближится смертный».
Рек, и на царских коней в колесницу вскочил Эриуний;

441-445 Быстро и бич и бразды захватил в могучие руки;
Коням и мескам вдохнул необычную рьяность и силу,
И когда принеслися ко рву и стене корабельной,
Где незадолго над вечерей стражи ахеян трудились, —
Всех их в сон погрузил благодетельный аргоубийца;

446-451 Башни запор отодвинул, врата растворил и Приама
Ввез внутрь стены и за ним с дорогими дарами повозку.
Но лишь предстали они к Ахиллесовой куще великой

(Кущу царю своему мирмидонцы построили в стане
Крепко из бревен еловых и сверху искусно покрыли
Мшистым, густым камышом, по влажному лугу набравши;

452-461 Около кущи устроили двор властелину широкий,
Весь оградя частоколом; ворота его запирались
Толстым засовом еловым; трое ахеян вдвигали,
Трое с трудом отымали огромный замок сей воротный
Сильных мужей; но Пелид и один отымал его быстро), —
Те благодетельный Гермес отверз перед старцем ворота,
Ввез дары знаменитые славному сыну Пелея,
Спрянул на дол с колесницы и так провещал к Дарданиду:
«Бог пред тобою, о старец, бессмертный, с Олимпа нисшедший,
Гермес: отец мой меня тебе ниспослал путеводцем.

462-464 Я совершил и к Олимпу обратно иду; всенародно
Я не являюсь Ахиллеса очам: не достойно бы было
Богу бессмертному видимо чествовать смертного мужа.

465-467 Ты же иди и, вошед, обыми Ахиллесу колена;
Именем старца родителя, матери многопочтенной,
Именем сына моли, чтобы тронуть высокую душу».

468-476 Так возгласивши, к Олимпу великому быстро вознесся
Гермес. Приам, с колесницы стремительно прянув на землю,
Там оставляет Идея, дабы он стоял, охраняя
Коней и месков; а сам устремляется прямо в обитель,
Где Ахиллес находился божественный. Там Пелейона
Старец увидел; друзья в отдаленье сидели; но двое,

Отрасль Арея Алким и смиритель коней Автомедон,
Близко стоя, служили; недавно он вечерю кончил,
Пищи вкусив и питья, и пред ним еще стол оставался.

477-479 Старец, никем не примеченный, входит в покой и, Пелиду
В ноги упав, обымает колена и руки целует, —
Страшные руки, детей у него погубившие многих!

480-483 Так, если муж, преступлением тяжким покрытый в отчизне,
Мужа убивший, бежит и к другому народу приходит,
К сильному в дом, — с изумлением все на пришельца взирают, —
Так изумился Пелид, боговидного старца увидев;

484-487 Так изумилися все, и один на другого смотрели.
Старец же речи такие вещал, умоляя героя:
«Вспомни отца своего, Ахиллес, бессмертным подобный,
Старца, такого ж, как я, на пороге старости скорбной!

488-492 Может быть, в самый сей миг и его, окруживши, соседи
Ратью теснят, и некому старца от горя избавить.
Но, по крайней он мере, что жив ты, и зная и слыша,
Сердце тобой веселит и вседневно льстится надеждой
Милого сына узреть, возвратившегось в дом из-под Трои.

493-496 Я же, несчастнейший смертный, сынов возрастил брановосных
В Трое святой, и из них ни единого мне не осталось!
Я пятьдесят их имел при нашествии рати ахейской:
Их девятнадцать братьев от матери было единой;

497-499 Прочих родили другие любезные жены в чертогах;
Многим Арей истребитель сломил им несчастным колена.
Сын оставался один, защищал он и град наш, и граждан;

500-502 Ты умертвил и его, за отчизну сражавшегось храбро,
Гектора! Я для него прихожу к кораблям мирмидонским;
Выкупить тело его приношу драгоценный я выкуп.

503-506 Храбрый! почти ты богов! над моим злополучием сжалься,
Вспомнив Пелея отца: несравненно я жалче Пелея!
Я испытую, чего на земле не испытывал смертный:
Мужа, убийцы детей моих, руки к устам прижимаю!»

507-510 Так говоря, возбудил об отце в нем плачевные думы;
За руку старца он взяв, от себя отклонил его тихо.
Оба они вспоминая: Приам — знаменитого сына,
Горестно плакал, у ног Ахиллесовых в прахе простертый;

511-516 Царь Ахиллес, то отца вспоминая, то друга Патрокла,
Плакал, и горестный стон их кругом раздавался по дому.
Но когда насладился Пелид благородный слезами
И желание плакать от сердца его отступило, —
Быстро восстал он и за руку старца простертого поднял,
Тронут глубоко и белой главой, и брадой его белой;

517-521 Начал к нему говорить, устремляя крылатые речи:
«Ах, злополучный! много ты горестей сердцем изведал!
Как ты решился, один, при судах мирмидонских явиться
Мужу пред очи, который сынов у тебя знаменитых
Многих повергнул? В груди твоей, старец, железное сердце!

522-526 Но успокойся, воссядь, Дарданион; и как мы ни грустны,
Скроем в сердца и заставим безмолвствовать горести наши.
Сердца крушительный плач ни к чему человеку не служит:
Боги судили всесильные нам, человекам несчастным,
Жить на земле в огорчениях: боги одни беспечальны.

527-530 Две глубокие урны лежат перед прагом Зевеса,
Полны даров: счастливых одна и несчастных другая.
Смертный, которому их посылает, смесивши, Кронион,
В жизни своей переменно и горесть находит и радость;

531-533 Тот же, кому он несчастных пошлет, — поношению предан;
Нужда, грызущая сердце, везде по земле его гонит;
Бродит несчастный, отринут бессмертными, смертными презрен.

534-537 Так и Пелея — дарами осыпали светлыми боги
С юности нежной; украшенный выше сынов земнородных
Счастьем, богатством, владыка могучий мужей мирмидонских,
Смертный, супругой богиню приял от руки он бессмертных.

538-542 Бог и ему ниспослал злополучие: он не имеет
В доме своем поколения, сына, наследника царства.
Сын у Пелея один, кратковечный; но я и доныне
Старца его не покою; а здесь, от отчизны далеко,
Здесь я в Троаде сижу и тебя и твоих огорчаю.

543-546 Сам ты, о старец, мы слышали, здесь благоденствовал прежде.
Сколько народов вмещали обитель Макарова, Лесбос,
Фригия, край плодоносный, а здесь — Геллеспонт бесконечный:
Ты среди всех, говорят, и богатством блистал и сынами.

547-551 Но, как беду на тебя ниспослали небесные боги,
Около Трои твоей неумолкная брань и убийство.
Будь терпелив и печалью себя не круши беспрерывной:
Ты ничего не успеешь, о сыне печаляся; плачем
Мертвого ты не подымешь, но горе свое лишь умножишь!»

552-558 Сыну Пелея ответствовал старец Приам боговидный:
«Нет, не сяду я, Зевсов любимец, доколе мой Гектор
В куще лежит, погребенью не преданный! Дай же скорее,
Дай сим очам его видеть! а сам ты прими искупленье:
Мы принесли драгоценное. О, насладись им и счастлив
В край возвратися родимый, когда ты еще позволяешь
Старцу мне бедному жить и солнца сияние видеть!»

559-562 Грозно взглянув на него, говорил Ахиллес быстроногий:
«Старец, не гневай меня! Разумею и сам я, что должно
Сына тебе возвратить: от Зевса мне весть приносила
Матерь моя среброногая, нимфа морская Фетида.

563-567 Чувствую, что и тебя (от меня ты, Приам, не сокроешь)
Сильная бога рука провела к кораблям мирмидонским;
Нет, не осмелился б смертный, и младостью пылкой цветущий,
В стан наш вступить: ни от стражей недремлющих он бы не скрылся,
Ни засовов легко б на воротах моих не отдвинул.

568-570 Смолкни ж, и более мне не волнуй ты болящего сердца;
Или страшись, да тебя, невзирая, что ты и молитель,
В куще моей я не брошу и Зевсов завет не нарушу».

571-575 Так говорил; устрашился Приам и, покорный, умолкнул.
Сын же Пелеев, как лев, из обители бросился в двери:
Но не один, за царем устремилися два из клевретов,
Сильный Алким и герой Автомедон, которых меж другов
Более всех Пелейон почитал, по Патрокле умершем.

576-579 Быстро они от ярма отрешили и коней и месков;
В кущу ввели и глашатая старцева; там посадивши
Мужа на стуле, поспешно с красивого царского воза
Собрали весь многоценный за голову Гектора выкуп;

580-586 Две лишь оставили ризы и тонкий хитон хитротканый,
С мыслью, чтоб тело покрытое в дом отпустить от Пелида.
Он же, вызвав рабынь, повелел и омыть, и мастями
Тело намазать, но тайно, чтоб сына Приам не увидел:
Он опасался, чтоб гневом не вспыхнул отец огорченный,
Сына узрев, и чтоб сам он тогда не подвигнулся духом
Старца убить и нарушить священные Зевса заветы.

587-590 Тело рабыни омыли, умаслили мастью душистой,
В новый одели хитон и покрыли прекрасною ризой;
Сам Ахиллес и поднял, и на одр положил Приамида, —
Но друзья совокупно на блещущий воз положили.

591-594 Он же тогда возопил, именуя любезного друга:
«Храбрый Патрокл! не ропщи на меня ты, ежели слышишь
В мрачном Аиде, что я знаменитого Гектора тело
Выдал отцу: не презренными он заплатил мне дарами;

595-599 В жертву тебе и от них принесу я достойную долю».
Так произнес — и под сень возвратился Пелид благородный;
Сел на изящно украшенных креслах, оставленных прежде,
Против Приама стоявших, и слово к нему обратил он:
«Сын твой тебе возвращен, как желал ты, божественный старец;

600-604 Убран лежит на одре. С восходом Зари возвращаясь,
Сам ты увидишь его; но теперь мы о пище воспомним.
Пищи забыть не могла и несчастная матерь Ниоба,
Матерь, которая разом двенадцать детей потеряла,
Милых шесть дочерей и шесть сыновей расцветавших.

605-608 Юношей Феб поразил из блестящего лука стрелами,
Мстящий Ниобе, а дев — Артемида, гордая луком.
Мать их дерзала равняться с румяноланитою Летой:
Лета двоих, говорила, а я многочисленных матерь!

609-611 Двое сии у гордившейся матери всех погубили.
Девять дней валялися трупы; и не было мужа
Гробу предать их: в камень людей превратил громовержец.

612-617 Мертвых в десятый день погребли милосердые боги.
Плачем по них истомяся, и мать вспомянула о пище.
Ныне та мать на скалах, на пустынных горах Сипилийских,
Где, повествуют, богини покоиться любят в пещерах,
Нимфы, которые часто у вод Ахелоевых пляшут, —
Там, от богов превращенная в камень, страдает Ниоба.

618-620 Так, божественный старец, и мы помыслим о пище.
Время тебе остается оплакать любезного сына,
В Трою привезши; там для тебя многослезен он будет».

621-624 Рек — и, стремительно встав, Ахиллес белорунную овцу
Сам закалает; друзья, обнажив и опрятав, как должно,
В мелкие части искусно дробят, прободают рожнами,
Ловко пекут на огне и готовые части снимают.

625-627 Хлеб между тем принесши, поставил на стол Автомедон
В пышных корзинах; но брашно делил Ахиллес благородный.
Оба к предложенным яствам питательным руки простерли.

628-630 И когда питием и пищей насытили сердце,
Долго Приам Дарданид удивлялся царю Ахиллесу,
Виду его и величеству: бога, казалось, он видит.

631-633 Царь Ахиллес удивлялся равно Дарданиду Приаму,
Смотря на образ почтенный и слушая старцевы речи.
Оба они наслаждались, один на другого взирая;

634-636 Но наконец возгласил к Ахиллесу божественный старец:
«Дай мне теперь опочить, Зевесов любимец! позволь мне
Сном животворным хоть несколько в доме твоем насладиться.

637-640 Ибо еще ни на миг у меня не смыкалися очи
С дня, как несчастный мой сын под твоими руками погибнул;
С оного дня лишь стенал и несчетные скорби терпел я,
Часто в оградах дворовых по сметищам смрадным валяясь.

641-646 Ныне лишь яствы вкусил и вина пурпурового ныне
Принял в гортань; но до этой поры ничего не вкушал я».
Так говорил; Ахиллес приказал и друзьям и рабыням
Стлать на крыльце две постели и снизу хорошие полсти
Бросить пурпурные, сверху ковры разостлать дорогие
И шерстяные плащи положить, чтобы старцам одеться.

647-652 Вышли рабыни из дому с пылающим светочем в дланях;
Скоро они, поспешившие, два уготовали ложа.
И Приаму шутя говорил Ахиллес благородный:
«Спи у меня на дворе, пришелец любезный, да в дом мой
Вдруг не придет кто-нибудь из данаев, которые часто
Вместе совет совещать в мою собираются кущу.

653-655 Если тебя здесь кто-либо в пору ночную увидит,
Верно, царя известит, предводителя воинств Атрида;
И тогда замедление в выкупе мертвого встретишь.

656-658 Слово еще, Дарданид; объяснися, скажи откровенно:
Сколько желаешь ты дней погребать знаменитого сына?
Столько я дней удержуся от битв, удержу и дружины».

659-661 Сыну Пелея ответствовал старец Приам боговидный:
«Ежели мне ты позволишь почтить погребением сына —
Сим для меня, Ахиллес, величайшую милость окажешь.

662-664 Мы, как ты знаешь, в стенах заключенные; лес издалека
Должно с гор добывать; а трояне повергнуты в ужас.
Девять бы дней мне желалось оплакивать Гектора в доме;

665-667 Гробу в десятый предать и пир похоронный устроить;
В первый-на-десять мертвому в память насыпать могилу;
Но в двенадцатый день ополчимся, когда неизбежно».

668-670 Старцу ответствовал вновь быстроногий Пелид благородный:
«Будет и то свершено, как желаешь ты, старец почтенный.
Брань прекращаю на столько я времени, сколько ты просишь».

671-674 Так произнес Ахиллес — и Приамову правую руку
Ласково сжал, чтобы сердце его совершенно спокоить.
Так отпустил; и они на переднем крыльце опочили,
Вестник и царь, обращая в уме своем мудрые думы.

675-678 Но Ахиллес почивал в глубине крепкостворчатой кущи,
И при нем Брисеида, румяноланитая дева.
Все, и бессмертные боги, и коннодоспешные мужи,
Спали целую ночь, усмиренные сном благодатным.

679-681 Гермеса токмо заботного сон не осиливал сладкий,
Думы в уме обращавшего, как Дарданида Приама
Вывесть из стана, привратным незримого стражам священным.

682-684 Став над главою Приамовой, так возгласил Эриуний:
«Ты не радишь об опасности, старец, и так беззаботно
Спишь у враждебных мужей, пощаженный Пелеевым сыном!

685-688 Многие дал ты дары, чтобы выкупить мертвого сына;
Но за живого тебя троекратной ценою заплатят
Дети твои, у тебя остающиеся, если узнает
Царь Атрейон о тебе и ахейцы другие узнают».

689-691 Так провещал; ужаснулся Приам и глашатая поднял.
Гермес мгновенно запряг им и коней, и месков яремных;
Сам через стан их быстро прогнал, и никто не увидел.

692-694 Но лишь достигнули путники брода реки светловодной,
Ксанфа пучинного, богом рожденного, Зевсом бессмертным,
Там благодетельный Гермес обратно вознесся к Олимпу.

695-699 В ризе златистой Заря простиралась над всею землею.
Древний Приам, и стенящий и плачущий, гнал к Илиону
Коней, а мески везли мертвеца. И никто в Илионе
Их не узнал от мужей и от жен благородных троянских
Прежде Кассандры прекрасной, златой Афродите подобной.

700-702 Рано на замок восшед, издали в колеснице узнала
Образ отца своего и глашатая громкого Трои;
Тело узрела на месках, на смертном простертое ложе;

703-706 Подняла горестный плач и вопила по целому граду:
«Шествуйте, жены и мужи! Смотрите на Гектора ныне,
Вы, что живого, из битв приходившего, прежде встречали
С радостью: радостью светлой и граду он был и народу!»

707-709 Так вопияла; и вдруг ни жены не осталось, ни мужа
В Трое великой; грусть несказанная всех поразила, —
Все пред вратами столпилися в встречу везомого тела.

710-712 Всех впереди молодая супруга и нежная матерь
Плакали, рвали власы и, на труп исступленно бросаясь,
С воплем главу обнимали; столпившиесь плакали стоя.

713-717 Верно, и целый бы день до заката блестящего солнца,
Плача над Гектором храбрым, рыдали толпы за вратами,
Если бы старец Приам не воззвал с колесницы к народу:
«Дайте дорогу, друзья, чтобы мески проехали; после
Плачем вы все насыщайтесь, как мертвого в дом привезу я!»

718-722 Так говорил; расступилась толпа и открыла дорогу.
К славному дому привезши, на пышно устроенном ложе
Тело они положили; певцов, начинателей плача,
Подле него поместили, которые голосом мрачным
Песни плачевные пели; а жены им вторили стоном.

723-727 Первая подняла плач Андромаха, младая супруга,
Гектора мужеубийцы руками главу обнимая:
«Рано ты гибнешь, супруг мой цветущий, рано вдовою
В доме меня покидаешь! А сын, бессловесный младенец,
Сын, которому жизнь, злополучные, мы даровали!

728-730 Он не достигнет юности! Прежде во прах с оснований
Троя рассыплется: пал ты, хранитель ее неусыпный,
Ты, боронитель и града, защитник и жен и младенцев!

731-738 Скоро в неволю они на судах повлекутся глубоких;
С ними и я неизбежно; и ты, мое бедное чадо,
Вместе со мною; и там, изнуряясь в работах позорных,
Будешь служить властелину суровому; или данаец
За руку схватит тебя и с башни ударит о землю,

Мстящий за трату плачевную брата, отца или сына,
Гектором в битвах сраженного: много могучих данаев,
Много под Гектора дланью глодало кровавую землю.

739-742 Грозен великий отец твой бывал на погибельных сечах;
Плачут о нем до последнего все обитатели Трои.
Плач, несказанную горесть нанес ты родителям бедным,
Гектор! Но мне ты оставил стократ жесточайшие скорби!

743-745 С смертного ложа, увы! не простер ты руки мне любезной;
Слова не молвил заветного, слова, которое б вечно
Я поминала и ночи и дни, обливаясь слезами!»

746-748 Так говорила, рыдая; и с нею стенали троянки.
Тут между ними Гекуба рыдательный плач подымает:
«Гектор, из всех мне детей наиболее сердцу любезный!

749-753 Был у меня и живой ты богам всемогущим любезен;
Боги с небес о тебе и по смертной кончине пекутся!
Прочих сынов у меня Ахиллес, быстроногий ристатель,
Коих живых полонил, за моря пустынные продал,
В Имброс, в далекий Самос и в туманный, беспристанный Лемнос;

754-756 Но, тебя одолев и оружием душу исторгнув,
Как он ни долго влачил вкруг могилы Патрокла любимца,
Коего ты одолел, — но его, мертвеца, он не поднял!

757-759 Ты ж у меня, как росою омытый, покоишься в доме,
Свежий, подобно как смертный, которого Феб сребролукий
Легкой стрелою своей, налетевший незапно, сражает».

760-762 Так вопияла Гекуба, и плач возбудила всеобщий.
Третья Елена Аргивская горестный плач подымает:
«Гектор! деверь почтеннейший, сродник, любезнейший сердцу!

763-766 Ибо уже мне супруг Александр знаменитый, привезший
В Трою меня, недостойную! Что не погибла я прежде!
Ныне двадцатый год круговратных времен протекает
С оной поры, как пришла в Илион я, отечество бросив;

767-772 Но от тебя не слыхала я злого, обидного слова.
Даже, когда и другой кто меня укорял из домашних,
Деверь ли гордый, своячина, или золовка младая,
Или свекровь (а свекор всегда, как отец, мне приветен),
Ты вразумлял их советом и каждого делал добрее
Кроткой твоею душой и твоим убеждением кротким.

773-775 Вот почему о тебе и себе я, несчастнейшей, плачу!
Нет для меня, ни единого нет в Илионе обширном
Друга или утешителя: всем я равно ненавистна!»

776-781 Так вопияла она, — и стенал весь народ неисчетный.
Старец Приам наконец обращает слово к народу:
«Ныне, трояне, свозите вы лес в Илион; не страшитесь
Войска ахейского тайных засад: Ахиллес знаменитый
Сам обещал, отпуская меня от судов мирмидонских,
Нас не тревожить, доколе двенадцатый день не свершится».

782-784 Так говорил, — и они лошаков и волов подъяремных
Скоро в возы запрягли и пред градом немедля собрались.
Девять дней они в Трою множество леса возили;

785-787 В день же десятый, лишь, свет разливая, Денница возникла,
Вынесли храброго Гектора с горестным плачем трояне;
Сверху костра мертвеца положили и бросили пламень.

788-794 Рано, едва розоперстая вестница утра явилась,
К срубу великого Гектора начал народ собираться.
И лишь собрались все (неисчетное множество было),
Сруб угасили, багряным вином оросивши пространство
Всё, где огонь разливался пылающий; после на пепле
Белые кости героя собрали и братья и други,
Горько рыдая, обильные слезы струя по ланитам.

795-798 Прах драгоценный собравши, в ковчег золотой положили,
Тонким обвивши покровом, блистающим пурпуром свежим.
Так опустили в могилу глубокую и, заложивши,
Сверху огромными частыми камнями плотно устлали;

799-803 После курган насыпали; а около стражи сидели,
Смотря, дабы не ударила рать меднолатных данаев.
Скоро насыпав могилу, они разошлись; напоследок
Все собрались вновь и блистательный пир пировали
В доме великом Приама, любезного Зевсу владыки.

804 Так погребали они конеборного Гектора тело.

Une Sacra · издание 1 · unesacra.com · CC BY-NC-SA 4.0